

Гай Юлий
Орловский

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
барон

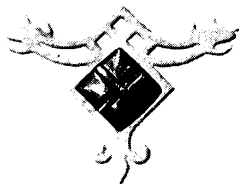
Ричард Длинные Руки —
барон

Зачарованные клинки рыцарские
мечей, козни призрачные монахов
и зловещие планы могучие магов —
все возводит преграды на пути
отважных искателей к заповодно-
му Югу.

Но когда в ножны волшебный
меч, под седлом — волшебный
конь, а на плече волшебный молот
кто остановит благородного
серафима на пути к цели?

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Ришард Длинные Руки

Ришард Длинные Руки —
воин Господа

Ришард Длинные Руки —
паладин Господа

Ришард Длинные Руки — сеньор

Ришард де Амальфи

Ришард Длинные Руки —
властелин трех замков

Ришард Длинные Руки — виконт

Ришард Длинные Руки —
барон

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард
Длинные Руки —
барон

ЭКСМО
Москва, 2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художника *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

Художник *А. Дубовик*

О 66 Орловский Г. Ю.
Ричард Длинные Руки — барон: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-11198-0

Зачарованные клинки рыцарских мечей, козни призрачных монахов и злоешие планы могучих магов — все возводит преграды на пути отважных искателей к загадочному Югу.

Но когда в ножнах волшебный меч, под седлом — волшебный конь, а на поясе волшебный молот, кто остановит благородного сэра Ричарда на пути к цели?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-11198-0

© Орловский Г. Ю., 2005
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2005

1. Не имей других богов.
2. Не служи другим богам.
3. Не изображай бога.
4. Соблюдай субботу.
5. Уважай родителей.
6. Не убий.
7. Не кради.
8. Не желай дома ближнего.
9. Не желай жены ближнего.
10. Не лжесвидетельствуй.

*Заповеди библейские
(Исход 20 и 34, Второзаконие 5)*

Часть 1

Глава 1

Большая группа молодых дворян в полных рыцарских доспехах, но без шпор и с непокрытыми головами, прямо на турнирном поле преклонила колени перед Барбароссой. Король медленно двигался вдоль ряда и ударял каждого мечом плашмя по плечу. За королем следовал гордый оказанной честью сэр Смит, надевал посвящаемому в рыцари шлем и золотые шпоры, принимал из рук оруженосца меч и передавал королю, а тот лично вручал счастливцу. Затем сэр Смит величественно подавал щит с изображением герба и девиза. После этого должна следовать торжественная клятва верности королю и следованию кодексу чести, но процедуру с моей подсказки упростили: все сорок рыцарей произносят ее вместе, так получилось еще красивее и торжественнее.

Простой люд, что уцелел после альбигойской резни, с энтузиазмом грузит на подводы последние трупы. Карманы уже набиты, с погибших со-

драли даже исподнее, ведь альбигойцы вырезали начисто всю знать, собравшуюся на трибунах.

Сейчас народ наблюдает за посвящением в рыцари, когда такое еще увидишь. Выбравшись из толпы, я свистнул, подождал и свистнул громче. Раздался конский топот: громадный черный конь несется в мою сторону, слегка наклонившись и красиво выбрасывая ноги вбок, а рядом гигантскими прыжками мчится огромный пес, тоже черный, с красными, как горящие угли, глазами.

Народ шарахнулся с криками ужаса: мои конь и Пес кого угодно озаичат, но когда оба остановились, а Пес еще и лапу подал, женщины успокоились, а мужчины начали присматриваться к коню и псу завистливыми очами. Я взобрался в седло, Пес прыгал и хватал огромной пастью за сапог, мол, турнир закончился, уцелевшие гости из других городов и королевств покидают Каталаун и окрестности, пора и нам из этого скучного места.

Слуги собирают и укладывают на повозки шатры, уцелевшие рыцари после резни, что войдет в анналы под названием «каталаунской», взбираются в седла. Скоро здесь все опустеет, а на впитавшейся в землю крови взойдут дивные нежные цветы, над которыми будут нагибаться девушки.

Со стороны дороги донесся радостный вопль. Там свернул в мою сторону и несется во всю прыть на толстом, как бочонок, муле брат Кадфаэль. Капюшон под напором ветра сбросило на плечи, светлые волосы растрепались, а небесные глаза киллера светятся, как драгоценные камни под лунным светом.

— Брат паладин! — вскричал он ликующе. — Я уж страшился, что уеду, не попрощавшись с тобой!

— А что, — спросил я, — уже закончили свои дискуссии с братьями из аббатства Святого Доминика?

Он помотал головой.

— Дискуссии нескончаемы. А мне надо на Юг, дабы нести заблудшим истинную веру. Я отдохнул, братья собрали в дорогу постной пищи и бурдюк вина, а в остальном положусь на милость Господа.

Он сиял, как юбилейный рубль, только что выскользнувший из печатного станка.

— Какой дорогой камо грядеши? — спросил я. — В смысле, quo wadis?

— По Трапезундской, — ответил он. — До города Тралболта, потом до Бергана, а затем... затем никто не знает. Известно только, что впереди горный хребет, а по ту сторону уже владения Тьмы. Если только миновать степных варваров...

Он протянул ко мне руки, я наклонился с коня, мы крепко обнялись. От Кадфаэля пахнет книгами и чернилами, руки тонкие, я вспомнил, в каком виде он был, когда я увидел в первый раз, в груди защемило.

— Бог в помощь, — сказал я с чувством. — Не грядеши на рожон! Будь мудрым, аки змий. Из мертвого хреновый проповедник.

Он светло улыбнулся.

— Не всегда, дорогой брат паладин.

Я всмотрелся в его чистую улыбку, на лице ребенка глаза просветленного мудреца.

— Ну... да... это ты круто мне вломил, не ожидал. Но все-таки береги себя.

Он лучисто улыбнулся, в глазах неземной свет, на губах улыбка невинного младенца.

— Прощай, брат паладин!

Мул развернулся, повинувшись поводу, застучали копыта. Я смотрел на уменьшающуюся фигурку Кадфаэля, вздохнул. Почему-то появилось предчувствие, что в следующий раз увижу снова на кресте.

Все нормальные избегают неприятностей, а ненормальные сами на них нарываются. Да и еще и весь мир подставляют.

Я ехал к своей гостинице, когда за спиной громко и требовательно простучали копыта. Послышались лязг и звяканье железа, безошибочный признак наступающего меня тяжелого рыцаря.

— Сэр Ричард, — прокричал запыхавшийся голос, — прошу минутку внимания.

Я натянул поводья, между мной и Псом опасно остановил накрытого цветной попоной в крупную клетку коня рыцарь в полных доспехах. Забрало поднято, я увидел молодое лицо и сияющие глаза одного из тех, кого сегодня посвятили в рыцари.

— Что стряслось? — спросил я мирно.

— Его Величество желает сказать вам несколько слов, — сообщил рыцарь. Всем своим видом он старался, пусть неуклюже, выразить глубочайшее почтение. Король мог позвать, что много проще, и хотя я не его подданный, но пришел бы, Барбаросса старше меня больше чем вдвое. — Он сейчас заканчивает разговор...

Послышался стук копыт, Барбаросса подъехал на соответствующем его рангу огромном белом жеребце, жестом велел рыцарю вернуться к остальным. Я почти ждал, теперь король не прежний изгнанник, вполне может выказать крутость, а он остановил коня напротив моего, так что смотрим глаза в глаза.

Пес приветливо махнул ему пару раз хвостом, все-таки почти приятель, вместе прятались в лесу, пока я бил по рыцарским головам на турнире.

— Сэр Ричард, — сказал Барбаросса серьезно, — как бы вы ни валяли дурака и ни задирались, но я вижу ваш сильный и ясный ум...

Он остановился на миг, чтобы посмотреть, как я среагирую. Я вежливо поклонился.

— Мой дедушка предостерегал, что никто так не восхищается вашим умом, как тот, кто собирается одурачить.

Он грозно сдвинул брови на переносице, но сдержал

приступ державного гнева — я не подданный, спросил свирепо, стараясь свести к шутке:

— А что сказала бабушка?

— Что бесплатный сыр только в мышеловке, — ответил я невозмутимо. — И только для второй мыши.

Массивные челюсти сжались, я видел, с каким усилием он удержался, чтобы не выругаться, не показать, что я раскусил правителя, считающего себя мудрым и видящим всех насквозь.

— Знаете, сэр Ричард... вы первый из всех, кто не старается понравиться. Вы как будто делаете все, чтобы не допустить... ну, потепления, что ли.

— Ах, Ваше Величество, — ответил я скромно, — это я так изо всех сил борюсь с невероятным чувством любви и почтения к такому великолепнейшему Его Величеству!

Он вздохнул, я упорно не желаю называть его по имени, хотя он даровал мне это право, как и не вставать в его присутствии, не снимать шляпу и ковыряться в зубах во время праздничных пиров.

— Может быть, — спросил он грубо, я видел, как для гордого и властного короля мучительно кого-то о чем-то просить, — все-таки останешься? Это я так, насчет виконта... Понятно же, кто будет моей правой рукой!

Я покачал головой.

— До Юга рукой подать.

— Да ты там и дня не проживешь, паладин хренов. На югах вообще церковников истребили!

— Я вроде бы не священник, — напомнил я, тут же повернул на другую тему: — А здорово с этим обновлением рядов? Альбигойцы так основательно зачистили старые кадры, что... не пустить ли слушок, что это вы сами подтолкнули их на такой шаг?

Он криво усмехнулся.

— Подняв до небес мой государственный замысел, ты уронишь мою честь. А в рыцарском мире достойнее

быть благородным и честным, чем самым предусмотрительным и хитрым политиком. Конечно, эти новые сорок рыцарей, как ты грубо намекнул, будут мне верны до гроба. Я им раздаю замки и поместья погибших... хотя уместнее было бы называть их казненными, но альбигойцы, как ты верно сказал, сделали за нас всю грязную работу. Мое королевство сейчас стабильное, как никогда! Подумай об этом и... возвращайся. Помни, у тебя здесь замок, земли.

Во дворе гостиницы почти пусто, многие уже уехали, другие повозки явно брошены, хозяин со своей челядью торопливо осматривают, оценивают неожиданное пополнение имущества. Я оставил Зайчика у коновязи, бегом взбежал на свой этаж, толкнул дверь, но Пес ухитрился вбежать в комнату первым, он же бодигард, ему положено.

Фрида вздрогнула при моем появлении, она сидела на огромной постели такая маленькая и потерянная, что какая там ведьма — испуганный ребенок. Вскинула на меня трепещущий взгляд, я подхватил ее на руки, крепко поцеловал в губы и сказал наигранно бодро:

— Возвращайся в Амальфи.

— А что делать там, господин?

— Ждите, — велел я. — А мне надо малость проехать к Югу и обратно.

Она переспросила испуганно:

— На Юг, господин?

— На Юг, — подтвердил я. — Фрида, ты всерьез думаешь, что я вот так возьму и брошу наш прекрасный Амальфи?.. И все-все, что там есть?.. Я вернусь, Фрида. Рыцари пусть защищают замок, ты руководи слугами. Я вернусь, проверю!

Она жалобно вздохнула:

— Ох, боюсь я, господин...

— Твоя метла на месте? Впрочем, прутья можно нарезать из любого подручного материала, верно? Отправляйся сегодня же!

Она печально вздохнула, поднялась с постели, ее макушка как раз на уровне моих губ. Я отечески чмокнул ее в россыпь роскошных рыжих волос.

— Мне идти сейчас? — спросила она жалобно.

— Да, — ответил я твердо. — Мне будет спокойнее, если ты покинешь Каталаун раньше меня.

Она вздохнула еще печальнее, ее пальцы коснулись холки Пса, он радостно помахал ей хвостом и даже лизнул в руку. Я проводил ведьмочку до двери и закрыл дверь. Когда повернулся и начал осматривать комнату, что же взять в первую очередь, ну, к примеру, теплое одеяло, не привык спать на голой земле, вдруг за спиной вспыхнул предельно чистый свет. Сердце стукнуло радостно, я спросил себя: почему так радуюсь появлению Тертуллиана, и не смог ответить.

Он завис сперва в воздухе, весь из плазменного огня, но, когда опустился и подошвы сандалий коснулись пола, выглядел почти человеком. Только в глазницах плещется море первозданного света, да когда открыл рот, там такой же огонь звездных глубин.

— Почему, — спросил он с удивлением, — ты не взял первый приз?

Я ответил почти весело:

— Судьи назвали сильнейшего.

— Это не ответ, — возразил Тертуллиан, — я же видел, кто сильнее! Я в свое время поучаствовал в боях, знаю...

— Неужто и святые такое смотрят? — удивился я.

Он отмахнулся.

— Это, конечно, не бои гладиаторов, когда... словом, эти зрелища тоже иногда смотреть поучительно. Я, правда, видел только последний день. Нет, не гладиаторов,

те бои я и сам устраивал. А в этом турнире многое странно...

Я фыркнул.

— А то, что Каталаунскую Деву собирались выломать из стены? Уже и обоз приготовили, чтобы увезти. Корабль, правда, захватить не удалось... Ладно, проехали. Твой основной противник обещал мне помочь в последней схватке. Он знает, что я хочу на Юг, вот и пообещал...

Он смотрел внимательно.

— Да, соблазн был велик...

— Ты даже не представляешь, — огрызнулся я, — насколько! Вообще-то я мог бы вернуться на турнирное поле и помахать мечом еще и еще... Там без всякой помощи Сатаны делов было на пару ударов. Но, а вдруг в самом бы деле он бы помог?

После долгого молчания он спросил в упор:

— Но все-таки едешь? Думаю, придумал способ, как пройти все заставы и заслоны на кордонах?

— Представь себе, — огрызнулся я. — Но это придумал я сам! Без помощи хоть Сатаны, хоть толпы святых. Я сам, своей волей, хитростью, вероломством... назови, как хочешь, но я поеду на Юг. И разузнаю, что у них там творится, почему о нем говорят с таким ужасом.

— Не все, — проронил он невесело.

— Да, — подтвердил я. — Кто-то говорит с восторгом!

По комнате качался яркий плазменный свет, Тертуллиан в задумчивости расхаживал взад-вперед, нисколько не смущаясь, что его ноги то переступают по воздуху, то погружаются по щиколотку в пол.

— Даже не представляешь, что тебя там ждет... Увы, я тоже не представляю. Но, боюсь, даже сил паладина может не хватить. Не везде же сталкиваться с простыми крестьянами!

Я спросил язвительно:

— А здесь я дрался только с простыми крестьянами? Он отмахнулся:

— На известном уровне что короли, что крестьяне. Я невесело улыбнулся.

— Тертуллиан... Давай расскажу, как в моем королевстве дьявол явился к одному и предложил за душу кучу денег, шикарный дом и прекрасное здоровье. Дал бланк договора, где уже расписаны все пункты. Мой соотечественник, о которых ты такого высокого мнения, попросил дать часок на обдумывание. Через час дьявол пришел снова, смотрит: сидит наш над договором, бледный, глаза красные, лоб в морщинах и бормочет: «Так, он дает за душу кучу денег, шикарный дом, прекрасное здоровье... Все верно, ну-ка еще раз по всем пунктам: за душу дает кучу денег, шикарный дом, прекрасное здоровье... Ну где же, где подвох, где?»

Тертуллиан некоторое время смотрел пристально, я уж боялся, что не поймет, но вдруг губы раздвинулись в улыбке, а глаза, напротив, погрустнели.

— Вот каков твой мир... Даже не знаю, плакать или смеяться. Тогда, наверное, ты не сгинешь на Юге... сразу.

— Я буду осторожен, — пообещал я.

— Верю, — ответил он с некоторым сомнением. — Странно, в тебе на удивление мало дурости. Много скрытого рыцарства, ты как будто его стыдишься, но в то же время рыцарской дури мало... Ладно, на прощание мой тебе совет: прими благословение церкви. В чем-то из-за него станешь чуть более скован... вернее, ограничен в действиях, однако в компенсацию получишь могучую поддержку.

Я замотал головой так энергично, что уши захлопали по щекам, как у спаниеля.

— Ни за что! Прости, но я из тех... стран, где пуще всего страшатся ущемления свобод. Даже самых мизерных. Из-за таких мелочей, как непонятные тебе ограни-

чения прав, рушились правительства, режимы, начинались восстания, вторжения иностранных войск, бомбежка... Ну, это когда с летающих драконов камнями вбивают в землю целые города.

Он взглянул на потолок, на плазменное лицо набежала легкая тень. Это выглядело так, как если бы поверхность Солнца с шести с половиной миллионов градусов упала всего до шести.

— Прости, меня зовут... Я ухожу, но... Эх, придется держать ответ, но не могу вот так на растерзание... Прими благословение от меня лично... и, Дик, пожалуйста, не подведи!

В комнате резко потемнело, я стал чувствовать гнилостные запахи, которые раньше не замечал, со двора доносились гнусавые голоса. И еще из пустоты донесся затихающий голос:

— Церковь знает, что такое ограничение прав...

Я оставил мешок, напряг и распустил мышцы, картинно прошелся по комнате. Вроде бы все те же ощущения, «могучую поддержку» пока не чувствую. Хотя это может быть просто некая защита от ветрянки или гриппа. Все будут во время эпидемии сопливыми, а я благодаря церкви смогу гордиться сухим носом.

Глава 2

Я щедро расплатился с хозяином постоянного двора, он смотрел на меня с такой почтительностью, какой не удостоил бы самого короля: не всяк решится провести ночь там, куда я напросился по своей воле на все время турнира.

— Прекрасное место, — сказал я с чувством. — Буду рекомендовать. Моему Псу тоже очень понравилось, он тоже будет рекомендовать. А тех, кто придет именно от

моего имени... можешь поселять в той же комнате. Правда, не думаю, что таких будет много.

Он почтительно поклонился.

— Сэр Ричард... У меня нет слов.

Я снова сыпанул ему в ладонь золотых монет, я могу себе позволить быть щедрее короля, улыбнулся и пустил Зайчика к воротам. На улицах масса праздничного народа, словно кого-то из знатных везут на казнь и на городской площади будет великолепное зрелище, везде музыка и песни, кто-то пляшет. Многие успели под шумок пограбить богатые дома павших в альбигойской резне, теперь спешно пропивают. Мой конь, как бык среди овец, проталкивался по узкой улочке, наконец выбрались на городскую площадь.

И почти сразу со стороны королевского дворца в нашу сторону понеслись трое конных на роскошно убранных конях. Пес, что бежал рядом с Зайчиком, приотстал, всадники тут же придержали коней, один прокричал поспешно:

— Доблестный сэр Ричард! Сэр Маршалл настоятельно просит вас заглянуть к нему перед отъездом!

— Я уже отъехал, — сообщил я и указал на объемистый мешок за седлом.

Он взмолился:

— Сэр Ричард! Это мое первое поручение при дворе! Если не справлюсь, меня просто попрут в шею...

Я всмотрелся в чистое честное лицо, румяное и без всякой аристократичной бледности, глаза деревенского парня, что привык заниматься тяжелым крестьянским трудом. Он смотрел на меня умоляюще, в то время как на лицах его более старших и явно более опытных спутников сложная смесь аристократической надменности и безгливой необходимости подчиняться этому юнцу.

— Новый набор? — полюбопытствовал я. — Сэр Маршалл принял предложение Барбароссы стать при

нем сенешалем?.. Ладно, но только ненадолго. Я не подданный короля, вы это, ребята, не забывайте.

Он закивал усердно, я повернул коня к ступенькам королевского дворца. Зайчика я оставил на входе, предупредив, чтобы к нему не приближались и не трогали, его сторожит мой Пес. Через пять минут меня ввели в роскошный кабинет. Сэр Маршалл, легендарный турнирный боец прошлого поколения, а ныне стареющий лев, сидел за огромным столом, заваленным бумагами, и раздраженно что-то искал. При моем появлении поднялся навстречу, пожал руку, что весьма непривычный жест между особами такого ранга. Двигался он, как всегда, властно и величественно, но я чувствовал внутреннее напряжение, старался догадаться, что понадобилось от меня. Наконец Маршалл указал мне на кресло, выждал, пока я подошел и остановился, не решаясь сесть. Он опустил на диван, я тоже сел, но на самый краешек, мол, я весь внимание и почтительность, и вместе с тем намек, что не рассчитываю на обед, у меня дела, предпочел бы уйти пораньше.

— Сэр Ричард, — проговорил он в некотором затруднении, — должен вас поздравить с блестяще проведенной операцией...

Я отмахнулся.

— Нас просто несло по течению. Едва успевали грести...

— Нет, — возразил он, — вы показали себя не только сильнейшим бойцом... которого, кстати, даже не заинтересовал главный приз, но и мудрым стратегом. А сейчас, как я услышал от Его Величества, вы отправляетесь на Юг...

Он сделал паузу, но я не разжимал губ, слушаю со всем вниманием. Он вздохнул и продолжил тем же мягким тоном, в котором все же слышится тщательно скрываемая тревога:

— Вы, конечно, знаете, что пройти через перевал немислимо трудно, если у вас не будет пропуска?

Я кивнул, но он ожидал вербального ответа, я наконец разомкнул губы.

— Знаю.

— У вас есть пропуск?

Я выдержал его взгляд.

— Господь, — ответил я мягко, — велит надеяться на его помощь. Я — верный паладин церкви, достопочтенный сэр Уильям. Уверен, Господь мне укажет путь.

Он буркнул:

— В самом деле уверены?

Я чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

— Разве он мне раньше не указывал?

Он помолчал, взгляды бросал испытующие, губы то поджимал, то распускал несколько безвольно, наконец сказал со вздохом:

— Король очень высокого мнения о вас. Он рассказал мне, в какой опасности было королевство. Потому и обращаюсь к вам.

Я сказал предостерегающе:

— Сэр, при всем неизменном и глубоком почтении к вам, позволю себе напомнить... в смысле, позволю напомнить вам, что я паладин. Берусь выполнять только поручения церкви, да и то не все. У нас, паладинов, свой кодекс, на простой рыцарский он похож не больше, чем свинья на коня.

— Сэр Ричард, — произнес он строго, — дело очень важное. Разумеется, все будет оплачено. Поверьте, любой из самых знатных рыцарей был бы счастлив получить то, что я предлагаю в оплату.

Я поднялся, отвесил церемонный поклон, голос мой прозвучал, как финальный удар молотка на аукционе:

— Спасибо, сэт! Никаких баб-с не сопровождаю. Ни дочерей, ни племянниц, ни двоюродных тетушек.

Он смотрел удивленно, даже ошарашенно.

— Сэр Ричард, откуда у вас такие дикие идеи? У меня нет дочерей, а сыновья в состоянии за себя постоять сами.

Я ощутил некоторую неловкость, пробурчал:

— Да так, у меня аллергия на перевозку женщин из пункта А в пункт Б. Нет гаже занятия! И хотя все предсказуемо, все равно противно. Хотя, может быть, потому и противно, что заранее известно все-все.

— Сэр Ричард, — проговорил он, — дело гораздо проще, чем сопроводить в далекое королевство невинную девушку и защитить ее от разбойников, но в то же время — гораздо важнее.

Я покачал головой:

— Простите, сэр. Я очень занят. Если бы это сказали ваши посланцы, вам не пришлось бы тратить на меня время здесь.

За дверью послышались тяжелые шаги, створки распахнулись, их придерживали угодливо кланяющиеся вельможи, в комнату шагнул король Барбаросса.

Он сразу смерил меня исполненным недоверия взглядом, сэр Маршалл отвесил легкий поклон и сказал с достоинством:

— Ваше Величество, с вашего позволения я отлучусь к вашим указам...

Король кивнул, не поворачивая к нему головы:

— Да-да, любезный друг, подготовьте и насчет передачи земель в другие руки.

Маршал вышел, король повернулся ко мне. Я залюбовался крупным суровым лицом, настоящий лев, что прошел все стадии ювенильной драчливости, победил, поверг, завоевал себе земли, а теперь изо всех сил старается показать себя мудрым и дальновидным правителем.

— Сэр Ричард, — сказал он неприятным голосом, —

вы не мой подданный, я не могу велеть, как вассалу, но я ваш друг...

У меня глаза полезли на лоб. У Барбароссы несколько смущенный и раздосадованный вид, всю жизнь отдавал приказы, их выполняли беспрекословно, всегда стоял над всеми и никогда не снисходил до чреватой и даже опасной дружбы с подданными.

— Это как? — спросил я с подозрением. — Дружба с королем — это что-то вроде дружбы с женщиной. Но дружба, как сказал великий апостол церкви Ницше, бывает только с равным.

Он набычился, брови сдвинулись на переносице.

— Вы прекрасно знаете, сэр, — прорычал, как разгневанный лев. — Это значит, черт бы вас побрал, что я у вас в неоплатном долгу!.. И вы это прекрасно знаете. И знаете, что я знаю!.. Потому я не мог бы вам приказывать, даже если бы вы были даже последним из моих подданных!

Я отмахнулся, видеть такого могучего деспота смущенным, запутавшегося в неловкости — самому не по себе, буркнул:

— На том свете сочтемся угольками. Что хотел... сэр Уильям Маршалл? Как я понял, вы пригласили его к себе сенешалем?

Он взглянул остро.

— Разве плох? Говорят, черт к старости идет в монастырь, а сэр Уильям, растеряв могучие мышцы, приобрел такие же мозги... Вообще-то это моя идея, сэр Уильям меня опередил. Все старается взять часть забот на себя. Сейчас, когда немалая часть знати истреблена, приходится многие замки и земли перераспределять, а это склоки, дразги, обиды, каждый напоминает о своих заслугах... да хорошо бы о своих, а то о заслугах предков... Да, кстати, если вы возьметесь за одно пустяковое дельце, которое вас абсолютно не обременит, я обещаю

вам баронство. Есть очень хорошее поместье в землях де Бражеллена. Там теперь практически свободен замок и принадлежащие ему тридцать две деревни и два городка. Они ваши, сэр Ричард, только примите предложение сэра Уильяма... вернее, это мое предложение!

Я спросил с подозрением:

— А что значит, «свободен практически»? Замок надо еще захватывать?

— Думаю, ворота вам откроют и так, — сказал он сухо. — Замок и владения принадлежали барону Бражеллену.

— Понятно, — сказал я, — правая рука герцога Ланкастерского.

— Вот-вот. Барон Бражеллен был убит, а его жена с десятилетней дочерью потеряла права на владения ввиду измены ее мужа. Вы вступите во владение замком, баронессу отправим в монастырь, ребенка перебросим или родне, или в приют.

Я пожал плечами.

— Не по мне это.

— Что?

— Я паладин, — напомнил я. — Да и вообще... Вообще как-то нехорошо отнимать замок у женщины.

— Не ты отнимаешь! — рявкнул король. — Я отнимаю! Это я пожаловал замок и земли барону двенадцать лет тому!.. Как и другим раздавал земли и поместья, принимая вассальную присягу. Только я хозяин, только я... До сего дня никто не сомневался в моем праве отнимать у изменников и дарить верным мне людям! Потому что я, король Барбаросса, никогда не злоупотреблял властью... так уж слишком.

Он побагровел, раздулся, стал выше ростом и шире в плечах. Я еще не видел его таким великолепным в гневе.

— Ваше Величество... — начал я.

Он прервал:

— Я же сказал, зови меня по имени. И еще тебе дана привилегия не снимать в моем присутствии шляпу. Ричард, я хочу, чтобы ты стал герцогом, но тебе нужно пройти по всей лестнице, иначе пойдут толки. Как только ты выполнишь тот пустячок, никто не скажет, что я дал баронство любимчику.

Его лицо стало несчастным, я сочувствовал этому гиганту, что и жаждет отблагодарить меня и не может этого сделать в полной мере, потому что, в отличие от большинства тиранов, очень считается с общественным мнением.

Я сказал с предельным сочувствием:

— Ваше Величество, вы — король. Потому и гребе-те, как породистый зверь, все под себя. Это я, как всякий паладин, гребу подобно курице — от себя... Поверьте, я тоже желаю процветания вашему королевству, но...

— Ричард! — вскрикнул он. — Речь не о моем королевстве!

Я остановился, спросил настороженно:

— А о чем? Баб-с не вожу... Впрочем. Это я уже говорил.

Он сказал сухо:

— При весьма непонятных обстоятельствах погиб герцог Люткеленбургский, гранд Кастилии, конунг Хельнурга и граф Аквани. Он владел герцогством Пуатье, очень богатыми землями, к тому же расположенными в стратегически важном месте между королевствами Честёр и Марешаль. Сразу скажу, что эти королевства полностью на стороне Тьмы, хотя там как раз эту Тьму называют Светом, отрицая Господа Бога нашего...

— Поклонение Люциферу, — заметил я, — все понятно. Прошу вас, Ваше Величество, продолжайте.

Он недовольно зыркнул, я упорно не желаю переходить на «ты», хотя каждый был бы счастлив получить эту привилегию. Такие вот редкие отличия, вроде права не снимать шляпу, обращаться к королю по имени или

не вставать при появлении короля, летописцы записывают не только в семейные анналы, но и в государственные хроники.

— Не скажу, — прорычал он, — что в моем королевстве такие уж ревностные христиане, но у меня нет храмов, где поклоняются Люциферу! Мы не самые усердные слуги Господа нашего, но мы Его верные слуги и воины.

Пока говорил, я вспомнил, что в самом деле не заметил при Барбароссе колдунов, магов, ясновидцев, предсказателей, что обычно входят в свиту каждого вельможи. Правда, и священника нет, король правит без комиссаров по идеологии и пропаганде.

— Потому я заинтересован, — продолжал он, — чтобы герцогство осталось за потомством герцога Люткеленбургского. К счастью, сын герцога, зовут его Легольсом, приехал на турнир, участвовал в турнире. Ты его видел у меня на пиру, он сидел от тебя через два человека. Видишь, все помню! Он тоже не шибко ревностный христианин, но он христианин. К тому же с ним граф Эбергард Сейненский и граф Мемель, их ни уговорить, ни подкупить, ни запугать. Если Легольс встанет во главе герцогства, там Тьма не воцарится, а те храмы Люциферу, что уже построили, он снесет по совету своих наставников.

— И что же? — спросил я. — Не вижу себя в этой картине.

Он ударил кулаком по столу.

— Теперь враги будут охотиться за Легольсом и, конечно, постараются не допустить его в герцогство, где посадят кого-нибудь из своих. Там кобольды наткнулись в горах на несметные запасы каких-то руд, герцогство стало еще лакомее для соседей... и не только соседей! По моему настоянию Легольс выехал вчера вечером с тремя моими верными рыцарями. Все оделись торговцами, чтобы оставаться неузнанными. Теперь нужно

пустить по другой дороге пышный отряд со знаменами герцога, штандартами и его рыцарями.

Я подумал, посмотрел на короля в упор.

— Значит, Ваше Величество желает, чтобы я принял все удары на себя?

Он на мгновение смешался, даже взгляд отвел, затем с силой ударил ладонью по столу. Бумаги подпрыгнули и полетели на пол.

— Да! — рявкнул он. — Да!.. Я полководец, я заставил себя делать так, как правильно, а не так, как хочется. Потому мое королевство процветает! Если нужно отправить на смерть одного человека, чтобы спасти тысячу, я это сделаю, даже... если тот единственный будет мне сыном. Однако... Ричард, ты же понимаешь, что как раз для тебя опасности не будет... ну совсем-совсем не будет!

Я спросил с любопытством:

— Почему?

— Я умею наблюдать и делать выводы. Когда ты помычался к Франко Кардини, а потом вернулся, подслушав разговор, только я заметил несостыковку. Я уже говорил, я полководец, привык мерить в конских переходах, знаю, сколько проходят за сутки люди, сколько кони, как идут днем, как ночью, сколько миль одолеют с грузом, сколько налегке. После стольких лет походной жизни это у меня в крови.

Я посмотрел на короля с уважением. В самом деле, едва мы с Зайчиком скрывались из глаз, я пускал его таким карьером... Молодец король, ни одна мелочь не укрывается от его глаз.

— И что? — спросил я.

Он покачал головой.

— Значит, сможешь уйти от любой погони.

— А если засада?

— Твой конь, — повторил он с нажимом. — Что у тебя за конь? После турнира на нем ни царапины, я сам

видел. Да и ты... впрочем, ты можешь получать раны, но умеешь тут же зашивать!

Я возразил:

— Одну-две, но не до бесконечности. Я каждый раз слабею, в конце концов уже не смогу даже сказать «мама». И отброшу копыта если не от ран, то от постыдной слабости, что, понятно, для мужчины позорнее рваной раны под сердцем... тьфу-тьфу!

— Твой конь вынесет из любой схватки, — сказал он непреклонно. — Ричард, я не просил бы оказать такую услугу, если бы не видел, что для тебя это пустяк. К тому же — безопасный. Поверь, я не стал бы рисковать жизнью человека, который и жизнь мне спас, и королевство вернул!

Я пробормотал:

— Ваше Величество, вы преувеличиваете. Вы такой здоровенный кабан, что и без меня справились бы. И королевство вернули бы. Я так... больше в ваших королевских конечностях путался. Задних, конечно.

Он даже отвечать не стал, лицо выражает полное презрение к чепухе, которую порю, чтобы дать ему почувствовать себя круче и не таким зависимым от меня. Сильный король не побоится сказать, где он слаб, где допускает дурость, а где нам с ним можно... поулыбаться.

Мой панцирь вокруг трепетной и отзывчивой души начал потрескивать, я спросил с великой неохотой:

— А как это будет обставлено, чтобы все думали на меня?

Он вздохнул с огромным облегчением, плечи расправились, я услышал грохот рухнувшей горы. Глаза заблестели, сказал живо:

— А вот сейчас и придумаем!.. Кстати, я уже велел выписать на тебя баронство и тот замок с поместьем.

— Ладно, — произнес я примирительно, — принимаю, но с условием, что в этих владениях буду распоряжаться сам.

— Ну конечно же!

— А это значит, — уточнил я, — что если там на месте решу не отнимать замок у бедной женщины...

— Бедной? — взревел он.

— Я в христианском смысле, — уточнил я. — Потеряв мужа, женщина становится бедной.

Он зло ухмыльнулся.

— Не все, не все. Есть такие гарпии, которым вдовство только развязывает руки. Она уже начинает крепить связи с теми баронами, кто хоть в чем-то может быть недоволен мною. Так что возвращайтесь побыстрее! И принимайте владения.

— Хорошо, — ответил я. — Но если не вернусь этим летом, осенью передайте замок верному человеку. Безопасность королевства — прежде всего.

Он пристально посмотрел мне в глаза, стараясь проникнуть в мои замыслы, протянул руку.

— Обещаю.

Мы крепко пожали друг другу руки, я заметил его взгляд, брошенный на мою ладонь. Сам он, завоевавший власть силой, когда личная отвага и крепость мышц далеко не последнее дело, все еще ревниво отмечает одиночек, имеющих наглость равняться с ним в росте или силе.

Появился молодой рыцарь, одетый не столько пышно, сколько удобно. Я рассматривал картины на стенах. Барбаросса и здесь в первую очередь правитель: ни одной фривольной или просто вольной — все героические, патриотические, жертвенные, возвышенные, воспитательные. За моей спиной Барбаросса негромко велел позвать сенешаля. Когда тот появился, Барбаросса сказал отрывисто:

— Любезный сэр Уильям, подготовь указ. Виконту Ричарду Длинные Руки от нашей милости жалуются земли Сворве и Коце с находящимся там замком, по-

местьем, загородными домами, деревнями и двумя городами.

Маршалл посмотрел вопросительно.

— Виконту?

— Да, — бросил король отрывисто. — Виконт Ричард де Амальфи, приняв замок, становится бароном Ричардом де Сворве и Коце... нет, это длинно. Скажем, барон Ричард де Сворве? Так лучше? Пиши, пиши. Не забудь, что со всеми вытекающими правами и обязанностями.

Сэр Уильям кивнул с непроницаемым лицом, а я спросил со вспыхнувшим, как фейерверк, подозрением:

— Это какими еще обязанностями?

Король огрызнулся:

— Почему никто еще не протестовал против прав, а вот обязанности никому не нравятся?.. Ладно, сэр Ричард, никаких обязанностей. Удовлетворены? Даже вассальную присягу приносить не обязательно, хотя ваша удельность может послужить плохим примером для ваших соседей. Соблазн, как-никак... Ладно, с этим позже. Когда готовы выехать?

Я ответил честно:

— Я уже направлялся к городским воротам, когда перехватили ваши новые графья. Вы им доверяете? У двух больно рожи...

Он раздраженно отмахнулся.

— Не могу же я ко двору взять тех ветеранов, с которыми прошел все войны и которым доверяю спину? Они таких дров наломают! Не-е-ет, во дворце обитает особая порода людей. Конечно же, я им не доверяю и близко к себе не держу. Но некоторые из них умеют заставить крутиться все колеса государственной машины, а это главное. Впрочем, вам такое понимать еще рано.

Я кивнул.

— Да, конечно. Самые честные и чистые люди в вашем королевстве — как раз альбигойцы. Но они залили

бы страну кровью, добиваясь прихода «золотого века», земли пришли бы в упадок, все рухнуло бы, и само альбигойство рассыпалось бы в пыль... Словом, я не стану задерживаться, Ваше Величество. Если у вас есть какие-то пожелания на дорожку...

Я поднялся, не дожидаясь его разрешения. По королевскому лицу тут же промелькнула гримаса раздражения, привык к солдатскому повиновению, но ничем не выразил вскипающего гнева, поднялся и сказал прежним голосом рыкающего льва:

— Не умничайте, сэр Ричард. А то усомнюсь в вашей доблести. Сейчас вам принесут штандарт герцога Люткеленбургского, с ним и поедете. К тому же вам придется набросить на плечи его знаменитый черный плащ с золотым конем, ни у кого больше такого нет. Легольс очень жалел, что с ним расстанется, но когда на другой чаше весов герцогство... Словом, это вам подарок. Плащ не простой, сэр Ричард! Но святая церковь освятила его, так что зла от него нет, а только благо...

Я отмахнулся.

— Ладно. Плащ — это плащ. Итак, Ваше Величество, меня там конь ждет, да и Пес... я о нем всегда забываю.

Он изволил провести меня до дверей, вдруг хлопнул себя по лбу.

— Ах да!.. С вами поедут граф Эбергард Сейненский и граф Мемель. Это доверенные лица герцога, они сопровождали наследника... во избежание всяких эксцессов. Ну, вы поняли.

Я сказал раздраженно:

— Это я понял. Видел их у вас на пиру вместе с герцожьим сыном. Но не понял, какого... овоща присобачиваете в спутники еще двух овощей?

— Без них нельзя, — вздохнул он. — Вы можете себе представить наследника, который разъезжает даже по собственному королевству без охраны и советников?

— Герцог Черторт прибыл без охраны!

— Инкогнито, — напомнил Барбаросса. — А что он герцог, узнали только после турнира. А вам, дорогой барон... ничего, что я авансом? Это я так выражаю уверенность в успехе вашей миссии... вам надлежит ехать открыто и немножко нагло, что вообще-то свойственно Легольсу. Пусть все видят, кто при встрече изволит одарить их равнодушным взглядом.

Я сказал еще злее:

— А как тогда вяжется с вашим предыдущим ляпом, что в случае опасности пришпорить коня и драпать от любых врагов?

— А так и надо, — ответил он с королевским пренебрежением. — Главное — спасти короля, герцога или графа, словом — сюзерена. Вассалы останутся выполнять свой долг, это дело чести, а вы должны мчаться во весь опор. Зато все будут знать: на Легольса, сына герцога Люткеленбургского, в дороге совершено покушение, все убиты, ему одному чудом удалось спастись.

Я вспомнил надменные рожи графа Эбергарда и графа Мемеля, что-то во мне бунтует, топорщит перья, но вслух я сказал зло:

— Да уж этих двух индюков брошу с удовольствием!

Может быть, мелькнула мысль, даже не дожидаясь нападения каких-то там разбойников или врагов герцогской короны.

Глава 3

Король, неслыханное дело, самолично повел меня к выходу, хотя, конечно, это подавалось, что я с самым верноподданным лицом и суетливыми движениями сопровождаю величественного монарха. Граф Легольс, сообщил Барбаросса, всю ночь гнал коней, уходя как можно дальше от того места, где могли бы застать враги,

а затем, сменяя усталых коней, устремился в герцогство по окольной дороге, что хоть и длиннее на триста миль, зато и безопаснее, и никто его там искать не станет. Все это время, начиная с Каталауна, он будет называться другим именем, а местные колдуны сумели придать ему облик человека намного старше и абсолютно не похожего на погибшего герцога.

Мне же предстоит выехать с великой пышностью, с оповещением вперед по дороге, дабы на постоянных дворах и в гостиницах заранее готовили для меня лучшие комнаты.

— Это не значит, — предупредил Барбаросса, — что вам, сэр Ричард, там нужно ночевать. Напротив, я бы не советовал...

— Да и мне что-то не очень хочется, — пробормотал я.

— Вот-вот. Ты ведь избалованный граф, тебе всегда шлея может под хвост... и ты выкинешь что-то такое, чего враг не предусмотрит.

— Это я могу, — заверил я. — Мы ж простые, бесхитростные.

Он с неодобрением смотрел, как я вытер нос рукавом, да я и сам застыдился мальчишечьей выходки, сделал серьезное лицо. Я не успел заметить, как он открыл прямо в стене, мимо которой шли, небольшую дверь, быстро втолкнув меня, шагнул следом и закрыл за собой.

Два человека поднялись навстречу. Оба настоящие аристократы, такими я привык видеть их по старым английским фильмам: прямые, строгие, с непроницаемыми лицами. Оба смотрят бесстрастно, без приязни и без осуждения, я ни к селу ни к городу вспомнил определение корректности в старом учебнике этикета: если юноша и девушка после двадцати свиданий все еще ничего не знают друг о друге — они корректны. Так эти двое наставников юного герцога предельно корректны в выра-

жении своего отношения ко мне. Это я сам чувствую фибрами или жабрами, что они мой вид весьма не одобряют, как и само решение отправить наследника тайком, а меня под его именем — с помпой.

Барбаросса широко повел мощной дланью.

— Граф Эбергард, граф Мемель... Это сэр Ричард, виконт, а после завершения того, что мы задумали, барон... Итак, если у кого есть вопросы, я готов помочь разобраться.

Оба аристократа смотрели на меня по-прежнему бесстрастно, лица ничего не выражают, лишь холодную учтивость. Я смотрел так же холодно и как бы сквозь них. Видал я всяких графьев, да тут короли как гуси стадами ходят. Мне от вас, ребята, ничего не надо, так что не ждите, чтобы я для вас танцевал краковяк или чистил вам сапоги.

Аристократ, которого я помню как графа Эбергарда, повернулся всем корпусом к Барбароссе.

— Ваше Величество, не говоря уже о том, что этот... э-э... барон... простите, даже виконт, не справится с благородной ролью изображать Его Светлость, здесь слишком многие знают как благородного графа Легольса, так и этого... простите, виконта.

Я громко зевнул, запустил руку за ворот рубашки и с наслаждением почесался, зверски перекосив рожу. Графья смотрели мимо меня, на их лицах не дрогнул ни единый мускул. Я придвинул с грохотом стул, сел и расставил ноги пошире.

Барбаросса метнул на меня раздраженный взгляд.

— С этим справимся, — сказал он графу Эбергарду. — Отъедете тоже тайно, а когда будете за городом, объявим, что молодой герцог только что отбыл со своей свитой. Дорога, к счастью, идет по землям, где молодого герцога не видели.

Граф Эбергард смотрел на него в упор, голос прозвучал так же ровно:

— Ваше Величество, но Его Светлость был примером галантности и учтивости. Сможет ли ваш виконт...

Барбаросса нахмурился, метнул в мою сторону предостерегающий взгляд, уговаривая стерпеть этих двух старых ослов, прервал в нетерпении:

— Ему не придется танцевать на балах и целовать дамам пальчики!.. Задача куда проще — проехать через герцогство Ламбертиния, заглянуть к барону Орсону де ля Бергу, можно и заночевать у него, побывать в королевстве Эбберт... вообще заезжайте по дороге, куда вам будет удобнее, давая понять встречным, что они видели герцога со свитой. Только и всего!

Второй граф, который Мемель, помалкивал, а граф Эбергард в сомнении покачал головой.

— Путь длинный, не всегда же ночевать в лесу, нас просто не поймут. Герцог должен останавливаться в замках тех лордов, что будут попадаться по дороге. А также в городах, где достаточный уровень комфорта.

Барбаросса снова отмахнулся с непринужденностью врожденного полководца, который намечает общий план, а мелочи лягут в схему сами.

— Вот и говорите за него. А герцог может же упиться вусмерть, устать так, что язык заплетается, просто пребывать в дурном настроении?

Граф Эбергард возразил, не глядя в мою сторону:

— Ваше Величество, это рискованно!

— Вся жизнь — риск, — ответил король бодро. — К тому же будущий герцог Легольс уже скачет сейчас с тремя моими верными рыцарями, загоняя коней, чтобы успеть уйти подальше... Так что придется принять мой план.

Граф сказал с предельной учтивостью:

— Мы его приняли, Ваше Величество. Наши сомнения касаются только...

Я снова громко зевнул, длинно и с завыванием, заставив всех обратить на меня внимание.

— Ваше Величество, — сказал я и поднялся, стул без необходимости отодвинул, понравилось, как злобно скрежещет по каменному полу, — я в самом деле устал так, что язык заплетается. И вообще пребываю в дурном настроении. Меня там конь заждался, представляете? Мой прекрасный умный конь, а мне приходится выслушивать... комплименты. Я просто надеюсь, что вы так и не сможете договориться насчет моей кандидатуры с этими двумя... очень достойными сэрами. Да слишком достойными, ох как слишком! Мое почтение.

Я повернулся и направился к выходу уверенным шагом. Король что-то рывкнул, но я сделал вид, что не услышал или недопонял. Никаких стражей, которые бы скрестили передо мной алебарды. Я толкнул дверь и ускорил шаг. По ступенькам уже сбежал вприпрыжку навстречу синему небу и яркому солнцу.

Вельможи и рыцари опасливо обходят громадную блестящую статую из черной смолы, так выглядит мой Зайчик. Никто не смеет подойти, только один рыцарь в очень дорогой кольчуге присел на корточки и рассматривает копыто моего жеребца. Пес, к моему удивлению, сидит на толстой, как у медведя, заднице и рассматривает его скорее благосклонно, чем подозрительно.

Зайчик радостно ржанул. Рыцарь поднял голову, просиял так широко, как может только человек с таким широким лицом и такими тараканье-кошачьими усами, раскинул руки и ринулся мне навстречу. Еще с трех шагов меня мощно ударила в грудь тугая волна ароматов хороших вин.

— Сэр Ричард! — вскричал он. — Я уж страшился, что уже не увидимся!.. Господь даровал мне победу... но только с вашей помощью. Сэр Ричард, я знаю, что не смогу отблагодарить вас ни деньгами, ни захваченной добычей... но чем-то ж могу? Располагайте мною! Я, всю

жизнь зубами и когтями отстаивавший свою независимость, приношу вам свою клятву оммага и обещаюсь прийти к вам на службу в тот же миг, как призовете!

Я обнял его, сам растроганный, кивнул на Зайчика.

— Подлизываетесь?

Он расхохотался.

— К королям не подлизывался, но к такому коню... Мне показалось, что подкова стерлась. Вы уже собрались в дорогу?

— Да, сэр Смит.

— И не попируем напоследок?

Я развел руками.

— Мой конь оседлан, мешок собран.

Он вскричал горестно:

— Я же только с началом этого турнира пил и ел волю на свои деньги!.. Ну, не впервые, конечно, но никогда так обильно и... с таким запасом. Мы вчера сразу после схватки закатали общий пир и всю ночь договаривались о выкупе. Я вообще-то человек скупой, но тут уж показал всю свою щедрость!.. Нет, без выкупа никого не отпускал, я ж не совсем дурак и не богатый граф или герцог, но сумму назначал божескую, пристойную, со мной почти не торговались. Словом, теперь я богатый человек!

— Вернетесь и купите поместье?

Он развел руками.

— Была такая мысль, но король милостиво разрешил мне самому выбрать любое из двадцати освободившихся, представляете? Вы были правы, сэр Ричард, с такой подсказкой... Ну, насчет правильной стороны забора! Хотел было тут же принимать свалившееся богатство, но, с другой стороны, у меня Золотой Шлем, присланный императором. С ним что делать? Придется ехать на Юг, как и мечтал. А вдруг там получу еще больше?

— Повадились кувшин по воду ходить, — сказал я предостерегающе.

Он покачал головой, лицо посерьезнело, глаза стали трезвыми.

— Сэр Ричард, это моя первая большая удача. И что же, тут же осяду в поместье и буду гусей выращивать? Вот и все, кончилась жизнь?.. Нет, сэр Ричард. Если вы едете на Юг... хотя я не представляю, как намереваетесь туда попасть, то я — ваш верный спутник. Возможно, я со своим Золотым Шлемом смогу быть полезным. Ведь я, как уже сказал, приношу вам клятву верности. Вы столько сделали для меня, ничего не требуя взамен, что я просто... просто не знаю!

Зайчик просунул голову между нами и посмотрел то на одного, то на другого. Мы оба одновременно почесали ему шею, я вздохнул:

— Торопит!

Сэр Смит вскричал:

— Я мигом! Мне собраться — раз плюнуть. У меня почти и собирать нечего. Сэр Ричард, с вашей стороны будет очень неблагородным поступком вот так не позволить мне хотя бы попытаться отблагодарить, отслужить!

Лицо его стало совсем отчаянным. Я развел руками.

— Заколдованные здесь ворота, что ли? Никак не выберусь из города... Хорошо, сэр Смит. Только побыстрее.

На постоялом дворе я снова Зайчика оставил нерасседланным. Хозяин округлил глаза при моем появлении, но я объяснил, что заехал за своим вассалом, вон побежал собирать мешки. Немного погодя решил сам заглянуть в бывшие наши покои, провожаемый взглядом хозяина, в котором не то больше облегчения, что уезжаю, не то сожаления: мол, уезжает богатый клиент, который и сам ночует в непригодных для жилья комнатах, и других приводит.

Сэр Смит поспешно скатывал в тугой рулон одеяло, я остановился перед волшебным зеркалом. В груди шевельнулась тоска — в который раз уезжаю, едва-едва прикоснувшись к чудесному. Уж я-то смог бы вытянуть из него побольше, чем местные. Эти лишь крестятся и стараются проشمгнуть мимо всего чудесного, отплевываясь и отворачивая хари.

С другой стороны, я все ближе к Югу, где настоящие тайны, где самые могущественные маги, где от древних эпох осталось намного больше артефактов и, главное, местные не стремятся наперегонки их уничтожить. А по мне так лучше журавль в небе, чем стараться выжать из синичек то, что под силу только птицам более могучим.

Когда-нибудь, пообещал я себе, вернусь и постараюсь разобраться с этими «чудесами» зачарованной комнаты, которые для меня вовсе не чудеса, а навороты более продвинутых технологий.

Сэр Смит торопливо облачался в доспехи, с мольбой посмотрел на меня, и я сделал то, чего он никак не решался попросить у сюзерена: затянул ремни на спине, поправил щитки.

— Стоит ли? — спросил я с сомнением.

— Что?

— В городе сражаться не придется, — заверил я. — И вообще долго придется ехать по мирным землям короля Барбароссы, уничтожившего крупный криминал в лице независимых баронов и средний — в лице разбойничьих шаек. А от карманников доспехи не спасут.

Он поколебался, в лице некая виноватость.

— Сэр Ричард... У меня никогда не было таких великолепных доспехов. Вы посмотрите на эту чеканку золотом!.. А вот эта отделка благородным серебром?.. Посмотрите, какая ювелирная работа! Даже не представляю, что за оружейники делали, чья работа, это же просто невероятно! А коню моему все равно, будет это железо на мне или в мешке за моей спиной.

Я кивнул, чувствуя себя смущенным.

— Да, сэра Смит, простите.

— Это вы простите за такое мальчишество, — вздохнул он, — не могу удержаться. Слаб человек. Я ведь теперь настоящий барон с щедрой руки Его Величества! Как жаль... Как жаль, что приходится расставаться со всем этим... и покидать великолепнейшее королевство! Здесь я ощутил себя человеком, здесь встретил настоящих друзей и только здесь был осыпан милостями Его Величества, в то время как в других землях лишь получал зуботычины...

Я вздохнул.

— Так оставайтесь. Какого черта искать на Юге наемником, если здесь можно жить полноправным бароном?

Сэр Смит вздохнул.

— Ах, сэра Ричард... Я так долго мечтал выиграть главный приз на турнире и поехать ко двору императора! Как вот так взять и отказаться от мечты? Это же все равно, что поставить на себе крест, как на отважном рыцаре... и превратиться в старого деда.

Мы выехали со двора под крики мальчишек, что приветствовали по большей части сэра Смита как победителя турнира. Нам с Зайчиком и Псом тоже досталось несколько одобрительных замечаний, но почти все они относились к ним, а в мой адрес я услышал только «длинный» и «длиннорукий».

Разгоняя прохожих по улице, навстречу неся богато одетый всадник, я узнал молодого придворного, недавно произведенного в рыцари. Он прокричал, запыхавшись:

— Сэр Ричард, сэра Ричард!

Сэр Смит ревниво нахмурился, а рыцарь прокричал радостно:

— Фу, как хорошо, что я вас успел перехватить!

— Хорошо для кого? — спросил я.

Он смешался, поклонился и спросил уже со всевозможной учтивостью:

— Благородный сэр Ричард... и ваш благородный друг, столь отличившийся на турнире... вы направляетесь по Трапезундской дороге?

— Да, — ответил я, — направляюсь. Но, если вожжа попадет под хвост, выберу другую. Хотя и не знаю, есть ли такие вообще.

Он перевел дыхание. Разогретая скачкой лошадь нервно перебирает ногами, беспокоится, вскидывает голову. Звеня удилами, рыцарь сказал торопливо:

— Его Величество просит, чтобы вожжа не попадала.

— А ему-то что?

Он сдвинул плечами.

— Я не посвящен. Мне просто велели передать, что... вернее, убедиться, что вы поедете той дорогой, как и планировали.

Я кивнул сэру Смиуту, он кивнул и пустил рысью каурого конька. Впрочем, вру: каурый — это рыжеватый, а этот — рыжий со светлыми гривой и хвостом, что значит игрневый. Игрневый, дубина, пора запомнить масти. Их всего восемь: буланный, вороной, гнедой, игрневый, каурый, пегий, саврасый и сивый. Нет, забыл еще соловую масть — это когда конь весь желтоватый, но со светлой гривой и хвостом. Почти то же самое, что игрневый, но там рыжий, а здесь желтоватый... Очень большая разница, подумаешь, однако в мужском кругу ошибиться с мастью, я уж и не знаю что может быть хуже! Разве что спутать Марадону с Эйсебио.

Небо синее, облачка редкие и тающие на глазах, как редкий снег под прямыми жаркими лучами солнца. Земля сухая, наши кони стучат копытами ноздря в нозд-

рю, им притираться характерами не приходится, уже знакомы. Сам сэр Смит со мной сразу принял тон вассала по отношению к сюзерену. Думаю, не столько из великого почтения, сколько из чувства вины, что приз достался ему, хотя сильнейших противников как раз сразить довелось мне.

Солнце вскарабкалось к зениту, когда сэр Смит вскрикнул:

— Ого, что-то мне этот всадник знаком!

Мы пустили коней в галоп. Вскоре облачко пыли рассеялось, и мы увидели мирно трусящего мула, а на нем сгорбленного монаха. Не слыша грохота копыт, он склонился над книгой, читал, старательно шевеля губами. Сэр Смит жизнерадостно заржал, монах испуганно вскинул голову. В светлых глазах вспыхнула радость.

— Брат паладин, сэр Смит!..

— И на муле читаешь? — удивился Смит. — А если завезет прямо в ад?

Брат Кадфаэль засмеялся.

— Этот может... такая упрямая скотина! Но зато бежит, редкий конь угонится. Значит, вы оба на юг?

Я подумал, сказал неуверенно, чувствуя, что делаю глупость, но в то же время не могу не сказать:

— Даже не оба, а все трое... Думаю, какое-то время нам лучше ехать вместе. Кто знает, что впереди.

В его глазах было столько благодарности, что я тут же брякнул какую-то грубость, лишь бы уравновесить, снизить неприятие белых и пушистых в крови, так воспитан, а затем добавил, уже как бы извиняясь:

— Вообще-то мы больше рассчитываем на твою защиту. Ты ведь можешь остановить речные воды, испепелить гада одним взглядом... Наша задача — толкнуть тебя, чтобы проснулся вовремя.

Он слабо улыбнулся, во взгляде понимание и такая братская любовь, что я отвернулся, только бы не брякнуть что-то снова.

Деревья пошли с красными, просто революционными кронами, у подножия широкий ковер опавших листьев. Однако осенью пока что не пахнет, кузнечики орут ликующе, порхают бабочки, а травы пахнут так мощно, что я старался приглушить свой обостренный нюх. Надо уметь им пользоваться, иначе после получасового внюхивания начинает трещать голова, повышается давление, и вот-вот из ноздрей хлынет кровь.

А затем как-то слишком быстро на землю упала густая тень, похолодало. Тень помчалась, пригибая травы и поглощая солнечный свет. Тучи надвинулись пугающе стремительно. Я чувствовал, как прижали к земле всей непомерной тяжестью, воздух уплотнился, появились неясные тени, что немыслимы в чистый солнечный день. Но сейчас небо такое черное, что на земле почти ночь, странные пугающие сумерки, словно мы оказались совсем в другом мире...

В туче слабо сверкнуло, но вместо раскатов грома мы услышали треск, жуткий вой. Громадные пласты наползают друг на друга, сталкиваются, я отчетливо слышал тяжелые удары, словно сшибаются горы мокрого песка, даже не горы, а целые горные хребты. Всякий раз вой раздается с новой силой, будто в этих тучах кричат смертельно раненные звери, тоже размером с горы.

Брат Кадфаэль бормотал молитву, сэра Смит заорал весело:

- А вот и не догонит, а вот и не догонит!
- О других тоже думать надо, — укорил я.
- А в Каталауне уже привыкли, — напомнил он.

Над головой гремело и грохотало. Полоса ливня прошла в четверти мили от нас, окатило волной холодного воздуха. Похоже, вблизи выпало граду по щиколотку, затем то ли туча отступила, то ли мы успели выскользнуть из зоны удара.

Сэр Смит приложил руку к глазам козырьком, булатная рукавица скрежетнула по железу шлема.

— Там впереди на дороге не меньше десятка всадников, — сказал он с неуверенностью. — То неслись во весь опор, словно удирали, а теперь остановились... ждут.

Я присмотрелся, как это он всегда успевает рассмотреть раньше, хотя у меня зрение лучше, предположил:

— Гости, что приезжали на турнир? Увидели нас, решили подождать. Вместе ехать веселее.

Он проворчал с недоверием:

— Их десяток, они друг друга знают. А мы им что? Нет, что-то другое...

Он как бы невзначай потрогал рукоять громадного меча. Я пробормотал:

— Скорее всего, это в самом деле ждут нас.

— Зачем?

— Был один разговор с Барбароссой.

— Его Величеством? — уточнил Смит.

— Да, им самым.

Сэр Смит любопытствовал:

— О чем был разговор, если мне позволено узнать? Ох, простите, сэр Ричард, я подумал, что это может и нас коснуться...

— Позволено, — ответил я. — И наверняка коснется, увы. Сейчас подъедем, все и узнаете. Я предупредил короля, что от вас у меня тайн нет.

Сэр Смит гордо подбоченился, брат Кадфаэль взглянул с благодарностью.

Граф Эбергард Сейненский и граф Мемель ожидали нас во главе небольшого отряда из десятка конных рыцарей. У всех на щитах вставшие на дыбы кони, небольшая корона сверху говорит о герцогстве, еще за спиной сэра Эбергарда и сэра Мемеля молодой рыцарь гордо держит знамя с изображением того же вздыбленного коня.

Сэр Эбергард двинулся навстречу, серые глаза стального цвета смотрят на меня еще более неодобрительно, чем когда встретились у короля.

— Ваша светлость, — сказал он громко, краем глаза я видел, как вытянулось лицо сэра Смита, а глаза брата Кадфаэля вспыхнули, как два светильника, — не будем тратить время, надо спешить в герцогство. Надеюсь, что за сегодня мы успеем одолеть не меньше чем тридцать миль.

Я сказал вежливо:

— Вольно, граф. Не надо тянуться, мы не во дворце. Некоторые условности, неуместные в походе, опустим. Разумеется, мы будем торопиться. Но не слишком ли нас много? Полагаю, что пару человек, а то и пятерых, стоит пустить вперед, пусть позаботятся насчет гостиницы.

Он выслушал внимательно, ничто не изменилось в его лице, ответил кратко:

— Нет, ваша светлость. Эти люди для вашей охраны.

Один из молодых рыцарей выехал вперед, в руках роскошный черный плащ с богатой золотой вышивкой. Я успел увидеть изображение золотого коня, вздыбленного и с развевающейся гривой, после чего рыцарь с великой почтительностью набросил плащ мне на плечи.

Я нахмурился и пустил Зайчика вперед по дороге. Сэр Смит поехал от меня слева, а брат Кадфаэль — справа. Граф Мемель нахмурился, что-то сказал графу Эбергарду, а тот отвечал успокаивающим тоном. Возможно, объяснил, что сэр Смит имеет право ехать рядом, как победитель турнира. Это ничуть не ущемляет достоинства герцога, победитель турнира обычно пирует за столами королей, а монах тем более должен быть в пределах досягаемости мудрого правителя, ибо с церковью пока что считается приходится.

Сэр Смит посматривал искоса, наконец осмелился спросить шепотом:

— Сэр Ричард... я не удивлюсь, если окажетесь даже королем...

— Успокойтесь, сэр Смит, — ответил я так же тихо, — всего лишь очередная авантюра...

Его глаза вспыхнули.

— Это как?

— Только играю герцога, — объяснил я. — А настоящий в одежде простолюдина со всех ног мчится к опустевшему трону.

Он спросил с еще большим энтузиазмом:

— Значит, за нами будет погоня?

— Еще и засады, — заверил я.

Он воскликнул ликующе:

— Брат Кадфаэль, ты слышал? Вот где погоняем гадов без всякой жалости! А то этого нельзя, другого нельзя, мечи чтоб тупые... Мельчает рыцарство!

Брат Кадфаэль посмотрел с укоризной.

— Сэр Смит, как вы можете? Я все-таки уверен, что в глубине вашей мохнатой и насквозь прочерстившей души все же сохранилась искорка благочестия, и я приложу все усилия, чтобы раздуть ее в бушующее пламя...

— Свят-свят! — испугался сэр Смит. Щеки его разом потеряли бураковый цвет. — Брат Кадфаэль, этому миру нужны не только монахи, но и рыцари!

Очень разумно, подумал я. Иногда и такой, как сэр Смит, способен выдать чеканную мысль, сам того не подозревая. Впрочем, он же блондин.

Глава 4

Серая тень упала на землю, странно трепещущая, словно над головой плещется море, а вниз падают отблески. Я задрал голову, не сразу сообразил, что это не туча мошкеры, а несметная стая крупных птиц. Если, конечно, птиц: несутся слишком стремительно. Даже отсюда видно, что слишком часто-часто взмахивают крыльями, хотя для осенней миграции вроде бы рано.

— К беде, — лаконично сообщил сэр Смит. Подумал, добавил значительно: — К кровавой жатве, что соберут наши мечи! Что-то грозное ждет нас впереди.

Рыцари держались установленного порядка: трое впереди, трое в арьергарде, еще по одному в опасных местах отъезжали в стороны, заглядывали в мелкие овраги, оставшиеся двое ехали с графами, готовые в любой момент закрыть своими телами «наследника престола».

Я видел, как рука Кадфаэля поднялась, он благословил отряд, в чистых небесных глазах, невинных, как у младенца — ну не бывает у киллеров таких глаз, не бывает! — светилось облегчение и даже счастье.

— Как хорошо, — сорвалось с его губ.

— Что? — поинтересовался любознательный сэр Смит.

— В нашем отряде пятнадцать человек, — добросовестно объяснил Кадфаэль. — И ни одной женщины. Мысли достойных рыцарей могут быть обращены к Богу, ничто не препятствует, не отвлекает от раздумий, от поиска вечных истин.

Сэр Смит задумался, посмотрел на моего Пса и заметил глубокомысленно:

— Привлекательные женщины... отвлекают, согласен.

— У любой женщины, — добавил я, — проблем всегда больше, чем у нас. И вот нам всем надо, по мнению этой любой женщины, все бросить и мчаться решать ее дела. А ведь бросимся же!.. таковы узкие рамки цивилизованности, в которые мы сами себя загнали. Эх, скорее бы феминизм да эмансипация...

Они не поняли, сэр Смит вздохнул и сказал грустно:

— Женщины вдохновляют нас на многое великое... Они же мешают это творить. Так что будем радоваться, что нет их среди нас. Можно ехать с расстегнутой ширинкой.

Он загоготал, но в самом деле все чувствовали куда

большую сплоченность, чем если бы в отряде были женщины, пусть даже хоть одна. Тогда все хорохорились бы, выпячивали грудь, сверкали глазами и то и дело старались проехать мимо ее повозки. Да и друг перед другом началось бы соперничество. Таких приходи и бери голыми руками.

Граф Эбергард и граф Мемель в доспехах выглядят весьма и даже весьма. Намного лучше, чем тогда за накрытым столом или даже утром, когда осматривали меня, как козу на базаре. Хотя по возрасту вдвое превосходят всех остальных, я не сомневался, что в воинской выучке и умении владеть оружием выше их на порядок. Таких людей я уже встречал, это надежные, хоть и занудные, люди и, если за что берутся, выжимают из себя все. К сожалению, того же требуют и от других, не понимая, что не все могут вот так все бросить и пойти лягушек давить.

Мы проехали так всего милью, затем граф Эбергард, он старший, не вытерпел и сделал то, что я предложил с самого начала: выслал вперед по дороге вместо тройки пятерых рыцарей. Правда, не для того, чтобы готовить гостиницы, а для вящей безопасности «сына герцога». Оба графа едут позади нас, чуть приотстав, с ними еще пятеро. Как я заметил, рыцарей подобрали наверняка не по знатности, иначе бы уже были заносчивые споры, кому ехать впереди. Вообще эти рыцари напоминают рыцарей-монахов, только у тех дисциплина, порядок, беспрекословное подчинение старшему, благодаря чему только рыцарские ордена могли вести войну против сарацин и вообще оказались единственной реальной силой.

Эти молодые и немолодые рыцари даже друг с другом почти не общались. Я не слышал ни смеха, ни беспечных шуток, все слишком поглощены важностью вверенного им дела, из чего ясно, что граф Эбергард набрал

из самых незнатных дворян, которые из кожи будут лезть, чтобы доказать свою пригодность, и выполняют любой приказ без споров, пререканий и напоминаний, что их род вообще-то идет от самого Лордредра или даже Дилинга, в родстве с Жеркингом и был замечен даже в битве при Лепано.

Я видел, как втайне ликует сэр Смит. Клеймо незаконнорожденного все же проступает даже под титулом чемпиона. Он побаивался, что ототрут в сторону, а так едем втроем, брат Кадфаэль не соперник, чешем языки. Все настолько хорошо, что начинаешь оглядываться по сторонам: так не бывает долго, какая-то гадость явно уже нацелилась, точит клюв и растопырила когти...

К закату впереди показались стены обширного города. Кадфаэль о нём ничего не знает, зато сэр Смит рассказал, что здесь уже несколько лет набирает силу конфликт между городом и монастырем. Конфликт куда более значимый, чем между городом и отважными баронами фон Тралботами. Церкви и монастыри издавна были освобождены от налогов. Более того — у монастырей иммунитет, а это значит, что в ворота не впускали не только врага, но и городские власти.

Горожан возмущает, что здоровенные монахи освобождены как от воинской службы, так и вообще от всех обязанностей горожан. Понятно, почему число монахов и просто работающих в монастырях постоянно растет: им не надо заботиться о семьях, у них больше сил и времени на конкуренцию с ремесленниками и оружейниками в городе.

Сэр Смит показал на высокие стены монастыря, на четыре вознесенные ввысь башни.

— Замок баронов фон Тралботов укреплен слабее!.. И народу у Тралботов меньше.

— Но не станет же монастырь с ними воевать, — возразил я.

Он сдвинул плечами.

— Я тоже так считаю. Зачем? Они и так теснят, захватывают в свои руки и земли, и людей. Однако...

— Что?

Он криво ухмыльнулся.

— Когда такой соблазн... даже не знаю, сам бы я устоял?

Я слушал, мотал на ус. Сэр Смит рассказывает со смешком, как о нелепости, что скоро кончится, но я-то вижу ростки нового мира. В этом городе, как и в каждом из городов, в самом центре на вершине холма гордо высятся замок, однако замок пуст: бароны фон Тралботы изгнаны... самими горожанами. Управляет городом Совет, созданный братством цехов. Сперва в цеха входили только предприниматели и ремесленники, а теперь вот в них вошли все горожане, так что Совет представляет весь город.

— Значит, — переспросил я, не веря ушам своим, — городом правят... э-э-э... предприниматели?

— Правит Совет, — пояснил сэр Смит, — а в него, помимо цеховиков, входят представители от всех гильдий, всех союзов. Так весь город, как единый кулак, дерется за себя, а не за баронов, как было раньше.

— А бароны?

Он засмеялся.

— За городом еще один замок. На горе. Бароны укрепились там. Еще несколько знатных родов изгнаны в свои владения.

Я подумал, поинтересовался.

— А... за что?

Он сдвинул плечами.

— А за все хорошее. Чтоб не лезли. И не козыряли привилегиями.

Я слушал, как сэр Смит разворачивал схему устройства первого настоящего города. Должности выборных правителей в гильдиях, союзах и цехах, а благодаря этому и в Совете, доступны простолюдинам, а вот для знати

оказались фактически закрыты. Все, что осуществляется в городе, подлежит контролю Совета, в том числе и деятельность знатных родов, а вот сам Совет знатым сеньорам неподвластен.

После того как оскорбленные бароны покинули городской замок и переселились в загородные владения, обрадованные горожане воспользовались случаем и приняли закон, по которому бароны и члены их семей исключены из всякой политической жизни города. Теперь они не имеют права занимать должности в городе, а также для этих самых благородных семейств отныне существует ответственность всего знатного рода за проступки хотя бы одного его члена.

— Это уже перегнули, — сказал я пораженно, — это круто... чересчур круто!

Он сказал с чувством:

— Но зато какая свобода для простого народа!

— Да, — согласился я. — Но пока что аристократов за город, а не на фонари. И Зимний пока цел...

Он не понял, но уже привык, что говорю непонятности, ведь я паладин, мы все немножко заученные, сказал с завистью:

— Ах, сэр Ричард, в таком городе никому нет разницы: рожден ты в браке или вне...

Я смолчал, он еще не знает, как при этой свободе разыграет вся плутократия, какие начнутся подкупы, как должности будут рассматриваться прежде всего как место, где можно вымогать взятки, как... да что там перечислять, я на это посмотрелся, а здесь посмотрятся потом, через века.

Знать, как я понял, вообще вся удалилась из города и засела в своих владениях, где у каждого рода либо замок, либо укрепленное поместье. Два таких поместья город уже уничтожил посылкой целого войска горожан, подкрепленного милицией, а остальные значительно ослабили, издав законы об освобождении крестьян.

Лишь Талботы держатся, у них крестьяне верны, как и одноштитовые рыцари. Говорят, старший из Талботов превозмог стыд и отправил гонца за помощью к могущественному роду фон Нибелунгов, с которым раньше враждовал.

К счастью, подумал я, горожанам очень здорово помогают распри между самими феодалами. Знатнейшие семейства еще не понимают, что настоящий могильник для аристократов придет именно из городов. Грызутся, стараются использовать и силы горожан, не понимают, что это уже горожане используют их, привлекая на службу часть беднейшего рыцарства.

Среди зелени садов красными налитыми яблоками пламенеют дома из обожженного кирпича, покрытые красной черепицей. Все постройки добротные, начиная от амбаров и заканчивая колодцами, народ здесь живет явно богаче, чем в той долине, из которой едем.

— Благополучие, — вздохнул сэр Смит. — Повезло...

— Только везение? — спросил я.

— По большей части, — объяснил он. — Здесь герцогство Ламбертиния, так что сюда войны не докатывались, а войска обходили стороной.

— Понятно, — сказал я. — Как называется город?

— Гемгорд.

— Столица?

— Нет, герцог в Истанвиле.

— А здесь?

— Барон Танберг. Он пользуется полным доверием герцога и, кстати, очень дружен с Барбароссой.

— Недурно, — пробормотал я.

Город приближался, но высокая стена перегородила все подступы. У распахнутых ворот на обочине за столом сидят двое, за их спиной пятеро стражников, а еще наверху в башенке над воротами поблескивают шлемы с

полдюжины арбалетчиков. Я ехал впереди, один из стражников вышел на дорогу и, как патрульный на шоссе, знакомым жестом велел прижаться к обочине.

В свою очередь, я оглянулся и сделал отмашку. Я подъехал к столу, один из сидевших безучастно рассматривал толстый свиток с замысловатой вязью, какой-то писец щегольнул знанием каллиграфии, второй поднял на меня равнодушные глаза.

— Кто такие? С какой целью едете в Гемгорд?

Я ответил вежливо:

— Мы простые путники. Едем не в Гемгорд, а через него. Наша цель — возвращение с рыцарского турнира в Каталауне, который дал благородный король Барбаросса в честь бракосочетания с прекрасной Алевтиной.

Писец сказал равнодушно:

— Если в город, с каждого по серебряной монете... сколько вас?.. Если проездом — по медной. Если задержитесь не больше чем на неделю.

— Ого, — сказал я невольно, — у вас и законы... Против гастарбайтеров из Украины? Ладно, заплатим, чужие законы надо чтить... дабы чтили и наши...

Второй оторвал взгляд от бумаги, взглянул в упор.

— О каком королевстве речь?

— О дальнем, — ответил я с осторожностью. — Мир широк.

— Да, — подтвердил он медленно, — мир широк... И люди бывают разные...

Нечто незримое коснулось моей головы, словно ветерок занес вихрь мелких снежинок. Я замер на миг, перевел дыхание, стараясь не показать, что заметил прощупывание. Кто-то из этих двоих маг. Пока один отвлекает меня разговорами, другой старается прощупать мои мысли.

А вот хренушки, подумал я с мстительной радостью и заметил, как дернулся и поморщился, словно от сильной зубной боли, второй писец. Я посмотрел на него с

подчеркнутым вниманием, он вздрогнул и, сложив руки на груди, смиренно поклонился. Первый вскинул брови в удивлении, торопливо кивнул стражам, чтобы пропустили весь наш отряд, даже забыв принять пошлину.

— Сэр Легольс, — произнес граф Эбергард холодно-вато, он по-прежнему смотрел прямо перед собой, не удостоивая меня взглядом. — Постарайтесь в городе держаться...

Он умолк на миг, подбирая слово, граф Мемель сказал сухим голосом царедворца:

— ...достойно.

— ...как подобает наследнику герцога, — закончил граф Эбергард.

Я увидел брешь и с удовольствием сунул в щель кинжал:

— Не понял: достойно или «как подобает»?

Граф Эбергард сказал ледяным голосом:

— Достойно, как подобает наследнику герцога, что едет получить корону герцога!

— Понятно, — сказал я. — Это значит, хватать незамужних женщин и тащить в свою постель, топтать поля крестьян в погоне за диким зверем, судить людей не по закону, а по прихоти... что еще? Впрочем, все можем перечислять долго.

Она умолкли, на бесстрастных лицах нечто похожее на замешательство, только тень, но это все равно, как если бы сэр Смит упал на землю и катался, вырывая ключьями волосы и завывая во весь голос. Наконец граф Эбергард проронил:

— Просто ни на что не реагируйте, ни в какие разговоры не вступайте.

— А если придется?

Он покачал головой.

— Не придется.

— А вдруг?

— Предоставьте все нам.

Я сказал зло:

— Все равно не понял, как мне держаться в городе? Плевать с высоты моего герцожьего седла на окружающих? Увидев молодую женщину, попытаться задрать ей подол, я же герцог, мне можно?

Граф Эбергард смотрел пристально, а граф Мемель проронил:

— Это еще не наше герцогство, здесь такое поведение может привести к большим неприятностям. Просто держитесь в седле невозмутимо, на толпу не обращайтесь внимания. Иногда можете улыбнуться чуть устало и слегка рассеянно. Во всем остальном положитесь на нас.

— Короля играет свита, — проронил я, как он и советовал, рассеянно. — Ладно, поперли.

Простор и по эту сторону ворот, что и понятно, надо для обороны, зато дальше нас повела такая узенькая улочка, что две подводы точно не разъедутся, да и два рыцаря на закованных в броню конях тоже сцепятся стременами.

Впереди возчик настигивал коня, торопясь убраться с дороги, где изволят двигаться знатные господа, но тяжело груженная подвода попала колесом в глубокую рытвину, накренилась, мешки сдвинулись на сторону. Возчик в испуге оглянулся, нещадно стегал лошадь кнутом, та жалобно ржала, вытягивала шею и упиралась всеми четырьмя. Я видел, как напрягаются под кожей все мышцы, сухожилия едва не рвутся, однако подвода оставалась на месте.

Рыцарь, что ехал впереди, бодро выдернул меч.

— Разрешите, сэр? — воскликнул он, обращаясь к графу Эбергарду. — Это минутное дело, сейчас дорога будет чистой!

Граф Эбергард кивнул, рыцарь прищипорил коня, заноса руку для удара. Я крикнул взбешенно:

— Отставить! Меч в ножны!

Рыцарь вздрогнул и моментально убрал меч, лишь

тогда сообразил, что беспрекословно послушал меня, красивое лицо исказилось бешенством. Он снова бросил ладонь на рукоять меча, но его остановил твердый взгляд графа Эбергарда: неповиновение «герцогу» — преступление.

Я спрыгнул с коня, возчик поднял обреченный взгляд, изможденное лицо, усталые глаза, он простер ко мне руки и пал на колени:

— Ваша светлость, пощадите...

Я молча подошел к телеге, колесо по ступицу засело в яме, присел, ухватился обеими руками за край. Чертова подвода как будто нагружена мешками со свинцом, затрещала, начала приподниматься. Потом я сообразил, что это трещат мои кости и сухожилия. Над головой охнуло, это из окон на вторых этажах высунулись зеваки. Задерживая дыхание, приподнял еще, еще чуть, возчик все еще не опомнился, дурак, мог бы уже понудить лошадь сдвинуться с места, и я, собрав все силы, сдвинул повозку в сторону. Колесо опустилось на твердый грунт рядом с ямой.

С обеих сторон улицы завопили ликующе, силачи угодны всем, я устало перевел дыхание, потом покачал головой и сказал укоряющее:

— Люди, люди... Разве Христос не сказал, что все мы — братья? И что должны помогать друг другу?

Сэр Смит подвел мне в поводу коня. Я взобрался в седло, чувствуя, как от перенесенной тяжести подрагивают и горят игры. На Эбергарда и Мемеля я старался не смотреть, еще успею в гостинице, наверняка не пустят в общий зал, а велят приносить еду прямо в номер.

Две женщины вышли из дома и испуганно шарахнулись при виде наших коней, но, рассмотрев, что двигаемся спокойно и никого не давим, присели в реверансе. Я учтиво поклонился. Женщины заулыбались, защебетали, стреляя игривыми глазками, упорхнули, дробно постукивая невидимыми под длинными юбками каб-

лучками. Эбергард проговорил вполголоса, не двигая лицом, словно каменный истукан:

— Сэр Ричард, больше так не делайте.

— Почему? — спросил я, отметив, что сейчас он назвал меня Ричардом, явно взбешен до белого каления.

— Для вас естественно, — проговорил он так же тихо, — приветствовать публичных женщин, но... не для человека благородного сословия.

— Плевать, — ответил я с твердой безмятежностью. — Лучше поклониться десяти порочным женщинам, чем не ответить на поклон хотя бы одной достойной.

Кадфаэль благодарно улыбнулся, брат паладин преподает вельможам уроки христианского благочестия и нравственности, лицо Эбергарда потяжелело, наливаясь кровью, он сказал все так же тихо, но с нажимом:

— Вы должны вести себя, как наследник престола!

— А разве публичные женщины не мои подданные? — спросил я. — Что-то у вас хреново с логикой, сэр Эбергард.

Глава 5

К утру не только горожане, но и в ближайших селах знали, что в гостинице отряд рыцарей во главе с сыном герцога Люткеленбергского, который возвращается с турнира, покрыв себя славой. Коней оседлали на рассвете, с первыми лучами солнца уже проехали под аркой городских ворот.

С полудня зеленые равнины уступили место пустыне. Пусть не с барханами раскаленного песка, но все равно эта ровная каменистая почва и есть пустыня, где даже редкие пучки трав сразу желтеют. Здесь любое растение больше думает, как вцепиться корнями в щели между потрескавшейся землей, чем о цветении или схватке с другими травами за жизненное пространство.

Я уже начал привыкать к сухому стуку копыт и облаку желтой удушливой пыли, как пустыня резко сменилась зеленым, еще более пышной, чем по ту сторону этой странно выжженной солнцем области. Мы продвигались то галопом, то на рысях, я жадно озирался по сторонам, но земля почти такая же, как и в Срединных королевствах, такие же зеленые долины, холмы, рощи, озера и речушки. Даже звери все те же, хотя тут больше таких, что должны встречаться ближе к теплым странам.

Но не только местность, даже люди и деревушки такие, больших отличий нет. И если ехать неспешно, то весь мир, наверное, можно обойти, не заметив разницы, быстро привыкая к тем крохотным и совсем незначительным изменениям, что видишь каждый день.

К примеру, в Зорре самые красивые и значительные здания — церкви, а вот в Амальфи и окрестных владениях они уже средненькие и серенькие. В Каталауне две или три церкви на весь город, а здесь, еще ближе к Югу, я вообще всего дважды видел по дороге церквушки, и обе настолько заброшенные, с высокой травой вокруг стен, что становится ясно насчет посещаемости и вообще религиозного рвения.

Но свято место пусто не бывает, это закон, просто я пока еще не увидел того, что заняло место церкви. И не думаю, что при всем неприятии церкви и любой религии меня обрадует то, что увижу.

Сэр Смит время от времени выезжал вперед, проверял, как сообщил с важностью, как несут службу эти пять молодых рыцарей, посланные графом Эбергардом в дозор. Мы с братом Кадфаэлем в его отсутствие общались на богоугодные темы. Я сам не ожидал, что с такой жадностью буду выслушивать эту чушь про бессмертие души и необходимость укрощения плоти. Видимо, в моем мире чересчур уж раскрепостились, а когда плоть так уж назойливо лезет с экранов, газет, сайтов — то воз-

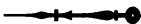
никает желание ее малость пригнуть, а подумать о чем-нить возвышенном.

Граф Эбергард и граф Мемель держались за нашими спинами, в разговоры не вступали. Для них достаточно, что на моих плечах заметный издали черный плащ с огромным золотым конем — герб рода Люткеленбергского и герцогства Пуатье. Всяк это видит, новости расходятся, и вот-вот обнаружатся те, кто желал бы не допустить до трона наследника погибшего герцога.

К полудню мы перешли вброд небольшую речушку, что отделяет владения герцогства Ламбертиния от королевства Эбберт, которым правит известный крутым нравом король Хайбиндер. Я привычно повертел головой, как будто мир здесь должен резко измениться, но дорога, не прерываясь на таможду, бежит дальше. Даже нет столба с обозначением государственной границы, что совсем уж ни в какие ворота...

Еще через пару часов увидели впереди, хоть и не прямо по курсу, очень длинный холм, а когда подъехали ближе, я понял, что это не холм, а кольцообразный вал, будто в землю врезался тунгус почище аризонского. Мне показалось издали, что из кратера тянется цепочка муравьев, но оказалось, что множество людей выносят на спинах корзины с землей. Иногда попадаются и тяжело груженные мулы, их тащат за узду измученные люди, некоторые тоже с мешками за спиной. Они все опрокидывали корзины с гребня, освобождали и мулов. Надсмотрщики следили, чтобы не задерживались на гребне под лучами солнца, а снова отправлялись туда, за край гребня.

Граф Эбергард мановением руки послал рыцарей, чтобы они образовали вокруг меня плотный заслон, будто с вала могут достать стрелой, хотя, конечно, если применить катапульты, то могут, но, думаю, у тех копальщиков другое на уме.

Сэр Смит поехал рядом, я поинтересовался:

— Золотишко роют? Я думал, оно только в горах...

Уголком глаза я видел, как граф Эбергард дернулся, намереваясь что-то объяснить, но сдержался, лицо снова стало бесстрастным и надменным. Смит покачал головой.

— Нет, конечно.

— Что, и в пустынях бывает?

— Я сказал, что не золото роют.

Я сказал раздраженно:

— Знаешь, так ответь, что туману напускаешь?

Он встрепнулся, сказал виновато:

— Извините, сэр Ричард! Я просто думал о другом. Это последние земли, в которых я бывал, дальше не рисковал, так что положимся на карту... либо на графа Эбергарда с его людьми. А здесь совсем другое... Колдуны говорят, что наибольшие запасы магии скопились на большой глубине. Целые океаны магии! А тот, кто ухитрится достать хотя бы капельку, становится чародеем невиданной мощи. Потому и стремятся в самые глубокие ущелья, чтобы там еще и пробить колодец поглубже, ибо магию можно добывать только ночью и только в полнолуние.

Я подумал, кивнул.

— Ну, это понятно.

Он насторожился.

— Вам что-то известно об источниках магии?

— Ничего, — признался я честно. — Просто понимаю, почему именно в полнолуние. Ты ведь не знаешь, почему возникают приливы и отливы на морском берегу? И рассказывать не буду, не поверишь.

Огромный вал кратера начал сдвигаться в сторону, мы увидели, что и с этой стороны на гребень поднимаются крохотные отсюда, как муравьи, полуголые люди и вываливают из корзин землю. На прожаренных со-

лицем склонах она выглядит мокрыми потеками, что сразу же высыхают, превращаясь в оранжевый песок.

За моей спиной граф Эбергард сказал встревоженно:

— Кем бы ни был этот правитель...

В ответ донесся голос графа Мемеля:

— Почему правитель?

— А кто сумеет заставить трудиться столько народу?

Там не меньше пяти сотен!.. Одни углубляют колодец, другие достают землю, третьи вытаскивают на гребень... Либо какой-нибудь герцог, у графа или барона не хватит свободных людей, либо могучий колдун, что ухитрился поднять из могил людей и заставить их работать...

Я повернулся в седле. Они сразу же прервали разговор и посмотрели на меня со смесью почтительности, ведь я «сын герцога», и раздражением, мол, тебе волам хвосты крутить, а не носить на плечах драгоценный плащ благородного человека столь высокого ранга.

— А просто богач? — предположил я мирно. — Ну, банкир, мультимиллионер... Ладно-ладно, это я пошутил. Время плутократов еще не пришло, понимаю. Но если бы я вздумал искать подземную энергию, я добрался бы до нее в сто раз быстрее.

Оба графа надменно промолчали, а сэр Смит воскликнул с подозрением в голосе и проблесками неистойвой веры:

— Как?

— Знаю места, — ответил я самодовольно, — где сразу миль на двадцать ближе к недрам, чем вот эти несчастные.

Сэр Смит воскликнул:

— Где же такие глубокие ущелья?.. Этого просто быть не может!

— Почему?

— Святая церковь говорит, что на глубине в десять миль уже располагается ад! Кадфаэль, подтверди!

Кадфаэль возвел очи к небу, вздохнул и промолчал. Я подумал, пожал плечами.

— В некоторых местах, думаю, он и ближе к поверхности. Однако я знаю такие места...

Он расспрашивать не стал, я тоже умолк, не стану же о том, что любая планета, которая вращается, в области экватора расширена, а в области полюсов сплюснута? Хотя Земля вроде бы и не жидкая, но это кажется лишь тем, кто ходит по твердой почве и не забивает голову грамотой, а на самом деле вся эта твердь не толще, чем тончайшая пленка на кипящем молоке. Так вот человек, который встанет на Северном полюсе, окажется к центру Земли на сорок километров ближе, чем тот, кто стоит на экваторе. И тот, что стоит на Южном полюсе, конечно.

Неожиданно я задумался всерьез, но ведь тогда получается, что самые могучие источники энергии как раз в самых северных землях? На полюсе?

А из этого вытекает второй вопрос: знают об этом на Юге или не знают?

Если знают, почему не попытаются завоевать, захватить те земли? Или хотя бы небольшие участки земли?

Или... не могут?

Мы уже достаточно удалились от кратера, я оглянулся, солнце опускается, по равнине побежали тревожные красноватые тени, только кратер сверкает в закатных лучах ярко, словно исполинский ошейник из пылающего железа.

— А как получают саму магию? — поинтересовался я. — Достаточно просто опуститься и впитывать фибрами?

Графья промолчали снова, не снизошли, а сэр Смит, как мой вассал, с удовольствием просветил сюзерена:

— У каждого колдуна есть амулеты. Хотя, конечно,

существуют легенды про особых людей, которые могут впитывать магию и без амулетов. Но даже им проще набирать амулетами и талисманами.

Я снова оглянулся на кратер. Нижнюю часть затопила тень, лишь верх блистает, как гигантское кольцо. Люди появляются на гребне, как блестящие пылинки, тут же гаснут, уходя назад в кратер.

— А что, в самом деле можно вот так заставить работать мертвых?

Он кивнул.

— Да, но не здесь.

— Почему?

— Здесь сжигают покойников. Может быть, потому, что слишком часто поднимали и заставляли что-то делать? Не знаю. А вот в землях фримлингов, говорят, мертвых вообще не закапывают в землю, а заливают особым воском и оставляют в подземных склепах.

Я перестал оглядываться, лишь отложил на дальней полочке в мозгу насчет этого вот кратера, глубинной магии и северных областей. Кто знает, может быть, когда-нибудь сам воспользуюсь. Знание — сила. Все-таки есть какая-то польза, что ходил в школу. Правда, большую часть знания все-таки нахватал из фильмов, рекламных брошюр, новостных рассылок, Интернета и даже анекдотов. Как сказал великий Ницше: кто не хочет умереть от жажды — должен научиться пить из всех стаканов.

— Магическую мощь получают, — спросил я, — только вот таким образом?

Брат Кадфаэль вздохнул, глянул укоризненно и, прищпорив мула, унесся к дозору. Сэр Смит с сочувствием посмотрел вслед.

— Хороший парень... Пошел бы лучше ко мне в оруженосцы, я бы из него со временем даже рыцаря бы сделал. Да, так вот, сэр Ричард, искусство магии хоть и нечестивое, но весьма старое, а раз старое, то корни и ветви

пустило во все стороны. Что значит, чем только эту магию не получают! Вот будем проезжать мимо Черной Башни... не знаю, почему ее так называют, все клянутся, что она из простого серого камня, сам я ее не видел, так вот там обитает некий Идульций. Он уже много веков не показывается из нее, никого не трогает, истязает себя аскезой, а, как известно, аскеза дает человеку огромные силы. Этот маг не прерывает свое служение ни на час вот уже восьмое столетие, и мощь его уже такова, что он может одним словом обратить эти горы в пыль, но он добивается еще большей мощи. Об этом знают немногие, простому народу безразлично, что делают маги, но сами маги с беспокойством напоминают правителям, что однажды Идульций все-таки выйдет из башни, спустится с гор... И что он возжелает совершить?

К нашему разговору прислушивались рыцари, некоторые подтянулись совсем близко, один осмелился пустить коня справа от меня, где раньше ехал Кадфаэль, перекрестился и сказал благочестиво:

— Меня зовут Дилан, сэра. Симеон-столпник, что сорок лет простоял на столбе, мог поднимать и усмирять ветер. А когда нас застала в походе черная буря, он остановил ее одним словом!.. Мы так и шли через стену черного песка, что висел в воздухе, словно приклеенный, а когда вышли к городу и оглянулись, песок рухнул, и мы увидели, что на месте высоких деревьев торчат одни верхушки!

— А Фегоний? — вспомнил другой рыцарь. — Когда шла великая битва с неверными, мы начали побеждать, неверные дрогнули и обратились в бегство, но тут настала ночь... и Фегоний зажег второе солнце. Мы, воодушевившись, гнали и рубили проклятых еще с десятков миль, пока не попадали без сил.

Сэр Смит поинтересовался:

— Но почему тогда поход окончился неудачей?

Дилан вздохнул.

— Как раз из-за победы. Мы взяли такую богатую добычу, что за каждым воином тащилась телега с трофеями, а за каждым рыцарем — целый обоз. Мы нахватили прекрасных пленниц, а там, скажу вам, были такие штучки, что способны разжечь огонь даже в чреслах нашего престарелого монарха... Ну, началось веселье, а Фегоний — пророк вспыльчивый, злой, нетерпеливый. Стал обвинять рыцарей в забвении целей похода, а потом махнул рукой, укрылся плащом и... пропал.

— И что, не могли объяснить...

— Да объяснили бы, — прервал Дилан с досадой. — Мол, отдохнем чуточку, и снова в поход! Мы не можем идти без усталости, должны останавливаться на отдых. Ну, а на отдыхе...

— Ну да, отдых есть отдых.

— На отдыхе мы другие, — подытожил Дилан, — чем в походе.

У запорожских казаков, вспомнил я, во время похода любому казаку, что выпьет пусть чарку водки, сразу же казнь на месте. А после похода хоть залейся, как будто это уже совсем другие люди. Кошечья атаманы понимали гнусную природу человека, что не может слишком долго быть чистым, ему надо время от времени валяться в грязи, вот и узаконили, когда пьянствовать можно, а когда обязаны быть во всем «лыцарями».

Смит оглянулся, лицо расплылось в счастливой улыбке.

— Какой умный пес! Все понимает...

— Что понимает?

— Смотри, какого оленя прет! Как только и задавил? А несет как, а? Будто цыпленок! Намекает, что пора остановиться.

Граф Эбергард подъехал, сказал строго:

— У нас есть ветчина, не говоря уже о сыре и хлебе.

Сэр Смит всплеснул руками.

— А олень? Вы посмотрите, какой огромный, хоть и молодой! Я как-то не привык есть сырое мясо... А вы?

Граф Эбергард сказал с так раздражающим меня выскомерием:

— Костер заметят сразу. Разве этого добиваемся?

— Можно развести в яме!

Граф Эбергард не смотрел на меня, но я ощутил его молчаливое желание, чтобы я вмешался, ведь сэр Смит — мой вассал, не подчиняется даже королю по знаменитой формуле «вассал моего вассала не мой вассал», и я сказал с неохотой:

— Сэр Смит, должен заметить, что граф Эбергард на этот раз как ни странно, но прав... хоть и граф. Нам придется пообедать холодной ветчиной и вообще тем, что осталось. Доберемся до города, там отведем душу.

Сэр Смит проворчал с тоской:

— Когда еще доберемся! А ночь вот уже вот-вот...

— А как же насчет романтичности ужина у костра? — спросил я. — Что вы все рветесь в эти душные запыленные города? Так хорошо на природе...

Добрались до реки Тихой, в самом деле, очень спокойной и настолько мирно несущей свои воды к морю, что поверхность кажется зеркальной. Даже ветер не мог поднять волны или вздыбить гребешками, вода не плещется о берег, а стоит тихо и неподвижно, словно не река, а озеро.

С той стороны заливные луга, где-то на полмили, а дальше тот самый зачарованный лес, о котором местные рассказывают столько жутких сказок, однако же рубят в нем деревья, правда, на опушках, бабы собирают грибы и ягоды, с берез сбивают наросты целебной чаги, углежоги жгут в подземных ямах целые стволы, и страшный зачарованный лес отступает под натиском самого лютого зверя, двуногого.

Граф Эбергард велел почаще поднимать повыше стяг с изображением золотого вздыбленного коня, пусть все видят и запомнят, однако торопил, мы ехали иной раз до полуночи, благо полнолуние, на ночлег останавливались на три-четыре часа, а затем снова весь день то рысью, то галопом.

Долина стала каменистой, сперва в том смысле, что копыта застучали по камням, затем на этой ровной как стол поверхности стали попадаться округлые валуны, сперва размером с окаменевшие яйца динозавров, затем с баранов. Потом мы проезжали мимо таких валунов, задирая головы, не понимая, почему такие круглые, почему исчезла мелочь, а продолжают нарастать размеры, пока они не стали высотой с трехэтажный дом, продолжая сохранять округлую форму.

Сэр Смит начал креститься едва ли не чаще, чем брат Кадфаэль, этот же спокоен, ибо все в руке Божьей, и если такое создал, значит — нужно. Или было на тот момент нужно, а теперь осталось.

— Зачем осталось? — спросил сэр Смит нервно.

— Для напоминания о мощи десницы Божьей, — сказал Кадфаэль нравоучительно.

Я неожиданно обнаружил, что одна из гемм, какая — не врубилась, усилила действие копалки. Обнаружил случайно на привале, когда отлучился от костра за высокие зеленые кусты. В амулете тихонько шелкнуло, словно раскололся лесной орех. Я ощутил, как он качнулся на веревочке, чего раньше не случалось. Я взял в ладонь, опустил, само собой подумалось, что у меня вроде бы еще с десятков золотых монет в карманах, да два десятка зашиты в седло вместе с драгоценными камешками, хватит, не надо жадничать...

Амулет подрагивал в ладони, ничего не происходило. Очень медленно я ощутил, что там на большой глубине есть золото. На гораздо большей, чем раньше на-

шупывала копалка. Его можно оставить там, а можно и принудить подняться к поверхности.

Подняться, сказал я. Велю подняться. И тут же амулет похолодел, словно в ладони у меня льдинка, впрочем, держать в эту жару даже приятно. Я застыл, прислушиваясь к ощущениям. Смутно, очень смутно, но как будто копалка отсчитывает на своем копальем языке исчезнувших программистов пройденные дюймы, футы, а может быть, и ярды. Или те, которые остались до поверхности.

От костра Дилан крикнул жизнерадостно:

— Сэр Ричард, с вами все в порядке?

Кто-то гоготнул, другой голос сказанул скабрёзность, я ответил строго:

— Я здесь медитирую, неучи.

У костра разгорелся спор, что это такое, пошли самые разные предположения, а я терпеливо ждал, чувствуя, как закопанный неведомыми народами клад медленно поднимается к поверхности. Что закопан давно, понятно уже из того, что сокровища закапывают в самых приметных местах, обычно у дороги. Причем хорошей дороги, по мелким тропкам ходят мелкие разбойники, у них и запросы маленькие, и добыча крохотная. А здесь на милях в любую сторону дремучий лес, вековой лес, по всем летописям здесь лес был всегда...

Земля зашевелилась, словно на поверхность спешно выбирается крупный крот, я торопливо опустил ладонь с амулетом на разрыхленную почву и ощутил, как там, разбрасывая комья, поднялся холодный металл и прижался к ладони. Странной формы посуда, скорее походит на кастрюлю, чем на привычный горшок или кувшин, только эта кастрюля сделана с таким изяществом, что сама по себе уже произведение искусства. Крышка залита чем-то наподобие воска, но не воском. Я вытащил нож и расковырял все печати, на меня колдовство не действует, осторожно приподнял крышку, на всякий

случай отклонившись в сторону, вдруг что выпрыгнет, мало ли какие защиты от дураков.

Из кастрюльки вырвался искрящийся столб радуги, снизу в растопыренные ветви ударил радостный ликующий свет. Я с недоверием смотрел на россыпь драгоценных камней, отказываясь верить, что это всего лишь камешки, которые дурные бабы вставляют в уши, кольца и вешают на шею.

От костра донесся испуганно-восторженный вопль:

— Сэр Ричард!.. Что это?

— Всем оставаться у костра, — велел я. — А то вдруг рванет... В смысле, я, как паладин, еще могу справиться, а вас божественным огнем сожжет! Ко мне могут приблизиться только безгрешные. Этих я сам призываю приобщиться к благодати.

У костра все разом затихло, никто не сдвинулся, а я осторожно потыкал в драгоценности пальцем, потом с опаской взял один камешек в руки, покатал на ладони, посмотрел через него на заходящее солнце, хотел было лизнуть, чтоб уж совсем быть похожим на папуаса, увидевшего электронные часы, но вспомнил, что никто не видит, можно не играть на публику и не делать вид, что понимаю что-то в этой хрени, запустил лапу поглубже и обнаружил на дне кастрюльки несколько золотых монет.

И хотя таких никогда не видел, морды и гербы просто совсем как будто не людьми сделанные, но ощутил внезапно нечто вроде грусти. И здесь всего лишь золото, всего лишь драгоценности. Нет чтобы спрятать электронный микроскоп или мобильник. Но люди во все времена и эпохи прячут золотишко и камешки. Неудивительно, что все эпохи заканчиваются всемирными катаклизмами, а потом все сначала, все сначала...

Когда я, пересыпав драгоценности и золото в сумку, вернулся к костру, на меня смотрели вопрошающими глазами.

— Что это было, сэр... Легольс?

— Разговаривал с Богом, — ответил я.

Ответом было ошарашенное молчание, на раздувшуюся сумку у пояса тоже посматривали, но я молчу, а задавать прямые вопросы весьма некуртуазно.

Эбергард поинтересовался почтительно:

— И что он сказал?

— Что веют ветры, — ответил я невесело, — и все возвращается на круги своя... И только мы способны этот порочный круг разорвать.

— Как? — спросил юный Дилан.

Они все смотрели серьезно и с ожиданием. Я молчал, не зная, как объяснить, что для этого надо перестать прятать золото и драгоценности. Что это вовсе не драгоценности, что это вообще не ценности. Только тогда вырвемся из этого повторяющегося цикла катастроф, когда примем другие ценности.

Правда, сам я спрятал, мне — можно.

Справа и слева проплывают, слегка покачиваясь, островки темно-зеленых елей, трава по обе стороны дорожки светло-зеленая, низкая. Временами поднимаются метелки ярких цветов, там жужжат толстые шмели, порхают бабочки и даже бомбардировочно грозно гудят металоспинные жуки.

Иногда совсем рядом с конскими копытами блестят гладью небольшие озера с густой синей водой. Дорога все поднимается, а далеко впереди, временами заходя то вправо, то влево, грозно сверкает белыми вершинками горный хребет. Селенья попадают, однако, с той же регулярностью, хотя здесь, по словам Кадфаэля, ночами бродят упыри, а днем охотятся беспощадные крыланы. Но люди упорно не желают покидать эти места: то ли сумели приспособиться к жестоким условиям, то

ли полагают, что свобода от налогов и повинностей стоит любых напастей от чудовищ.

К вечеру небо стало лиловым, только на западе остается пурпурным. Кое-где прорывается сквозь застывающую корку настоящее кипящее золото, настолько яркое, словно этот багровый закат заслоняет от нас огромное на полнеба солнце. Впереди жутко и страшно, словно создание дьявола, поднимается одинокое черное дерево, даже не дерево, а угольно-черный силуэт, грубо вырезанный из этого цветного занавеса.

Конские копыта стучат негромко, дерево приближается и становится все более грозным: исполинское, с толстым стволом, который на небольшой высоте раздвоился, а обе половинки, в свою очередь, выбросили вверх и в стороны такие могучие ветви, что центрального ствола уже просто нет. Земля черная как деготь, луна еще не взошла, а если и взошла, то скрывается за фиолетовыми и пурпурными облаками, небо же с трудом освещает только себя.

Дерево разрослось, закрыло половину мира, мы слышали шелест листьев, не такие уж и голые ветви, а между корней блеснул небольшой родник. Смит сразу же начал распорядиться насчет ужина, но рыцари слушали графа Эбергарда. Впрочем, Смит даже не подумал обидеться, субординацию понимает, принял из пасти Пса пойманного зайца, толстого, как откормленный в монастыре кабан, тут же начал разделявать и пластать мясо для поджаривания.

Кадфаэль вытащил молитвенник и углубился в чтение, сэр Смит отлучился ненадолго и принес полный шлем крупных красных ягод, похожих на землянику, только намного крупнее. Пес снова исчез, принес небольшую молоденькую козу, может быть — газель или антилопу, но все равно — козу, а немного погодя ухитрился откуда-то приволочить огромную рыбину. Она

продолжала отчаянно вырываться и хлестать хвостом даже не по морде, а по бокам.

Он бросил ее Смиту на колени, отпрыгнул и стал с интересом следить, как рыцарь дерется с рыбой.

Всю ночь над нами вскрикивали жуткими голосами совы, в лесу выли волки, дважды вздрогнула земля, будто некий крупный зверь ломился сквозь земные пласты, как лось через кустарник. Я сразу подумал про индрика, что растет всю жизнь, но индрики, как говорят, опускаются всю глубже и глубже, а наверх им путь закрыт...

Во сне я скакал на коне, летал под облаками и даже выше, любуясь ровной, будто заснеженной поверхностью, а когда опустился на землю, глаза сами начали шарить в поисках самок, и тут же услышал тихий женственный смех.

— Наконец-то обо мне вспомнил?

Она вышла прямо из пространства, я протянул руки, она не противилась, никогда не противится, только спросила:

— Зачем так далеко забрался?

— Дела, — ответил я. — Как там наш малыш?..

— Растет, — ответила она счастливо. — Я впервые перестала завидовать людям.

— Где он сейчас?

— Исследует...

Она что-то говорила еще, но рев крови в ушах заглушил. Я жадно мял ее в руках, сладостное чувство встряхнуло так, что мир задрожал и начал расплываться. Санегерия звонко чмокнула в щеку, я ощутил под собой груду веток, брезгливо подвигался и заснул снова.

Когда раскрыл глаза, солнце уже наполовину высунилось из-за края земли. Вся наша верхушка у костра, рыцари проверяют коней: осматривают копыта, бабки, потертости, передвигают ремни, кто-то опустился на пень и с зубодробильным вжиканьем мерно водит то-

чильным камнем по лезвию меча. Искры при каждом движении летят длинные, злые, а от звука ноют не только зубы, но и кости во всем теле.

Глава 6

Небо в длинных белых полосах, некоторые пытаются свернуться жгутами, но невидимый ветер растрепывает, остальных вытягивает в струнку. Зато внизу под золотыми лучами солнца трава из зеленой стала золотой, а деревья так и вовсе оранжево-красные, пурпурные, багряные..

Выглянули красные черепичные крыши, деревня небольшая, но прежде открывающихся домов мы увидели стада тучных коров, овец, поверхность небольшого озера вся закрыта несметным количеством гусей и уток, по берегам козы щиплют траву и, встав на задние копыта, достают нижние ветви деревьев.

Смит потер ладони, усы приподнялись, глаза заблестели.

— Давненько я не пивал свежего молочка!

— И не таскал на сеновал деревенских... — добавил Дилан.

Кадфаэль укоризненно вздохнул, а ехавшие впереди три рыцаря вдруг остановили коней и обнажили мечи. Эбергард сразу напрягся, велел строгим голосом:

— Дилан, Мейнард — вперед!.. Сэр Смит, оставайтесь с сэром Легольсом.

Через пару минут мы увидели, как со стороны ближайшего села в нашу сторону бегут мужчины с топорами в руках, вилами, косами, даже просто кольями.

К тройке рыцарей подъехали Дилан и Мейнард, тоже обнажили мечи. Могучие, в блестящем железе с головы до ног, на огромных боевых конях, они выглядят несокрушимыми, даже простые ратники должны дрог-

нуть при их виде, однако вооруженная толпа перла осатанело, солнце сверкает на обнаженном оружии, я услышал крики:

- Бей инквизиторов!..
- Руби!..
- Смерть церковникам!..
- Убейте всех!..

На лице Эбергарда холодное презрение, я быстро посмотрел по сторонам, по обе стороны дороги глубокие канавы для отвода воды, дальше за селом каменистая местность, и в тот же момент, словно прочитав мои мысли, Эбергард крикнул:

- Вперед!.. Не останавливаться.

Передняя тройка пустила коней сперва шагом, затем копыта застучали чаще, всадники начали наклоняться к развевающимся гривам. Толпа налетела, как грязная вода. В руках рыцарей засверкали мечи. Мы тоже пустили коней в галоп, передняя пятерка почти не замедлила бег коней, хотя под копытами исчезают вопящие люди. Мы, в основной группе, тоже обнажили оружие и отмахивались от наседающих с боков, пока впереди не открылась чистая дорога.

Я оглянулся, позади в лужах крови десятки раненых и раздавленных, остальные в злобе и растерянности потрясают оружием на обочине, посылают проклятия вдогонку.

Сэр Смит с брезгливостью стряхивал меч, с блестящего лезвия срывались красные капли.

- Что у них за головы... Ведь плашмя же бил!

Эбергард спросил с холодным презрением:

- Откуда такая слюнявая жалость?

— Благородный меч не хотел поганить, — огрызнулся Смит. — Вам проще, сэр Эбергард, у вас не меч, а железка.

- Ну-ну, — сказал Эбергард предостерегающе, — не

задирайтесь, сэр Смит... Сэр Легольс, в следующий раз не выдвигайтесь так опасно. Больно конь у вас резвый. Одно время я опасался, что ринетесь в бой...

Сэр Смит хмыкнул и посмотрел на Эбергарда с таким презрением, что у него должна бы вспыхнуть в превратиться в пепел вся шкура. Я оглянулся еще раз, оставшиеся на ногах наклонялись над распростертыми, переворачивали, кого-то поднимали.

— Непонятно... Видно же, что не было шансов даже остановить нас!

— Дураки, — ответил Смит с невыразимым презрением. — Сказано, земляные черви.

Эбергард заметил холодновато:

— Возможно, им заплатили не за это.

Смит насторожился.

— Заплатили?

— И очень щедро, — добавил Эбергард.

— А за что, позвольте поинтересоваться?

Спрашивал он ехидно, но я видел, что для себя уже давно признал Эбергарда как неизмеримо более высокого, чем он сам, по части понимания окружающего мира.

— Например, — сказал Эбергард и указал одними глазами в мою сторону, — кучу золота за голову сэра Легольса. Чуть поменьше — если сумеют ранить. Еще меньше, но достаточно, чтобы разбогатеть, если хоть кого-то из наших убьют или ранят, все же наш отряд станет более уязвим. Ну, а за простое нападение — тоже неплохая сумма, чтобы рискнуть шкурами. Заодно этот наниматель проверил нашу боеспособность.

Он говорил холодно, ровным голосом. От его спокойствия мне стало нехорошо, словно из-за каждого кустика за нами наблюдают полные ненависти глаза.

Я поерзал в седле, взгляд прошерстил придорожные кусты, уперся в приближающуюся стену леса.

С полудня дорога прошла у подножия приземистого, но довольно высокого холма, на вершине развалины замка, как сказал Эбергард. Сколько я ни присматривался, замок вроде бы вполне целый, только не трепещут над башнями флажки, не поднимается дым от печей.

— Там никто не живет, — объяснил Эбергард. — Вот уже пару сот лет. Потому и руины.

Я все оглядывался, замок поворачивается, как игрушка на горке, вполне целый, добротный, построенный умело, со старанием. Рядом простучали копыта мула Кадфаэля, монах осенял здание крестным знамением, губы часто-часто шевелились.

Прислушавшись, я услышал:

— Господь, твердыня моя и прибежище мое, избавитель, Бог мой...

— Хорошие слова, — одобрил я. — Кадфаэль, а почему никто не заселяет?

Он перекрестился.

— Брат паладин, это плохой замок.

— Чем?

— Не знаю. Но здесь, как видите, никто и близко не селится.

— Ладно, — ответил я с сожалением, — до всего руки не доходят. А как бы пошарить и в этих стенах... И вообще мимо каких мест я прошел, даже не заглянув! Убить себя готов.

— Прежде чем войти, — проговорил Кадфаэль, — подумай, нужен ли ты здесь?

— Прежде чем что-то сказать, — вмешался сэр Смит, — подумай, а потом промолчи.

— Сэр Смит, — сказал я с неудовольствием, — вам с вашей задиристостью уже прогулы на кладбище ставят.

Он довольно улыбнулся, пальцы залихватски подкрутили ус.

— Рыцарь должен уметь давать сдачи!..

— Так у нас не драка, — пояснил я. — У нас мирная богословская беседа о непознанном, о кознях дьявола...

Смит громко захохотал, привлекая внимание рыцарей.

— Нет никакого дьявола! — объявил он с удовольствием. — Это Бог, когда напьется.

Далеко впереди тройка рыцарей придержала коней. Дилан обернулся и махал рукой. Эбергард помрачнел, а граф Мемель тихонько выругался.

От села в сторону дороги быстро двигалась серая неопрятная масса. Я различил множество бегущих людей, а когда подъехали ближе, рассмотрел в их руках топоры, дубины, палицы, колья.

Смит воскликнул в великом удивлении:

— Они что же... вперед нас добежали?

— Не паясничайте, — бросил Эбергард раздраженно. — Это другие. Мечи к бою!.. Следите, чтобы не поранили коней!

Толпа высыпала на дорогу, когда мы начали разгонять коней. Некоторое время там стояли стеной, я слышал истошные крики:

— Антихристы!..

— Антихристы едут!

— Бей антихристов!..

— Не позволим...

В последний миг бросились в стороны, но успели не все, рыцарские кони, несмотря на тяжелый вес, развивают скорость просто непомерную. Под копытами крик, вопли, хруст костей, наши мечи рубили наконечники копий и кос. Внизу мелькали, исчезая, перекошенные ужасом лица и выпученные глаза, затем вопли остались позади, истончились и пропали.

Оглянувшись, я снова увидел убитых и раздавленных на дороге, уцелевшие бросились им помогать, поднимать на ноги.

Эбергард быстро оглядел всех:

— Целы?..

Дилан ответил как бы с обидой, но и с некоторым хвастовством:

— Ну что могут сделать простые мужики?

— Могли поцарапать коней, — напомнил Эбергард.

Сэр Смит тоже оглядывался, вертел головой, глаза круглые, только что челюсть еще на месте, но и то видно, что удерживает от повисания, подобно шагающему экскаватору.

— Так мы антихристы или же, напротив, святая инквизиция?

Дилан предположил наивно:

— Что-то перепутали? Это же простолюдины!

— Они правую руку от левой ноги не отличат, — сказал сэр Смит с невыразимым презрением. — Верно, сэр Ричард?

Я смолчал, не рассказывать же о манипуляции общественным мнением, тем более — целевыми группами. Здесь, конечно, не лобовое манипулирование, а наемничество, но для усиления эффекта нужно, чтобы верили, будто бьются за правое дело. Так, кстати, и дешевле, и боеспособность выше.

— Кукловода бы поймать, — сказал я.

Эбергард взглянул остро.

— Темного монаха?

— Мне цвет не важен, — ответил я, — я демократ, не терплю расизм и негров. Но всех этих дураков зомбируют... не в прямом смысле, очень умелые люди. Пока они живы и на свободе, дураки будут вот так же сбегаться к нашей дороге.

Эбергард подумал, пожал плечами.

— Это несущественно. Во-первых, у нас очень быстрые кони. Во-вторых, что важнее, к нам сразу теряют интерес, когда узнают, что вы вовсе не тот, за кого себя выдаете. А вообще... в чем-то вы правы, сэр Легольс. Полагаю, в третьем селе нас ждет что-то подобное. По-

тому нам стоит сделать некий зигзаг... уйти резко влево, там нет дороги, зато неплохая ровная земля, удобная для скачки. Достаточно каменистая, чтобы ее не распахиwali, так что больших сел там нет. Сэр Смит, если вам нетрудно, объявите Дилану, что временно меняем курс.

На пятые сутки прошли границу королевства Эбберт, где правит сосед и соперник нашего короля Хайбиндер. Усталые кони едва поднимают морды, страшно разбухшее и побагровевшее солнце неспешно сползает к горизонту. Небесный свод раскалился и таким остался, облака вспыхнули зловещим огнем пожара. Мы начали осматриваться в поисках ночлега. Если нет поблизости села, заночуем и в лесу, как вдруг сэр Смит воскликнул предупреждающе:

— Приближается конный отряд! Пятеро рыцарей, десять копейщиков... и десять лучников.

У графа Эбергарда вырвалось восклицание:

— Наконец-то!

Граф Мемель заметил спокойно:

— Побаивались?

— Да, — обронил Эбергард. Лицо его снова стало замкнутым и высокомерным. — Представьте себе, если бы наша уловка не удалась и враги пустились бы в погоню за настоящим наследником!

— Похоже, — согласился Мемель, — что проверки закончились. Началась охота.

Оба сдержанно улыбались, верные трону служаки, счастливые принять удар на себя, пока их юный сюзерен добирается к трону. Я сдержанно фыркнул, хотя ощутил себя несколько уязвленным.

Все мы придержали коней, не следует создавать впечатление, что стараемся ускользнуть. Даже у сэра Смита не тот конь, чтобы наверняка мог уйти от любой погони, а уж мул брата Кадфаэля...

Из-за леса с дробным стуком копыт выметнулись блестящие на солнце всадники, только десять последних в кожаных доспехах, остальные в железе, кони несут полным галопом в нашу сторону. Я опустил ладонь на рукоять молота.

Всадники начали придерживать коней, все остановились шагах в двадцати, навстречу выехал рыцарь в полных доспехах, забрало поднято, я увидел суровое лицо и серые холодные глаза.

— Кто топчет землю короля Хайбиндера?

Граф Эбергард медленно выехал вперед, я молча смотрел ему в спину, признавая, что я вот так никогда не смогу: ровная спина лейб-гвардейца, безукоризненный разворот плеч, надменно-холодный вид высшего существа, доспехи сверкают так, что сразу видно высшее и самое высшее сословие, ну ни пылинки, хотя остальные вывозились как свиньи, где только и сумели.

Он остановил коня в трех шагах от вожака отряда, помедлил, я восхищенно оценил драматизм паузы, и когда терпение всадников начало угрожающе потрескивать, заговорил ровным голосом олимпийского небожителя, что снизошел до общения со смертным:

— Благородный сэра Легольс, сын герцога Люткеленбургского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Аквани, верховного сюзерена герцогства Пуатье, возвращается с Каталаунского турнира, где он стяжал воинскую славу и не посрамил свою честь... чтобы в своем герцогстве занять трон, опустевший ввиду трагической гибели его отца!

Вожак поднял руку в жесте приветствия, взгляд чуть смягчился, сзади заговорили.

— Приветствую сэра Легольса и прошу принять от меня и всех нас самые искренние соболезнования... А кто остальные рыцари?

— Свита сэра Легольса, — ответил граф Эбергард с

той же холодной учтивостью. — Хотя, конечно, приличия требовали свиту в несколько раз больше, но сэр Легольс ехал на турнир, а не ко двору короля Барбароссы, что оправдывает некоторые нарушения этикета.

— Да, конечно, — согласился вожак. — Я — Вильям де Гросс, помощник начальника стражи Его Величества короля Хайбиндера. Он приглашает вас провести эту ночь в его дворце. Утром вы его покинете, если не захотите остаться дольше. Вас снабдят провизией, а сумки для коней — отборным овсом.

Сэр Смит довольно заулыбался, приятно, когда приглашает сам король, а я подумал невесело, что и захочешь — хрен откажешься. Здесь любое слово короля — закон, даже если высказано в форме самого легкого пожелания.

Вильям де Гросс поехал рядом с нами, однако его люди как бы случайно взяли нас в коробочку: едут не только сзади, но даже ухитряются проскакивать на быстрых конях с боков, хотя дорога там не очень. Зато я лишний раз убедился, что от погони могу уйти разве что я, но не мои спутники.

Стольный город короля Хайбиндера обнесен невысокой стеной, но зато охватывает город целиком, даже со стороны реки не высадиться на крутой берег, там такая же стена. Башни тоже невысокие, будто кто-то запретил строить выше известного уровня, зато башен много, идут часто, особенно много со стороны ворот.

Мы въехали, сопровождаемые любопытными взглядами простонародья. Улочки узкие, кривые, на высоте второго и третьего этажа протянуты веревки, на которых, напрочь закрывая солнце, сушится белье. Пока мы ехали, на меня несколько раз капнуло, и только на площади посветлело. На той стороне открылся дворец короля.

Сэр Смит присвистнул, глаза расширились в удивлении. Дворец, в отличие от привычных угрюмых замков, выглядит радостным и праздничным, вокруг разбит прекрасный сад, над вершинами деревьев носятся яркие, как попугайчики, дракончики размером с ящериц, часто-часто взмахивают слюдяными, как у стрекоз, крыльями. Широкая дорожка ко дворцу выложена плитами из белого мрамора, по бокам цветут яркие, сильно пахнущие цветы.

Король Хайбиндер уже ждал нас в главном зале, так мне показалось. Во всяком случае он на троне. Рядом стоят гордые оказанной честью двое молодых вельмож, видимо — сыновья. С другой стороны придворные постарше, похожи на советников. Еще десятка два вельмож в богатых одеждах под стенами, но едва мы вошли в зал и приблизились к трону, они тоже подошли ближе и взяли нас в полукольцо.

С другой стороны появился высокий и крепкий рыцарь в легких доспехах без головного убора. Я сразу признал в нем старшего сына короля, уж очень похожи все четверо: отец и трое сыновей, но этот среди братьев чересчур явно выделяется мощью и силой. Росту все три одинаковые, но только этот настолько широк в груди, с могучими плечами. И весь он из мышц, в то время как братья наверняка не все время проводят в упражнениях с оружием, когда в полных доспехах рыцари бегают с мешками камней на плечах, учатся запрыгивать на коня, не касаясь стремян, а тяжелыми топорами рубят деревянных истуканов до тех пор, пока топорище не выскользнет из ослабевших пальцев.

И все же он показался мне самым неприятным. Как раз тот случай, когда достоинства переходят в противоположность: гордясь силой и развитыми мышцами, он без нужды напрягает мускулы и вздувает грудь, на всех смотрит с нескрываемым презрением. И на нас посмотрел сперва с безразличием, и лишь когда измерил взгля-

дом мой рост и ширину моих плеч, в бесцветных глазах вспыхнула ненависть.

Я старался не смотреть на него прямо, такие люди это воспринимают как вызов. Еще при посещении зоопарка нам в детстве говорили, что нельзя гориллам или медведям смотреть прямо в глаза: начнут реветь и бросаться на решетку, так вот здесь я чувствовал, что как раз тот случай.

Он стиснул губы, удлиненное лицо напряглось, а брови сдвинулись на переносице. Мне показалось, что уже выискивает, к чему бы придраться.

Я отвесил рыцарский поклон, полный достоинства и самоуважения, ведь все рыцари — братья, а король — тоже рыцарь, только старше по возрасту и рангу:

— Ваше Величество, мы счастливы засвидетельствовать вам свое уважение. Я — Легольс из Пуатье, а это сэра Смит — победитель только что закончившегося турнира в Католауне... это брат Кадфаэль, миссионер веры Христовой. Остальные — моя свита, столь необходимая для путешествий.

Король наблюдал за нами из-под сдвинутых бровей. Глаза поблескивали, как кусочки кварца в пламени множества свечей. Придворные благовоспитанно молчали, король проронил после паузы:

— Мы что-то слышали об этом турнире. Король Барбаросса снова женится?

— Уже женился, — сообщил я. — У него прекрасная, милая жена.

Он фыркнул.

— Он принудил короля Джона отдать ее!.. А у короля Джона были насчет ее другие планы.

Придворные кивали, а старший сын короля стиснул кулаки и нахмурился. Я смотрел, как он багровеет и еще больше, чем отец, наливается яростью, снова поклонился и сказал дипломатично:

— Что сделано, то сделано. Могу сказать, что говорят все: король Барбаросса выиграл от этой женитьбы!

Хайбиндер некоторое время жевал губами, словно намеревался то ли плюнуть, как верблюд, то ли выругаться как можно более смачно, но вовремя вспомнил, что он король, а не вожак шайки голодных баронов.

— Вам покажут ваши покои, — сказал он наконец. — Принесут помыться, потом ужин в малом зале. Надеюсь, к утру вы снова будете полны сил и отваги.

— Благодарю, Ваше Величество, — ответил я с легким поклоном, почтительным, но не чересчур, все-таки я теперь герцог, а не хрен собачий, от герцога до короля всего один шаг, так что все путем.

Спину мне сверлил взгляд графа Эбергарда, а когда король небрежным взмахом отпустил нас, я фибрами ощутил неслышный вздох облегчения. Мол, как бы этот свинопас не стал хлопать короля по плечу и приглашать пойти посмотреть свиней.

Нас отвели в просторные и хорошо меблированные покои, где мы долго смывали пот и грязь, затем явился один из придворных и, рассыпаясь в учтивостях, пригласил к ужину.

Зал поражал размерами и великолепием, я снова подумал, что Север — все-таки захолустье, а чем ближе к Югу, тем богаче земли и краше города. Столы ломаются от обилия жареной дичи, быстрые слуги вносят кувшины и на ходу откупоривают, по всему залу разносятся волшебные ароматы тонких, изысканных вин.

Король вошел в другую дверь в сопровождении сыновей и придворных, кивнул нам и указал жестом на места за столом напротив своего кресла с высокой спинкой. Сам он уселся с некоторым кряхтением, возложил толстые руки на вытертые до блеска широкие подлокотники. Сыновья сели справа и слева, стоять остались только двое вооруженных воинов и человек в

одежде священника, но что-то он мне священником не показался.

Его Величество изволило отрезать себе целую ногу ягненка, моментально десятки рук потянулись к блюдам, заблестали ножи, распарывая бока жареным оленям, козам, гусям, отхватывая куски парующего мяса.

Глава 7

Старший сын короля хохотал громче всех, но иногда без причины грозно хмурился, стучал кулаком по столу, и все вокруг испуганно умолкали. Я уже знал по разговорам, что зовут его Иервен, он водил армию короля на соседей и выиграл два важных сражения. Кроме того, он лучший боец королевства. И если бы у него было время принять участие в этом, как его, Каталаунском турнире, то он всех в одиночку согнал бы, как стадо овец, и пригнал в загон для пленных.

Сэр Смит вскипал, ладонь дергалась к рукояти меча, я тут же останавливал. Граф Эбергард смотрел то на сэра Смита, то на меня. В холодных глазах я ничего не мог прочесть, но, думаю, ему самому очень не хотелось бы каких-либо осложнений.

Король, разделившись с половинкой ноги ягненка, сыто рыгнул и обратился ко мне:

— Сэр Легольс, еще раз приношу соболезнования по случаю гибели вашего отца... но это лучший путь для воина, чем закончить жизнь дряхлым стариком в постели... однако каковы ваши планы теперь? Вы вступите на трон, на вашу голову опустится корона герцога, а вместе с нею и обязанности. Готовы к такой трудной роли?.. Ведь некоторые своевольные бароны обязательно постараются воспользоваться случаем... и как-то освободиться от вассальной зависимости?

Я слегка поклонился.

— Да, Ваше Величество, мне придется трудно. Но у меня два мудрых наставника, граф Эбергард и граф Мемель, вот они... и все, что я говорю и делаю, это вложено в меня ими. Если я наделаю глупостей, то народ пусть их побьет камнями, я сейчас то, чем они сделали меня.

Король повел налитыми кровью глазами на Эбергарда и Мемеля, оба по-прежнему невозмутимые, но я со злорадством ощутил, насколько я их уел и беспокоил.

— И все же, — поинтересовался король, — каковы ваши первые шаги?

— Буду обустривать герцогство, — ответил я. — Посмотрю, можно ли снизить налоги, это вызовет оживление экономики и приток инвестиций. По крайней мере, так говорили мои наставники. Потом проеду с инспекцией по границе, надо осмотреть крепости на проблемных участках. Проведу инвентаризацию рудников, надо же понять: дешевле самим производить оружие или покупать на стороне?

У короля брови взлетели на середину лба, челюсть отвисла, смотрит так, будто пытается залезть взглядом мне в череп, граф Эбергард вообще перестал есть, а граф Мемель — дышать, и в этой тишине Иервен фыркнул и сказал громко:

— Дурость!

Король повернул голову.

— О чем ты, сын мой?

Иервен сказал еще громче:

— Дурость насчет снижения налогов. С простолудинов можно драть хоть семь шкур, они тут же отрастят восьмую. И не проверять крепости надо, а вооружать армию и двигаться на соседа! Что есть выше воинской доблести? Что есть слаже, чем одержанная в бою победа?

Сэр Смит грозно сопел и рвался возразить, я придержал его за локоть и шепнул, что на провинциальных дурней обращать внимания не стоит. Граф Эбергард с

тревогой следил за моим лицом, стараясь понять, на что я подбиваю своего единственного вассала.

Король сказал примирительно:

— У правителя больше забот, чем у полководца. Тому нужно следить только за армией, а правитель отвечает и за цены на зерно или шерсть. Юный герцог Легольс уже сейчас начинает ощущать груз забот на своих неокрепших плечах...

Иервен сказал надменно:

— Я не вижу доблести в том, чтобы ехать сейчас в свое крохотное герцогство и начинать заниматься стрижкой овец, когда все рыцари Честера и Марешаля собираются под знамена своих королей!.. Валинг уже подступил к границам графства Итрурия, и все способные носить оружие должны принять в этом побоище участие!

Я сдвинул плечами.

— Это не наша война.

Иервен вспыхнул.

— Это речь труса! Настоящий мужчина не может проехать мимо армий, что намереваются вступить в бой.

— А что он должен сделать? — спросил я скептически. — Я не гожусь в миротворцы. Это разве что архиепископ...

Его лицо покраснело от гнева.

— Кто говорит о миротворчестве? Настоящий рыцарь будет счастлив принять участие в схватке, чтобы показать мощь своего оружия, заслужить славу... и богатую добычу!

Я развел руками.

— Что ж, у вас будет больше добычи, если мы проедем мимо.

Король хмурился, раньше других заметил, что сын выставляет себя дураком. Хуже всего, что и советники замечают, может, даже остальные придворные тоже видят, что мои слова звучат умнее и взвешеннее.

Иервен тоже ощутил, что он проигрывает в споре, взбеленился, грохнул кулаком по столу и заорал:

— Вы увиливаете от мужской работы! Думаю, что рыцарские шпоры вы просто сняли с какого-нибудь погибшего рыцаря!

Король нахмурился, его сын перешел все границы, придворные тревожно зашущукались. Король сказал строго:

— Сын мой, ты не прав. Сэр Легольс, я приношу вам извинения за несдержанность моего старшего сына. Он слишком много времени проводил в походах и битвах, потому его речь несколько... огрубела. Иервен, извинись сейчас же!

Иервен презрительно рассмеялся.

— А что я сказал неверно? Сейчас все мужчины по всем землям на сотни миль вокруг берутся за оружие. А рассказы про свое герцогство — прекрасный повод сбежать с предполагаемого места жарких схваток.

Я пожал плечами.

— Вы вправе считать так, как полагаете нужным. В то же время и я вправе считать вас тем, кем вы, без сомнения, являетесь.

Он спросил яростно:

— Кем я являюсь?

— А это вам виднее, — ответил я сдержанно. — Но почему-то мне вот кажется, что не все разделяют вашу точку зрения на свою уникальность.

Он побагровел так, что кровь едва не брызнула из пор, устрашающее зрелище, бросил руку на рукоять меча и прохрипел лютю:

— Что? Вы меня оскорбили?

— По-моему, — сказал я с той же сдержанностью, хотя внутри начало закипать, — вы сами себя называли тем... кем являетесь.

Он вскочил с такой буйной яростью, что едва не опрокинул стол, такое под силу разве что слону, все-таки стол

дрогнул, а пара кувшинов повалилась, разливая красное вино по белой скатерти.

— Вы были на турнире?.. Торговали там шерстью?

Его рука медленно потащила из ножен меч уstraшающей длины. Гости поспешно выскочили из-за стола и шарахнулись в стороны, освобождая место. Я вылез из-за стола, пожал плечами, показывая всем, что очень даже не хочу того, что должно случиться, но меня вынуждают, я приперт к стене и вот потому тоже вытаскиваю меч.

От лезвия побежали блики, словно по воде, я вытянул меч в сторону Иервена.

— Вам отец мудро посоветовал извиниться.

Король перестал нас созерцать, как устроитель боев, рыкнул:

— Иервен, ты меня слышал?

Иервен ответил с яростью:

— Не раньше, чем я проучу этого торговца шерстью!

Я снова пожал плечами. Чем-то торговцы шерстью его обидели в детстве, раз для него это самое крепкое оскорбление, молча ждал. На меня надели шлем, и тут Иервен одним чудовищным прыжком преодолел разделяющее нас расстояние, его меч взлетел над головой и с ужасающей скоростью пошел вниз. Мои седалищные нервы бдят лучше, чем остальные: мышцы сократились и метнули меч вверх, парируя внезапный удар.

Лязгнули тяжелые клинки, сила удара меча Иервена отбросила мою руку с мечом, я едва сумел вывернуться от нового удара. Иервен злобно засмеялся, но злости больше, чем торжества: внезапность не прошла, я уже отпрыгнул и, прикрываясь щитом, внимательно слежу за противником, мой меч наготове. У Иервена больше опыта в схватках, больше тренировок, но у меня шире арсенал ударов, к примеру — колющие удары здесь появятся не раньше, чем меч истончится до шпаги, да и

вообще мне бы только не дать себя испугать рыком, свирепыми гримасами и безумным натиском...

Мечи сшибались с тяжелым звоном, слышался еще и скрежет, а когда удар приходился по щиту, то глухой стук, как будто дровосек бьет по бревну топором. Светильники бросают ровный масляный свет на блестящие доспехи и обнаженное оружие, не надо ловчить, чтобы солнце светило в глаза противнику, не надо страшиться, что под ногу подвернется коряга или камень, подошвы все время наступают на ровный шероховатый камень, где просто невозможно поскользнуться.

От тяжелых ударов трещат щиты, а когда сталкиваются мечи, вслед за звоном, от которого закладывает уши, срываются длинные шипящие искры. Великолепный меч Иервена всякий раз ударялся о сталь, что не уступает по составу. Я не вижу лица Иервена под опущенным забралом, но фибрами чувствую его нарастающую тревогу, даже страх. Он привык побеждать еще в начале схватки, ошеломляя натиском, звериной силой, яростью и той агрессивностью, что залог победы, но этот чужак держится стойко...

Он резко сбавил темп, удары пошли точнее, но сейчас и он заметил, что на его не по-рыцарски остром мече появляются глубокие зарубины. Сталь моего меча оказалась все же крепче, да и вообще глупо так остро затачивать кромку меча, предназначенного для ударов по стальным панцирям противника. Я наконец сам сделал первый по-настоящему опасный выпад, Иервен едва успел отстраниться, кончик моего меча сорвал стальную пластину с плеча.

Он грязно выругался, снова взвинтил темп, превратился в нечто вроде многорукого Шивы, бил изо всех положений. Я ушел в глухую защиту, уберегая жизненно важные места, но смирился с задевающими или касательными ударами, от которых все равно то звенит в голове, то отдается болью в руках или плечах.

Дыхание Иервена из хриплого превратилось в надсадное, удары стали неверными. Я легко принимал их на щит, а когда с неожиданной легкостью отбил очередной удар, крикнул:

— Иервен, я готов принять извинения!

Он зарычал в ярости, прыгнул на подгибающихся ногах и нанес неожиданный удар в голову. Я инстинктивно отклонился, а сам так же автоматически выставил меч перед собой и ударил острием, стараясь удержать и отпихнуть этого взбесившегося быка. От удара по шлему зазвенело в голове и на миг потемнело в глазах. Я поспешно отступил, с трудом выдержнул меч...

...и увидел, что кончик лезвия на две ладони окрашен кровью. Иервен шатался, руки опустились, а из узкой щели между пластинами медленно выползла струйка густой темной крови. Наконец пальцы разжались, меч выпал, громко звякнув в напряженной тишине о каменный пол.

Он повалился с грохотом навзничь, каменный пол вздрогнул, а на стенах затрепетали светильники. Рыцари шумно дышали, но не вмешивались, все смотрели на мою левую руку. Я должен был отшвырнуть щит и выхватить мизерикордию, длинный и узкий трехгранный кинжал, который можно просунуть в щель забрала и добить противника в глаз.

На их лицах я увидел недоумение, на моем поясе нет этого столь необходимого предмета, а я сказал громко:

— Теперь извинений уже не требую. Он получил достаточно.

Повернувшись, пошел к своим, а за спиной нарастал гневный ропот. Оглянувшись, увидел, как все гримасничают в ярости, что-то доказывают друг другу, многие готовы броситься за мной.

Иервена подхватили на руки и унесли. Из щелей доспехов кровь уже не капает, а льется струйками. Король поднялся с трона бледный от ярости, нижняя челюсть

трясется, как у работающей камнедробилки. Он вперил в меня убийственный взгляд, а когда вскинул руку, я инстинктивно ждал, что с нее сейчас сорвется слепящая молния и ударит в грудь.

— Сэр Легольс! — прогремел его мощный голос, под сводами отразился гулким эхом и вернулся, обретя нечеловеческий объем и мощь. — Ты опозорил моего сына!.. Да будь ты проклят, да не будет тебе приюта на землях моего королевства!.. Сейчас же покинь мой дворец, ибо ты обагрил руки кровью моего первенца...

Я стоял с опущенной головой, молчал, хотя слова дрались в моей голове за право первыми протолкнуться к глотке.

— Повинуюсь, — ответил я кротко. — Да будет всем нам судьей Господь.

Сэр Смит и брат Кадфаэль, слишком уstraшенные, чтобы даже поднять взгляд на убитого горем короля, разъяренных братьев Иервена и хватающихся за рукояти мечей придворных, молча, не отрывая взглядов от пола, последовали за мной. Граф Эбергард и Мемель держались рядом, закрывая меня своими телами.

Во дворе уже горят факелы, на темнеющем небе выпали звезды. Мы торопливо седлали коней, прибежали разместившиеся для ночлега наши рыцари. Вскоре весь отряд во главе с сэром Эбергардом выехал через главные ворота. Сэр Мемель с двумя рыцарями завершал наше полубегство-полуотступление. Когда ехали через город, сэр Смит начал тихонько возмущаться, брат Кадфаэль так же тихо поддакивал, я молчал, а когда миновали городские врата и отъехали чуть, оглянулся. Сэр Смит посмотрел тоже и громко выругался, даже забыв добавить привычное: «Господи, прости меня, грешного».

Из распахнутых врат выезжали освещенные факелами со стен блистающие легкими доспехами всадники. Брат Кадфаэль сказал упавшим голосом:

— Король обещал, никто нас не тронет на его землях...

— Но и не защитит, — вставил сэр Смит. — Если вдруг набросится дракон, тролль или великан. Но если никто нас не ухлопает раньше, то проводят нас до границ своего королевства, где их гостеприимство заканчивается...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Кадфаэль испуганно.

— А то, что дальше начинаются, — объяснил сэр Смит, — дикие земли. И эти люди Хайбиндера за нашими спинами... я вроде бы заметил среди них остальных его сыновей, за пределами королевства свободны от всех обязательств.

Я оглянулся, эскорт виден целиком, в нем не меньше двух десятков всадников. Вряд ли король считает меня настолько опасным, просто многие из знатных восхотели принять участие в прекрасной охоте на человека.

— Сэр Эбергард, где заканчиваются земли Хайбиндера?

— Если на запад, то два дня пути, если на восток — один...

— Еще на север скажи, — прервал я. — Сам знаешь, в какую сторону едем.

— Ну, — сказал он обидчиво, — когда такие обстоятельства, то можно и свернуть...

— Если бы помогло, — сказал я, — кто бы не свернул?

— Хорошо, до южной границы четверо суток.

Я с облегчением вздохнул. Много может случиться между тарелкой и ложкой.

— Не лучше ли нам поехать порознь? — предложил я. — Этим, помешанным на кровной мести, нужен один я, за вами в погоню никто не бросится. А там, на Юге, авось увидимся.

Я думал, хоть поразмыслят, поколеблются, но они

ответили моментально, с гневным блеском в глазах, жаром в голосах:

— Сэр Ричард, как можно?

— Вы забываете о цели нашей поездки!

— Мы вместе отправились, вместе и... приедем!

Я покачал головой, у обоих эта порядочность на уровне инстинктов, как жаль что будет начисто потеряна при переходе к более высоким общественным формациям.

Из-за темного леса поднялась неимоверно крупная и зловеще красная луна, словно омытая кровью. Поднималась медленно, тяжело, словно истекающее кровью животное, а в зените остановилось, и свет от нее падает багровый, заставляющий сердце сжиматься в предчувствии большой беды.

Ко мне приблизился, умело управляя конем, граф Эбергард. Холодно и неодобрительно посмотрев, словно я вот только что громко испортил воздух, сказал безразличным голосом:

— Сэр Ричард, что бы ни случилось в пути, мы прежде всего должны думать о выполнении нашей миссии. Если уж за нами еще и конный эскорт от короля Хайбиндера, то нам, полагаю, вовсе не обязательно так уж нестись, загоняя коней...

— Вы так думаете? — спросил я.

— Да, — ответил он холодно. — Так. Думаю. Я. Дело в том, что по законам гостеприимства они не могут напасть на нас здесь, на этих землях. Они набросятся, как только перейдем границу. Так что следует беречь силы лошадей...

— Для чего? — спросил я наивно.

— Для последнего боя, — ответил он строго. — Весть о том, что наследник престола Легольс пал, разнесется повсюду, и наш сюзерен доберется до своего дворца в безопасности!

Я сказал саркастически:

— Знаете, мне как-то параллельно, как он доберется. Я пообещал королю Барбароссе некоторое время поносить плащ вашего сюзерена, чтобы ввести дураков в заблуждение. Однако я не собираюсь класть голову, только бы это еще чем-то помогло вашему... господину. Мне он, как вы догадываетесь, совсем не светило... мягко говоря.

Граф Мемель с тревогой прислушивался к тому, как постепенно накаляются наши голоса, сказал с несвойственной ему торопливостью:

— А что, если поедем через долину Ветров? Конечно, удлиним дорогу почти втрое... Но потащатся ли они следом?

— А короче дороги нет? — спросил я, игнорируя графа Эбергарда, лицо которого пошло синюшными пятнами, словно поел не тех грибов.

— Есть. Одна через болото Серых Теней, другая — через пустошь Синих Цветов.

— С болотом ясно, — сказал я, по-прежнему игнорируя Эбергарда, как будто вижу перед собой пустое место, — а что за пустошь?

— По слухам, — ответил осторожно граф Мемель, он бросал тревожные взгляды на графа Эбергарда и остальных могучих рыцарей, таких же собранных и пугающе молчаливых, — там все еще водятся Песчаные Черви. Мало находится смельчаков, что рискуют пуститься через это место. Хотя бы потому, что через болото хоть кто-то да... хоть и не все, а через пустошь еще никто не сумел.

Сэр Смит вздохнул, сказал мечтательно:

— Я слыхивал от дедов, однажды какой-то маг сумел подчинить Песчаного Червя... Разъезжал, как на коне. Стал то ли королем, то ли императором!

— Что, — удивился я. — Червь такой огромный?

Граф Эбергард фыркнул, остальные переглянулись, удивляясь такому невежеству.

— Этот Червь, — сказал Смит наставительно, — может проглотить корову... стадо коров, одну за другой!.. Наверх почти не высовывается, но, говорят, может прогрызть даже гранит...

Граф Мемель прервал:

— Это уже брехня!.. Никогда не подкапывался под крепости, хотя их для этого выводили! Маги те померли, Черви живут себе в пустынях под барханами, жрут все, что бегают поверху. За пределы не выходят, так что если по краю, никакие Песчаные Черви даже коней не пугнут.

Проскочить бы через пустошь на большой скорости, мелькнула мысль, а опомнившиеся чудища пусть набросятся на преследователей... но посмотрел на усталого коня сэра Смита, измученного мула брата Кадфаэля, сказал со вздохом:

— А побезопаснее чего-нить, но покороче, чем через долину и эту, как ее, пустошь?

Брат Кадфаэль сказал задумчиво:

— Тогда по Трапезундской дороге. Достаточно прямая, а опасна только в одном месте, где через лес... Но это недолго. Кому удастся проскочить, тот уже поет.

Я оглянулся, эскорт имени короля Хайбиндера идет за нами ровным шагом, медленно растягивается в цепь, чтобы не глотать пыль.

— Нам до песен далеко, но попробуем через этот лес. Кстати, дорогой Мемель, если Черви не выходят за пределы своей пустоши, то как некто подчинил, развезжал и стал императором?

Сэр Смит объяснил со знанием:

— Так то дикие не покидают!.. Как и табуны не покидают своих долин. А вот наши кони уже сколько королевств увидели?

Глава 8

Ехали половину ночи, наконец впереди в лунном свете заблестели крыши крохотного городка. Воспрянув духом, усталые по самое не могу, под утро добрались до гостиницы, но когда въехали во двор, я увидел у коновязи красавца жеребца под богатой рыцарской попоной. Конь оставался нерасседленным, это значило, что всадник не останется на ночлег. К моему удивлению, никто не выбежал принять коней, наконец на крыльце появился заспанный хозяин, лицо виноватое, но, когда заговорил, голос звучал твердо:

— Сожалею, ваша милость, но вы не можете остановиться в моей гостинице.

— Что случилось? — спросил я, в груди противно заныло. — Нет мест? Так мы непрехотливые...

Он покачал головой.

— Нам передали, что вы лишены гостеприимства нашего королевства.

Брат Кадфаэль покорно вздохнул, сэр Смит выругался. Я подумал, достал золотую монету.

— Тогда наполни наши мешки едой, а фляги вином. И мы отбудем немедленно.

Он развел руками.

— Ваша милость, никто в королевстве Эбберт не даст вам даже кружки воды! А вы говорите про еду.

Сэр Смит вскипел:

— Ты что говоришь, смерд? Ты думаешь, что говоришь? Если хотим ночлег, то мы его получим. Если хотим еду — то мы ее добудем!

Хозяин смолчал, отступил в сторону. Из темного прохода вышел рыцарь в дорогах доспехах. Забрало поднято, я узнал одного из оставшихся сыновей короля Хайбиндера: высокий, статный, но с перекошенным злобой лицом, брови сдвинуты на переносице, челюсти сжаты.

— Вы так думаете? — процедил он сквозь зубы. — Что ж, попробуйте!

Он взглянул через наши головы, я оглянулся, с той стороны ворот подъезжали остальные рыцари короля. Я сдержал гнев, жестом остановил сэра Смита и сказал смиренно, даже очень смиренно:

— Мы уйдем. Уйдем в ночь, усталые и голодные. И пусть все видят, что мы уходим в ночь усталые и голодные. Люди, которым отказано в куске хлеба и охалке соломы под голову. И пусть Господь это тоже видит... и рассудит нас!

Я повернул коня. Эбергард смотрел озадаченно, даже свирепая гримаса уступила место озабоченности, уж слишком смиренный вид я напустил на себя, а ведь должен был, по идее, хорохориться, пыжиться, сыпать угрозами и отступить в самый последний момент.

Похоже, оба графа и рыцари не могли понять, почему я вдруг ответил так униженно, почему поджал хвост и удалился, даже не пытаясь сохранить рыцарское достоинство.

— Пусть Господь нас рассудит! — повторил я громко. — Запомните, пусть Господь рассудит... и накажет виновного!

Мы выехали со двора, провожаемые взглядами не только рыцарей, что расступились, давая дорогу, и множества слуг, постояльцев, просто жителей, которым уже успели сообщить, что этим людям нельзя давать ни ночлега, ни куска хлеба, ни глотка воды.

Дальше мы ехали через город и как никогда остро впитывали все запахи кухни, что доносились из распахнутых окон и дверей: душистого супа, наваристой ухи, жареного мяса, печеного хлеба, парного молока.

Брат Кадфаэль переносил это испытание как будто даже с удовольствием, радостью, ведь любой пост — это власть духа над плотью, а сэр Смит не переставая проклинал короля, его сыновей, весь их двор и вообще про-

клятое королевство, где люди лишены христианских не то что добродетелей, а вообще человеческих душ, ну просто звери двуногие...

Я молчал, внутри разрастается злость, и хотя я тяжело ранил Иервена, если не убил, но как-то не чую вины. На стычку не напрашивался, с охотой бы увильнул, но бывают моменты, когда отступать некуда. Вот даже самый что ни есть гуманист и демократ, но чувствую себя правым, даже проткнув своего ближнего мечом, и со всем не чувствую, что та скотина и есть мой ближний.

Ехали до рассвета, остановились на короткий отдых, а королевский эскорт точно так же расседлал коней в двухстах шагах от нас. Они напоили коней выше по ручью, нарочито замутив воду так, что наши кони фыркали, мотали головами и отворачивали морды от грязной воды, а когда муть чуть спала, брезгливо цедили сквозь зубы и, боюсь, так и не напились вволю.

Пса я не отпускал, вдруг даже ему нельзя охотиться, а каков он в бою, не хочу и думать, ну не должна собака бросаться на людей, не должна! И как бы мне хреново ни было, пусть даже такая огромная собака будет для души, а не для каких-то охранно-боевых задач.

Проехали за сутки чуть больше сотни миль, конь сэра Смита и мул брата Кадфаэля уже едва переставляют ноги. Небо затянуло тучами, подул неприятный встречный ветер. Сэр Смит все оглядывался на преследующих нас всадников, наконец выругался с великим разочарованием:

— Не оторваться. Уж как я выбирал коня!.. Столько заплатил, можно бы целый табун...

— За нами не простые слуги, — утешил я. — Если не ошибаюсь, возглавляют королевские детки, двое братьев Хайбиндера, а также герцоги и графы. Не думаю,

что среди наших преследователей хоть один найдется ниже барона!

Сэр Смит скривился, но я видел, что втайне горд:

— Ах, какая честь!.. Эскорт, как у королей.

— Я говорю о том, — уточнил я, — что у них кони — лучшие в королевстве.

Сэр Смит сказал завистливо:

— Да и доспехи... Я думал, самые знатные зрел на турнире. Оказывается, нет...

Впереди показались крыши из красной черепицы аккуратных домиков, к моему удивлению, город обходится без крепостной стены. Одна дорога шла мимо, вторая прямо в город. Я направил коня по второй, брат Кадфаэль промолчал, а сэр Смит проворчал зло:

— Они и здесь не дадут нам ни крова, ни еды!

— Да, — ответил я, — не дадут.

Он посмотрел на меня с подозрением.

— Так зачем же? Надеетесь, что еще не узнали?

— Узнали, — сказал я. — Думаю, впереди по нашему пути уже проскакали самые быстроногие вестники.

— Так зачем? — повторил сэр Смит сердито. — Вам нужно еще раз пережить то унижение? Я чуть со стыда не сгорел, когда простой трактирщик отказывает в корке хлеба!

Брат Кадфаэль тоже поглядывал на меня с вопросом в чистых голубых глазах. Я смолчал, затрудняясь сформулировать то, на что и сам не мог дать четкий ответ. Граф Эбергард что-то велел всадникам, трое поехали впереди, остальные сзади, сам граф держал коня рядом с моим, я иногда ловил на его бесстрастном лице внимательный взгляд. Граф даже не заинтересовался, почему я решил заехать в город, для него главное, что горожане увидят мой плащ и весь отряд с гербами герцога Люткеленбергского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Аквани, верховного сюзерена герцогства

Пуатье. Убьют нас люди короля Хайбиндера или нет — дело второстепенное. Главное — отвести угрозу от их юного сюзерена, заранее благородного и увенчанного всяческими достоинствами мудрого правителя.

Улица опустела с нашим появлением. Мы проехали до центральной площади, там с одной стороны двухэтажная гостиница, с другой — такой же двухэтажный каменный дом, отгороженный от улицы небольшим заборчиком. За нами в сотне шагов победно звенят подковы по брусчатке. Я оглянулся, там лица людей, не просто выполняющих вообще-то бесчеловечный приказ короля, а даже наслаждающихся своим превосходством и нашими мучениями.

Я остановил коня, брат Кадфаэль и сэр Смит тоже натянули поводья. Я выпрямился, вскинул руку.

— Мы мирные путники, нам ничего не нужно от вас, кроме воды и хлеба! Неужели вы откажете?

Долгое молчание было ответом. Рыцари Хайбиндера остановили коней на дистанции шагов в пятьдесят, я краем глаза посматривал на их торжествующие лица. За опущенными занавесками во всех домах, что выходят окнами на площадь, чувствуется шевеление, я угадывал, как целыми семьями заглядывают в щелочки, но никто не решается даже раздвинуть шторы.

Брат Кадфаэль опустил голову и молча молился, сэр Смит смотрел на меня с мрачной злостью, ну зачем так унижаться. Я медленно пустил коня через площадь, дальше узкая улица, но на въезде я крикнул громко:

— Да будет проклят город, где у жителей нет христианской жалости... Да покарает вас Господь!.. И еще обещаю всем... я вернусь. Я вернусь однажды, и это будет страшный день.

Брат Кадфаэль и сэр Смит молча ехали следом, мы миновали с десяток домов, оставалось еще два, а там дальше зеленый простор, как вдруг шторы одного окна

раздвинулись, кто-то быстро протянул огромную краюху хлеба и глиняный кувшин. Я принял, занавески так же бесшумно задвинулись, а следом захлопнулось и окно.

Я держал хлеб и кувшин перед собой, в надежде, что кривизна улочки не позволит едущим за нами всадникам Хайбиндера увидеть нарушение королевского приказа.

Когда за городом послали усталых коней в галоп и оторвались ненадолго от преследователей, я ухитрился спрятать хлеб и вино. Мул брата Кадфаэля хрипел и мотал головой, я перевел Зайчика на шаг, спросил Кадфаэля:

— Вот теперь вопрос, а как поступил бы Господь, если бы на весь город отыскался только один праведник?

Он перекрестился, ответил скорбно:

— Ты знаешь ответ, брат-паладин. Господь испепелил оба города, хотя праведником был сам Лот.

— Знаю, — ответил я, — но Господь даровал нам право самим решать, кто прав, кто виноват. И самим отмерять наказание.

Он снова перекрестился, лицо бледное, глаза ввалились.

— Тяжкую ношу взвалил на плечи сынов своих Господь.

— Да уж, — согласился я. — Куда легче, чтобы кто-то за нас решал... Как называется этот город?

— Вифли.

— Вифли, — повторил я. — Почти как Вифлеем. Запомню.

Сэр Смит прервал наши непонятные рассуждения:

— Вон там ручей, надо напоить животных!

Мы слезли с коней, рыцари Хайбиндера приближались медленно и с самым угрожающим видом. Сэр Смит встал так, чтобы первый удар в случае чего принять на себя, я ведь сеньор, а это значит, он обязан защищать

меня всеми силами. Брат Кадфаэль бормотал молитвы, а спросил язвительно:

— А слабо тебе взять и отшвырнуть их хотя бы на полмили?

Кадфаэль взглянул с укором:

— Брат паладин, как можно?

— Но ты же воды целой реки остановил!

— То вода, — сказал он, — а то люди. Они ведь тоже христиане!.. И вообще... нельзя святость обращать в оружие. Это же ввергнуть свою душу в бездну ада. Лучше умереть, чем запятнать...

— ...честь, — договорил я. — Эх вы, рыцари! Оба.

Всадники приблизились. Во главе в самом деле сыновья короля и братья, по бокам, судя по эмблемам на щитах, герцог Чезвиг и герцог Тараскон, за ними такие же злые и в то же время торжествующие лица. Похоже, в дороге все больше слетает лоск, сейчас за нами идут по следу лишь разгоряченные близостью крови охотники, которых уже ничто не остановит.

Чезвиг, средний сын короля, сказал надменно:

— Вам отказано в нашем гостеприимстве, забыли?

Я ответил вежливо:

— Мы не просим ни воды, ни хлеба. Не просим ночлега. Что еще?

— Вам отказано и в отдыхе, — сказал он громко, за его спиной я видел злобные ухмылки. — Во всяком случае, на земле королевства Эбберт.

Я спросил негромко:

— Но коней хоть напоить можем?

Он колебался, но сзади крикнули, что коням в гостеприимстве не отказано, мы можем коней вообще оставить, чтобы не мучить бедных животных, а сами убираться с их земли пешими, и Чезвиг сказал нехотя:

— Вы можете напоить коней, но после этого убирайтесь немедленно! Иначе вас погоним плетью.

В довершение угрозы он вытащил плетъ и поиграл ею в воздухе. Сэр Смит ярился и хватался за рукоять меча, я сам чувствовал, как бешенство раздирает меня надвое, но заставил себя ответить смиренно:

— Мы сейчас уедем. И пусть нас рассудит Господь.

Напоив коней, мы снова взобрались на измученных животных. Чезвиг и люди короля отстали, сэр Смит и граф Эбергард косились на меня с подозрительностью.

— Что-то вы больно благочестивым стали, сэр Ричард!

— Сам удивляюсь, — ответил я. — Мы, как мне чудится, будем проезжать через вот ту гряду?

— Да, — ответил он со вздохом. — Если только кони не падут раньше. А там дальше уже земли не то Итрурии, не то Фоссано, не помню. Там наши преследователи имеют даже формальное право напасть все разом.

Конь сэра Смита весь в мыле, хотя мы передвигаемся шагом, мул брата Кадфаэля тоже не поднимает головы от земли, сейчас ему и уши тяжелы. У остальных кони тоже еле плетутся. Я едва удерживался от желания послать коня вперед и осмотреть приближающуюся черепашьим шагом скалу, пусть невысокую, но все же для исполнения моей задумки годится и средняя, однако те сволочи могут пуститься за мной в погоню и по пути зарубить моих спутников.

— Держитесь, — приговаривал я, — еще совсем немного.

— А что там? — наконец спросил сэр Смит.

— Мне было видение, — ответил я. — Господь нам там поможет.

Брат Кадфаэль посмотрел на меня с великим уважением, достал требник и на ходу углубился в чтение. Бедные животные хрипели и шатались, сэр Смит не выдер-

жал, прыгнул и пошел рядом, подбадривая измученного коня, похлопывая по мокрому боку.

Скалы приближались мучительно медленно, наконец поравнялись, дорожка начала слегка загибаться, скрывая нас от глаз преследователей, я возликовал, сказал быстро:

— Продолжайте путь! Я догоню вас чуть позже.

Сэр Смит с беспокойством оглянулся.

— Сэр Ричард, уж не думаете ли дать им бой? Тогда я буду чувствовать себя оскорбленным...

Я прервал:

— Я же сказал, мне было видение! Или вы и с Господом будете спорить?

Он пробормотал поспешно:

— Нет-нет, что вы, сэр Ричард! Просто...

— Охраняйте брата Кадфаэля, — прервал я. — Еще мне было видение, что без него нам придется очень туго дальше. А то и вовсе не выживем.

Я не успел повернуть коня, рука графа Эбергарда властно перехватила повод. Он смотрел холодно, на лице решимость, а когда заговорил, слова звучали так, как будто кузнец рубил толстую проволоку для кольчуги:

— Сэр Ричард, вы поедете дальше с нами.

— И не мечтайте, — отрезал я.

— Что вы задумали?

— Помолиться в одиночестве, — ответил я зло. — Это не ваше дело. Вы забыли, что вы, как и весь эскорт, подчиняетесь мне?

Он покачал головой.

— Только в рамках нашей миссии.

Я взглянул на сэра Смита. Он понял и молча обнажил меч. Я вздохнул и обнажил свой. Граф Эбергард побледнел, но не подал коня назад и на дюйм, смотрел мне в лицо все так же бесстрашно и с решимостью.

— Вот что, — сказал я, чувствуя как бешенство овла-

девает мною и зубы начинают лязгать. — Вот что, граф... Я делаю то, что изволю! Хотите помешать — попробуйте! У вас десять рыцарей, а нас двое. Даже если одолеете, вас останется много меньше... если кто-то останется, вы ведь видели нас на турнирном поле? И что тогда с вашей миссией?

Он процедил сквозь зубы:

— Я, кажется, догадываюсь, что вы хотите.

— И что же?

— Вас попросту убьют.

Я зло оскалил зубы:

— А что пытаетесь сделать вы?

Граф Мемель, молча прислушивающийся к спору, сказал мрачно:

— Благородный сэр Эбергард, не мешайте сэру Ричарду. Если погибнет в схватке с преследователями, это лучше, чем если мы начнем рубить друг друга.

Сэр Смит смотрел на меня с беспокойством.

— Сэр Ричард!

— Езжай с братом Кадфаэлем, — велел я, — и береги его. И — больше верь мне. Ты же знаешь, мне иногда нужно уединяться для молитв!.. Бобик, ты с ними. Не спорь!

Смит вздохнул и пошел рядом с монахом, который тоже, оказывается, важен, а вот он, победитель турнира, почему-то не удостоился ни самих видений, ни появления в чьих-то видениях. Я вздохнул с облегчением, к счастью, сэр Смит не очень-то раскидывает умом и не подумал, что на самом деле я ни разу не уединялся для молитв, но, главное, сказано убедительно, я вообще-то молодец.

Они из последних сил пустили коней рысью, а я оставил Зайчика у подножия скалы, покарабкался как можно быстрее наверх. Ноги дрожат, даже руки как ватные, никогда не думал, что так зверски устану за дорогу.

Сердце стучит, будто старается вырваться, а дыхание горячее, как у дракона, и частое, как у землеройки.

Сыновья Хайбиндера ехали, как обычно, чуть впереди отряда, остальные растянулись в длинную цепочку. Каменистая почва не позволяет здесь идти широкой цепью, что просто прекрасно. Я сдернул с плеча лук, быстро наложил стрелу. Дыхание начало выравниваться, а руки постепенно наливаются силой.

Я вскинул лук, Чезвиг и Тараскон как раз на дистанции выстрела, быстро оттянул тетиву и отпустил стрелу. Тут же выпустил вторую, третью, четвертую. К Чезвигу как раз подъехал один из сыновей короля, две стрелы поразили его дядей, а третья ударила в забрало младшего королевича. Он закричал и зашатался, ухватив обеими руками древко стрелы.

Остальные пустили коней в галоп, кто-то закричал, указывая на меня, до этого смотрели только вперед, я начал выпускать стрелы одну за другой, взглядом стараясь держать уязвимые точки в доспехах, но многие успевали закрываться щитами и стрелы с сухим треском разбивались в щепки.

Кто-то из старших рыцарей, закрывшись щитом, о который я расщепил не меньше пяти стрел, орал и указывал в мою сторону обнаженным мечом. Рыцари, горяча усталых коней, пустили их вскачь, домчались до скалы, обогнули и тут обнаружили, что все остальные из нашего отряда удаляются по пустой и пыльной дороге, а я — именно тот, кто им нужен, засел на вершине скалы.

— Взять его! — заорал рыцарь в дорогих доспехах, я не знал его имени, видел только по гербу на щите, что это средний сын Хайбиндера. — Убить на месте!

Я крикнул:

— Вас сколько осталось? А вернется еще меньше!

Они быстро покидали седла и гурьбой полезли на скалу. Я выпустил еще с десятков стрел, два рыцаря с криками скатились вниз, остальные умело закрывались

щитами, поднимались упорно и настойчиво. Выждав еще с минуту, я медленно опустил лук и положил на землю рядом с собой, рука моя опустилась на рукоять меча.

Рыцарь крикнул:

— Я, принц Теодор, сын короля Хайбиндера, велю тебе спуститься!

— Зачем? — спросил я с неподдельным интересом.

— Слезай! — повторил он тупо. — Я обещаю рыцарской честью, что умрешь в рыцарском поединке. Иначе забьем как бешеную собаку!

— Да, конечно, — ответил я, — как же, забьете...

На лицах карабкающихся злое торжество, как бы я ни был хорош с мечом, но против пятнадцати человек не устоять, а в таких схватках не до рыцарских правил, можно и всем на одного... я быстро сдернул с пояса молот и швырнул в шлем ближайшего. Стальная болванка с грохотом обрушила сразу несколько человек, я поймал в воздухе и сразу же бросил в группу, что поднимается с другой стороны.

Лязг, грохот, скала очистилась от железа, я тут же подхватил лук и выпустил десятка полтора стрел, из которых больше половины нашли цель. Еще человек семь уже лежат беспорядочными грудями железа в красных лужах, смятые страшными ударами молота.

Теодор в страхе и непонимании опустил щит, не веря глазам своим. Я быстро вскинул лук и, воспользовавшись случаем, всадил стрелу в узкую щель для глаз. Он вскинул обе руки, как будто пытался ухватить ушибленное место, но не дотянулся и рухнул с поднятыми руками. Внизу дикий крик, слышались проклятья, лук в моих руках подрагивает от частых рывков. Стрелы жалеть не приходится, как и это растерянное стадо, что в полной уверенности гналось за беззащитной овцой, а та вдруг превратилась в лютого волка.

— Получайте! — крикнул я громовым голосом, сам не ожидая от себя такого рева. — Я же говорил, что Господь покарает?.. Он и покарал руками своего верного паладина!

Всего трое сумели поймать коней и поспешно вскакивали в седла. Без всякой жалости я всадил всем троем стрелы в щели между кирасой и шлемом. Кто охотится на измученных людей целой толпой, кто отказывает им в куске хлеба и глотке воды, тот не попадает ни под какие конвенции.

По вечерней дороге со стороны юга пыль столбом, я всмотрелся: из желтого облака вылетели на взмысленных и храпящих от изнеможения животных сэра Смит, граф Эбергард и граф Мемель, а за ними остальные рыцари.

Все уже с обнаженными мечами, готовые рубить и крушить, упиться яростной схваткой... Я с удовольствием смотрел с высоты, как они остолбенело усталились на грандиозное побоище. Часть коней уже успокоились и бродят между павших, другие испуганно бегут кругами, ржут, напуганные свежей кровью, в то же время страшатся далеко уйти от людей.

Я спустился со скалы, помахал всем.

— Вот и хорошо, что вернулись. А то я здесь в одиночестве молился, молился... Все о высоком, о благе человечества! О духовном. Сэр Смит, выберите себе лучшего коня, эти не так заморились... и брату Кадфаэлю тоже. Граф Эбергард, прошу прощения за резкие слова. Они были вызваны предельной усталостью, но все равно мне прощения нет, я надеюсь только на ваше великодушие.

Граф с трудом оторвал потрясенный взор от двух с половиной десятков сраженных людей. Многих просто смяло, как могучим прессом, трое-четверо еще живы, стонут и пытаются выбраться из-под мертвых тел в тяжелых доспехах.

— Как вы их... Ах да, какое там прощение! Это вы, сэр Ричард, простите великодушно меня за непонимание! Я уж никак не мог подумать, что у вас такие молитвы!

— Вот и отлично, — сказал я с облегчением. — Значит, забыто, хорошо?... Эй, сэр Смит! Вы что задумали?

Сэр Смит с мстительным выражением на лице вытащил мизерикордию и соскочил с коня.

— Я христианин, — ответил он со злой усмешкой, — а прекращать страдания — по-христиански.

Я остановил его жестом.

— Боюсь, сэр Смит... на это Господь не даст благословения,

Брат Кадфаэль спросил с укором:

— А на убийство двадцати знатнейших христианских рыцарей он благословил?

Я ответил дипломатично:

— Брат Кадфаэль, в тот момент, когда они гнали нас, как стадо волков беззащитных овец Христовых, они не были христианами. Еще меньше были ими, когда лезли на эту скалу, оскверняя уста хулой на Господа нашего. Потому Господь и подвигнул меня их наказать... сам Господь ведь даже Содом и Гоморру сжег к такой матери! Но вот теперь мы со всем христианским смирением должны простить их... и ехать дальше.

Сэр Смит стоял в нерешительности с мизерикордией в руке, потом ухмыльнулся и сунул ее в ножны.

— Вы правы, сэр Ричард! Пусть помучаются перед смертью. А если кто выживет, останется уродом на всю жизнь. Будет живым напоминанием простому народу, что Господь, как вы верно по-паладины сказали, долго терпит, но больно бьет!.. Но какой ваш призыв, сэр Ричард!

Только теперь я увидел, что все смотрят на меня еще и как на обладателя двадцати великолепнейших коней,

на которых ездили сыновья короля и знатнейшие люди королевства, а также дивных доспехов, совершенства которых просто трудно представить в наших северных краях.

Я милостиво улыбнулся, ибо быть храбрым — обязанность рыцаря, а быть щедрым — обязанность сюзерена. Сюзерен просто обязан раздаривать часть добычи, неважно, где она захвачена: на поле брани или на турнире, чтобы заслужить любовь и преданность своих вассалов. Я, правда, сюзерен только для Смита, для остальных я нечто липовое, но в данном случае я — герой, а герои ну просто обязаны так это презрительно отковырнуть пальчиком добычу в сторону. Когда, к примеру, известный ныне судья турниров Уильям Маршалл появился на первом своем турнире в Турине, он захватил много пленников и коней, все путем. Но когда прибыл на турнир в Тулон уже овеянный славой героя, пришлось зажать жадность в кулак, вежливо всем улыбаться, раскланиваться, а на турнире отказываться брать в плен. Более того, он тут же возвращал и мечи и коней, что тут же подхватили и растиражировали в песнях и балладах менестрели.

— Дорогие друзья, — сказал я громко, — это тактическое отступление сплотило нас и даже в чем-то сроднило, потому я и обращаюсь так, словно вы мне все родные. Дорогие друзья, наши кони выполнили свой долг, а теперь давайте дадим им почетный отдых!.. Все это вот, что на этом поле, — ваше. Как кони, так и доспехи. Кстати о птичках — оружие тоже. И то, что в седельных сумках. Разбирайте... а утром поедем дальше!

Последние слова я произнес, взглянув на небо, где солнце уже опускается за горизонт, по земле побежали длинные тени, земля стала тревожно красной, словно кровью я забрызгал ее от края и до края.

Глава 9

Костер пришлось разводить нам с братом Кадфаэлем. Все остальные, за исключением графа Эбергарда, ловят и рассматривают коней, поспешно собирают оружие и доспехи. Даже граф Мемель не утерпел, принял участие в дележе. Среди рядовых рыцарей вспыхивали жаркие споры и даже звучали угрозы, но добычи набралось столько, что хватало всем: по два коня на каждого, не считая тех, на коих прибыли, а еще масса доспехов, из которых не больше десяти испытали на себе Божий гнев, а остальные целехоньки, если не считать торчащих стрел, отыскавших щели.

Граф Эбергард, чтобы избежать жарких споров, распорядился снести все мечи, кинжалы, шестоперы и другое оружие, найденное у павших, в одну кучу. В пламени костра она блестела, как огромная гора несметных сокровищ, коей и являлась в глазах ликующих рыцарей. Для них оружие и есть драгоценность.

Пес обнюхал и унесся на охоту, а мы расселись у костра, безумно усталые, впервые можем отдохнуть и выспаться. Но сон не шел, все смотрят жадными глазами на груды мечей, глаза сияют, а дыхание учащается, как при виде обнаженных красавиц. Граф Эбергард посматривал на меня со странным интересом, но помалкивал, зато граф Мемель подсел ближе и сказал довольным голосом:

— Это было великолепно, сэр Ричард!.. Я не знаю, как вам это удалось, но раз уж Господь вас не испепелил, значит, вы действуете с Его благословения. И, знаете ли...

Он умолк, глаза его обшаривали мое лицо пытливым взглядом.

— Что? — спросил я.

— Вы очень хорошо играете сына герцога, — произнес он и покосился на графа Эбергарда, не слишком ли

далеко зашел в похвалах. — Вы держитесь достойно. Особенно всех потряс этот щедрый дар!

— Ну да, — фыркнул я, — а что я стал бы делать с такой добычей?

Он усмехнулся, покачал головой.

— Мы могли бы вести коней с навьюченными доспехами, как и поведем, только это считалось бы вашей собственностью.

Я отмахнулся.

— Много вещей не есть хорошо. Брату во Христе на хрен они все? Все эти кони... разве сравнятся с моим Зайчиком? А так сделал людям приятное. Вон как радуются!

Он посмотрел так внимательно, что я ожидал вопроса, сколько мне лет, но он смолчал, только велел двум рыцарям оставить наконец доспехи и заняться ужином. Я видел, как неохотно эти воины оторвались от перебирания мечей и кинжалов, быстро и умело разделали оленя, что приволок Бобик, ломти мяса насадили на вертела и водрузили над огнем.

Сэр Смит с видимым удовольствием облачился в великолепные доспехи. Такой тонкой работы еще не видел: все пластины подогнаны с дивной точностью, не просунуть и стебелек травы, в то же время латы не стесняют свободы движений. Особенно пришел в восторг от конического шлема с пышным плюмажем, тоже покрытым благородным серебром самой искуснейшей выделки. Рыцари графа Эбергарда за неимением оруженосцев помогли ему облачиться в кольчужную рубашку, в стальные поножи, а в довершение всего великолепия набросили на плечи черный плащ с вышитым золотом вздыбленным конем.

Я влез в свои доспехи без всякой охоты, но не роптал, только предупредил, что когда погоня удостоверится,

что я и есть сын герцога Люткеленбергского, гранда Кастилии, конунга граф чего-то там, я волен сбросить это железо и хвастливый плащ, если посчитаю нужным. Граф Эбергард морщился от такого пренебрежения, но смолчал.

Брат Кадфаэль оглядел меня и сказал вежливо:

— Очень красиво, брат паладин.

— Не смеши, — буркнул я.

— Я правду говорю.

— Не смеши, — повторил я. — Все люди как люди, а мы как какие-то... патриархи православной церкви. Чересчур помпезно, как будто на дикарей рассчитано.

Сэр Смит, посмеиваясь, шепнул мне в самое ухо:

— Монсеньор, они уже жалеют, что не под вашей рукой... С таким вождем быстро бы обогатились.

— А что, — спросил я шепотом, — совсем бедные?

— Да, — прошептал он. — Граф подобрал лучших из самых бедных рыцарей. Почти всех вооружил за свой счет.

Я кивнул, граф Эбергард поступил весьма мудро. Бедные из кожи будут лезть, чтобы доказать верность и преданность.

Жареное мясо трещит на зубах, сок стекает по пальцам и губам. Это же сколько нас гнали без еды и отдыха, что глотаем и недожаренное и пережаренное, рыцари по одному и парами уходят в темноту, ориентируясь на журчание ручейка, падают на колени и пьют быстро и жадно, как подобает настоящим воинам и лесным зверям. Ненастоящие становятся на колени и, сложив ладони ковшиком, зачерпывают и пьют, что говорит о их пригодности к работе врачевателями, монахами или магами, но не стремящимися проливать кровь врага. А я, честно говоря, так и вовсе зачерпнул бы воды в шлем и пил бы, как вообще не знаю кто, будто и не мужчина вовсе...

Высоко в темном небе прозвучал тоскливый крик, полный муки. Мурашки прошли по телу, крик не той боли, когда нападает более сильный и рвет твоё тело, явно же там двигается нечто такое, что драконов жрет, как мух, а крик некой душевной муки... если зверь может испытывать душевные муки. Хотя почему нет, демократы вот тоже, бывает, что-то испытывают.

Все вокруг костра замерли, я видел бледные лица, обращенные к небу, в глазах страх и та неизбежность, как при виде настигающей грозы или урагана. Крик упал на землю, как будто обрушилось небо, настолько объемный и звучный, словно зев этого существа размахом с ушелье у моего замка Амальфи.

— Кто это? — спросил я. Поправился: — Что это... кричит?

Крик раздался снова, уже заметно отдалившийся, и снова мне почудилось, что в том месте от удара звуковой волны должна прогнуться земная кора. Люди начинали шевелиться, задвигались руки, замелькали ножи, срезая мясо. Граф Эбергард, который явно не одобрял моих манер, но отметивший мой подвиг, ответил вежливо:

— Никто не видел это существо. Даже не знают: птица это, дракон или невероятно крупная летучая мышь...

Сэр Смит хмыкнул:

— Летучая мышь? Такая мышечка может унести башню! Если не весь замок.

— Никто не знает, — повторил граф, игнорируя сэра Смита, как лось игнорирует пробежавшую мимо землеройку, — никто не видел... Более того, увидеть вообще невозможно...

— Как так?

— Звезды, — объяснил граф. — Даже когда летучая мышь или сова промелькнет над головой, она заслоняет звезды, а здесь ни одна даже не мигнет. Маги пробовали смотреть по-своему, но и они узрели только звездное

небо. Только двое, великий Гвенелен и не менее могучий Илаульф, клялись, что звезды сдвигались и меняли цвет, словно по небу двигалась исполинская прозрачная глыба льда.

— Вранье, — заметил граф Мемель.

— Может быть, — согласился граф Эбергард, — но нельзя не заметить, что уличали во вранье маги низшего уровня, весьма завистливые и ревнивые, а два весьма разных чародея, Гвенелен и Илаульф, чья мощь неоспорима и которые друг с другом соперничают, увидели почти идентичное...

Он умолк, насторожился, а рука поползла к рукояти меча. Я проследил за его взглядом. Багровый огонь костра отодвинул тьму шагов на десять, а там, за спинами снова развеселившихся рыцарей, мелькнули и пропали красные огоньки, затем появились снова. Я сообразил с холодком в груди, что пламя костра отражается в глазах достаточно крупного зверя, если судить по расстоянию между этими багровыми отблесками в ночи.

Брат Кадфаэль громко и внятно произнес несколько слов на латыни, багровые глаза отступили и пропали. Граф Эбергард заметил холодновато:

— Жаль.

— Жаждете сразиться? — спросил я саркастически.

Он ответил, не глядя в мою сторону:

— Я предпочел бы простого зверя, который не исчезает после молитвы священника.

Я смолчал, он прав, любая нечисть куда хуже. Простым оружием не поразить, а серебряные кинжалы и амулеты есть не у всех. Воины привыкли надеяться на себя и свои мечи, а быть под защитой священника не по себе и как-то унизительно для сильных и неробких мужчин.

Некоторые рыцари заснули тут же у костра, другие продолжали неспешные разговоры о вервольфах, темных порождениях мрака. Я сам время от времени погля-

дывал на звездное небо и отчетливо видел то лунные призраки, то необъяснимое смещение целых звезд, которые после паузы так же разом возвращались на прежние места. Некоторые звезды резко меняли цвет или начинали мигать.

Вроде бы ничего необычного, многие звезды меняют цвет или мигают, но когда вдруг целыми группами становятся зловеще багровыми, наращивают блеск в два-три раза, а потом так же вместе возвращаются к образу холодных серебряных гвоздиков, которыми прибито небо, как искренне верит брат Кадфаэль, то мне очень не по себе, и хотя от костра сухой бодрящий жар, однако страх шевелит волосы на загривке.

Вообще большинство колдовства связано именно с ночью. Разница лишь в том, что на Севере оно почти начисто истреблено церковью, а здесь, где власть церкви слаба, колдовство все мощнее, а порождений мрака больше, они опаснее, встречаются чаще. Что же меня ждет на Юге, где власть церкви уничтожена полностью?

— Монсеньор, — заметил рядом Смит громко, — вам нужно поспать. Все идет хорошо...

— ...только мимо, — согласился я.

Теперь он постоянно обращается ко мне так, чтобы остальные завидовали. «Монсеньор» — обращение к сюзерену. Можно, конечно, добавлять титул, но когда рядом графья, сэр Смит предпочитает не упоминать мой титул виконта, а вот «монсеньор» — звучит, ибо монсеньором может быть и граф, и герцог, и король, и даже император. Ну а я как паладин своим монсеньором считаю только господ Бога.

Смит, выполняя роль заботливого оруженосца, расстелил мое одеяло. Я поблагодарил, с огромным удовольствием лег и почти сразу провалился в глубокий сон, даже Санегерия не появилась, блаженное тепло пошло по всему телу... Я вздрогнул, очнулся так внезапно, словно вынырнул из глубокого обморока. В ночи

слышался долгий протяжный крик. Я прислушался, все не мог понять, откуда этот тоскливый и ни на что не похожий вопль, пока не сообразил, что звук плывет среди звезд, словно одна из них издает этот странный полукрик-полускрежет, который не способна издать птица или крылатый дракон.

Рядом задвигался Смит, сказал спросонья хриплым голосом:

— Если заметил наш костер, то все мы покойники.

— Что это? — спросил я шепотом.

— Можете говорить громко, сэр Ричард, — сказал он. — Этот зверь глух как бревно, зато глаза видят в темноте не хуже, чем днем. Хоть костер и прогорел, может увидеть искорку в недрах углей... не знаю, как он это делает, но если углядит, нас ничто не спасет.

Я инстинктивно подтащил к себе меч. Сэр Смит увидел, покачал головой. Я видел серое, словно обсыпанное мукой, лицо, блестящие глаза.

— Не поможет. Говорят, он неуязвим, а еще, гад, и бессмертен!.. Хорошо, что потомства ему Господь не дал, как и Левиафану, а то бы уничтожили все живое на свете...

— А с ним дрались?

— В летописях все записано, ваша милость. Никто не ушел живым, а ему хоть бы что. Ни одной чешуйки не потерял.

Кто-то буркнул за нашими спинами:

— Чешуйки он сам теряет, когда линяет. Счастливец, который найдет хоть одну, становится богачом. За ними колдуны всех стран охотятся, все секреты вечной молодости стараются вызнать! А короли, понятно, мечтают сделать кольчугу из таких чешуек.

В ночном небе прогремел гром, а следом блеснула короткая белая молния. Почему наоборот, успел подумать я, как снова сверкнула молния, на миг осветила нечто огромное, с косым размахом крыльев. Снова

скрип-скрежет, мне почудились в нем тоска и страстное желание отыскать свою пару.

— Но ведь можно отыскать ее пещеру, — предположил я. — Завалить ее камнями!..

— А кто сказал, — возразил рыцарь за спиной, — что она живет в пещере?

— Ну, я полагал... что если дракон... или похожа на дракона...

— Сэр Ричард, это не дракон.

— Ну все равно, спит же она когда-то? Если нельзя убить, то можно набросить сеть. Из стальной проволоки!

Сэр Смит посмотрел на меня внимательно, в глазах появилось уважение.

— Знаете, ваша милость, если бы вы за это взялись, то... кто знает, может, и получилось бы. Остальные же понимают проще: выехать с копьём или мечом и — сразиться!

Брат Кадфаэль на другой стороне повозился, проскрипел сонным голосом:

— Знаете, сэр Смит, кончайте пугать. Этот зверь последний раз нападал на человека лет сто назад.

Сэр Смит хмыкнул:

— Ну и что? Когда придет беда, то овец и рыбы крадут.

— А то, что это все равно, что не нападал. Может быть, ему тогда на лапу наступили.

Послышался могучий вздох, Пес перевернулся на другой бок и сложил лапы на монаха. Мы прислушивались долго, но в ночи затихли даже кузнечики. Веки снова становились все тяжелее, тепло разлилось по всему телу. Перед глазами поплыли видения, так иногда бывает, когда при сильной усталости начинаешь сны видеть раньше, чем отрубиться.

Пахнуло холодом, хотя ночь теплая, ни листок не колыхнется на деревьях. Пора мне уже научиться отличать ощущение холода, возникающее вот в таких случаях, от реального холода. С рукой на рукояти меча я прижался спиной к камню, весь превратился в слух.

Нечто холодное и беспредельно злое приближалось в ночи, я пытался перейти на тепловое зрение, тут же получил шмыгающие под ногами красные комочки, увидел краем глаза пролетевшую мышь, даже смутно различил за большим валуном два крупных тела и одно поменьше, однако ко мне приближается нечто... неживое, видимо.

Мелькнула мысль, что если я видел еще и то, что гораздо холоднее воздуха, скажем, в голубом или синем цвете, то засекал бы опасность издали, но не дал Господь свинье крыльев, чтобы небо не изрыла, чувствую только, как волна холода начинает пронизывать до стука зубов, хотя под ногами по-прежнему снуют мыши и крысы, совершенно не чувствуя похолодания.

Луна за облаками, но и слабого света звезд мне хватило, чтобы рассмотреть непривычно высокую фигуру в рыцарских доспехах, несколько старомодных, даже я понимаю. Сквозь фигуру иногда проступают кусты, звезды. Понятно, призрак, но и они бывают опасными, как рассказывал сэр Смит.

Призрачный рыцарь приблизился, я обнажил меч и выставил перед собой.

— Оставайся там, — велел я, голос мой дрогнул, но, надеюсь, эти потусторонние не слишком чувствительны к обертонам. — Этот меч может поранить даже тебя.

— Мое имя — сэр Дуглас... — донесся бесплотный шепот.

— Прошу прощения, — сказал я с раскаянием, — всему виной моего недостатка учтивости крайняя усталость. Надеюсь, вы извините меня, благородный сэр Дуглас. Славное почтенное имя, давшее многих героев Шот-

ландии, борцов против будущего британского империализма. И потому я не хотел бы, сэр Дуглас...

Он приблизился еще, но остановился за дюйм до острия моего меча. Не думаю, что страшился моего оружия, скорее, чтобы не ставить меня в неловкое положение. Мы, джентльмены, стараемся не задевать достоинства друг друга, даже если мы противники.

— Вернитесь, — сказал он, — сэр Легольс, в Каталун к расположенному к вам королю Барбароссе. Он найдет вам что-нибудь... а Пуатье вы уже потеряли.

— Ого, — сказал я бодрым голосом, раз уж призрак не соображает, что я не Легольс, то не такие уж эти призраки и крутые. — А что, там уже на моем престоле засели какие-то монстры?

Он качнул бесплотной головой.

— Нет, но вам туда просто не пройти. Чтобы вас не пропустить, призваны слишком могучие силы.

Я сказал скромно:

— Но я как-то прошел уже половину пути?

— Шутите? — спросил призрак. — Шутите... вы прошли меньше пятой части, за вами еще не было настоящей погони. А когда приблизитесь к герцогству, навстречу выйдут такие силы...

— Хорошо, — сказал я подозрительно, — а почему вдруг такая трогательная забота?

Он качнулся, словно от порыва ветра, но голос прозвучал так же ровно:

— Я дружил с вашим дедом... и не хочу, чтобы славный род герцога Люткеленбургского прервался. Но он прервется, если вы продолжите свой путь.

— Хорошо, — сказал я, — пожалуй, обдумаю ваше предостережение.

Утром Пес, доверив дежурство человекам, бодро ринулся в ближайший лесок, стремительно натаскал оттуда трех кабанчиков, выбирая пожирнее и понежнее, двух

олений и крупную птицу, похожую на глухаря. Впрочем, я никогда глухаря не видел, может, эта лохматая птица с встопорщенными жесткими как жесьть перьями и есть тот самый пришивинский глухарь.

Граф Мемель взмолился:

— Сэр Ричард, остановите это чудовище! Так мы никогда не сдвинемся с места. А бросить добычу — кто же пойдет на такое кощунство?

Брат Кадфаэль тоже посматривал с любопытством.

— Брат паладин, раньше он вроде бы так охотой не увлекался?

— Я сам не знаю, — признался я, — в чем его хобби. Сам себе выбирает занятия.

Граф Эбергард заметил:

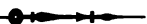
— По виду это скорее боевой пес. Не пробовали?

— И пробовать не хочу, — отрезал я. — Это милая домашняя собачка. Комнатная, можно сказать. Ну, пусть двухкомнатная. Кто ее обидит, я сам тому пасть порву.

Он взглянул на меня с неким подобием любопытства, но сэр Смит уже громко покрикивал на его рыцарей, побуждая собираться, и граф Эбергард, поморщившись такой бесцеремонной неучтивостью и нарушением субординации, поспешил перехватить бразды.

Завтракали на скорую руку и по очереди: граф Эбергард разослал во все стороны по двое рыцарей в дозоры. Мы достаточно натворили шороху, уже все на десятки миль вокруг знают, что вон по той дороге едет молодой герцог с небольшой свитой. И если сведения насчет заговора верны, то уже должны появиться те, кто постарается не допустить наследника к трону.

Больше всего тревог обоим графам добавила невиданно богатая добыча. Рыцари ведут за собой двадцать пять великолепнейших рыцарских коней, включая и своих, с которых сняли даже седла, чтобы бедные животные могли восстановить силы. Зато кони сыновей и родни короля Хайбиндера несут на себе полные доспе-

хи и оружие сраженных, и рыцари больше заботились о сохранности добычи, чем смотрели за дорогой. Словом, боевой дух под натиском свалившегося богатства упал ниже плинтуса, оба графа сорвали голос, отдавая приказы, на меня уже посматривали даже не с недоброжелательством, а с откровенной и нескрываемой, увы, бесильной злостью.

Я чувствовал вину, рыцари могут равнодушно пройти мимо обоза с драгоценными одеждами, равными по стоимости сотне таких коней, но их глаза разгораются при виде великолепных мечей, а при виде таких коней у каждого мужчины вырывается стон восторга.

Я сказал графу Эбергарду с сочувствием:

— У вас карта есть? Посмотрите насчет ближайшего городка, куда можно свернуть и продать все лишнее. Пусть лучше обратят в драгметаллы и зашьют в седла.

Он хотел огрызнуться, я видел, с каким усилием сдержался, и ответил холодно:

— По пути только Авакне и Шарпинс. Но эти города не настолько богаты, чтобы там продать коней и доспехи... за приемлемую цену. А за бесценок рыцари не отдадут.

Я вздохнул.

— Простите, не подумал.

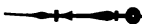
Он взглянул мне в глаза, суровое лицо чуть смягчилось.

— Вашей вины нет. Это я виноват, если уж говорить прямо. Должен был заглянуть чуть дальше, а я не заглянул.

Сэр Смит придержал коня и, поравнявшись с нами, сказал вполголоса:

— Сэр Ричард...

Предостережение прозвучало явственно, я проследил за его взглядом. Дорога проходит под высокой и почти отвесной каменной стеной, старой и потрескавшейся. Кое-где уже успели угнездиться травы и даже

неопрятного облика кусты. Вершина скалы четко вырисовывается на фоне синего неба, я всмотрелся и заметил сидящего человека. Рядом с ним груда камней, а на самом краю еще немало глыб, что отломятся при малейшем толчке.

— Вот гад, — сказал сэр Смит. — А ведь придется там ехать. Другой дороги нет.

— Делайте вид, — сказал я негромко, — что не замечаете. Дескать, все настолько учтивые, что в упор не видите чужой дурости. Пусть никто не смотрит вверх.

— Что вы задумали, сэр Ричард?

— Увидите, — пообещал я.

Я посматривал краем глаза, хотя делал вид, что высматриваю дичь, наложив стрелу на тетиву. Вот в траве мелькнула спина зайца, я вскинул лук, но не успел, заяц скрылся, я опустил лук, но стрелу оставил на тетиве.

На меня посматривали с сомнением, я прекрасно понимал их чувства. Традиция требует от рыцаря разбираться в вопросах религии, знать правила придворного этикета, владеть «семью рыцарскими добродетелями»: верховой ездой, фехтованием, искусным обращением с копьем, плаванием, охотой, игрой в шашки, сочинением и пением стихов в честь дамы сердца, но о стрельбе из лука там ни слова. Это отнесено к неблагородным занятиям, церковь с самого начала пытается запретить лук в военных целях, дескать, варварское орудие, нельзя убивать издалека. С другой стороны я показал себя, еще как показал, искусным рыцарем и даже, что куда важнее, великодушным сеньором, так что, наверное, в каких-то землях рыцарей обучают и стрельбе из лука...

Разговоры стали напряженнее, никому не хочется попасть под горный обвал, я тоже напрягся, высчитывая расстояние до засадника. Он пошевелился, опустил ладонь на большой валун, в это время я вскинул лук и, резко натянув тетиву, отпустил стрелу. Звонко шелкнуло по пальцам, стрела исчезла. Через мгновение человек

подпрыгнул, дернул руками, будто хотел накрыть ладонями ушибленное место, но вместо этого упал навзничь. С обрыва свесилась нога, пару раз дернулась и застыла.

Рыцари заговорили с облегчением:

— Прекрасный выстрел!

— Подумать только, до него было не меньше пяти-сот ярдов!

— А если бы этот мерзавец столкнул хотя бы камешек...

Граф Эбергард сказал ровным голосом:

— В самом деле, прекрасный выстрел, сэр Ричард. Правда, если бы мерзавец свалился, камнепад все равно бы достал кого-то из нас.

— Это если бы я попал в живот, — сказал я скромно. — А стрела, что бьет в лицо, заставляет упасть навзничь.

Он вскинул брови, в глазах проявился некоторый интерес.

— Да? Я полагал, что знаю о воинском искусстве достаточно... Видимо, в ваших землях не ограничиваются квадриллиумом?

Вот я тебе сейчас, подумал я мстительно, вслух же сказал еще небрежнее:

— Шутите, граф?.. У нас этому обучают помощников младших слуг. А те, кто мечтает стать когда-то рыцарями, должны еще уметь... впрочем, не думаете же вы, что вот так выдам все, что умею? Мы в одном отряде, граф, весьма временно. Завтра, возможно, ваш король или герцог велит напасть на те земли, которые буду защищать я.

Он посерьезнел, незримо подтянулся, лицо чуть вытянулось. Я даже пожалел, что вот так резко напомнил о прозе жизни, но, с другой стороны, почему бы и не щелкнуть по носу в ответ на постоянное подчеркивание превосходства?

Сэр Смит оглянулся на скалу:

— Как думаете, просто разбойник или...

Граф Эбергард сказал металлическим голосом:

— Нам лучше думать, что нас уже выследили.

Глава 10

К вечеру небо стало красно-багровым, в нашу сторону стремительно мчатся желтые и оранжевые рваные тучи, похожие на клубы горячего дыма. Кажется, что вспыхнули нефтяные залежи, страшный жар уже чувствуется в сухом и царапающем, как наждак, воздухе. Дилан и сэр Смит встревоженно начали перебирать все приметы, пытаясь угадать, что предвещает сие знамение, а брат Кадфаэль, как истый христианин, в суеверие не впадал, а кротко молился, уговаривая себя быть твердым и ничего не страшиться.

Та часть неба, куда тучи еще не домчались, жутко блещет расплавленным золотом. На миг мне показалось, что смотрю в исполинское солнце, заслонившее все небо, словно Земля приблизилась к нему почти вплотную. Ноги задрожали, я сам пробормотал не то «Отче наш», не то «Ave Mariä», в обоих знаю первые два слова, но Богу вряд ли так уж необходимо полное исполнение, иначе отличники бы торжествовали, а не мыли мерсы бывшим двоечникам.

Граф Мемель посмотрел на небо и проговорил с вельможной невозмутимостью:

— Погодка портится. На ночь хорошо бы подыскать укрытие.

Краем глаза посматривал на меня, я ответил благочестиво:

— Кто, как не Господь, наше единственное укрытие и прибежище?

Он скривился и отвернулся, в это время вдали звонко и призывно протрубил рог. Я думал, что услышал

только я, но сэр Смит восторженно, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

— Сэр Ричард...

— Я тоже слышал, — признался я.

Он повернул коня.

— Мы должны спешить на помощь!

— Да, — согласился я без энтузиазма, — но...

— Что «но»? — воскликнул он. — Кто-то нуждается в помощи!

— Да, — ответил я со вздохом, — поспешим... но осторожно. Как кунктаторы.

Он не понял, разогнал коня вскачь, выхватил меч из ножен, отважный дурак. Даже не подумал, что вот так и разбойники могут спокойненько сидеть себе в засаде и дудеть, призывая отважных дураков в ловушку. Вместо того чтобы самим бегать за ними.

Передовая пятерка рыцарей пустила коней вслед за сэром Смитом, хотя не так быстро. К моему удивлению, даже граф Мемель послал коня вперед, остальные остались прикрывать «сына герцога». Я уловил одобрение в глазах графа Эбергарда, тут же озлился и пустил коня вскачь.

Деревья мелькали по обе стороны, я хотел было остановиться до того, как вырвался на открытое пространство, умный сперва посмотрит, куда прет, но не успел, а Зайчик галопом неслился вслед за скачущими рыцарями.

В сотне шагов впереди у труп коня рубится с тремя приземистыми мужчинами в кожаных доспехах невысокий и очень стройный воин в сверкающих латах. Золотые волосы выбивались из-под шлема, я успел подумать обреченно: вот и кончилось наше путешествие без баб-с, но сэр Смит уж налетел с диким криком, ударил одного, смял конем другого, проскочил, развернулся, в это время налетели остальные пятеро.

Латы на воине кое-где помяты, из-под опущенного

забрала вырывается хриплое дыхание. Он наконец вытер лезвие меча о труп, вложил в ножны и лишь тогда поднял забрало. На меня взглянули крупные глаза дивного зеленоватого цвета, нежное лицо покраснелось, крылья тонко очерченного носа раздуваются, стремясь справиться с бурным дыханием.

Воин мгновение смотрел на меня, перевел взгляд на лук в моих руках, затем взглянул на возвращающегося сэра Смита.

— Благодарю за помощь, доблестный сэр, — произнес он звонким голосом, похожим на звук струн какого-то музыкального инструмента на небесах, — мне было бы трудновато справиться со всеми... тем более что моя лошадь пала.

Сэр Смит учтиво поклонился.

— Это был наш долг... э-э... сэр.

— Сэр Кристиан, — представился воин юношеским голосом. — Я из Эдельсвилля. Здесь недалеко, но шайки разбойников начинают орудовать все ближе.

Кристиан, подумал я мрачно. Обычно говорят просто «Крис», и тогда уже точно не определишь: самец или самочка. Наверное, все-таки «Кристина», но какого хрена в мужской одежде...

Смит посмотрел на меня за разрешением, сказал со всей галантностью:

— Сэр, вы можете взять одну из наших лошадей... временно. Где, говорите, ваше поместье? Мы можем проехать совсем рядом, если это по пути.

Сэр Кристиан повернулся и махнул рукой в сторону юга.

— Это недалеко, — повторил он извиняющимся голосом. — Я только сниму седельные мешки...

Сэр Смит выразил готовность помочь и в самом деле сам снял с мертвой лошади седельную суму и даже седло, очень дорогое, кстати, отделанное серебром и золотом. Сэр Кристиан бросил в мою сторону недоуме-

вающий и даже неприязненный взгляд, что это просто-людин в дорогом плаще все еще сидит с луком в руках, в то время как доблестный рыцарь выполняет его работу, но смолчал, не его дело, что у нас за взаимоотношения.

Граф Мемель что-то заговорщицки нашептывал графу Эбергарду, тот улыбался и легонько наклонял голову. Сэр Смит поехал рядом с Кристианом и сразу начал выпрашивать о землях, через которые идет Трапезундская дорога.

На землю пала тревожная тень, небо лиловет, проступила первая вечерняя звезда. Кристиан впереди приподнялся на стремянах и крикнул звонким голосом:

— Наш Эдельсвилль!

— Прекрасный замок, — сразу же ответил сэр Смит.

— Мой отец и братья будут счастливы таким гостям, — заверил Кристиан.

Огромная массивная громада замка на высокой скале с плоской вершиной, единственной скале в необозримой зеленой долине. Она господствует, подчиняет себе все. Высокая стена примерно в сто двадцать футов неторопливо опоясывает скалу добавочным кольцом защиты. Еще одна стена из массивных глыб посередине между замком и первой стеной, как раз в досягаемости для лучников и прашников, что со стен замка могут безнаказанно уничтожать атакующих.

Я подумал, что с такой высоты даже простой камень способен проломить любой шлем, панцирь или щит. Но и здесь, на недосыгаемой высоте, стены не из соломы, а самого крепкого камня: белого гранита, который с таким трудом добывают в каменоломнях. Глыбы белого гранита, если их приложить плотно одна к другой, со временем срастаются, как два куска льда. И вот теперь я вижу перед собой стену, в которой нет ни щели, ни слабого места, которую все равно в каком месте пытаться долбить — везде это почти невозможно.

Замок настолько прочно и основательно укрепился на вершине, что выглядит продолжением скалы, таким же несокрушимым и массивным, без всяких внутренних пустот. Конечно, я прекрасно знаю, что по всему периметру широкой стены лежат аккуратно сложенные пирамидками крупные камни, коими надлежит швырять в нападающих, равномерно распределены пучки дротиков, стрел, котлы со смолой или водой, которую в случае нужды вскипятят и выльют на головы врагам, а также мешки с песком, который сыпанут на головы врага, чтобы ослепить.

Кристиан ехал впереди, ворота открыли сразу, граф Эбергард предусмотрительно пустил впереди пятерку рыцарей, проехали свободно, никто даже не велел им оставить оружие, такие, дескать, правила, и тогда въехали уже мы, то есть Его Светлость сэр Легольс, граф Эбергард и граф Мемель с остальными рыцарями. Сэр Смит с Кадфаэлем замыкали арьергард, braveго рыцаря удалось убедить, что сейчас там самое опасное место.

Во дворе нас встречали знатные рыцари и вельможи, а пока мы слезали с коней и раздавали их в руки набежавших слуг, из донжона вышел дородный человек в пурпурной мантии, за ним очень богато одетые люди. По тому почтению, с которым они его сопровождали, я признал хозяина замка.

Кристиан бросился к нему со всей пылкостью, властелин замка раскинул руки. Они обнялись, сэр Смит понимающе фыркнул. Наконец хозяин шагнул к нам, мы поклонились со всей учтивостью и галантностью.

— Герман Зальц, — назвалса он густым сильным голосом, — хозяин этого мирка... Сам Господь послал вас в трудную минуту! Я счастлив, что вы завернули в мой замок, где я постараюсь выразить вам всю свою признательность...

Его глаза увлажнились, я с удивлением видел, как

суровое лицо размягчилось, а губы дрогнули. Граф Эбергард сделал шаг вперед и поклонился еще раз.

— Мы счастливы воспользоваться вашим гостеприимством, сэр!.. Позвольте назвать ваших гостей: Его Светлость сэр Легольс, сын герцога Люткеленбергского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Аквани. Он возвращается в свое герцогство Пуатье, дабы занять опустевший, увы, трон его отца... Это граф Мемель, советник герцога Люткеленбергского...

Хозяин замка слушал с доброй улыбкой, кивал каждому, наконец протянул вперед руки, словно хотел всех обнять.

— Дорогие друзья, вас проводят в ваши комнаты, где вам помогут вытряхнуть пыль и смыть грязь, а затем всех нас ждет пир в нижнем зале!

Граф Эбергард поклонился.

— Сочтем за честь, благородный лорд. Это будет кстати, но, в сожалению, нам не придется долго сидеть за столом...

Залыц развел руками.

— Понимаю, все спешат, все воюют... Только я удалился от этой суетной жизни. Скоро в монахи уйду!

Он первым расхохотался своей шутке, несколько придворных хихикнули, из вежливости, как я понял, угодничество ни при чем. Похоже, не тиран, вообще мужик мне начинает нравиться.

В просторной комнате нам дали возможность почиститься, потом таскали в большие бочки горячую воду, мылись по очереди. Мне как «его светлости» было предоставлено право первой воды, так что я вымылся и вытерся, когда купание только начиналось.

Во дворе крохотная часовенка, я собирался пройти мимо, но при моем приближении вышел сухощавый

священник с толстенной книгой под мышкой и резной тростью, взглянул вопросительно.

— Хотите исповедоваться, сын мой?

Я помотал головой.

— Нет, что вы, святой отец!.. Упаси Боже. Я не верю психоаналитикам. Человек должен сам справляться со своими комплексами.

Он смотрел пристально.

— Речь твоя звучит странно, сын мой, но я улавливаю суть. Ты полагаешь, что можно прожить и без Бога? Дескать, живут же другие?

Я двинул плечами.

— В какой-то мере так, святой отец. Господь заронил свой огонь в душу каждого человека, а дальше все зависит от нас самих: раздуть пламя или загасить непотребной жизнью. А для этого, простите, отец, вовсе не обязательна помощь церкви. Сильному костыли не нужны.

— Сильный, — он спросил кротко, — это кто?

— Знающий, — ответил я.

— А верующий?

Я покачал головой.

— Прежде всего — знающий.

Он вздохнул, сказал тяжело:

— Я понимаю вас, сэр Легольс. Очень хорошо понимаю. Сам когда-то думал именно так. В юности всегда кажется, что над всем стоит знание... Вообще любое знание: более знающий воин победит менее знающего, землелашец получит лучший урожай, а знающий король создаст более процветающее королевство, чем незнающий или знающий мало.

Я буркнул:

— Но разве не так?

Он отвел взгляд, я чувствовал, что не отвечает из-за боязни, что попросту не пойму, а непонимание у слабых, коих абсолютное большинство, чаще всего проявляется

в высмеивании, в лучшем случае — вышучивании. Так слабые умы защищаются от любых свежих или ярких идей, так сохраняют иллюзию чувствовать и себя людьми. Иной раз кажутся себе даже более продвинутыми, чем те, кто ищет новые дороги, оступается в потемках, набивает шишки.

— Увы, — ответил он осторожно, — это не так... Самый знающий на земле — это Сатана. Да-да, это говорю я, верный сын церкви! Это он, Сатана, научил людей добывать металл, ковать плуги и мечи, приручать собак, коней, коров и овец, научил строить мосты и корабли... И чем больше учил людей своему ремеслу, тем больше лилось крови, человек зверел, жестокие войны уничтожали и уничтожают целые города и королевства... И мелкие и большие войны — это дело Сатаны.

Я сказал осторожно:

— Отец, но человек... гм, существо, что учит строить мосты, вряд ли желает, чтобы их тут же разрушали!

Он смотрел внимательно.

— Сын мой, ты смотришь далеко. Но как правда то, что Сатана научил строить города, так правда и то, что учит разрушать их все более жестокими способами. Чем это объяснить?.. Видимо, только тем, что Цель есть только у Господа Бога, а его оппонент творит хаотично, без цели и смысла, творит все, что может, что удастся...

Мои плечи передернулись сами по себе. Ломать проще, чем строить, и сорваться в новую Великую Войну Магов ну совсем просто, когда нет тормозов. Хотя бы таких несовершенных, как церковь.

Я сказал невесело:

— И где же выход?

Он развел руками.

— Видимо, нужно что-то еще кроме ума, пусть даже самого блестящего. И это «что-то» должно быть над умом. Вообще над разумом, если такое можно сказать вообще...

Я взглянул остро, показалось, что говорит мой современник из другого времени, слишком умно и емко, но вовремя вспомнил, что еще Демокрит создавал атомарную структуру всего сущего, древние греки знали, что Земля — шар, что Солнце и Луна — тоже шары, с точностью измеряли расстояние от Земли до Солнца, знали радиус и массу Земли... но их знания принято считать поразительными догадками. Всплесками интуиции, чем они, собственно, и являются. И сейчас этот священник говорит гениальные вещи, но...

— Но для этого и создана церковь, — сообщил я ему тупенько. — Хотя несладко ей приходится. Человек прост, жаждет реальных доказательств мощи. Сатана их дает. А что церковь? Мямлит о каком-то непонятном самоусовершенствовании самого человека?

Он кивнул.

— Верно. Церковь, как это не прозвучит для кого-то дико, признает великий... даже величайший ум Сатаны. Но она не признает правильным путь, на который Сатана старается увлечь человека... и весь род людской.

Из здания выходили распаренные, умытые и одетые в чистое рыцари. Граф Эбергард и здесь бдил за всеми, как квочка за цыплятами. Он бросил на меня очень недовольный взор, сказал громко:

— Ваша Светлость, благородный хозяин ждет нас!

— Идите, — сказал я. — Догоню.

Он вскинул брови.

— Ваша Светлость! Вы настолько устали, что... Мейнард, Дилан! Помогите Его Светлости добраться до пиршественного стола.

Ко мне подскочили дюжие рыцари, подхватили под локти. Священник с отеческой улыбкой перекрестил нас и скрылся в часовне. Граф Эбергард незаметно очутился рядом и прошипел раздраженно:

— Вы не должны вступать ни с кем в разговоры!

— Своим приказывайте, — огрызнулся я. — Да и то... своим.

Он изменился в лице, сказал еще злее:

— Вы ставите под угрозу всю затею!

— Остыньте, граф, — отрезал я. — За всю дорогу впервые встретил умного человека, как не поговорить? А то все время вы с графом Мемелем маячите перед глазами.

Он так опешил от завуалированного оскорбления, что застыл на месте. Я высвободился из рук услужливых рыцарей и пошел к донжону. Из распахнутых дверей уже катят запахи жареного мяса, ароматной похлебки из нежной баранины, слышатся громкие голоса.

В большом зале ярко и празднично от светильников на стенах и огромной люстры под высоким, как у церкви, сводом. Искрятся и сверкают начищенные ручки дверей, канделябры, стены инкрустированы золотом и серебром.

За празднично накрытыми столами пируют ярко одетые люди. Замелькали все цвета, здесь не признают полутонов: если уж красное, то самый что ни есть пурпур, если зелень — то изумруд. Никакой подгонки цветов или соответствия, все как яркие клоуны, зато все веселятся, морды довольные, уже пьют, хохочут, рассказывают веселые истории.

Залыц с трона приветственно помахал рукой, указал на оставленные для нас четыре кресла за столом напротив. Остальных рыцарей и брата Кадфаэля отвели и усадили за соседний стол, где пируют, не дожидаясь виновников торжества, знатные вельможи, исполненные гордости и достоинства. Впрочем, Кадфаэль посидел с минуту, дабы выказать почтение хозяину, после чего, ритуально переломив хлеб, удалился, кротко объяснив, что ему есть о чем порасспросить здешнего священника.

Справа от Залыца сидит зрелый муж, по одному виду я узнал главного советника, то есть битого и перебитого

жизнью, умудренного и разочарованного, оттого осторожного настолько, что семьдесят семь раз отмерит, прежде чем отрезать.

Слева — хмурый человек с прямой спиной и пронизывающим взором. Я сразу ощутил холодок по коже, ответил мысленно «Да пошел ты!» со всем негодованием человека, трясущегося над соблюдением прав неприкосновенности личной жизни. Колдун болезненно дернулся, лицо чуть побледнело.

Я посмотрел в упор, показывая взглядом, что, если этого мало, могу добавить, у меня помимо сраной магии есть меч, выкованный гномами, а также стремление вбить по ноздри в землю всякого, кто вот так лезет ко мне...

Зальц, не заметив безмолвного поединка, обратился к нам царственный взор властелина.

— Я еще раз хочу поблагодарить вас, дорогие друзья... позвольте считать друзьями, за спасение моего непутевого сына Кристиана! Он бывает слишком уж...

Мы все хранили обалделое молчание, наконец граф Эбергард кашлянул и ответил с достоинством:

— Это был наш долг, как христианских рыцарей, броситься на помощь.

— Да, — подтвердил граф Мемель несколько скомканно, — да, эта... именно так.

Сэр Смит с великим облегчением вздохнул, воздел очи к люстре и пробормотал пару слов благодарственной молитвы. Зальц оглядел всех нас, что-то понял, поинтересовался с мягкой улыбкой:

— Как видите, я такой лорд, что все пьют и орут, меня не слушая. Так что можете говорить, я человек не обидчивый. И не злопамятный.

— Нет-нет, — ответил граф Эбергард поспешно. — Это никак не относится...

В глазах Зальцаросло подозрение, я сказал негром-

ко, чуть наклонившись через стол по направлению к Зальцу:

— Только никому не говорите, Ваше Величество. Мы до сей минуты, пока вы не назвали Кристиана сыном, были уверены, что спасали от кочевников переодетую воином девушку.

Зальц откинулся на спинку, взгляд острых глаз быстро пробежал по нашим лицам. Я ждал, что он расхохочется, однако властелин лишь улыбнулся и качнул головой.

— Да, мой мальчик еще не начал бриться. К тому же блондины долго выглядят моложе своих лет... А почему так обрадовались?

Сэр Смит оглянулся, да не услышит кто, сказал, еще больше понизив голос:

— Да нам в мужской компании так хорошо путешествовать! Не надо ухаживать ни за какими бабами, не надо выслушивать их капризы, не надо потакать прихотям, не надо все время помнить, что это она нарочито нас ссорит и сталкивает лбами, чтобы посмотреть, какие мы бараны...

Властелин замка расхохотался, протянул к нам руки, словно хотел обнять, но такое изъятие чувств не позволяет стол.

— Дорогой сэр, как мне все это понятно!.. У меня четыре дочери, четыре!.. И только один сын.

Маг наклонился и что-то прошептал ему на ухо. Зальц помрачнел, глаза сверкнули, мы опешили быстроте, с какой он из милого гостеприимного дядюшки превратился в жесткого правителя.

— Нет, — рыкнул он коротко. — Нет! Не все выгодно... что кажется выгодным.

Я обратился к графу Эбергарду:

— Дорогой граф, не покажете ли нашему любезному хозяину карту, по которой следуем?

Граф нахмурился, но все смотрят, он нехотя вытащил из сумки карту.

— Ваша светлость, — сказал он почтительно, — нам показалось, что в нашей карте имеются некоторые... совсем незначительные, но все же неточности.

Зальц принял, на столе мгновенно очистили место, он развернул и некоторое время всматривался с растущим удивлением.

— Так вот, — проговорил он с веселым интересом, — как наши земли представляют соседи... А ведь не на другом материке живем! Дивное искусство, все нарисовано, как живое, реки прямо текут под моими пальцами, чувствую холод... но вот даже горный хребет чуть сдвинут, а уж его-то должны рисовать правильно!.. Река Шалунья нарисована верно, ничего не скажешь, все завитушки... надо поискать этого шпиона... шучу-шучу!.. А вот Перкуга и Веселая несут воды совсем-совсем по другим руслам. А это что?.. Сейчас нет такой реки, там на всем протяжении растут дивные леса... Насчет городов, так эта карта — находка для историков, но пользоваться ею — самоубийство. Вы сейчас прете в Лиловую Топь, а если налево — вас сожрут жидкие пески.

Сэр Смит спросил уstraшенно:

— Так как же пройти на Юг?

— Только направо, — он махнул рукой, не поднимая головы, и добавил: — Там город Конкорд, жители хоть и драчливы, но чужеземцев не убивают, не то что в Бертане, где сейчас какой-то мрачный культ... Если уж захотите остановиться для отдыха, то лучше в Конкорд...

— А если сможем двигаться дальше? — спросил я.

Сэр Смит застонал, Зальц кивнул, ничуть не удивляясь.

— Как только проедете мимо, там откроется большая имперская дорога древних королей. По ней доберетесь до Цегенвальда. Мирный город, но стены его высо-

ки. Дальше дорога хуже... но куда ведет, не знаю, никто из нас так далеко не забирался.

Сэр Смит гордо расправил плечи, мы прошли уже почти полмира, а эти местные лорды не рискуют высовывать носа дальше своих владений.

Глава 11

За полночь, когда мы, совсем усталые и осоловевшие от съеденного и выпитого, выбирались из-за стола, Зальц незаметно кивнул мне. Когда все ушли, он велел отойти в сторону даже двум телохранителям, шепнул:

— Будьте осторожны. Уже интересуются, не появился ли в наших землях небольшой отряд, где черное знамя с золотым конем...

Я спросил так же тихо:

— Ваш маг сообщил?

Он кивнул, ничуть не смутившись, объяснил:

— Он добавил, что за вашу голову обещаны просто горы золота. Как человек, который бдит о благополучии наших земель...

Он умолк, дальше объяснять лишне, умный поймет, я понял еще и ответ Зальца насчет невыгодности близкой выгоды, умный и дальновидный стратег, таким и должен быть правитель.

— Хорошие новости, — сказал я. Он взглянул непонимающе, я добавил: — Значит, у них нет близко своих отрядов. Стараются задержать нас наемниками.

Он покачал головой.

— Наемниками не пренебрегайте. Среди них есть очень опасные вожаки отрядов.

— Учту, — ответил я. — Спасибо. За все спасибо.

Покинув замок Зальца на рассвете, мы на отдохнувших конях неслись по росистой траве, пока не разогрелись так, что пар из ушей, а кони и люди в мыле.

Короткий отдых, чтобы напоить коней, и снова в седла, снова под копытами гремит сухая степь, а когда она осталась позади, ворвались под сень деревьев. Толстый ковер из опавших листьев глушит топот, по обе стороны мелькают деревья, то и дело пригибаешься, чтобы не попасть в страшноватые лапы корявых сучьев.

Этот лес тянулся долго, наконец дорога игриво выбежала на поляну, а дальше начала раскрываться за уходящей стеной из могучих мрачных сосен зеленая долина. Рыцари, что ехали впереди, натянули поводья, один повернулся и отчаянно замахал руками. Донесся крик:

— Граф Эбергард!.. Граф Эбергард!

Сэр Смит пришпорил коня раньше графа, я пустил Зайчика вперед, мой арбогастрик застоялся, наверное, идти с такими черепахами, вынес меня на простор моментально, обогнав и сэра Смита с графом Эбергардом, и даже дозорных рыцарей.

Под могучим дубом, раскинувшим ветви на просторе, звенит сталь, слышатся крики, брань, глухие удары. Несколько человек, прижавшись спинами к дереву, отчаянно отбиваются от десятка насевших разбойников. В сторонке на боку повозка, колеса все еще медленно вращаются. Зайчик на большой скорости понес прямо в схватку, я едва успел выхватить меч. Зайчик с ходу сшиб двоих, я ударил направо и налево, эти двое упали с дикими криками боли и ужаса. Я остервенело рубил, продвигался к дереву, там уже остался один, но нападающие оглянулись, в глазах изумление и ярость, с криками бросились навстречу.

Я срубил двух, больно неуклюжи, увидел, как мужчина под деревом упал на колени, но все еще поднимает меч, пытаюсь парировать удары одного из разбойников, что все-таки решил добить раненого. Я бешено взмахивал мечом, рука слегка вздрагивала, когда лезвие рассекало тугую плоть, щит трещал под ударами дубин. Я сра-

зил еще двух, остался последний, что занес дубину над головой мужчины.

— Чтоб ты сдох!

Я не успевал, метнул с силой меч. Перекувыркнувшись, меч ударил рукоятью в голову разбойника. Тот шатнулся и рухнул на колени, затем завалился навзничь. Откуда-то появилась избитая и в порванном платье женщина, громко всхлипывала, ее руки прижали к груди голову мужчины. По виску течет кровь, но он пытался освободиться, прошептал:

— Где мой меч...

— Все кончено, — заверил я его. Подобрав свой меч, повернулся к женщине: — Вы не ранены?

Она ответила вся дрожа:

— Я нет, но Брайан... Он весь в крови...

Мужчина слабо улыбнулся.

— Нет-нет, со мной все в порядке. Это пустяки, пара царапин... Просто оглушило...

Сзади прогрохотали копыта, мелькнуло бледное лицо графа Эбергарда, он метнул на меня бешеный взгляд, сверкали мечи, слышался голос сэра Смита, деловито напоминавшего, что из христианского милосердия надо добить раненых, у которых не хватило сил отползти. Брат Кадфаэль заспорил, тогда сэр Смит возразил, что разбойников надлежит по всем законам повесить, так не милосерднее ли... и брат Кадфаэль сдался.

Женщина всхлипывала и поддерживала голову этого Брайана, прижимая к груди. Вся правая половина лица начинает багроветь, что значит — завтра будет синей, а потом заиграет всеми цветами радуги. Светлые волосы с той же правой стороны слиплись и стали кирпично-красными, тонкая струйка все еще стекает по щеке.

Перехватив мой взгляд, он с неловкостью улыбнулся.

— Уверяю вас, доблестный сэр, со мной все в порядке! Это просто ссадина. Мне удалось отделаться одними

кровоподтеками, а вот моим спутникам, боюсь, не повезло...

Поколебавшись, я удержался от импульса побыстрее залечить его ссадину и кровоподтеки. В таком возрасте и само пройдет быстро, а чутье мне подсказывает, что до поры до времени не стоит раскрывать свои возможности целителя. А то граф Эбергард и его команда вообще перестанут считать меня рыцарем.

Сэр Смит посмотрел на солнце, намекнул, что неплохо бы сделать короткую остановку на отдых. Никто не спорил, быстро разожгли костер. Обрадованный Пес притащил пару огромных толстых дроф, я их сперва принял за страусов. Экескул и Дилан взялись потрошить и разделывать по всем сложным правилам дворцового этикета, а я подошел к спасенным.

Парень мужественно улыбнулся.

— Все хорошо, сэр. Мы в неоплатном долгу.

— Да пустяки, — ответил я великодушно.

— Мы свои жизни пустяками не считаем, — возразил он с улыбкой. — Потому и чувствуем себя... так, как чувствуем.

Сэр Смит подошел к нам и отсалютовал наспех вытертым мечом.

— Сэр Смит, — представился он галантно. — Барон, а главное — победитель Каталаунского турнира, чем горжусь особенно. Могу чем-то помочь?

Женщина потрясла головой.

— Вы уже помогли так, что лучше представить трудно. Если бы не вы, нас бы уже... наверное, жарили бы на костре... Я — леди Ингрид, дочь барона Гросса. А это... сэр Брайан, сын барона Престона.

Она нашла в себе силы улыбнуться при упоминании о костре, отважная женщина, настоящая валькирия, красивая и яркая, одна копна золотых волос чего стоит.

Сэр Брайан криво улыбнулся, прижал ладонь ко лбу.

— Только теперь голова начинает трещать. Мы ехали в... ближайший город, по дороге встретили торговцев, поехали вместе. Полагали, так надежнее, однако, как видите... Мы всем обязаны вам, благородный сэр! Располагайте нами.

Я поклонился.

— Сэр Легольс. Еду в свое герцогство Пуатье, дабы принять причитающуюся мне корону.

Глаза женщины расширились, в них мелькнул испуг, а лицо побледнело. Сэр Смит спросил встревоженно:

— Вам плохо?

— Ни... че... го... — ответила она прерывистым голосом, — это от... пережитого... Простите, я пойду помою руки в ручье... на мне слюни этих головорезов... Как они сбросили меня с коня, мерзавцы!

Сэр Смит посмотрел ей вслед, в глазах восторг.

— Я давно не видывал таких красавиц!

— С самого турнира, — напомнил я безжалостно.

— Так это когда было!.. Сэр Брайан, вам повезло.

Он сказал слабо: -

— Боюсь, что вы не так нас поняли...

Сэр Смит подмигнул:

— Ладно-ладно, мы ведь понимаем ляморные дела! Не так ли, сэр... Легольс? Не отрицайте очевидное, сэр Брайан!

Сэр Брайан слабо улыбнулся, но отрицать в самом деле не стал.

Сэр Брайан изловил коня леди Ингрид, помог ей сесть, а потом поймал своего, что храпел и долго дичился хозяина, от которого пахнет свежей кровью. По дороге сэр Смит пустил коня рядом с моим и многозначительно шепнул, что эта парочка что-то скрывает. Я кивнул, у меня такое же впечатление, но они вроде бы намерены остаться в ближайшем городе, а мы попрежнему дальше.

Он выслушал, кивнул.

— Да, конечно... но спиной к ним лучше не поворачивайся.

— Ах ты наш особый отдел, — сказал я с сочувствием, — они выглядят слишком безобидными. А здесь мир, где злодеев можно арестовывать уже по рожам. Кто ничем не рискует, тот рискует вдвойне.

Сзади донесся предостерегающий крик. Я оглянулся, тройка рыцарей, что тащилась в арьергарде, махали руками. За их спинами примерно за милю клубится дорожная пыль. Все насторожились, начали проверять оружие, доспехи, кое-кто соскочил на землю и подтянул ослабевшие подпружные ремни.

Я стиснул зубы, в эту эпоху непрерывной гражданской войны всех против всех надо любого встречного рассматривать не только как противника, но и как врага. Единой власти над государством нет, а король — это всего лишь один из баронов, которого признали старшим, но связав такими условиями, что он все равно не волен ни над страной, ни над баронами. Бароны, опираясь на свои неприступные замки и могучие дружины, занимаются разбоем и самоуправством в окрестных землях, что исправно платят дань. Конечно, потом против таких разбойников, что парализовали торговлю между городами и странами, короли будут предпринимать походы: замки начнут осаждать, и, не взяв, чаще всего о чем-то да договорятся, но пока что до этого времени еще далеко...

Желтое облако пыли становилась все больше, я вздохнул и взял в руки лук. Со мной только сэр Смит, граф Эбергард и граф Мемель, да еще леди Ингрид с сэром Брайаном позади, остальные выдвинулись вперед, готовые принять удар на себя, остановить, лечь костями и все такое, но не допустить до меня, что меня устраивает как нельзя лучше. И как стрелка из лука, который из-

бегают ближнего боя, и вообще... пусть чужаки будут от меня на расстоянии.

Из пыльного облака выметнулись первые всадники. Все мчались бешеным аллюром, пригнув головы к конским гривам, кони в мыле, хрипят, глаза безумные, всадники безжалостно кровянят им бока длинными шпорами. Передний увидел нас, выхватил меч и закричал хриплым голосом:

— Вот они!.. Убейте...

Из желтого облака выныривали все новые всадники, в руках появились мечи. Мои пальцы рывком дернули тетиву к уху, щелчок, пальцы бездумно ухватили новую стрелу, рывок к уху и новый щелчок, затем еще и еще... Наши рыцари изготавились к тяжелому конному удару, когда их заставят попятиться, закрылись щитами и сжимали рукояти мечей, нагнетая в сердца и в мышцы ярость, когда силы удваиваются.

Лишь двое всадников долетели до стальной стены наших рыцарей. Остальные либо склонялись к конским гривам, либо откидывались на крупы, либо сползали в сторону. Самые задние влетели в месиво на дороге, где трое из сраженных моими стрелами сумели опрокинуться вместе с конями. Те испуганно ржут и бьют в воздухе копытами, калеча острыми подковами коней и всадников, что стараются пробиться к ошетинившейся стене рыцарей Эбергарда.

Я выпустил еще несколько стрел. В это время кто-то из наших выкрикнул что-то воинственное, стальная стена двинулась ровным строем. Длинные копыта подавались назад для удара, слышался жуткий крик, а всадник спешил стряхнуть с копыта наколотого противника, чтобы всадить острие в следующего.

Через несколько минут схватка затихла, трое соскочили с коней и пошли добивать раненых. Граф Эбергард рывкнул, к нам подвели единственного захваченного в

плен. Подозреваю, что просто оставили в живых для допроса.

Крепкий и жилистый воин, два шрама на лице, дубленая кожа, мелкие морщинки у глаз, вид бывалого воина, такой на улице вызвал бы симпатий куда больше, чем надменный Эбергард или напыщенный сын герцога Люткеленбергского, которого я играю, но сейчас мы с графом Эбергардом в одной упряжке, а этот вот мчался в нашу сторону с поднятым мечом.

Граф Эбергард смотрел на него с невыразимым презрением.

— И как же ты осмелился, мерзавец, — произнес он холеным голосом аристократа с родословной до потопы, — напасть на августейших особ?

Я кашлянул, сказал вежливо:

— Простите, граф, я сам допрошу пленника.

Граф поморщился.

— Ваша светлость, не стоит вам пачкать руки таким ничтожеством.

— Ничего, — ответил я легко, — мы в походе, церемонии дворцового этикета оставим до возвращения в Пуатье.

Он покачал головой:

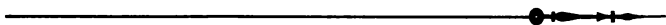
— Я, как отвечающий за отряд, не могу допустить...

Я сказал чуть громче, подпустив в голос угрозы:

— Граф, это что за неповиновение?

Он сверкнул глазами, стал еще надменнее, набрал в грудь воздуха, я уже ждал, что брякнет какую-то глупость, сэр Смит оказался рядом с вроде бы случайно обнаженным мечом в руке, глядя на графа весьма недружелюбно. Граф оглядел нас, вздохнул, лицо словно разом постарело, он махнул рукой и, отвернувшись, безмолвно удалился.

Я повернулся к молча наблюдавшему с немалым интересом пленнику. Наши взгляды встретились, в его глазах я прочел уважение профессионального солдата к противнику, который ссадил с коней половину отряда.

— Вот что, — сказал я самым будничным тоном, — если ты ответишь на все вопросы, которые меня заинтересуют, тебя отпустим.

Он фыркнул:

— Не отпускайте, знаю. К тому же я из клана Сокола! Не слыхал? Мы в состоянии вытерпеть любые пытки.

Я вздохнул.

— Знаешь ли, никто не говорил о пытках. Я предпочел бы обойтись без них, как гуманист с головы до ног. Пытки... это нехорошо. В большинстве цивилизованных стран они запрещены и не применяются, за исключением застенков совсем уж секретных служб. Да еще во время войны, когда нужно срочно разговорить захваченного, чтобы спасти жизни сотен своих людей... ты понимаешь меня? Если я таким нехорошим делом, как пытки, могу спасти своих друзей, то я...

Он демонстративно сплюнул мне под ноги.

— Я же сказал!

— Хорошо, — ответил я печально. — Сэр Смит, придется допросить пленного.

Он рывкнул с готовностью:

— Это мы сделаем! Не одному язык развязывали в адской резне!.. А когда через Керкулан шли, так и вовсе... Огнем его? Срезать куски мяса и скармливать вашему Псу?

— Нет-нет, — ответил я. — Что мы, дикари малограмотные, поступать так неэффективно? От потери крови теряется, как знают цивилизованные люди, чувствительность к боли. Сэр Дилан, поддержите руку пленника на этом камне. А вы, сэр Смит, вот этим поменьше стукните по ногтю указательного... а потом следующего... Следующего...

Пленник дико заорал уже после первого удара. Ноготь указательного пальца сразу побагровел, начал наливаться лиловостью. Сэр Дилан с удовольствием держал в медвежьих лапах растопыренную пятерню пленника,

сэр Смит ударил по ногтю среднего пальца, пленник забился в конвульсиях, а когда расплющили ноготь безымянного, вскричал в слезах:

— Прекратите!.. Прекратите, я все расскажу!

— Расскажешь, — согласился я. — Все расскажешь. Не забывай, сколько у тебя еще пальцев. И если мне покажется, что ты где-то соврал... только покажется!.. ты узнаешь, на что способны миротворцы при совершении гуманитарных миссий. Итак, как зовут?

— Габриэл, однощитовый рыцарь.

— Чей вассал?

— Сэра Эглера, владельца земель от реки и до Синих Холмов.

— Реку вижу, а где эти Холмы?.. ладно, неважно. Сколько человек нас преследует?

Он мотнул головой в сторону заваленной трупами дороги, где все еще бродили наши рыцари и обшаривали карманы, вспарывали седла, куда многие зашивают золото и драгоценные камешки.

— Здесь было... двадцать четыре.

— Кто из них кто?

Он понял вопрос правильно, не стал называть имена, а сказал торопливо:

— Шесть рыцарей, четыре копейщика, остальные — латники.

— Ого, — сказал я, — странная диспропорция... Ладно, какой был последний приказ?

— Догнать отряд из тринадцати человек, во главе которого рыцарь с гербом золотого коня. Убить этого рыцаря, остальных не обязательно.

— Кто его отдавал?

— Сэр Эглер, глава отряда.

Я спросил резко:

— С кем он советовался? Чьи приказы выслушивал?

Он вздрогнул, на мгновение застыл, но сэр Смит уг-

рожающе приподнял камень, и пленник заговорил быстро-быстро, почти захлебываясь словами:

— Я не знаю!.. Никто не знает! Но сэр Эглер отъезжал в сторону, велел нам оставаться на месте, мы видели, как он стоял на холме, смотрел в небо, но никто не появился... Правда...

Он умолк, сглотнул слюну, глаза стали круглыми, как у птицы.

— Что? — спросил я резко.

— Мой друг Месмер, у него есть тайный амулет, так вот он вечером шепнул мне потихоньку, что перед Эглером появилась темная фигура, что все время дрожала и расплывалась, а потом исчезла, словно ее размыло ветром.

Я прикинул, что еще стоит спросить, но вроде все важное уже испытал... слово-то какое точное — испытал, поинтересовался:

— А почему вы так лезли на рожон? Хоть вас и двадцать четыре, но и нас не горстка.

Он сдвинул плечами, глаза забежали, язык судорожно облизнул сухие губы.

— Нам пообещали каждому по сорок золотых монет!.. Это ж всю жизнь прожить в достатке. А еще тому, кто убьет этого с золотым конем на плаще...

Он замялся, я напомнил любезно:

— Меня, ты хотел сказать.

— Ваша милость, — буркнул он, — кто ж знал, что вы такой зверь? Мы надеялись налететь, сразить только вас и тут же обратно. Кони у нас добрые, а вашему отряду не до того, чтобы за нами гнаться. Мы бы ушли, хоть коней заморили, это верно.

Он задел распухшие пальцы, скорчился, из глаз брызнули слезы. Судя по его виду, готов и дальше выкладывать все с любыми подробностями, даже граф Эбергард начал посматривать на меня с удивлением. Когда плен-

ный умолк, вконец обессиленный, я сказал так же буднично:

— Свободен, можешь идти.

Он встал, покачнулся, совершенно раздавленный нечеловеческими пытками. Я сказал доброжелательно:

— Ногти заживут, хотя несколько дней поболят, а потом и следа не останется. Это не то что отрубывать руки по локти.

Он осторожно обошел дорогу, где и на обочинах трупы менее удачливых, потащился, шатаясь от жутких пыток. Ко мне сзади подошел брат Кадфаэль, глаза молодого монаха смотрели с великой скорбью вслед несчастному... или счастливому, это как посмотреть.

— Не милосерднее ли дать ему лошадь? — предположил он.

— Страдание очищает душу, — напомнил я. — А великое страдание — это вообще катарсис, так необходимый христианину. Пока он бредет по этой дороге, успеет подумать и осмыслить многое, брат Кадфаэль. А если дать коня, он слишком скоро прибудет в злчное место, где доступные девки, много вина...

Сэр Смит сказал язвительно:

— Не говоря уже о том, что быстрее сообщит, где мы.

— Да, — ответил я с лицемерным вздохом, — но я в первую очередь забочусь о спасении его души, об очищении слезами и раскаянием. Не правда ли, брат Кадфаэль, это очень важно?

— Правда, — буркнул Кадфаэль и посмотрел на меня с подозрением. — Только что-то слишком уж вы скорбите о нем, сэр... Легольс! Что-то я вдруг вспомнил о крокодилах, которые тоже плачут... Вот никак не пойму, с чего бы?

Я улыбнулся и повел его обратно к его мулу. Там наткнулся на испуганный взгляд леди Ингрид, она тут же посмотрела в сторону и зябко поежилась. Сэр Брайан

ответил мне бледной улыбкой, но и в его лице было что-то такое, что в самом деле показалось опасным поворачиваться к нему спиной.

Глава 12

Граф Эбергард, еще более надменный и высокомерный, выговаривал своим рыцарям, те оправдывались жалкими голосами, но вид у них упрямый, а когда граф метнул раздраженный взор в мою сторону, я все понял и поспешно отвернулся.

Сэр Смит цвел, усы как будто даже выросли за время путешествия, он все громче величал меня монсеньором, а я сделал вид, что увлечен беседой с братом Кадфаэлем о высоком и божественном. Мирские дела насчет добавочных трофейных коней пусть решают сами, хотя, конечно, я понимаю и рыцарей, которые ну просто не могут их бросить на произвол судьбы, это же какие деньги, но понимаю и графа Эбергарда, еще как понимаю...

Граф Мемель подъехал, сказал успокаивающе:

— Завтра будем проезжать вблизи Бергана. Это не очень большой городок, но часть коней сумеем продать. Я вздохнул.

— Сам жалею, что так получилось. Ползем, как черепахи. Эти кони едва на ногах держатся... но, конечно, я тоже понимаю в конях, сэр Мемель. Они почти не уступают тем, на которых нас преследовали люди Хайбиндера.

Он помрачнел, заметил сухоовато:

— Это говорит еще и о том, что против нас брошены большие силы.

— И большие деньги, — добавил я.

— Да, очень большие. Значит, уже знают про несметные залежи серебряных руд, что удалось отыскать всего

три месяца назад. Если захватят герцогство, любые траты окупятся.

— Ого, — сказал я, — значит, всем рулит экономика?

Он помолчал озадаченно, вдумываясь в мои слова, сказал с заминкой:

— Да, все дело в богатейших залежах. Нигде в соседних королевствах нет залежей серебра. Золото — да, хоть и немного, но не серебро. А у нас, выдам уж государственный секрет, чуть ли не вся гора из серебра!

Мы ехали некоторое время в молчании, затем страшная мысль пришла в голову. Я спросил негромко:

— Но серебро, как я слышал, убивает нечисть даже прикосновением?

Он кивнул, лицо довольное, вид гордый, но увидел мое лицо, вздрогнул и развернулся в мою сторону всем корпусом.

— Вы что-то другое имели в виду?

— А что, — спросил я медленно, — если некто старается захватить герцогство, чтобы не ради добычи серебра... а чтобы остановить работу рудников?

Даже граф Эбергард не знает мест, по которым едем. Наша главная задача — увести погоню. Однако я при всем понимании позиции преданного наследнику графа все же и к своей жизни неравнодушен, еще как неравнодушен. Убедившись, что никто уже ни хрена не понимает, куда едем, разве что на юг, хоть это понятно, я потряс брата Кадфаэля, тот вспомнил про карту, подаренную братьями из ордена Святого Бенедикта, на ближайшем привале развернул.

Стукаясь головами, мы рассматривали удивительно рельефное, но, увы, очень неточное, как объяснил благородный Зальц, изображение этих мест. Скорее всего, подумал я, карту составили в ту эпоху, когда и река текла по другому руслу, и вместо нынешнего леса было старое

болото, что только начало зарастать мхом, но таило в себе опасности. Иначе как объяснить, что хорошо укатанная дорога вдруг на прямом пути прыгает в сторону, обходит что-то невидимое, а затем снова возвращается на прежний путь.

Сэр Смит приставил ладонь ко лбу козырьком, всмотрелся, как полководец, озирающий выстроенные к бою части.

— Думаю, если что и было там, то... как говорится, сгнило. Надо ехать прямо.

Я посмотрел на брата Кадфаэля. Поколебавшись, он ответил вежливо:

— Что в руце Господней, то не изменишь. Полагаю, за долгие годы то, из-за чего дорога ушла в сторону, уже испарилось.

Я подумал, покачал головой.

— Знаете, мы ничего не теряем от того, что сделаем крюк. Ну, разве что полдня... Но сколько мы потеряли в жизни не то что дней, а лет?... Береженного Бог бережет. Мы не поедem прямо. Кто ездит прямо, дома не ночует.

Зеленую равнину все чаще начали рассекать клинья леса, мы по возможности огибали чересчур густые заросли, кто знает, дикие звери там или разбойники. Но когда лес просто нагло, как разбойничающий барон, перегородил дорогу и разрешил ей петлять между огромными мрачными стволами старых кедров и корабельных сосен, мы собрались в тесный отряд, передние рыцари опустили забрала, и мы вломились в эту негостеприимную чащу.

Смит настороженно оглядывался по сторонам, глаза сухо блестят в узкой щели шлема.

— Не нравится мне это... Не нравятся деревья... И пеньки какие-то не такие... Вот всегда так, как только ухвачу добычу, так сразу что-то старается выдрать прямо из пальцев!.. Кадфаэль, почему жизнь такая несправедливая?

Кадфаэль возразил с жаром:

— Надо верить! И желать всем сердцем. Господь услышит, защитит, ниспошлет...

Смит сказал зло:

— А я что, не был ревностным христианином? Не соблюдал посты? Или не молился ежедневно? Но все равно, кому дал, а мне только показал... да такое показал!

Кадфаэль не нашелся сразу, что ответить, я поймал беспомощный взгляд монаха, сказал сочувствующе:

— Молитва молитве рознь. Может быть, сэр Смит, ты не так расставлял акценты или ударения, не совсем точно пользовался модальным склонением?

Смит вытаращил глаза, спросил обалдело:

— А что это?

Я отмахнулся.

— Да никто не знает, хотя говорят, говорят. Звучит красиво, многозначительно. Даже слишком. А молиться надо правильно. Вот как-то шел в пустыне один настоящий священник, который вроде бы знает, как правильно, как вдруг — лев! Священник взмолился, чтобы Господь дал льву христианское сердце. И вот лев, когда догнал и завалил священника, поднял очи к небу и скачал благочестиво: «Господи, благослови эту пищу!»

Смит задумался. Судя по его виду, он вообще не задумывался над правильным нанизыванием слов, как бусинок на незримую шелковую нить. Сказал нерешительно:

— Но ведь Господь видит самую суть! Ему форма не важна.

Я покачал головой.

— Ошибка. Очень серьезная. Господь видит все, как и мы видим, что вон сэр Левель — хороший человек, но когда ковыряется за столом в зубах, рыгает и жутко пердит, то морщатся даже те, кто его знает и любит. Господь видит, что ты очень небрежно относишься к молитве,

это его... огорчает. Он добр, это я бы тебя шарахнул молнией между ушей, а он по доброте просто отворачивает свой лик к тем, кто сам выпалывает свои ошибки и никогда не напишет «извините».

Он смотрел обалдело, и хотя насчет «извините» я добавил уже так просто, насточертели малограмотные, но Смит суть кое-как уловил, призадумался, даже ухитрился собрать на лбу кожу в настоящую морщинку.

Едва опушка осталась за спиной, мне почудилось, что темнеет пугающе быстро и странно. Солнце все так же на небе, вот блистает сквозь редкие ветви, все чисто, ни тучки, но свет померк, словно при частичном затмении, на землю упал тягостный полумрак, воздух застыл.

Копыта стучали по сухой твердой почве. Тесные группы деревьев остались позади, впереди только заросли низкого кустарника — ветви болезненные, узловатые, под ними черная трава зловещего вида с забуренными листьями.

Сэр Смит вскрикнул, рука в булатной рукавице взлетела к небу. Я тут же ухватился за рукоять молота, затем схватил лук и наложил стрелу. По небу несутся в нашу сторону, быстро увеличиваясь в размерах, громадные птицы. Слишком громадные. Я даже не услышал, что исполошенно прокричали за спиной, торопливо прицелился в ближайшую и выпустил стрелу.

На этот раз я сумел послать три стрелы до того, как первая ударила в мишень. Птица лишь вздрогнула, для четвертой стрелы успел сделать поправку, острие пронзило голову, попав в глаз. Не знаю: заметили мои люди или нет, что стрела слегка вильнула, остальные стрелы тоже с силой били в головы. Эти птицы сложили крылья и понеслись к земле, в то время как первая, пораженная в грудь, еще долго кувыркалась, пытаясь лететь, о землю ударилась позже всех, но и там прыгала и пыталась освободиться от стрелы, ухватила крепким клювом за оперение.

К ней подлетел на испуганно храпящем коне сэр Смит, холодно блеснул меч, на землю упала голова размером с собачью, но все-таки птичья, хотя вместо перьев — шерсть. Конь попятился, птица и без головы продолжала биться, от взмахов сильных крыльев поднялся ветер.

— Не взяли! — прокричал сэр Смит торжествующе.

Он задрал голову и грозил кулаком в небо. Оставшиеся две птицы злобно каркали, затем поднялись выше, сделали полукруг и с криком, полным разочарования, понеслись обратно.

— Мутанты? — спросил я. Поправился: — Исчадия ада?

К моему удивлению, сэр Смит покачал головой.

— Судя по карте Кадфаэля, они здесь живут испокон веков. Счастье, что далеко не летают.

— Задницы тяжелые, — предположил я.

— Да, это точно. Таким летать тяжело, а еще и добычу надо нести в гнездо.

— Ну, — сказал я, — если это не исчадия, то я уже не знаю, что здесь за исчадия.

Поднял голову, дивясь и тревожась слабому солнечному свету. Вроде бы и небо чистое, но впечатление такое, что Земля вдруг очутилась на орбите Марса, а то и Юпитера.

Но помимо того, что все сумрачнее, растет тяжесть на плечах, я пошевелил ими, тяжесть остается, значит, она во мне. Земля словно понижается к болоту, но, странное дело, травы нет, а размокшая глинистая земля впереди покрыта темной водой, затхлой, пугающе темной. Только там пучками торчит осклизлая трава, грубая и мясистая. Сама вода кажется разлитым по земле маслом, его еще называют земляным маслом: тяжелая, черная, с запахом гнили.

— Нехорошие земли, — произнес сэр Смит дрогнувшим голосом.

— Чьи? — спросил я.

— Ничьи, — поспешно ответил он. — Кому они нужны?.. Никто их не желает иметь под своей рукой в своих владениях.

— А я бы взял, — сообщил я. — В таких болотах всегда богатейшие залежи железной руды. Причем, заметь, всегда отменного качества.

Он перекрестился.

— От таких земель неприятностей больше! А ну как вылезет что-то из болота и пожрет добывальщиков руды? А то и того хуже — пожрет или снова утопит в болоте саму руду?

Я вздохнул.

— Ты прав. К тому же, пока на земле не наплодится под семь миллиардов, кому эти болота нужны?

Он не понял, но переспрашивать не стал, мало ли чем мне забивали голову в северных королевствах. И то диво, что я все-таки остался рыцарем, а не стал церковником, хотя временами рассуждаю, как престарелый поп.

Граф Эбергард, исхудавший за последние двое суток больше, чем за всю жизнь, выдохнул с таким великим облегчением, что грива его коня едва не облетела, как пух с созревшего одуванчика. Мы увидели две высокие дозорные башни, затем слева от дороги начали вырастать черепичные крыши домов.

Замок сам по себе мал, неприметен, но тут же на перекрестке четырех дорог расположился и небольшой городок, прилепившийся к этому замку. Мы сразу же заметили огромный постоялый двор, главную достопримечательность городка: здесь пересекаются основные дороги, так что городок может существовать целиком за счет проезжающих.

Хозяин гостиницы разводил руками и готов был выпрыгнуть из кожи, но, увы, места нашлись только для

меня, обоих графов и сэра Смита, остальным пришлось разместиться на конюшне и в соседних домах, где охотно сдают внаем комнаты и лавки. Я предложил было свою комнатку леди Ингрид и сэру Брайану, но они с таким испугом отказались, что я тут же снял вопрос и больше к нему не возвращался.

Рыцари сразу же бросились искать барышников: такое обилие заводных коней выводит из себя графа Эбергарда и серьезно сказывается на боеспособности отряда. Только мы с братом Кадфаэлем мирно устроились в трапезном зале и неспешно смаковали хорошие блюда и тонкое вино, что есть кровь Христова.

Хозяин, чуя богатых клиентов, тащил к нам на стол все, что было на кухне и в подвалах. Брат Кадфаэль было запротестовал робко, но я сурово напомнил о наших обетах быть стойкими перед подобными соблазнами, а какая это стойкость, если просто соблюдать пост? Пост — это для простых душ, а мы, брат Кадфаэль, допущены до более сложных тайн, нам больше дано, но больше и спрашивается. Потому мы должны спокойно поглощать все эти роскошнейшие яства, запивать вином и не поддаваться ни чревоугодию, ни алкоголизму.

Брат Кадфаэль, ошеломленный моими железобетонными доводами, пил и ел, снова пил, так как я не забывал подливать в его кубок, приговаривая:

— Красное вино полезно для здоровья. А здоровье нужно, чтобы пить что-нить покрепче... Увы, сколько хлеба не жуй, а пить все равно хочется.

Брат Кадфаэль взмолился:

— Но за что мы пьем?

Я сказал нравоучительно:

— От нечего делать пьют только недалекие люди. Умный всегда найдет причину. Ты прав, пьянка без тоста теряет свое воспитательное значение, а мы, церковь, тянем человека из тьмы к свету вот уже сколько веков...

и, брат Кадфаэль, мы все-таки вытянули его из такой... из такого, что ты даже не представляешь! Это я, как жидомасон более высоких посвящений, открываю тебе тщательно скрываемую, но радостную тайну.

Он смотрел жадно, только с опаской глянул на свой кубок:

— А мой настоятель говорил, что пить надо меньше...

— Люди, — сказал я наставительно, — которые думают, что «пить надо больше», и те, которые думают: «пить надо меньше», сходятся в одном: пить — надо. Однажды один из великих отцов церкви сказал, что нельзя дважды войти в одну реку, но можно дважды наступить на одни грабли. Это он к тому, что нельзя разом отучить людей пить, блудить, врать... Ты сам знаешь все семь смертных грехов и остальные четыре тысячи триста помельче. Это все нужно выдавливать из человека постепенно, шаг за шагом. Вот мы сейчас с тобой вроде бы чревоугодничаем, если со стороны, а ведь тот посторонний будет очень даже неправ! Чревоугодничали бы те, у кого выше чрева ничего нет, кто пьет пиво и болеет за футбол... Гм, это я снова заехал в жидомасонские тайны, которые тебе знать пока рано. Словом, мы с тобой, даже находясь в борделе, сможем оставаться чистыми там глубоко внутри, а это самое главное!.. Мы не поддадимся, верно?

Он вздрогнул, сказал неуверенно:

— Ну да, брат паладин...

— А завтра утром, — продолжал я с воодушевлением, — сядем на коней и снова отправимся в путь, где и корка хлеба, поджаренная на пламени костра, покажется дивно сладкой! А почему? Потому что долг у нас выше, чем этот роскошно накрытый стол.

Он с облегчением вздохнул, наконец начиная понимать, что брат более высокого посвящения показывает, что вот так в мирской жизни труднее быть святым, чем в монастыре, но надо им быть, иначе до людей не досту-

чишься, они ведь здесь, а не за стенами монастыря. Чтобы им проповедовать, нужно жить их жизнью, есть их пищу, пить их вино...

Я видел по внезапно вспыхнувшим щекам брата Кадфаэля, в какую сторону мирской жизни он протянул цепочку умозаключений, но смолчал, уже слышал, что святой и в борделе останется святым, даже если переспит с самой хозяйкой. К кристально чистым душам это вот все и всякое не пристанет. Вот и нам двоим за таким столом с дивными яствами удастся же оставаться стойкими и чистыми сыновьями церкви, не теряя ясности цели, ибо плоть — есть плоть, у нее свои ма-а-а-аленькие и мелкие приземленные запросики, как вот поесть, попить и переспать с женой хозяина гостиницы, а у духа — свои, возвышенные. Главное — удовлетворять запросы духа, а удовлетворил или не удовлетворил запросы плоти — это такая мелочь, что истинный аскет даже не обращает внимания на них...

Брат Кадфаэль слушал с разинутым ртом и жадно впитывал жидомасонские премудрости высшего посвящения.

Я допил вино из кубка, больше наливать не стал, и так уже в пузе булькает, закончил сурово:

— Смирять плоть — это только азы начального уровня, понял? Это разъяснение неофиту, что есть дух и есть плоть. От неофита никто не ждет полезной отдачи, у него все силы ума и остального организма уходят на усмирение плоти, на борьбу с искушениями... Ну, ты читал «Искушения святого Антония»?.. Как же, усмиришь! Разве что до ночи, а потом Санегерия нагрянет и сломит так, что треск пойдет... Зато мы, продвинутые, идем святой дорогой Истины... Вот со стороны посмотреть глазами простых людей, так это я сижу здесь за столом и жру этого жареного гуся и пью это вино. Ха-ха, представляешь дураков?

Брат Кадфаэль взглянул испуганно, уронил взгляд, долго боролся с собой, мне стало жаль честного парня, затем с трудом выдавил:

— А... а... как на самом деле?

Я ответил с подъемом:

— Но это ложная картина! Как и та глупость, что Земля плоская, а солнце встает на востоке, а заходит на западе! Редкая дурость, но люди так думают, представляешь? Так вот эти придурки... хотя почему придурки — нормальные люди, мирские, как мы говорим, простые люди или электорат, они тоже видят, что я сижу вот здесь, ем и пью... А на самом деле сидит и жрет в три горла грязная похотливая обезьяна, да еще и посматривает по сторонам: кого бы сгрести и подгрести! А мы с тобой ведем возвышенные беседы о вечном, Божественном, обсуждаем дивную гармонию природы, которую с бесконечной мудростью создал Творец и доверил нам не просто жить в своем саду, это он и обезьянам разрешил, но как бы обязал культивировать, выращивать новые цветы, раздвигать пределы сада, пока он не охватит всю землю! То есть обезьяне — обезьяньево: ну там всего лишь еду, вино и баб, а нам, возвышенным и одухотворенным, весь остальной мир, в котором столько божественной гармонии!

Он слушал в великом смятении, кровь то прилиwała к бледным худым щекам, то отливала, глаза вспыхивали, как звезды, только иногда их блеск становился очень уж кровав, но затем снова светились ангельской чистотой, как у профессионального киллера.

— Но, — произнес он наконец с трепетом в голосе и в фибрах, — об этом ни слова в Святом Писании!

— Кадфаэль, — сказал я с укором, — разъяснять такие простые истины — значило бы оскорбить того, кому говорено! Джентльмены так не поступают. Что само собой разумеется, о таком и говорить как-то неловко... разве Господь нас считает недоумками? Ведь он вложил в нас

часть своей души! Только мы, люди, имеем то, что роднит нас с самим Творцом, — душу, так чего же он нам станет объяснять на пальцах, как придуркам?

— Значит, — проговорил он трепещущим голосом, — твоя сила, брат паладин, в том, что не расходуешь почти все силы своей души на борьбу с искушениями?

— Истинно, — восхитился я, у монаха в самом деле острый и цепкий ум, хватает на лету. — Один из отцов церкви... ах, да, это же сказал Тертуллиан!.. изрек в свое время, что лучший способ преодолеть искушение — это поддаться ему! Понятно, эту мудрую мысль сразу же засекретили и сделали доступной только для братьев высокого уровня. Сам понимаешь, что если разрешить так поступать начинающим, то они так и не вынырнут из океана искушений. А нам нужно пополнять ряды, ибо битва предстоит еще нешуточная, Антихрист вот-вот придет.

Он стал очень серьезным, подобрался, даже быстро огляделся по сторонам, словно Антихрист уже входит в двери.

— Значит, высшие иерархи церкви...

Он замялся, не зная, как выразить ужасающую его мысль, что звучит крамольно, я сообразил на лету, лучшее из доказательств, что насытившаяся обезьяна ничуть не мешает мыслить, а напротив — способствует умиротворению, сказал с сочувствием:

— Ты о случаях, когда наши епископы... иной раз...

Он судорожно кивнул, взглядом заелозил по столу с такой интенсивностью, что по дереву забегал сизый дымок и начала проявляться извилистая дорожка, словно по столешнице ползала невидимая гусеница, что привыкла жить в недрах Солнца.

— Это не брехня, — сказал я тяжело, и несчастный монах убито уронил голову, — но всяк ведь понимает в меру своего развития, не так ли? Даже простые монахи, что на первом уроке должны бороться с искушениями,

и не дерзать выше... что правильно, ведь пока не сдашь экзамен на усвоение, никто не переведет в более высокий класс... так вот эти монахи осуждают иерархов и рассказывают о них всякие гадости. А на самом деле наши высшие чины, как люди высоких посвящений, просто проходят через плотские утехы, не запачкав ног, хотя другие люди, попроще, утонули бы в них на всю жизнь.

— Но ведь...

Он снова судорожно умолк, я опять же понял, как легко понимать этих простых и бесхитростных людей, и до чего же преподлые, лживые и хитрые мы, люди грядущего мира, сказал ему отечески:

— Ну нельзя детям говорить всю правду, нельзя!.. Они ее просто не поймут. Потому от детей и скрывают шокирующую правду даже о том, откуда они взялись, а рассказывают то про аиста, даже если он родился в декабре, то про капусту, а то и вовсе о какой-то хрени, вроде пестиков и тычинок. Епископы и архиепископы уже знают тщетность борьбы с искушениями, но в то же время понимают необходимость этой борьбы для молодого, неокрепшего сознания, чтобы вырабатывался характер, чтобы научился отделять желания плоти от желаний души, чтобы постоянно помнил: душа — святое, душа — это все! У человека нет ничего, кроме души.

Глава 13

Несмотря на жесткое давление графа Эбергарда, рыцари продали только половину трофейных коней. Местные барышники предлагали слишком низкую цену. Рыцари и так отдавали за бесценок едва не со слезами. Для бедных безземельных рыцарей, которые и на одного коня, способного нести их в полных доспехах, брали в долг, оказаться владельцами сразу четырех великолеп-

ных рыцарских коней, да еще таких же дивных доспехов — слишком велико искушение. Многие ощутили себя с таким богатством почти равными графу, что не добавило отряду дисциплины.

Граф Мемель сообщил утром, что ночью замечены личности, проявлявшие слишком большой интерес к нам. Они выпрашивали, сколько нас, какой дорогой отправимся. Граф Эбергард насторожился, но явно обрадовался, как же: погоня идет за нами, давая возможность настоящему Легольсу мчаться к трону без всяких помех.

Позавтракали горячим супом и шкворчащими на сковородках бифштексами, в дороге придется питаться холодным мясом. Выехали уже не таким чудовищным обозом, но граф Эбергард скрипел зубами, а граф Мемель молча закатывал глаза и смотрел на меня с невыразимым укором. Брат Кадфаэль, искренне сочувствуя, но понимая и рыцарей, предложил компромиссный вариант: свернуть на боковую дорогу, что приведет к Далилску, крупному городу, где есть ярмарка, где много богатых людей, кто в состоянии заплатить настоящие деньги за таких коней и такие доспехи.

— Это поможет сбить со следа преследователей, — добавил я. Перехватил взгляд графа Эбергарда, добавил поспешно: — На некоторое время, понятно. Но если успеем избавиться от коней и лишних доспехов, отряд станет мобильнее. А если рыцари зашьют в седла вырученное за трофеи золото, они станут сражаться с удвоенным... энтузиазмом.

Он окатил меня взглядом, полным презрения.

— Сэр Ричард, — прозвучал его холодный голос, — мои люди сражаются не за золото.

— Прошу прощения, — сказал я искренне, — просто некий дополнительный стимул. Как говорят на Юге, материальная заинтересованность.

Он вскинул брови.

— Вы знаете, как говорят на Юге?

Я вздохнул.

— Догадываюсь.

К удивлению и неудовольствию графа Эбергарда, сэр Брайан и леди Ингрид, о которых мы почти забыли, так как обычно они тащились позади отряда и ничем не досаждали, начали упрашивать позволить им присоединиться к нам. Им срочно нужно попасть в некий маленький городок с труднопроизносимым названием, что под самым Хребтом, а раз уж мы едем в том направлении...

Эбергард попробовал отказываться, но Брайан уверял, что лишний меч нашему отряду не помешает, а леди Ингрид смотрела жалобными глазами, и граф сдался. Леди Ингрид пообещала за двоих, что поедут сзади тихие как мыши.

Дорога из города повела между пологими холмами. С севера надвинулись тучи, но верховой ветер сперва разлохматил края, потом растрепал вовсе. Солнце сияет без помех. Рыцари настолько взбодрились на новой дороге к Далилску, что грянули веселую песню про славного короля Аварику и его веселую двоюродную сестру Агнессу. Все-таки, как ни печально признавать, а материальная заинтересованность — стимул еще какой. Даже для одухотворенных рыцарей, готовых жизни положить за сюзерена.

Дозоры теперь граф рассылал как вперед и назад, так и далеко в стороны. Но первым заметил подозрительных чужаков сэр Смит. Сперва переговорил с братом Кадфаэлем, тот кивнул, сэр Смит растопырил усы и сказал осторожно:

— Монсеньор, а вас не тревожит, что вон та наглая птаха нас сопровождает?

В сером небе такой же серый, едва заметный силуэт,

я бы не обратил внимания, но сэр Смит научился выживанию в этом мире, зря не каркнет, я пробурчал:

— Уверен?

— Да, — ответил Смит. — вон там заросли гуще, да и трава выше. Другие птицы высматривали бы дичь там, а не на тракте.

Я огляделся, одна дорога по-прежнему идет между холмами, но еще одна поменьше ведет в лес, что неподалеку.

— Проверим, — решил я.

Не стал смотреть, последуют ли за мной люди графа Эбергарда, куда денутся, пустил коня в галоп, но не в карьер, чтобы остальные могли догнать. Сэр Смит несся рядом, сзади стучали копыта мула Кадфаэля, а чуть погодя за спиной раздался могучий гул множества скачущих тяжелых рыцарских коней, который легко отличишь от дробного стука копыт мелких крестьянских лошадок.

Стена леса приближалась медленно, затем надвинулась со скоростью скачущего коня. Деревья пронеслись справа и слева, сразу потемнело, в лицо ударило влажными запахами гниющих пней, едко пахнущих муравьиных куч. Стук копыт превратился в шуршание, будто за нами несется вихрь, взметывающий опавшие листья до самого подзола.

Я выбирал участки леса с широкими кронами, и хотя Зайчик намерился было лихо пронестись по сосняку, я направил в дубовник, где под копытами сразу затрещали крупные, как яблоки, желуди. В сторону шарахнулось свиное стадо голов так в двадцать. Два огромных, как быки, вепря нагнули головы и, выставив устрашающие клыки, выбирали налитыми кровью глазами, кого сбросить с коня и растерзать к чертям собачьим. Мы пронеслись дальше, дальше, попетляли между островами елей, зарослей клена, сбежавшихся в кучку березок.

Я время от времени покрикивал Псу, чтобы не отвлекался на всякую фауну, Смит поглядывал, как там Брайан и леди Ингрид, а Дилан прокричал:

— Сэр Ричард! Стоит остановиться, наш отряд больно растянулся.

Я молча ругнулся, растянулись в первую очередь потому, что тянут в поводу тяжело груженных коней. Доспехи продать не удалось, так что на оставшихся коней сложили по два-три комплекта доспехов и оружия. Можно себе представить, каких матюгов сейчас толкает мне в глотку и прочие места граф Эбергард, невзирая на его хорошие манеры.

Рыцари ломились через лес, как стадо бронированных свиней. Даже если ветви и скроют нас, то вздрагивающие вершинки выдадут с легкостью. Я дождался, когда затихнет топот, хотел выдвинуться на сравнительно открытое пространство, где небо просвечивает сквозь редкие ветки, как с высоты раздалось хриплое карканье, настолько мощное, что ни один ворон так бы не сумел.

По перечеркнутому веточками небу промелькнула тень, мы затаились, однако с неба прозвучал холодный скрипучий голос, легко пробившись сквозь толщу листьев:

— Отныне я знаю, где вы!..

Граф знаками показывал мне, чтобы ни в коем случае не отвечал, но я крикнул:

— Твои сородичи тоже это знали!

Голос прозвучал злее, он постоянно двигался, тварь летала над кронами деревьев по кругу:

— То не мои сородичи.

— А чьи?

— Алазоры, — ответил голос, — а мы — воины тердлей и сыновей Ярга.

Я потихоньку отступал к ручью, там узкая полоска неба, крикнул испуганно:

— И даже сыновья Ярга? А чем они сильнее?

Голос прозвучал с едкой издевкой:

— Они видят тебя так же легко, как мы — насекомых! Я уже передал отряду темного монаха, где вы прячетесь, они повернули коней и скачут сюда.

Я пренебрежительно фыркнул.

— Подумаешь! Им скакать сюда неделю!

— Ты совсем дурак, — прозвучал насмешливый голос, — как вас не могли поймать так долго? Они в двух часах пути. У темного монаха сто конных воинов...

На фоне синего неба показалось крылатое тело, стрела тут же сорвалась с туго натянутой тетивы. Крылатая тварь, миновав щель, уже было скрылась, и тут в небе раздался страшный вскрик, вершинка дерева затряслась, затрещали ветки. Рыцари поспешно разбежались в стороны, и, оставляя клочья ткани крыльев на острых сучках, на землю грохнулась уродливая тварь. Перепончатые крылья-руки пытались выдернуть застрявшую в боку стрелу, треугольное лицо перекошено страхом и болью.

Отбросив лук, я выдернул меч, в мгновение ока оказался рядом и упер острие в мохнатую грудь, покрытую редкой шерстью, как у переразвитой летучей мыши.

— И кто теперь дурак?

Рыцари и граф Эбергард образовали круг, сэра Смит воскликнул восторженно:

— Я же говорил графу, что вы прикидываетесь! А он «дурак, дурак...»...

Граф Эбергард метнул на сэра Смита огненный взгляд, но ничего не сказал, а я понял по чересчур хитрому лицу тараканоусого рыцаря, что просто подставляет именитого графа. Летучая тварь пыталась отползти, я чуть надавил на острие, кожа лопнула, пропустив лезвие, крылан скрипуче закричал.

— Быстро рассказывай, — велел я. — Сколько вас?.. Кто командует? Быстро явки, пароли... В глаза смотреть, в глаза!

Крылатый человек прохрипел:

— Зачем я буду рассказывать? Все равно убьешь...

А пыток не боюсь...

Я спросил у Смита:

— Доблестный сэр, я видел, как вы самолично точили меч, хотя можно бы поручить такую важную работу оруженосцам... Впрочем, их с нами нет. У вас еще сохранился точильный камешек?

Недоумевая, он вытащил из сумки небольшой брусок размером в половину ладони.

— Прекрасно, — сказал я. — Сточите этому наивному передние зубы. А то он почему-то ждет, что будем бить или прижигать огнем, как будто мы варвары, а не миротворствующие христиане...

Два рыцаря схватили крылана и прижали к земле, третий раскрыл ему пасть и всадил деревянную распорку. Сэр Смит закрывал крылана спиной, я видел только двигающуюся руку и слышал жуткий монотонный скрип, от которого у самого заныли зубы. Вдруг раздался нечеловеческий вой, рыцари злобно захохотали, сэр Смит обернулся.

— Сэр Ричард, — сказал он с глубоким уважением к профессионалу, — он просится говорить...

Крылан выл, хрипел, слезы текли безостановочно. Когда выдернули распорку, он прохрипел торопливо:

— Я скажу!.. Все скажу... Все... только не надо больше...

— Говори, — велел я жестко. — И помни, что у тебя еще нетронутых тридцать зубов!.. Соврешь, самое веселое будет впереди.

Крылатый человек, похожий и на летучую мышь, и на шимпанзе, и даже на ящерицу, тряся всем телом, всхлипывал совсем по-человечьи. Граф Эбергард, опередив меня, начал задавать вопросы коротко, четко, я сразу оценил профессионального военного с кругозо-

ром и мировоззрением майора, умеющего быть и отцом солдатам, и лютым противником тем, кто на другой стороне.

Пока они добывали сведения, мы расседлали коней, напоили, дали овса из седельных сумок. Граф Эбергард, посоветовавшись с графом Мемелем, сухо сообщил лично мне, но так, чтобы слышали и все остальные:

— За нами большой отряд в сто конных, как вы уже слышали. Этот был послан шпионить за нами. Его задача — сообщать о наших передвижениях...

Сэр Смит театрально расправил усы и поинтересовался излишне громко:

— Всего лишь сто конных? И все?

Граф нахмурился, бравада чересчур заметна, сказал суховато:

— Вы совершенно верно ставите вопрос, сэр Смит, хотя это вам несвойственно. Кроме ста конных, там два или три темных монаха. Их возможности нам неизвестны, а также с ними, как сейчас выяснилось, скачет человек-тролль, а это хуже всего. Некоторые из нас уже знают, что это... Думаю, противник учел все потери и теперь постарается обойти нас, чтобы устроить засаду. Это, конечно, намного хуже. Засады я почему-то очень не люблю, если честно.

Сэр Смит спросил напряженным голосом:

— А если успеем встать у этого тролля на дороге? Сумеем с ним справиться? Или бесполезно?

Все посмотрели на меня. Я кивнул.

— Рискованно, но кто не рискует, тот и хорошего вина не пьет, и у того над могилой не сыплют курганов. Сколько их было?

— Разведчиков? — переспросил граф. — Один.

— Значит, их ниточка оборвалась? Если свернем или ускоримся, те потеряют наш след?

Он вздохнул и посмотрел на меня с понятной ненавистью.

— Все дело в том, что свернуть не можем. Справа и слева — пустые земли, а до города, где можем продать коней и доспехи, не больше восьмидесяти миль. Так что придется идти, как идем. Надеюсь, очень надеюсь, что завтра сумеем освободиться от балласта.

— Тогда и свернем, — сказал сэр Смит бодро.

— Как бы не оказалось поздно, — заметил граф сухо.

Сэр Смит насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Сейчас за нами только погоня, — объяснил граф безгловым тоном, — что вообще-то, как понимаете даже вы, не слишком серьезная угроза. Куда хуже, что эти крылатые могли сообщить тем, кто впереди. А засады, знаете ли...

Сэр Смит помрачнел, даже я поежился. Засады — это стрельба снайперов по беспечным растяпам, внезапное нападение из придорожных кустов, когда не успеваешь даже выхватить меч и развернуть коня, это неожиданный камнепад с горы, что сметает весь отряд, как муравьев...

— Будем бдить, — проговорил я в тягостном молчании. — Или бдеть, кому как нравится. Засады устраивают тоже люди. Всякие! Не все из них графы Эбергарды.

Граф Эбергард метнул на меня злой взгляд, но потом решил, что это я все-таки признал его заслуги, отвернулся и пошел к своему коню. Рыцари усаживались в седла, только Кадфаэль все еще преклонял колени перед всхлипывающим крыланом и уговаривал его принять святое причащение да Пес напрыгивал на обоих, приглашая поиграть.

Леди Ингрид и сэр Брайан посматривали на распростертого крылана с опаской, подойти не решались. Я помахал им рукой и сказал громко:

— Как видите, с нами еще опаснее!

Рука Брайана инстинктивно взлетела к голове, пальцы коснулись громадной шишки. Половину лица занял громадный кровоподтек, багровый, как закат, с лиловыми и желтыми краями.

— Не скажите, — возразил он.

— Как голова? — спросил я.

— Трещит, — признался он.

Мы тронулись в прежнем порядке: трое рыцарей впереди, доверив вести своих заводных коней арьергарду, далее мы с сэром Смитом и графом Эбергардом. Только Кадфаэль запоздал, он проследил, чтобы пленника не убили, а оставили раскаиваться в своей грешной жизни. Чтобы у него было больше времени раскаиваться, сэр Смит мечом продырявил ему крылья, стараясь не задеть мышцы, а пленка зарастет за пару недель.

Я ехал, раздумывая о путях церкви, что вон даже крылана зачисляет в Божьи создания, перед Богом, дескать, все равны, все имеют право на жизнь, на искупление. И сэр Смит, что и человеку снесет голову, не задумываясь о такой ерунде, как святость жизни или права общечеловека, признал правоту Кадфаэля и оставил крылану жизнь.

Брат Кадфаэль вдруг начал громко и отчетливо читать молитву в избавление и спасение. Сэр Смит взглянул вверх, вздрогнул и опустил голову с такой поспешностью, что лязгнули зубы.

По земле пошел ровный серебристый свет, а взамен яркого синего неба с редкими барашками облаков внезапно без всякого перехода в закат пугающе выгнулся темно-лиловый свод ночного неба, резко выпрыгнула масса звезд. Такое ощущение, что Земля внезапно оказалась в центре Галактики, даже внутри галактического ядра. Само небо из-за неистового скопления звезд светится и обрело этот дивный лиловый цвет. Тело застыло, первобытный ужас пронзил с головы до ног. Я ощутил

себя оторванным от человечества, это в самом деле боль и острейшее чувство потери, я не понимаю, как космонавты могут выживать с таким ощущением...

Кадфаэль читал «Во спасение» громко и ясно, голос не дрожал, хотя сам монах стал еще бледнее, глаза ввалились, а скулы выперло, как будто плоть тает с каждым мгновением. Да, сказал я торопливо, да, читай! Это в самом деле спасение, ты напомнил, что мы если и оторвались от человечества, то не оторвались от Бога, а он везде, он и есть наше Большое Человечество, заполняющее вселенную, а род хомо сапиенс — это всего лишь малая семья... Страшно отрываться от семьи, но иначе не будет роста, развития...

Кони всхрапывали, в глазах Зайчика ужас, дрожит с головы до ног, а Пес затих, хвост опустил между ног, на ходу жмётся к конским ногам, что моему отважному другу вообще-то несвойственно.

Сэр Смит пролепетал:

— Что-о-о... э-э-это-о?

— На карте такого места нет, — ответил я без уверенности, — вроде бы...

Рыцарь впереди остановился, вместе с конем залитый серебристым светом, хотя я не увидел луны. Но отличие от лунного света есть, я не сразу сообразил, что такой яркий свет дает множество звезд. Дрожащая рука рыцаря указывала на торчащие из земли исполинские кости. Брат Кадфаэль выехал вперед и, громко читая молитву, осенил крестным знамением, однако кости не пропали.

Рыцари с мечами наголо пытались загородить меня, но я выехал вперед, пугающее чувство жути пробрало до мозга костей. Я видывал скелеты не только крокодилов, но и динозавров, обычные такие ящерицы, что выросли с трехэтажный дом и научились ходить на задних лапах, но эти кости, по которым можно сложить скелет и мыс-

ленно обрести плоть... они не влезают ни в одну периодическую систему Ламарка.

На Земле никогда эволюция не порождала подобного. Все развивается от одного общего предка, и не надо быть знатоком, чтобы видеть близкое родство рыбы, ящерицы и птицы или чуть более дальнее, но отчетливо заметное — с млекопитающими. А здесь же порождение абсолютно другой эволюции. К тому же как будто вовсе не признает закона симметрии, хотя ему подчинено все на свете, начиная с галактик и заканчивая элементарными частицами...

Все озарила яркая вспышка, мы на миг зажмурились, тут же ощутили жаркое солнце на плечах, на лице, все залито ярким светом, зеленая долина покрыта сочной травой, нигде никаких скелетов.

Я сказал громко:

— Спасибо, брат Кадфаэль!.. ты прогнал дьявольское наваждение.

Граф Эбергард скептически хмыкнул, а граф Мемель спросил с достоинством:

— Любезный граф, вы когда-нибудь о таком слыхивали?

— Читал о перебросе Гартокса, — ответил граф Эбергард, — однако, если мне память не изменяет с какой-то сволочью, там несколько иной эффект.

Граф Мемель оглянулся на брата Кадфаэля с книгой в руках.

— А не может ли это быть, как сказал бы наш ученый монах, чудом?

Граф Эбергард отмахнулся с великолепной небрежностью джентльмена.

— Если бы чудеса существовали, они бы перестали быть чудесами! Чудо только потому чудо, что не происходит в действительности.

— А как быть с чудесами, — спросил граф Мемель и

снова покосился на брата Кадфаэля, — которые описаны в церковных книгах?

Граф Эбергард с безразличностью пожал плечами.

— Чудо — событие, описанное людьми, услышавшими о нем от тех, кто его не видел. Ну какие могут быть комментарии от просвещенных людей?

Они раскланялись, весьма довольные друг другом и интеллектуальной беседой. Кони идут ровно, деревья проплывают медленно и спокойно, а рыцарь впереди уже машет руками, впереди снова зеленый простор, холмистая равнина изредка ошетиливается небольшими рощами.

Я посматривал на багровеющее небо, солнце начинает сползать к горизонту, наши тени удлиннились, мир начал принимать несколько чужой облик, словно мы очутились на другой планете.

Граф Эбергард пустил коня рядом, сказал бесстрастно:

— Я еще не поздравил вас, сэр Ричард, с великолепным выстрелом.

— Спасибо, — ответил я вежливо, — но, как я догадываюсь, в вашей среде считается позором, если рыцарь берет в руки лук?

Он ответил так же бесстрастно, глядя перед собой:

— Я полагаю, что никому не удастся объять все. И не случайно рыцари совершенствуются в ударах конным строем, а простолюдины — в умелой стрельбе из лука. Требовать, чтобы и без того загруженные тяжелым учением рыцари умели еще и хорошо стрелять, — это понизить общий уровень боевой подготовки.

— Справедливо, — согласился я.

Он поглядывал на меня искоса, но я молчал, и он добавил словно нехотя:

— Видимо, у вас просто больше сил, если вы сумели освоить и такие дисциплины. Возможно, вы умеете поль-

зоваться еще и вашим молотом, который с вами неразлучен...

Пахнуло холодком тревоги, я ответил сдержанно:

— Возможно.

— У него коротковата ручка, — заметил он.

— Это просто память, — ответил я. Он вскинул брови в немом вопросе, я пояснил: — Память о наших предках, что переходит из рода в род. Вот сейчас досталась мне. Как сувенир.

Он некоторое время ехал молча, затем обронил вполголоса:

— Сэр Ричард, совершенно случайно я один из немногих на земле, кто видел изображение такого молота в древнейших книгах. Я тогда был ребенком и часто играл в библиотеке нашего придворного мага. У него была одна стариннейшая книга, которую он очень ценил. Знаете, что в детстве запомнится, ничем не сотрешь... И сейчас как будто вижу странные руны на молоте... Вы уверены, что не прикидываетесь простолюдином?

Я засмеялся.

— Сэр Эбергард, давайте оставим этот разговор. В моем королевстве, как вы видите, и рыцарей воспитывают иначе, и понятия о простолюдинстве несколько иные!

Он сдвинул плечи, но ничем больше не выразил отношения к моему увиливанию, а через минуту заметил:

— Кони идут хорошо, а местность здесь ровная. К тому же полнолуние. Полагаю, можно ехать не останавливаясь. На отдых остановимся, когда больше сил не останется.

Я спросил коротко:

— Опасаетесь?

— Да, — ответил он просто. — Сто всадников, в сутках пути... Если будут гнать коней, как гнали предыдущие, то к утру могут обрушиться на наш лагерь. Конечно

но, если они будут гнать всю ночь, а мы разляжемся на отдыхе, не нуждаясь в нем... остро.

Я кивнул.

— Понимаю, сэр Эбергард. Так гибли и прославленные полководцы, которые из жалости давали отдохнуть усталым бойцам. А потом тонули при отступлении, кто в Иртыше, кто в Урале... Будем ехать!

Глава 14

Усталые рыцари рассуждали на все лады, как доберутся до постоянного двора и, наконец-то нажравшись горячего, завалятся в теплые чистые постели. Кто-то свернул разговор на аппетитных служанок, таких же лакомых, как молодые цыплята на вертелах, разговор оживился, пошли смешки.

Сэр Смит наклонился с огромного коня и шлепнул Кадфаэля по спине.

— Еще не передумал оставаться в монахах? Только кивни, возьму оруженосцем!

Дилан захохотал:

— И в первой же гостинице расстанешься с целибатом!

Кадфаэль стыдливо отвернулся. Сэр Смит захохотал:

— А что я вам расскажу!.. Умер папа римский и попал в рай. Ну, к такому человеку и отношение особое, сам Господь спрашивает, не желает ли чего, а папа и говорит, что хотелось бы прочесть самый первый вариант Библии, а то до его времени дошли только копии копий, где масса ошибок, искажений и позднейших вставок... Его тут же отвели в райскую библиотеку, а через часок оттуда плач, крики, стенания. Спрашивают, в чем дело, а папа отвечает со слезами в голосе: «В оригинале — ни слова о безбрачии!»

Кадфаэль смолчал, сэр Смит повернулся ко мне.

— Не правда ли, он многое теряет?

— Наверное, — согласился я. — Вообще-то знаю такую ветвь христианства, где безбрачия нет. Там священники имеют жен, коров, коз, свиней и овец, двор полон кур и гусей. У таких пастырей головы забиты домашними проблемами: как удачно выдать замуж дочку, как не пускать сына по кабакам, отвадить кузнеца ходить к его жене, самому сходить к жене дьячка...

На лице Кадфаэля проступила неуверенная благодарность, а рыцари, как ни странно, притихли и вроде бы даже задумались.

Солнце опустилось и выглядывает из-за крон, даже сквозь них, из-за чего весь лес стал оранжевым. Даже толстые, потрескавшиеся от старости стволы покраснели, а земля под ногами стала темно-багровой. Я поглядывал по сторонам, дивясь чуду преображения в единый миг из буйного зеленого рая, шумного и стрекошущего, в это тяжелое умиротворение. Листья разом перестали шелестеть, ибо целиком из золота, не пошелестишь, птицы послушно укладываются в гнезда с этим последним лучом, что сейчас скользит вверх по стволам деревьев, в последний раз вспыхивают верхушки, особенно ярко в быстро темнеющем мире, и все разом погружается в ночь для леса. Это для нас еще сумерки, а для птиц — темная ночь.

Пес выбежал с перемазанным яичным желтком носом, облизался смачно, пересчитал нас, как овец, и снова нырнул в чашу.

Ночь наступает издалека непривычно тихая, темно-лиловый купол выгнулся, как свод исполинского храма. Зажглись первые звезды, в сердце торкнулось чем-то знакомым. Не в расположении звезд, конечно, я не степняк, чтобы запоминать, какие они и где, в самой конструкции: свод, звезды... Как-то в детстве, прячась от дождя, забежали в церковь. Помню, как поразил этот

исполинский свод с нарисованными звездами и летающими ангелами. Тогда долго не мог понять нелепости и цели этой гигантской конструкции, ведь все здания понятно для чего, а для чего церковь? И вот теперь вижу над головой тот же свод, те же звезды...

И я — так и не покинувший эту вселенскую церковь, все еще отыскивающий свой путь, как отыскивает ее всю жизнь любой человек.

Простучали копыта, сэр Смит крикнул несколько громче, чем обычно:

— Сэр Ричард, что-то слишком тихо!

— Да, — согласился я довольно, потом сознание зацепилось за «слишком». — А что тревожит?

— Хотя бы кузнечики кричали, — сказал он нервно. — Трава вон какая. И время для их песен.

Далеко на горизонте вспыхнули багровым огнем горные вершины, раскалились до вишневого цвета, затем разом погасли. Небо стало совсем темным, а звезд выпала масса, заливая землю чистым призрачным светом. Воздух стал прохладным, слышнее ароматы трав, земли.

Глаза давно привыкли к слабому свету, мы едем мерным шагом и даже не переговариваемся, каждый думает о своем. А когда из-за темного края земли поднялась огромная луна и наполнила затихший мир своим холодным светом, стало не просто светло, а даже очень светло. Далеко справа проплыла крохотная деревушка, дымки поднимаются из печных труб строго вертикально, из-за чего домики кажутся привязанными за веревочки к небу.

На охоту вышли ночные звери, брат Кадфаэль почти непрерывно читал молитвы. Я сам видел дважды, как бегущая в нашу сторону стая громадных степных волков вдруг вспыхнула в чистом свете и сгинула без следа. Даже запахом серным или смоляным не повеяло, что значит — существа не адовы, просто местная нечисть на охоте.

Гибла и совсем мелкая нежить, что вряд ли причи-

нила бы нам вред: вспыхивали под конскими копытами мелкие искорки, исчезали призрачные насекомые, в то время как муравьи продолжали усердно таскать гусениц. Их никто не решался копировать, явно такое совершенство подделать просто не по силам даже нечистой мощи.

В небе носились крылатые звери, и иногда мне казалось, что я в той эпохе, где царят птеродактили. Но потом над головой абсолютно неслышно пролетела сова и жутко ухнула таким чудовищным басом, что даже Зайчик дернулся, а сэр Смит чуть не упал с коня и долго дрожащим голосом поминал Божью Матерь. Я убедился, что никакой не палеозой, а сова, отлетев чуть, злорадно захохотала, от чего сэр Смит вообще изошел скверными словами и сцепился в богословском диспуте с Кадфаэлем, яростно доказывая, что никак такая гнусь не может быть создана Господом. Ведь создал же Сатана обезьяну, пытаясь тоже создать человека, и козла — когда пытался воссоздать себя?

— Бог создал три зла, — пробормотал я, — бабу, черта и козла... Именно в такой последовательности, от худшего зла к наименьшему. Но, зная эту истину, как-то забывают, что и черта, то есть Сатану, тоже создал Бог. А в этом великая тайна и великая истина, до которой не умеют и не желают докапываться.

Меня никто не услышал, а если бы и услышал, кто бы понял, когда у всех в поводу по три коня с грузом дорогих доспехов? До истины копают только не обремененные материальными благами, под тяжестью которых трещит хребет, а голова занята тем, как все уберечь, сохранить, не дать растащить, не растерять...

Уже за полночь впереди замаячил берег реки. Искать брод не решились, а место для лагеря удобное: река делает короткую петлю, так что с трех сторон мы огражде-

ны водой, дозор можно держать только в одном месте. Мы остановили коней, принялись расседлывать, разбирать мешки, готовить костер и место для ночлега. Правда, я так и не понял, почему любая остановка на привал или на ночь называется разбиением лагеря, ведь всего-то стреножили коней и расстелили одеяла. Но ладно, я не собираюсь исправлять в мире любую мелочь, мне непонятную. Вдруг да какой-то смысл есть, недоступный даже такому жидомасону, как я, но открытый гадам более высокого ранга.

Я намеревался вот так и заснуть, глядя в звездное небо и дивясь ему, подобно Ньютону, но Кадфаэль все же насобирал щепочек, сложил шалашиком. Я огляделся, не видит ли кто, кроме сэра Смита и Кадфаэля, небрежно метнул искру, довольный, что с трех шагов получается без особых усилий, даже не замерз. Сэр Смит напрягся и пробормотал молитву, брат Кадфаэль перекрестился и сказал «аминь», но этим и ограничилось, ведь я паладин, значит, и огонек получаю не из рук дьявола, а по изволению Божьему.

Лошадь сэра Смита и мул Кадфаэля отыскиали высокую траву и с энтузиазмом хрустели сочными стеблями. Мой Зайчик остался с нами у разгорающегося костра, отблеск пламени сделал его темные глаза зловеще багровыми, в них забушевало свирепое адское пламя. Я невольно зябко повел плечами, вспомнилось, как добывал этого коня, вообще-то не коня, а единорога, а потом, как оказалось, еще и арбогаста... знать бы, что это такое, когда я увидел его впервые. Все-таки облагораживаем зверей, одомашниваем. Пес сделал пару кругов вокруг костра, запоминая место, как оса, затем все мы услышали быстро удаляющийся шелест травы.

— За него не беспокоитесь? — поинтересовался сэр Смит.

Я пожал плечами.

— За Бобика?.. Беспокоюсь, конечно. Но он не давал

обет рыцарства, так что, надеюсь, хватит благоразумия отступить перед более сильным противником.

— Это хорошо, — сказал сэр Смит. Он тревожно огляделся. — А то, знаете ли...

— Зябко?

— Да, что-то чувствуется. Я же сказал, кузнечики не кричат, а что их может напугать? Они поют, даже когда рядом драконы рвут один другого за самку.

Кадфаэль оторвал глаза от раскрытого на коленях молитвенника. Взгляд затуманенный, но голос прозвучал ясно:

— Здесь на пять миль нет ничего опасного ни в лесу, ни на земле.

Он снова уткнулся в молитвенник, губы зашевелились. Сэр Смит буркнул успокоенно:

— Ну тогда все в порядке...

Не поднимая головы, Кадфаэль заметил:

— Это потому, что все сожрали водные чудища.

Сэр Смит встрепнулся.

— Водные?

— Живущие в воде, — поправился Кадфаэль. Подумал и поправил себя еще педантичнее: — Не в любой воде, а только в реке. Кстати, интересный вопрос, почему только в этой реке?... Ведь она впадает в Веселую, а та в Каменку, но, судя по нашей карте, там этих несокрушимых монстров не встречали...

Сэр Смит подхватился, в его руке зажат крохотный горящий прутик.

— Они еще и несокрушимы?... Так что же ты молчал?

Брат Кадфаэль сказал обидчиво и с некоторой профессиональной гордостью:

— Да я как-то больше думал о божественных материях, а не о суетном мире! Под таким звездным небом больше размышляешь с трепетом и вдохновением о Божественном Предвидении и Великом Замысле, в тайну которого никогда-никогда не проникнуть слабому че-

ловеческому сознанию, но пытаться надо, ибо все попытки ведут к знанию...

— Да плевал я на всякое знание! — заорал сэр Смит. Он в страхе оглядывался. — Вот узнал, теперь ноги трясутся! Кому на хрен нужно такое знание?

— Во многом знании, — мягко процитировал брат Кадфаэль, — много печалей.

— Вот-вот! Может быть, они огня боятся?..

— Вода тушит огонь, — напомнил я. — А в самом деле, Кадфаэль, ты чего раньше не предупредил?

Он ответил уже с некоторым смущением:

— Я ж говорю, со смирением и благоговением...

— Всякий раз удивляюсь двум вещам, — процитировал я Ньютона, — звездному небу над головой и нравственному закону внутри нас. Ты вообще-то больше должен думать о втором, а не о небе, а то кончишь, как Бруно. Теперь говори быстро, если они выйдут, что делать, чтобы сохранить свои шкуры...

Последние мои слова потонули в могучем реве, что раздался со стороны реки. Рев был настолько низким, что, думаю, три четверти пришлось на неслышные частоты. Слух не воспринял, но тело ослабело от мощного инфразвукового удара. Я видел, как болезненно исказилось лицо Кадфаэля, а сэр Смит, ухитряющийся даже в лунном свете, когда все кошки серы, оставаться красно-рожим, моментально побелел, лицо вытянулось, как у лорда Гамильтона.

— Попробую святую молитву, — сказал брат Кадфаэль, в голосе его прозвучало сомнение, — но не знаю, не знаю... Все-таки эти несчастные существа, обреченные жить в воде, — тоже Божьи создания. А молитва создавалась только против созданий Дьявола...

Сэр Смит дергался, рыцари обнажили оружие, граф Эбергард выстраивал их в круг, я сказал твердо:

— Укрепись духом, брат Кадфаэль! Я что-то не упом-

ню, чтобы праотец Ной вез еще и каких-то уродов водяных! А чего ж он тогда динозавров не прихватил?

Сэр Смит сказал нерешительно:

— Я где-то слышал, что он прихватил парочку... Но оказалось, что оба самцы. Не получилось приплода, хотя, конечно, старались...

Я отмахнулся, сказал Кадфаэлю:

— Твори молитву с полной верой, что всяк, кто посмеет приблизиться к нам в эту ночь, да получит в лоб... чтоб больше не восхотелось являться непрошеным!

Брат Кадфаэль читал громко и ясно, голос дрожал от усердия. В ответ раздался рев такой ужасающей мощи, что задрожала земля, а воздух пошел плотными волнами, сминая пространство в гармошку. На этот раз рев звучал совсем близко, я втихую снял с пояса молот. Граф Эбергард, что все замечал, повел в мою сторону бровью, глаза сузились в ожидании.

Костер мы сдуру развели такой, что нас могут заметить даже в северных королевствах, но сейчас он высветил далеко на грани видимости неясные смутные очертания, настолько ужасные, что я так и не мог, как ни старался, понять, то ли чудовище там стоит боком, то ли на четырех лапах, то ли на двух...

Снова прогремел рев, раздраженный и обиженный, словно водяной зверь в самом деле получил в лоб. Или ударился лбом о несокрушимую преграду, а теперь ищет щель в незримом заборе. Я поглядывал на лук с колчаном стрел с сомнением: там такие туши, что мои стрелы покажутся укусами комаров. Бронтозавры, наверное, дожившие до наших дней. Или ихтиозавры, наловчившиеся выползать на берег.

Едва на востоке небо начало светлеть, граф Эбергард поднялся в числе первых, я сквозь сон впервые услышал, как он крепко выругался. Сэр Смит, напротив, чему-то хохотнул. Я кое-как поднялся — ну не могу вставать рано.

Пес спит, бесстыдно забросив на меня переднюю лапу, толстую, как у матерого льва. А буквально в трех-четырех милях от того берега реки горят золотым огнем остроконечные домики большого города. Если бы мы все-таки перешли реку, а брод вот он... и не стали ужином для речных чудовищ, то поужинали бы в гостинице, а спать легли бы на чистых простынях и мягких постелях. Рыцари тоже зло переругиваются, у всех измученный вид, то и дело орут один на другого, то ли от злости, что не увидели город и спали под его стенами, то ли оглохли за ночь от невыносимого рева водяных зверей.

Город целиком расположился на огромном пологом холме, напоминающем черепаший панцирь, а у подножия холма высокая каменная стена, довольно широкий ров, но мосты не подъемные, а широкие, каменные, в обе стороны тянутся телеги, едут всадники, гонят стада коров и овец. Такие же ворота с широким мостом через ров я заметил и у восточной стены. Впрочем, по обе стороны от моста могучие башни, откуда могут засыпать хоть стрелами, хоть камнями, хоть залить кипятком или кипящей смолой.

Реку мы перешли спокойно, водяные чудища днем спят, стражи у моста, к моему удивлению, довольствовались мелкими монетами. Сэр Смит начал громко распространяться о великодушии отцов города, а я молча подумал о их же мудрости: работают на обороте, меньше налог — больше народа сюда тянется. Вот и мы наверняка оставим здесь редких по силе и красоте коней, да еще и удивительные доспехи, город хоть чуть-чуть да станет от этого богаче.

Гостиницу пошли отыскивать мы втроем: брат Кадфаэль, граф Эбергард и я. За нами поплелись сэр Брайан и леди Ингрид. Остальные сразу же отправились к барышникам, оружейникам, бронникам. Я искоса поглядывал на графа: как бы ни был богат, но такие кони и такие доспехи даже для него ценность. Какую же гор-

дось надо иметь, чтобы вот так взять и отказаться без всяких колебаний и попыток договориться с фамильной честью! И все потому, что он граф, а подарки из рук виконта, который только к концу путешествия станет бароном... если станет, он принимать не намерен.

Хозяин гостиницы обрадовался — столько знатных господ остановится в его заведении, огорчился лишь, что не останемся на ночь, нам бы только покормиться, перевести дух да заново набить дорожные мешки домашней едой.

В трапезной я заказал, проявляя щедрость олигарха, молодых зайцев, форель и козье молоко. Брат Кадфаэль взглянул укоризненно, я добавил, как само собой разумеющееся, чтобы и кровь Христову, то есть вино, на стол. Кувшин, но лучше два. Предпочтительнее фазалонское, но если нет, то сойдет и местное, но только самое старое и выдержанное.

Граф Эбергард посматривал испытующе. Когда нам принесли вино, я забраковал кувшин, заявив, что пробка поцарапана, второй отверг по слишком светлым бокам, так выдает себя молодое вино, а вот третий кувшин я раскупорил самолично, приняхался и одобрил. Граф Эбергард не пошевелился, но я видел, как пару раз дернулись крылья его аристократического носа, ловя и анализируя ароматы.

— Во славу Христа, — провозгласил я тост, — и за избавление от всех лишних коней!

Граф Эбергард взял кубок, глаза сухо блеснули над краем кубка.

— За избавление, — сказал он коротко.

Брат Кадфаэль укоризненно вздохнул, но явно предпочел поверить, что Христа граф забыл упомянуть не от отсутствия веры, просто обилие коней приводит в отчаяние старого воина. Наш отряд превратился в какой-то маркитантский обоз, еще чуть — и невесть откуда по-

явятся разгульные девки, музыканты, фокусники и цыгане с медведями на цепи.

Часа через два появился взмыленный граф Мемель, мы уже помылись и отдыхали на чистых простынях. Граф Мемель сказал замученно:

— Я объявил с вашего разрешения, сэр Эбергард, что отправляемся ровно в полдень. Кто не успеет расстаться с добычей, того ждать не будем. Погоня уже совсем близко, вот-вот ворвется в город. Нам и так придется уходить на полной скорости...

Граф Эбергард сказал раздраженно:

— Разве здесь некому сбыть?

— Есть, — ответил граф Мемель невесело, — но когда местные барышники увидели столько великолепных коней сразу, тут же начали опускать цену. Только сэр Дилан успел продать по высокой, остальные едва не рвут волосы — им дают вдвое меньше.

— А с доспехами?

— Чуть лучше, — сообщил граф. — Я убедил не показывать все. Начали продавать по одному, так получили хорошие деньги. Сэр Мейнард и сэр Екескул едва не обнажили друг на друга мечи...

— Из-за чего?

— Кому раньше продавать. Каждый боится, что цены упадут.

— А они падают?

Граф Мемель вздохнул:

— Конечно. Даже на доспехи. Столько превосходных полных рыцарских доспехов, щиты с золотой чеканкой, мечи и кинжалы с драгоценными камнями в рукоятях... Даже этот город оказался не готов проглотить все по нормальной цене.

Сэр Смит явился как раз перед полуднем. Мы уже обедали в трапезной перед выходом, он торопливо пробрался к нашему столу, плюхнулся на свободное место.

Лицо усталое, но счастливое. Кивнув нам, жадно набросился на еду, чуть позже пришел сэр Екескул, обеими руками ухватил блюдо, мы вспомнили, что эти гореконеводы ушли на торг, даже не позавтракав.

Сейчас ели одинаково быстро, мощно, как мельницы, перемалывающие зерно. На их тарелках исчезало все, а когда жена хозяина гостиницы, взявшая над нами шефство, подкладывала им новые куски, те исчезали тоже достаточно быстро. Все-таки любое мясо, зажаренное на сковородке, да еще в оливковом масле — это не на костре, где обязательно что-то не пропечется, а что-то подгорит, что бы ни утверждали романтики.

Стол я выбрал угловой, чтобы видеть городскую площадь. Постепенно подходили еще рыцари, один явился уже с кувшином вина, я кивнул ему на подоконник. Он все понял, уселся там и, попивая винцо, наблюдал за улицей и гуляющим людом.

— Кажется, — сказал граф Эбергард с сомнением, — мы пока что оторвались.

— Сплюньте, граф, — посоветовал сэр Смит. — Кто знает, что нас ждет на выезде за ворота? А то и при выходе из гостиницы?

Сэр Дилан с тоской взглянул в окно.

— Как по живому... — проворчал он. — Как вспомню, каких коней я вел в поводу... Эх!..

— Легко пришло, легко ушло, — сказал сэр Смит философски. — А что случилось? Ты же продал первым?

— Все равно жалко, — ответил сэр Дилан со злостью. — У меня никогда таких коней не было!.. Одного, правда, я оставил себе, а своего продал, но все равно жаль расставаться и с конями, и с таким оружием...

— Это понятно, — согласился сэр Смит. — Я вот тоже не думаю, что на вырученные деньги мы сумеем где-то купить таких коней. Недаром же на них ехали королевские сынки!

Граф Эбергард поднялся, взгляд строг, на лице неимоверное облегчение.

— Все здесь? Где сэр Арнель и сэр Бургунд?.. Ладно, отправляемся. Если не догонят, будем считать их поступок изменой. Сэр Мемель, проследите, чтобы мешки с провизией погрузили на заводных коней. Все. Выступаем!

Когда ехали к воротам, сзади слышался частый стук копыт. Сэр Смит оскалил зубы и ухватился за рукоять меча, я ощутил знакомую дрожь во всем теле, как перед схваткой, коснулся пальцами молота. За нами неслись два отставших рыцаря. Граф Эбергард развернул коня и преградил им путь, мы проехали дальше, стараясь не слышать, что он им скажет. По ту сторону ворот граф Мемель сразу принял командование и разослал двух вперед, по одному в стороны.

Теперь у нас всего три заводные лошади, на них мешки с провизией, несколько одеял, остальное везем каждый на своем коне. Рыцари подтянулись, отряд выглядит снова отрядом, а не цыганским табором. Когда мы отъехали с треть мили, нас нагнал граф Эбергард, а провинившиеся рыцари плелись в арьергарде.

Правда, чуть поотстав, за ними едут Брайан и Ингрид.

Глава 15

Я не думал, что смогу ехать изо дня в день без всякого отдыха. Останавливались только на водопой, кормили коней и снова в седла. Все, кроме меня, умели дремать в седлах, а кое-кто вообще спал крепким сном, просыпаясь только от смены аллюра.

Сегодня я вроде бы сумел наконец задремать, но тут же на востоке начало светлеть, черная полоска земли на стыке с небом заискрилась. Наконец высунулся крае-

шек солнца и сразу поджег верхушки деревьев. Однако туман стал еще плотнее, прижался к земле, заполнил все овраги, канавы, рывины, медленно-медленно просачиваясь в сырую землю.

Сэр Смит, который, стараясь быть полезным, успевал бывать и впереди отряда, и позади, прискакал на взмыленном коне.

— Сэр Ричард! За нами не меньше двадцати всадников. Их выдает блеск доспехов.

— Двадцать? — переспросил я. — А та говорящая ворона рассказывала про сотню. Считать не умеет? Или она блондинка?

Сэр Смит в задумчивости почесал в затылке, раздался отвратительный скрежещущий звук. Сэр Смит почесал сильнее, звук повторился с новой силой. Быстрота ума не входит в число достоинств рыцаря, я подождал, пока поскребет когтями булатной рукавицы по железу шлема в третий раз, после чего он спохватился и высказал напрашивающееся предположение:

— Думаю, разделились на отряды. Другие идут по параллельным дорогам.

Граф Эбергард начал прислушиваться к разговору, бросил пару слов графу Мемелю, тот кивнул, и граф Эбергард подъехал ко мне.

— Полагаю, сэр Ричард, — объявил он, — вам с сэром Смитом следует двигаться во весь опор дальше.

— В смысле?

— По намеченному пути, — объяснил он с достоинством.

— А вы? — спросил я.

Он сказал с еще большим чувством достоинства и понятной гордости, которое у рыцаря помоложе уже вылилось бы в хвастовство:

— Мы для того и здесь, сэр Ричард, чтобы в подобной ситуации остаться, где стоим. И остановить погоню!

— А остановите? — спросил я с интересом.

— Мы сделаем все, — ответил он несколько высокомерно, ибо в моем вопросе ощутил некое ущемление своей позиции, — что сможем.

— То есть, — перевел я на понятный язык, хотя и весьма грубовато для этого изысканного рыцарского мира, — погибнете как бараны под ножом мясников, а те тут же ринутся за нами?

Он нахмурился, еще больше выпрямился, весьма задетый, всем своим видом показал, что я не рыцарь, даже не видел рыцарей издали, и вообще похож на рыцарей с их галантными манерами не больше, чем свинья на коня.

— Сэр Ричард, — произнес он холодно, — вы не можете требовать большего!

— Почему? — удивился я. — Могу. И требую! Первое, переведите коней на рысь. Не следует загонять бедных животных без острой надобности. Нам нужно, чтобы они увидели наш штандарт, наши щиты с гербами. Словом, пусть убедятся, что гонятся именно за теми, кто им нужен. Не забывайте, наша задача — всего лишь отвлечь главные силы противника. Вообще все силы.

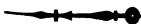
Сэр Эбергард спросил настороженно:

— А что потом?

— Будем действовать по обстановке, — ответил я, стараясь, чтобы никто не заметил, как я лихорадочно придумываю, что бы такое изобрести, чтобы догоняющие поверили, что мы и есть отряд герцога Лютокленбергского, и в то же время не даваться им в руки. — Обстановка имеет свойство меняться, как говаривал один из отцов церкви Наполеон Блаженный...

Один из рыцарей, что отличался особо острым зрением, повернул коня и примчался к нам, крича:

— Сэр Эбергард!.. Сэр Эбергард!.. С ними темный монах!

— Сколько их, — пробормотал я.

Граф Эбергард живо обернулся ко мне.

— Вы что-то сказали, сэр Ричард?

— Да это я так, — ответил я. — Своим мыслям. Я думал, что такие монахи — штучный товар. Как и все в этом мире. Но на Юге, оказывается, все поставлено на конвейер. Сэр Дилан, как выглядит этот монах?

Молодой рыцарь развел руками.

— Я достаточно близко подобрался, чтобы разглядеть гербы рыцарей из замков Лютенца, Парлонга и Оппеля. Но монахи... они все в сутанах, лица под капюшоном, а едут так, что не шевелятся вовсе.

Граф Эбергард и сэр Смит слушали внимательно, граф сказал ровным голосом:

— Тогда нам можно перестать замечать следы.

— Почему?

— Черные монахи умеют чутя добычу на расстоянии. Если уж такой возьмет след, то сбить с него практически невозможно.

Сэр Смит указал на мелкую речушку впереди.

— А если по мелководью? Вода быстро замочет следы.

— Черные монахи берут след по воздуху, — возразил граф. Он позволил себе едва-едва улыбнуться. — Как лучшие из охотничьих собак. Возможно, только милая собачка сэра Ричарда с ними потягается.

Сэр Смит с укором посмотрел на брата Кадфаэля.

— Станные же дисциплины преподают в ваших монастырях!

Кадфаэль вздохнул.

— Увы, мы из разных епархий. Жаль, но я здесь помочь ничем не могу. Преследуют нас люди, создания Божьи, хоть и выбравшие неверную сторону. Господь надеется, что они поймут и осознают, их жизни для него столь же священны, как и наши.

Сэр Смит не понял, переспросил:

— Это как? Если по-человечьи?

— Оружия против них у меня нет, — объяснил Кадфаэль. — И не будет.

Я прикидывал все варианты, наконец сказал с уверенностью, которую сам не испытывал:

— Мы в самом деле разделимся, сэр Эбергард прав. Мы пойдем ближе к лесу, а если надо, то заскочим и в лес, мы не боимся штаны порвать о сучья. А вы, сэр Эбергард, двигайтесь по главной дороге. Мы сами вас найдем. Брат Кадфаэль, сэр Смит — за мной!

Я кивнул графу, он проводил нас бесстрастным взглядом, ничем не выдал эмоций, а они должны быть: я даже не попрощался, оставляя его с отрядом на верную смерть. Копыта застучали часто и звонко, земля под брюхами наших животных проносится сухая, прожаренная солнцем.

Пес понесся рядом молчаливый и тихий, ни разу не взглянул в сторону леса, где столько добычи.

Брат Кадфаэль изо всех сил подгонял мула, а сэр Смит даже попытался ухватить повод и тащить за своим конем, однако невзрачный мул несся едва ли не быстрее великолепного рыцарского коня. Я оглядывался на скаку, пыльное облако погони растет, граф Эбергард выстроил своих рыцарей для отражения удара, копыта уже опускаются, готовые встретить врага.

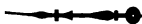
Лес надвинулся, закрыл от нас темными мрачными деревьями, я только мог догадываться, что там происходит. Некоторое время мы неслись, слыша только грохот копыт, наконец я стал придерживать Зайчика, прокричал:

— Езжайте дальше!

Сэр Смит немедленно натянул повод.

— А вы?

Я крикнул:

— Сэр Смит, вы клялись повиноваться!

Он помотал головой, выпрямился, высокомерный и с растопыренными усами.

— Если не задета моя честь. В прошлый раз вы с риском для жизни приняли бой, защищая нас всех, так не позорно ли будет мне, рыцарю с незапятнанным именем и воинской славой...

Брат Кадфаэль остановил мула, в его светлых глазах мягкий укор. Я отмахнулся.

— Ну, тогда ничему не удивляйтесь!.. Господь с нами, запомнили?

Сэр Смит обрадованно начал выдвигаться вперед.

— Хорошо, сэр Ричард, как скажете. Я попробую остановить их, а вы стрелами, да?

— Верно, — ответил я мрачно. — Вы рассчитываете драться сразу с десятком человек?

Он ухмыльнулся, рывком опустил забрало. Из-за решетки донесся глухой голос:

— Почему бы нет? Когда-то попробовать надо. Для чего рождаются рыцари...

— ...как не для драк и славной гибели, — закончил я. — Знаем, проходили. Сэр Смит, давайте отсрочим ваш красивый уход к гуриям. В лесу это не столь возвышенно, как в красивом парке под взглядами прекрасных дам-с. Посмотрите на эти деревья! Сосны да ели, а дать себя сразить нужно обязательно под дубом. В крайнем случае, под плакучими березами... Нет, это не березы плакучие? Что-то другое дрожит и плачет, дрожит и плачет...

Оба посматривали на меня с ожиданием, я старался выглядеть так, как граф Эбергард, но внутри дергалось и вцеплялось зубами во внутренности, вдруг да рассчитал неверно, вдруг да сейчас отряд сэра Эбергарда рубят в капусту...

Позицию я выбрал удобную, как мне казалось, на длинной извилистой дороге пусть не самый прямой учас-

ток, напротив, с такими изгибами, чтобы они не могли налететь в галопе: справа растопыренные коряги, слева глинистый обрыв, крупные булыжники по краям тропки, кучки свежей земли, выдвинутые на поверхность кротоми, — если конь попадет ногой, сломает...

Всадники выметнулись из-за дальнего поворота на полном скаку, но, видя, что не убегаем, стали придерживать коней. Многие начали вертеть головами, кто-то даже приподнялся на стремянах и попытался заглянуть в чашу.

Сэр Смит прошептал:

— Уже хорошо. Иначе бы с ходу смяли и растоптали.

Впереди на рослых конях держатся прекрасно экипированные для боя рыцари, за ними латники в простых кожаных панцирях с нашитыми металлическими пластинками, а последними едут на невзрачных, но легких и поджарых конях двое монахов, от которых я даже на таком расстоянии ощутил холодок, и трое слуг.

Передний рыцарь крикнул громко:

— Сэр Легольс, вам предложено сдаться!.. В этом случае вам сохраним жизнь.

Он ухмыльнулся, двое соратников загоготали, один крикнул:

— Клянусь честью, так и будет! Я тоже гарантирую жизнь!

Я молчал, оценивал взглядом расстояние. Обрубить руки и ноги, выколоть глаза и вырвать язык — этим тоже можно удовольствоваться и не нарушить слово. Сэр Смит сопел яростно, из-под закрытого шлема это звучало, как пыхтение паровой машины.

— Неудачное время для охоты, — произнес я холодно, уже бессознательно подражая графу Эбергарду. — Так умрите же все!

Красный Демон возник в трех шагах прямо на сере-

дине дороги. От него пошел багровый зловещий свет, как от раскаленного слитка металла. Рыцари застыли с открытыми ртами, никто даже не успел опустить забрало, и мои стрелы ударили зверски точно и с сокрушительной мощностью, когда касается незащищенной плоти.

Первые пять человек были мертвы, лишь тогда раздался первый крик ужаса. Всадники панически дергали коней, те поднимались на дыбы, визжали, как придушенные поросята, а стрелы били часто и точно. Промаживаться я начал позже, когда оставшиеся пришли в себя и, видя, что Демон не нападает, а только преградил дорогу, ухватились за щиты. Но они мешали друг другу, толкали, я взвинтил темп до предела, уже не успевая следить за стрелами. Всадники кричали громче, чем безумевшие кони.

Еще громче заорал сэр Смит, прямо над ухом, метнулся мимо меня со всем воодушевлением. Меч блистает в поднятой руке, но коня опасно пустил по обочине и, только миновав красного Демона, врубился в кровавое месиво, стоптал двоих и тут же погнался за самыми сообразительными, что ухитрились повернуть коней и во весь опор уходят по той же дороге.

— Жди здесь, — крикнул я Кадфаэлю.

Зайчик скакнул так, что у меня едва не оторвалась голова, ветер взревел в ушах. За считанные секунды я обогнал сэра Смита, еще двух несчастных, что уткнулись лицами в гриву и страшатся поднять головы. Я их не тронул, впереди двое монахов, их кони уходят удивительно быстро, словно на сильнейшем допинге...

Стрелы ушли одна за другой, я отчетливо видел, как вонзились в спины. Кони монахов продолжали мчаться в том же темпе, монахи даже не оглянулись, да и незачем, я чувствовал их ненависть и понимал, что они видят меня так же отчетливо, как и я их. Стрелы в их спинах некоторое время торчали, затем истончились и пропали.

— Ах так, — прокричал я беспомощно, выпустил еще с десяток стрел, монахи уже похожи на подушки, утыканные иголками, но ни один даже не шатнулся. — Ну ладно, гады...

Пальцы сорвали молот, я швырнул со всей злости. Молот пронесся, как туманный диск, впереди послышался шлепок, седло одного коня опустело, конь в панике понесся еще быстрее, забрызганный зеленым. Я поймал молот и поспешно швырнул в спину второго, пока тот не успел придумать какой-либо хитрой защиты.

Второй шлепок, на этот раз я видел, как брызнули зеленые струи, словно взорвался мешок с зеленой слизью. Плащ упал на седло, краем провололся по земле, конь задел копытом и сбросил на дорогу. Зайчик перепрыгнул через мерзко поблескивающий ком, брезгуя задеть копытами. Я остановил, развернул, за спиной грохот и лязг, сэр Смит мчится с поднятым мечом, ветер срывает капли, и меч выглядит как древко, за которым трепещет красное знамя.

— У вас все благополучно? — прокричал он с беспокойством.

Я отмахнулся.

— Лучше, чем ожидал. Как у вас?

— Пару раз получил по голове, — ответил он бодро, — а ударами по плечам и спине можно пренебречь. Достойные доспехи мы сняли с сыновей короля Хайбиндера!

— Возвращаемся, — сказал я. — А то брат Кадфаэль моего слугу обратит в монашество.

Наши кони пошли вскачь ноздря к ноздре, сэр Смит взглянул на меня с беспокойством, наконец решился спросить:

— А как этот... ну красный...

Он не решился назвать его демоном, раз уж я назвал слугой, только поглядывал опасливо.

— Все в порядке, — успокоил я. — Он прибывает на

зов, выполняет свою работу и уходит... с моего разрешения. Это такая привилегия у паладинов: когда нужно — вызывать помощников. Другим нельзя, грешно, а мы чистые, к нам никакое говно не липнет.

Впереди на дороге бьются, поднимаясь, кони, другие остановились в сторонке и с ужасом косятся коричневыми глазами на залитую кровью дорогу и ее откосы, где их недавние хозяева распростерлись недвижные. Красный демон, понятно, исчез, время вышло, а брат Кадфаэль суется между убитыми и ранеными, спеша причастить испускающих дух и дать отпущение грехов.

Сэр Смит спрыгнул и, оставив коня, с кинжалом в руке двинулся через место схватки. Брат Кадфаэль вскинул голову, в глазах вспыхнуло возмущение, он выставил вперед руку:

— Не смей! Раненые — уже не враги!

Сэр Смит остановился, я вздохнул и сказал с сочувствием:

— Брат Кадфаэль прав, раненых надо щадить... Однако сейчас особый случай. Они были свидетелями применения секретного оружия, а по законам военного времени таких нужно ликвидировать. Во избежание!

Оба не совсем поняли, что именно я сморозил. Но слово «ликвидировать» сэр Смит понимал хорошо, рука его замелькала с регулярностью маятника. На всякий случай втыкал через решетку забрала даже тем поверженным, кто не подавал признаков жизни, так, на всякий случай, береженого Бог бережет.

Брат Кадфаэль смотрел на меня с укором, в глазах вопрос.

— То был слуга, — ответил я кратко, — вот дорастешь до жидомасона восьмой степени, тебе тоже откроются иные возможности. А теперь...

Усиливающийся конский топот заставил обернуться. В нашу сторону несутся всадники. Во главе блистающий доспехами граф Эбергард, чуть поотстав — граф

Мемель и барон Дилан, остальные растянулись цепочкой, но гонят коней изо всех сил.

Увидев залитую кровью и заваленную трупами дорогу, они начали придерживать коней, граф Эбергард послал по обочине, лицо бледное, прокричал взволнованно:

— Сэр Ричард!.. Теперь я понимаю... это с вашей стороны весьма недостойно!

— А что случилось? — спросил я невинно, хотя понимал, что случилось, ибо случилось то, что должно было случиться, и вот теперь они все здесь. — Все, как я понимаю, в порядке. А великому полководцу, коим вы, без сомнения, являетесь, не идет замечать такие мелочишки...

Сэр Смит властным жестом послал двоих добивать раненых, остальным — ловить коней. Его послушались беспрекословно, даже не посмотрели на графа Эбергарда за подтверждением, что сэр Смит тут же учел и горделиво расправил усы. Да и дело знакомое, он же не послал их ловить белок или собирать цветочки, а ловить коней и добивать павших, заодно срезая кошельки с деньгами — милое и знакомое дело.

Граф Мемель подъехал, покосился на раздраженного графа Эбергарда, заговорил с подъемом:

— Так это они все здесь?.. Вам повезло, сэр Ричард!

— Это нам повезло, — прервал граф Эбергард с раздражением, — мы ведь сшиблись со всей яростью. Но почему они вдруг отступили и, повернув коней, пустились в вашу сторону?

Граф Мемель предположил:

— Устрашились?

— Их втрое больше, — возразил граф Эбергард.

— У нас лучше кони, — пояснил граф Мемель, — лучше доспехи, лучше мечи. Могли сообразить, что порубим в капусту...

Граф Эбергард покачал головой.

— Нет, здесь что-то иное. Сэр Мемель, нам нужно будет поговорить о наших рыцарях. Что-то у меня нехорошее чувство...

Граф Мемель побледнел, воскликнул:

— Сэр Эбергард, что вы говорите? Опомнитесь, не произносите страшных слов, после которых будет стыдно! У нас все чистейшие и честнейшие люди!

— Согласен, — мрачно сказал граф Эбергард. — Но у меня сложилось впечатление, что им кто-то из наших шепнул или подал знак, что человека, который им нужен, здесь нет. И что он поскакал вон по той... по этой дороге. Иначе почему вдруг прекратили схватку? То дрались, а то как ветром сдуло!

Граф Мемель возразил с достоинством:

— Какие-то причины должны быть, но вы, граф, говорите совсем уж страшные вещи! Мы же сами отбирали этих юношей, они же нам как дети!

Они замолчали и смотрели на своих милых юношей, что, переловив коней, принялись собирать и складывать в общую кучу оружие. Некоторые переворачивали трупы и сдирали понравившиеся доспехи. Один никак не мог снять шлем, тогда попросту отрезал голову, тряхнул пару раз и, получив пустой шлем, с удовлетворением привязал его к седлу своего коня.

Граф Эбергард вздохнул, а во взгляде, брошенном на меня, была чистая ненависть.

— Только бы не запали еще и на этих коней, — сказал он с безнадежной злобой.

Я сказал торопливо:

— Что вы, граф! Эти кони ни в какое сравнение с теми, что сейчас у ваших воинов под седлом.

Он сказал злобно:

— Вы не знаете этих однощитовиков!.. Они собирали медную монету к монете, чтобы накопить на покупку меча, а потом на щит. То же самое — с покупкой коня,

любого коня. А когда сваливается вот такое... Боюсь, даже моей власти недостаточно, чтобы запретить им снова повести за собой всех этих коней...

Граф Мемель хмыкнул.

— ...нагруженных доспехами и оружием, — добавил он. — Я попробую им объяснить, что перегруженный корабль тонет.

— Попробуйте, — сказал граф Эбергард без особой надежды.

Сэр Смит подошел, довольный и счастливый, грудь вперед, ведь это мы сразили всех, в то время как все десять рыцарей Эбергарда сумели сбросить с коней только двоих.

— Вообще-то там вблизи городок, — сообщил он. — Не такой уж и большой, но и коней поменьше. Сбудем, не сомневайтесь, сэр Эбергард.

Граф Эбергард лишь вздохнул, а граф Мемель сказал обрадованно:

— Ну вот все и решено! Я ж говорил, все будет хорошо. Сэр Смит, примите наши поздравления! Мы все еще не можем прийти в себя от изумления в связи с вашей бесподобной победой. Как вам удалось?

Сэр Смит перехватил мой предостерегающий взгляд... широко и открыто улыбнулся:

— Ах, сэр Мемель!.. ну что за победа, когда против нас, троих орлов... вы только на брата Кадфаэля посмотрите... нет, вы посмотрите!.. выступили всего лишь два десятка, даже меньше, ведь вы двоих с коней ссадили?... Плетей было бы, конечно, достаточно, но у нас брат монах такой кровожадный, такой кровожадный... Велел не щадить всех, кто пропускает службу в церкви, вот и пришлось. Вроде бы кто-то успел ускользнуть... хотя нет, все остались на корм воронью... Кстати, у вас тут народ как, в церковь ходит?

Граф Мемель переводил почти испуганный взгляд

то на нас, то на коней, которых уже собрали в кучу и на-гружали на них снятые с убитых доспехи. Пять великоле-пных рыцарских коней в полном облачении, снятые доспехи блестящими грудями привязаны к седлам, и еще пятнадцать прекрасных коней, на которых ехали латники, быстрые и поджарые, ни в одном сэр Смит не отыскал серьезного изъяна.

— Господи... все придется везти с собой?

— Это призы, — ответил сэр Смит гордо, но тут же горестно вздохнул. — Граф Эбергард, хоть вы меня под-держите!.. Да таких прекрасных коней в этих краях и не видывали! А доспехи? Вы посмотрите на доспехи! Нет, вы в самом деле посмотрите. Им же цены нет. А сэр Ри-чард взгляните как смотрит! Вот-вот скажет, что все надо бросить.

Граф Мемель с великой жалостью смотрел на коней и доспехи, на его лице те же чувства, что и у сэра Смита, наконец, вздохнул так искренне и тяжело, что я всерьез заподозрил в нем какие-то человеческие эмоции.

— Ах, сэр Смит... Боюсь, что нам передвигаться нужно очень быстро.

— А кони? — воскликнул сэр Смит. — Разве это коро-вы? У меня и так сердце едва не разорвалось, когда я по-думал, что брошенных коней и доспехи подберут какие-то бродяги.

Рыцарей уже всех освободили от доспехов, только кожаными латами ратников побрезговали, но их мечи все-таки подобрали, как и боевые топоры. На лицах своих рыцарей граф Эбергард видел угрюмую решимость защищать свое добро. Если Господь послал им такую добычу, то не земным владыкам ее отбирать. Это знак, что они правы, ни больше ни меньше.

Брат Кадфаэль направился к нам, бледное лицо ис-кажено страданием, в глазах яростный огонь проповед-ника.

— Граф Эбергард, — воззвал он, — сэр Ричард!..

Мертвые уже не враги. Их нужно похоронить по-христиански!

Граф Эбергард что-то процедил сквозь зубы, а граф Мемель заговорил участливо:

— Все верно, голубчик, все верно... Мы все добрые христиане, хотя я, к примеру, уже и забыл, когда последний раз заходил в церковь. Однако нам нужно спешить...

Но голос его звучал нерешительно, брату Кадфаэлю оставалось чуть нажать, и все рыцари слезут с коней и начнут копать общую могилу, а на двадцать человек придется рыть до вечера, я кашлянул и сказал со всевозможнейшим авторитетом:

— Брат Кадфаэль абсолютно прав, господа. Мы христиане и поступать должны по-христиански! И как жаль, что эти несчастные — еретики и совсем даже парсы. Да-да, те два проклятых темных монаха признались мне, что они парсы и все в их отряде — парсы. Как вы все знаете, парсы — это заблудшие люди, которых после смерти нельзя ни в землю закапывать, чтобы не осквернять ее трупами, ни сжигать, дабы не осквернять огонь, а нужно оставлять на расклевание. Или даже совсем на расклевывание.

Граф Эбергард покосился в мою сторону, странный взгляд, еще чуть — и я бы подумал, что в его холодной, как айсберг душе, шевельнулся мелкий червячок благодарности, но он лишь вздохнул и сказал с обреченностью:

— Сэр Смит, давайте учите моих рыцарей быстро пересаживаться с коня на коня. Лучше всего — на ходу, как делают дикие народы. Тогда будет смысл тащить за собой все двадцать... в самом деле великолепных коней, вы абсолютно правы, благородный сэр Смит. К сожалению, город, о котором здесь поминали, слишком мал, там не продадим ни одного коня, даже сворачивать не стоит.

— А Полонск?

— Пройдем далеко слева.

— А Силистрия? — спросил сэра Смита с угасающей надеждой.

— Останется далеко справа, — объяснил граф терпеливо, в глазах и голосе понимание и непритворное сочувствие. — Мы не можем позволить себе такой крюк. К тому же у противников там сторонников больше, чем где бы то ни было.

Сэр Смит вздохнул.

— Пойду уговаривать ваших рыцарей. Как я понимаю, приказать вы им не можете?

Граф развел руками.

— Отношения с вассалами регулируются множеством законов и ограничений. Даже король не может призвать на войну дольше чем на сорок дней.

Сэр Смит вздохнул еще тяжелее.

— Понятно. Если все зависит от доброй воли рыцарей, пойду убеждать их прямо сейчас.

Часть 2

Глава 1

Дорога медленно шла вниз, под копытами уже не стучит звонко камень, подковы мягко опускаются в покрытую прошлогодними листьями почву, а потом и вовсе послышалось чавканье, словно ноги погружаются в болото. Деревья остались позади, мы едем по открытому пространству, впереди нечто вроде умирающего болота: укрытые толстым ковром из зелено-рыжего мха мили, везде омерзительного вида мшистые кочки, похожие не то на гигантские бородавки, не то на болезненные наросты, готовые вот-вот прорваться гнилой жижой.

В трех-четырех сотнях шагов впереди начинается серый отвратительный туман. Обычный, без колдовства, но любой туман — мерзость, а когда на болоте, то это еще и угрожающая мерзость, что и опасные ямы скроет, и даст подобраться зверю.

Я первый покинул седло и пошел, держа коня в поводу. Под сапогами мягко пружинит, есть ощущение надежности, но сзади раздалось испуганное ржание: мул Кадфаэля прорвал острым копытом ковер и провалился едва ли не по брюхо. Кадфаэль не успел и головы повернуть, мул с отчаянным криком сам выбрался, глаза как площадки, дрожит с головы до ног, будто за копыто успело хватить зубами нечто неимоверно страшное.

Я напряженно прислушивался к звукам, что мерещатся впереди в плотной стене тумана, сэр Смит громко спросил над ухом:

— Что-то слышно?

— Да, — ответил я несколько раздраженно. — Принцесса, сытая по горло общением с принцами, ищет лягушку.

Он вскинул брови, смотрит с непониманием. Пришлось рассказать про царевну-лягушку, сэр Смит задумался и начал посматривать по сторонам, особенно внимательно изучая проплывающие мимо кочки мха.

Брат Кадфаэль тоже задумался и потом сказал нравоучительно:

— Вот что делает христианская любовь!

Я сказал сэру Смиту предостерегающе:

— Чтобы найти эту принцессу; придется перецеловать уйму лягушек.

Он помрачнел, на лбу углубились складки, кончики усов вроде бы чуточку опустились. Туман серый, редкий, на пару десятков шагов все-таки видно, но все равно гадко, в сгущениях чудятся страшные тени, подбирающиеся звери. В сторонке проплыла первая лужица открытой воды. Вполне мирно: темная гладь, мясистые листья болотных растений, даже чахлые кувшинки. Сейчас бы, мелькнула мысль, болотные сапоги «Иисус»: по воде аки посуху, кто знает, насколько это болото тянется. Но не должно быть слишком большим, иначе о нем бы услышали заранее.

В тумане гулко ухнуло, по спине скользнула ледышка. Я попытался себя уверить, что эта такая гигантская выпь, они так же жутко ухают, а тут еще приблизился брат Кадфаэль и тихонько указал в туман:

— Вон там что-то шевелится...

— Бегемоты, — сострил я довольно глупо.

Он переспросил:

— А что это?

Пришлось пересказать, как один бегемот звал второго жаб давить и что второй ему ответил. Кадфаэль остался серьезным, даже сэр Смит не хмыкнул, в тумане в самом даже нечто огромное двигается, почва чавкает под тяжелыми лапами. Сэр Смит даже перестал шарить глазами по кочкам в поисках лягушек.

Я заметил, что один из молодых рыцарей по имени Дилан старается держаться поближе к нам с сэром Смитом, будто черпает в нас уверенность, хотя, если честно, близость к нам может принести только беду. Сейчас он посматривал то по сторонам, где в толщах тумана двигаются пугающие призраки, то пугливо отпрыгивал от темных провалов в толще мха.

— Сэр Ричард... а вы уверены, что мы не заблудились?

— Когда путь неясен, — сказал я наставительно, — держись людей мудрых и осторожных — рано или поздно они находят удачный выход.

Он посмотрел на меня с великим подозрением.

— Это вы так шутите?

— Почему? — удивился я.

— Я уж подумал, что вы о себе такое брякнули...

Я ощутил себя задетым.

— Я не кажусь мудрым? А вот меня одна вообще занудой назвала.

Он затряс головой.

— Сэр, после того, как вы выманили всю погоню на себя лично, кто вас назовет осторожным? Вы — образец рыцарства!

Он смотрел такими влюбленными глазами, что я ощутил себя неловко, проворчал:

— Это я? Вы лучше на графа Эбергарда посмотрите! Вот кто образец так образец. Всем образцам образец. Просто образцовый образец.

Граф Эбергард покосился в мою сторону, кашлянул,

но не проронил ни слова. В тумане двигаются сгущения, а толстый слой мха прогибается под ногами. Все уже слезли с коней и ведем в поводу, чтобы уменьшить вес, однако острые подковы время от времени прорывают мох, лошадь с жалобным криком проваливается по брюхо, барахтается, разрывая копытами болотный ковер, хозяин с таким же криком тащит за повод, ему помогают все, кто оказывался поблизости.

Из тумана вынырнул граф Эбергард, конь за ним ступает осторожно, почти упираясь лбом в спину, такой же невозмутимый и надменный, как граф, просто верблюд, а не конь.

— У вас хороший лук, — вдруг обронил граф.

Я заинтересовался с холодком в голосе:

— Это вы так стараетесь оскорбить?

— Помилуйте, — ответил он равнодушно, — и в мыслях не было. Просто я слыхивал, что именно в таких болотах живут крыланы. Говорят, из-за здешнего воздуха.

Я повертел головой, воздух как воздух, только слишком влажный, но какой еще на болоте, плотный и неприятный. Пот по лбу стекает и стекает, пока не начинает хлюпать в сапогах, а чтоб высохнуть по дороге — даже думать о таком смешно.

— Выше плотность, — определил я. — И восходящие потоки чувствуются. Значит, здесь могут держаться в воздухе звери покрупнее воробьев.

Он скользнул по моему лицу вроде бы безразличным, но моментально все схватывающим взглядом.

— Быстро соображаете, сэр Ричард. Я начинаю думать, что и стрелять из лука вас учили совсем не затем, чтобы приставить пасти овец. Тем более что лук у вас, как понимаю, очень не простой... Болото тянется на десятки миль в ширину, это нам повезло, что пересекаем в самом узком месте... хотя все купцы и благоразумные люди объезжают по краю. Но здесь совсем не...

Он запнулся на полуслове, вскинул голову. Почудился далекий писк, я торопливо шагнул к Зайчику и снял лук. Граф вслушивался напряженно, он заметил лук в моих руках. По его виду я все понял и сделал так, как он и подталкивал, тоже мне кукловод. Со всех сторон тяжелое дыхание, чавканье гнилой воды, затем писк повторился, уже громче.

— Сверху!

Я вскинул лук одновременно с криком графа. Рука привычно оттянула тетиву с наложенной стрелой. Грязные тучи ползут над самой головой, из темных недр вынырнули и быстро опускаются к нам серебристые, как рыбки в чистой воде, миниатюрные человеческие фигурки. Граф Эбергард выругался, я услышал в обычно бесстрастном голосе отчаяние, остальные рыцари быстро обнажили мечи и сгрудились в кучу.

— Опустить забрала! — прокричал граф Эбергард. — Не опускать оружия!

Фигурки быстро росли, я рассмотрел женщин, у всех тела словно покрыты серебристой краской. Сэр Смит что-то выкрикивал, брат Кадфаэль поднял крест и начал громко читать молитву, однако крылатые женщины снизились и, неспешно взмахивая огромными крыльями, летали над нашими головами. Голоса их оставались птичьими, как мне показалось, однако я различал отдельные слова, и чем больше вслушивался, тем большая дрема наваливалась, руки отяжелели, я опустил лук, рыцари переставали двигаться, даже брат Кадфаэль опустил крест и молитвенник.

Одна из женщин вдруг оборвала полет и бросилась на Дилана. Звякнуло железо, рыцарь упал под ее натиском, как железный истукан. Женщина захохотала торжествующе, запрокинула голову, я с содроганием увидел в ее неправдоподобно алом рту длинные острые клыки. В голову стукнула волна горячей крови, я с усилием поднял лук, но женщина и Дилан перекатились

под конскими ногами, скрылись. Я вскинул лук и выстрелил в ближайшую ко мне, что начала было тоже складывать крылья для приземления.

Стрела ударила в крыло, женщина закричала от боли и неожиданности, остальные встрепнулись, разом взлетели выше. Тяжесть из моего тела исчезла, я начал холодно и зло выпускать одну стрелу за другой. В небе раздался страшный многоголосый крик, теперь в нем больше человеческого, чем птичьего, ни одна птица не сможет кричать так жутко, ибо зверь боится врага, но не понимает, что пришла смерть, а они видели и понимали, когда смертоносные стрелы легко пробивали их тела.

Последние две успели умчаться за пределы досягаемости, я оглянулся, в трясине все еще барахтаются. Наконец обезумевшая от близости теплой крови женщина ухитрилась сорвать с Дилана шлем, вообще оборвала ремни и, чуть не сломав ему шею, приникла было к его шее, и тут моя стрела ударила ее под левую лопатку.

Все уже шевелились, сверкали мечи, орали и сустились, окружили женщину и Дилана, помогли ЕМУ подняться на ноги, шея едва-едва прокушена, но яремная жила цела, а женщина бьется в жестоких конвульсиях, выгибается, заводя руку за спину и пытаясь выдернуть стрелу. Природа едва ли создавала что-то столь совершенное, как это тело: символ красоты — женское тело, а эта миниатюрная женщина есть символ чувственной красоты. Мужчины не могли оторвать глаз от ее груди с торчащими вытянутыми сосками, у нее дивно пропорциональный животик, серебряный пушок в низу живота, совсем как у взрослеющего ребенка, изящные ноги с длинными коготками, что вовсе не выглядят хищными, а скорее ухоженными ногтями.

Я посмотрел на небо, сунул лук и колчан в сумку на седле.

— Пора, — сказал я сухо, — иначе долго придется идти по такому болоту.

Рыцари замедленно разбирали коней, глаза всех прикованы к умирающей женщине. Граф Эбергард первым взял своего коня под уздцы и шагнул вслед за Псом, подавая пример. Сэр Смит тащил коня на длинном поводе, спросил меня с тревогой:

— Она умрет? Или... вдруг да бросится снова?

— Не думаю, что настолько живуча, — ответил я. — Иначе бы так не орали... Сэр Дилан!

Дилан вздрогнул, он все еще не отрывал взгляда от хищницы, что едва не прокусила ему артерию.

— В путь, сэр Дилан, — сказал я мягче. — Это всего лишь женщина.

— Да, но...

— Согласен, — сказал я, — это квинтэссенция женщины, из-за чего нас так тянет к подобным. Но укрепитесь духом, вашу кровь еще выпьют... попозже. И сделают это не так явно. Вы сами не будете возражать, даже если все будете понимать и видеть... А эту оставьте. В самом деле, оставьте. Вы только добавите ей мучений!

— Как? — спросил он убито. — Я бы... как-то помог...

Я сказал сочувствующе, но безжалостно:

— Сейчас ее тело начнет быстро стареть, а это женщины очень не любят показывать. Покроется морщинами, кожа станет сухой и дряблой, задница отвиснет, покроется целлюлитом... да и ноги тоже. Начнется стремительное варикозное расширение вен. Его обычно прячут под черными колготками...

Он смотрел то на меня, то поворачивался и бросал взгляд на крылатую женщину. Я, не глядя, собирал вещи, но по его лицу понимал, что происходит все точно так, как я сказал. За спиной слышался уже не крик, а полные ужаса всхлипы, стоны. Наконец Дилан воскликнул:

— И что же... она так и умрет старой?

— Нет, — ответил я хмуро, ибо нет на свете мужчины, который бы не сочувствовал стареющей женщине, —

иссохнет до того, что тело пойдет трещинами... настоящими трещинами. Но сперва потемнеет, даже почернеет... потом начнет рассыпаться... да-да, на куски... Дольше всего останется ее быстро стареющее лицо. Руки и ноги уже рассыплются в пыль, а она еще будет кричать... хотя легких вроде бы уже нет... но на фиг нам такие тонкости...

Он повернулся и смотрел неотрывно. Я затолкал все в мешок, а когда посмотрел на Дилана, по его лицу видно и то, как лицо вампирши разом почернело, как с сухим треском рассыпался скелет, а череп все еще смотрит пустыми глазницами, где только что задорно блестели полные жизни молодые глаза. Все еще слышен истошный визг, переходящий в неслышимый диапазон... или это просто в ушах звенит, а затем и череп с легким шорохом рассыпался в черную пыль.

Наконец он глубоко вздохнул, обернулся ко мне, в глазах ужас и почтение.

— Все точно, — выдохнул он, — как вы и предсказывали, сэр.

Я отмахнулся.

— А как же иначе? Садись, поехали.

Он подошел к своему коню, но все не мог ухватить повод, промахивался, руки тоже трясутся, спросил потрясенно:

— Значит, их уже убивали?

Я пожал плечами, но увидел, что на меня и остальные смотрят ожидающе, а граф Эбергард вроде бы поглядывает в другую сторону, но чувствую по его позе, что не пропустит ни слова.

— Сотнями, — ответил я безучастно. Повернул Зайчика мордой к югу. — Все знакомо, все как всегда. Давайте быстрее! Будем еще из-за каждой ерунды задерживаться.

Все послушно двинулись за мной, только граф Эбергард и сэр Смит постарались выдвинуться вперед. На-

конец граф Эбергард поинтересовался нейтральным голосом:

— Сэр Ричард, и что... всегда вот так?

— Всегда, — ответил я твердо. — Никакого разнообразия. Летают, мельтешат, все время подставляют себя под выстрелы. Гримасничают, кривляются, вместо того чтобы направиться прямо к цели. Если промахнешься, такая вот дура всегда дает вторую попытку, третью, четвертую... пока не попадешь. Потому и бьем, как мух. А если бы сразу к цели, давно бы всех людей повывели.

Эбергард спросил с непониманием:

— А почему так?

Я пожал плечами.

— Сие тайна великая есть.

Время от времени слышатся тяжелые вздохи, рев, а то и шлепающие по воде шаги. Рыцари тут же сбивались в круг и обнажали мечи, что очень неудобно, держа коней в поводу. Даже Брайан и леди Ингрид не отставали, уstraшенные крылатыми чудовищами. Я успел подумать, что же их гонит такое, что готовы идти с нами, только бы поскорее убраться подальше от тех мест, где мы их встретили. Но лишние мысли тут же упорхнули, не до того, Кадфаэль вот безостановочно твердит огораждающие молитвы, я иногда метал на удачу молот: вдруг да собьет что-то призрачное. Один раз и в самом деле вернулся с окровавленной рукоятью. Рыцари притихли и смотрели со страхом и ожиданием то на меня, то на бескрайнее болото.

Все, что движается или поднимается из глубин, — здешняя жизнь, человеческих следов нет, разве что пройдут где отчаянные охотники или искатели кладов. Я наконец взял в руки лук и стрелял во все, что проступало из тумана, неважно — тираннозавр-рекс или без-

обидная морская корова. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

Сэр Смит вскрикнул, дрожащая рука указывала в клубящийся туман. Я приблизился, с трудом вытаскивая ноги из топи. Впереди медленно проступают из сплошной серой пелены четкие очертания строения. Я сделал еще несколько шагов, дом расположен на высоких толстых сваях, слизь блестит на лишенных коры столбах.

— Посмотрим?

Граф Эбергарт сказал жестко:

— Мимо! Не задерживаться!

Я вздохнул.

— Скучный вы человек, граф.

— Зато я чаще других, — ответил он раздраженно, — привожу обратно своих солдат живыми.

— Разве я сказал, что вы неправы?

Он взглянул исподлобья.

— Мне так почудилось.

— Вы правы, граф, если это хотели услышать. Но человек вы — скучный.

— Лучше быть правым, — огрызнулся он, — чем веселым...

Он проглотил последнее слово, но я понял по интонации. Некоторое время мы шли молча, он все посматривал и на небо, и по сторонам, лицо встревоженное, перехватил мой взгляд, сказал несколько раздраженно:

— Сэр Ричард, я просто знаю, какие силы брошены на то, чтобы не допустить нас до герцогства!.. Вы полагаете, дело закончилось с истреблением этих отрядов?

Сэр Смит напомнил гордо:

— Не только этих.

— Что? — переспросил граф раздраженно.

— Вы забыли про крыланов, — обронил сэр Смит с той скромностью, что паче гордыни. — Мы еще помог-

ли сэру Брайану и леди Ингрид, без нас бы им плохо пришлось. А также всяких одиночных.

Граф Эбергард напомнил холодногато:

— Крыланы, которых так лихо пострелял сэр Ричард, могли быть не сами по себе...

Граф Мемель возразил:

— Дорогой граф, вы уж слишком... тут волки овец дерут не потому, что мы едем.

— Лучше предположить, — сказал Эбергард холодно, — что крыланов послали. И что враг знает, где мы.

Граф Мемель сказал с сомнением:

— Сэр Эбергард, мы столь искусно заматали следы, что вон даже болото какое истоптали, кто за нами сунется?

— Мы искусно заматали следы, — согласился граф Эбергард, — но если за нами послали не откровенных ворон, то они все же могут отыскать нас и в болоте. Я же говорю, вполне возможно, что эти крылатые женщины были посланы темными монахами. Уж не думаете ли, что вам удалось от них избавиться окончательно? Нет, у них свой культ, их не убывает. Вообще побаиваюсь, что кольцо вокруг нас стягивается все плотнее. Возможно, враг и сейчас через глаза какой-нибудь птицы наблюдает за нами.

Сэр Смит спросил скептически:

— После той трепки, что мы им задали?

Граф Эбергард напомнил строго:

— Я уже сказал, что герцогство очень хотят захватить... повторяю — очень! Это значит, что против нас может действовать целая армия. Разбитая на группы и до поры до времени прикидывающаяся то купцами, то путешественниками, чтобы не привлекать внимание местных войск. Мы уже доказали свою силу, отбившись от наскока первых групп-разведчиков... так что могут подтягивать что-то посерьезнее.

Сэр Смит самодовольно ухмыльнулся и похлопал ладонью по ножнам, откуда торчит рукоять меча.

— Это уж точно.

— Хорошо бы все-таки выскользнуть без драки, — размечтался я.

— Как?

— Не знаю.

— У меня другой план, — сказал сэр Смит. — Давайте сделаем вид, что отправились, а я спрячусь и прокрадусь за вами на расстоянии. Так я замечу, кто за нами следит!

— И что?

— А ничего, — ответил он хладнокровно. — Хороший удар по голове отправит души нечестивцев оправдываться перед небесным судом.

Глава 2

В арьергарде бредут, держа коней в поводу, леди Ингрид и сэр Брайан. Кровоподтек у Брайана почти сошел, остались только лиловые и желтые пятна, да щека распухла и отвисает с одной стороны.

Я пропустил мимо последних рыцарей. Леди Ингрид заметила меня и напряглась, что ей идет, грудь приподнялась, сделала шаг в сторону, инстинктивно закрывая Брайана.

Брайан с неловкостью улыбнулся мне. Он уже раскрывал рот, собираясь что-то спросить, но я опередил:

— Сэр Брайан, что вас гонит на Юг?

Он вздрогнул, в глазах леди Ингрид метнулся испуг, она непроизвольно дернулась, снова намереваясь укрыть Брайана, как цыпленка от злого коршуна, но сдержалась, я спокоен и спрашиваю мирно, Брайан же побледнел, опустил голову.

— Вы правы, сэр Легольс. Нас в самом деле гонит...

— Что? — спросил я настойчиво. — Вам лучше сказать. Никто не отказывает в гостеприимстве, но мы в некотором конфликте с... некими людьми, что преследуют нас. Нам нужно знать о вас больше. Обстоятельства вынуждают.

Он поднял голову и впервые взглянул мне в глаза честно и открыто.

— Сэр Легольс, — произнес он с прозвучавшим столь явно чувством достоинства, — вы кажетесь человеком, который все равно увидит, когда ему врут. И я скажу правду. Меня в самом деле зовут Брайаном, я средний сын барона Престона из рода Ллойдов. Я похитил... так это выглядит, женщину, которую люблю и которая меня любит, сейчас мы стараемся достигнуть Юга, там беглецов не выдают. А здесь я везде изгой... хотя за мной погони, конечно, нет, но только потому, что еще ни мой род, ни род... леди Ингрид не знает о случившемся. Мало того, что наши семьи враждуют вот уже столетия, но еще и...

Он запнулся, быстро взглянул на еще больше побледневшую Ингрид. Она отрицательно покачала головой.

— Брайан!

В ее голосе звучали предостережение и ужас, однако он вздохнул и сказал, словно бросился в воду:

— Я доверяю вам, сэр Легольс. Ее хотели выдать замуж за человека, которого она не любит...

Я взглянул на леди Ингрид. Да, эта валькирия не позволит, чтобы ее судьбой распоряжались, будь это родители, муж или сам король. Явно же не Брайан решился похитить ее и бежать на Юг, а это она сама его руками похитила себя и бежит с ним в края, куда не дотянутся длинные руки их кланов.

— Хорошо, — сказал я. — Я верю. Очень романтично. Хотя какая-то свежая струя в нашей насквозь деловой жизни. Можете ехать с нами и дальше, я обещаю защи-

ту. Разумеется, вы не должны отставать, капризничать и нарушать установленный порядок.

Она настороженно кивнула, в ее глазах сомнение, зато сэр Брайан расцвел, лицо осветилось ликованием.

— Спасибо, сэр Легольс! — воскликнул он. — Я не трус, я умею управляться с конем и оружием, но я совершенно не приспособлен к роли странствующего рыцаря, который к тому же еще должен провести через чужие земли спасенную женщину благородного положения. Вы меня очень обяжете, я вечный ваш должник...

Леди Ингрид предостерегающе кашлянула, Брайан сконфуженно умолк.

Сердце стукнуло, сбиваясь с такта, и остановилось. Туман становится плотнее, в нем плавают сгустки, но теперь я всеми похолодевшими внутренностями понимаю, что это не просто сгустки, подобно комьям крахмала в молочном киселе. Это формируются призраки тех, кто похоронен в этой земле. Однако в отличие от зверей, человек в самом деле имеет душу, иначе он не ушел бы от звериной сущности так далеко. И вот эти души сейчас воплощаются в серые призраки, вычленяются из тумана, а сам он служил материалом для других призраков.

Дыхание замерзло на губах, я с ужасом увидел десятки, если не сотни призраков, восставших из земли. Тумана не осталось, сейчас только белые фигуры, слегка покачиваясь, словно под неслышимым ветерком, медленно пошли в нашу сторону.

— Езус Кристос, — воскликнул Кадфаэль в страхе. — Господи, сколько же их!

Я плохо помнил, как там насчет душ, вроде бы душа убитого сразу должна мчаться на суд, а там ее либо в ад, либо в рай, но что-то еще про девять и даже сорок дней, почему-то принято в доме умершего сколько-то дней

держат завешенными зеркала и остановленными часы, словом, не все так просто, души могут оставаться с телами и быть погребены...

И еще я понял, что только в обществе человек становится человеком, а без него — тварь дрожащая, злобная и быстро теряющая за ненадобностью разум. Эти, спавшие в толще земли десятки, если не сотни лет, не потеряли человеческий облик, но потеряли человеческий разум и человеческие чувства, а сохранили только базовые, то есть животные, инстинкты.

— Не отставать! — доносился из тумана голос Эбергарда. — Не отставать!

Потом призраков словно сдуло ветром, я увидел вскинутые руки Кадфаэля, понял. Пес держится рядом со мной, у него даже лапы чистые, как только ухитряется. Пытался охотиться, но я велел идти со мной рядом. Сам я сбивал молотом какие-то чудовищные фигуры в тумане, похоже — болотных огров. К счастью, они со своей огромностью проваливаются в болото глубже нас, потому не могут двигаться быстро. Молот разбивал им головы, прежде чем успевали замахнуться.

Огры — штучный товар, как и динозавры, не могут жить большими стаями, корма на всех не хватит, плечо начало ныть от частых бросков, ладонь распухла от смачных шлепков рукоятью, и тут огры кончились, зато всякая крылатая мелочь то и дело леденила кровь жуткими криками, пролетая над самыми головами.

Туман сгустился еще больше, вместо людей и храпящих в страхе коней я видел только неясные силуэты. Включилось тепловое зрение, в тумане замелькали красные сгустки: одни с грецкий орех, другие с летающую корову. Крупных становится все больше. Я чувствовал, что по достижении некой критической массы они ринутся и просто втопчут нас в грязь, утопят, быстро повесил молот на место, достал лук.

Возле меня, задевая локтями, топтались с обнаженными мечами граф Эбергард и сэр Смит. Смит спросил жадно:

— Что-то летающее?

— Я и ползающих не милую, — буркнул я. — Господь сказал, не мир я вам принес, но меч...

— Надо же, — воскликнул Смит пораженно, — так и сказал?

— Точно! — подтвердил я. — Вон Кадфаэль подтвердит. Так и записано!

— Такой Господь мне нравится все больше, — сказал Смит с энтузиазмом. — А щит у него какой?

— Подробности у Кадфаэля, — ответил я, — а мы пока что поступим по-христиански: кто ударит первым — тот и прав, кто победит — тот и добрый...

Он не успел мигнуть, как я оттянул тетиву и отпустил стрелу одним движением. И словно тем же движением выхватил новую, наложил на тетиву и выстрелил снова. Граф Эбергард и граф Мемель остановились рядом, глаза полезли из орбит, впервые видят, как стреляет их «его светлость».

Всей кожей я чувствовал нарастающую опасность, хотя птицы не нападают, только накапливаются, потому стрелял со всей скоростью, которую дали мне всобаченные в лук и в руку геммы, они же клапсы. Бесстрастное лицо Эбергарда стало белым, у Мемеля отвисла челюсть, только Смит довольно похрюкивал, а его повисшие под тяжестью тины и ряски усы поднялись, словно у них напряглись собственные бицепсы.

В толще тумана пронзительно кричали, хлопали крыльями, тяжелое шлепалось в воду. Однажды из серой стены вылетело нечто с блестящей чешуей, будто крупная рыба отрастила крылья, но блеснул меч одного из рыцарей. Существо упало в грязь, рыцарь торопливо затоптал его глубже, сам в грязи неотличимый от болотного черта.

Из тумана соткалось чудовищных размеров лицо, что заняло треть небосвода. Лицо искажено гневом, черные как смоль брови сошлись на переносице, грозные глаза впились в меня с такой силой, что холод пронзил до глубины костей. Крылья хищного носа трепещут, как у зверя, почуявшего добычу.

Все мы услышали тихий шипящий голос, мне показался похожим на вырывающийся под огромным давлением пар из исполинского котла:

— Кто посмел...

Кадфаэль торопливо читал молитву, вскидывал крест, однако гигантский хозяин болота не обратил на монаха внимания, взгляд его скользнул по всему нашему отряду, мгновенно охватил всех, понял о нас все и уже, судя по его изменившемуся лицу, решил нашу судьбу.

— Погоди, — сказал я поспешно, едва не срываясь на торопливый визг, — мы что, похожи на тех двуногих, кого ты уже видывал недавно?.. А если мы похожи на тех, кого видел очень-очень давно... и уже почти забыл их?

Сердце колотится, как овечий хвост при виде голодного волка. Я отчаянно блефую, огромные глаза вонзили в меня острый взгляд, болезненный удар по всем нервам, и почти сразу черные кустистые брови приподнялись. Он всмотрелся, как мне показалось, с недоверием.

— Ты... не похож...

— Уверен? — переспросил я. Сердце едва не выпрыгивает, виски сжало горячим обручем. — Тогда скажи, на кого я похож?

Он несколько мгновений всматривался, я чувствовал, как острый взгляд бьет в меня, как заостренным шилом, наверняка уже выступила кровь из ранок, все вокруг затихло и страшатся даже дышать, наконец хозяин болота произнес:

— Не решаюсь сказать... это слишком... это невероятно...

— Тогда молчи, — сказал я чуть громче, стараясь, чтобы мой голос звучал авторитетно. — Я здесь под другим именем. И под другой личиной. Так надо!.. А сейчас сделай вид, что нас вообще не видишь, что нас нет...

Гигантское лицо колыхнулось, мне показалось, что начинает наливаться неистовым гневом, потемнело, затем темными клочьями расплзлось в стороны, на ходу превращаясь в сгустки тумана.

Я огляделся, никто не шевелится, в мою сторону повернуты белые, как мел, лица. Сейчас можно пройти через отряд, каждого пихнуть, и они повалятся, как чурбаны.

— Вольно, — сказал я. — Расслабьтесь и... получайте удовольствие. Вы знаете, что я — паладин, а брат Кадфаэль даже знает, что я — жидомасон высокого уровня. Большого вам сообщить не можем. Сие тайна великая есть. А теперь, граф Эбергард, не довольно ли нам мокнуть в этом болоте? Скоро корни пустим...

Граф вздрогнул, оторвал от меня неверящий взгляд. По взмаху его железной длани рыцари задвигались, как детали заржавевшего механизма, закрипели, пятеро снова выдвинулись вперед и пошли, поволокли свои тяжелые тела через жидкую шевелящуюся грязь.

Ковер из мха истончился настолько, что сперва превратился в обычную ряску, а затем и вовсе разбежался на клочья тины и пропал на поверхности черной и неподвижной, как смола, воде. Мы шли по колено, а иногда погружаясь и по грудь в темную затхлую воду. При каждом шаге поднимались коричневые клубы тины, а ноги проваливались в ил, где что-то шевелилось, пыталось выскользнуть из-под подошвы, а другие мелкие звери тупо вонзали зубы в неподатливую кожу сапог.

На широких листьях кувшинок, толстых и мясистых настолько, что выглядели непомерно раздутыми, сидят

жуткого вида лягушки, больше похожие на жаб, что напугало сэра Смита. Он заговорил об этом с братом Кадфаэлем, тот перекрестил болотные создания, но те так и остались похожими на жаб, хотя лягушки, только внимательнее провожали нас презрительно-подозрительными взглядами.

Кони хрипели и проваливались в ямы, мы все облеплены с ног до головы зеленой тиной, и вдруг впереди раздался ликующий вопль:

— Болото заканчивается!.. Лес!

— Только бы не мираж, — пробормотал Смит измученно, усы опустились, как у запорожского казака, — только бы не мираж...

Я покосился на брата Кадфаэля, он тащит неподалеку мула, тоже весь в тине.

— Наш человек в лагере небесного воинства разгонит!

— Это если наведенный мираж, — невесело сказал сэр Смит. — А если природный?

Туман медленно раздвигался, проступили темные колеблющиеся тени, начали превращаться в стену могучих деревьев-великанов. Болотное дно быстро поднимается, пахло лесным воздухом, мы выбрали на узкую полосу опушки.

Сэр Смит со стоном повалился на землю. Лицо бледное, как у поэта, в усы красиво вплелась зелень, доспехи в разводах грязи. Граф Эбергард дышит тяжело, с хрипами, я слышу, как у него в груди сипит и клокочет, однако он первым собрался с силами и сказал ясным, жестким голосом:

— Всем малый отдых на чистку доспехов! Мы должны уйти в лес раньше, чем погоня выйдет на след.

Я подумал измученно, что можно бы сделать несколько шагов и все-таки войти в лес под защиту многоэтажного навеса из ветвей, но взглянул на небо, где гус-

той, как кисель, туман откусывает наконечник поднятого вверх копыа, смолчал.

Над нами пролетела птица размером с дрофу. Такие вроде бы не летают так вот легко, каждый взмах крыла дается с трудом, а эта даже крылья растопырила, как орел над восходящими потоками. Мне почудилось, что она присматривается к нам, руки сами метнулись к луку, но едва я выхватил стрелу, птица хрипло каркнула и пошла вверх, отчаянно работая крыльями.

Я не стал стрелять вслед, вдруг да не знает, на какую высоту бьет мой лук, пусть лучше боится любого выстрела. Граф Эбергард взглянул с одобрением, как мне показалось, но ничего не сказал, лицо остается таким же гранитно-неподвижным.

Пес, наконец-то получив разрешение показать себя в роли охотника, унесся в лес. Рыцари снимали железо, всю одежду, не стесняясь единственной дамы, да и леди Ингрид тоже отошла за ближайшие кусты и разделась донага. Все прекрасно видели ее белое тело за тонкими веточками, но приличия соблюдены, обе стороны молчаливо делают вид, что нас разделяет крепостная стена.

Впрочем, Эбергард распорядился выставить стражу, Дилан с двумя такими же молодыми, но уже опытными воинами, голышом зорко смотрел за лесом, пока его доспехи отмывали от грязи. Они закричали предостерегающе, когда затрещали кусты, в нашу сторону двигается нечто огромное, тяжелое, сопящее...

Уже все разобрали оружие, когда зелень раздвинулась, из кустов показался толстый зад Пса. Он тащил, упираясь всеми четырьмя, такого огромного быка, что Смит едва не выронил меч от удивления.

— Это же балунский бык!.. У него мясо, как у новорожденного ягненка!.. Сэр Ричард, что у вас за собачка! Можно я ее поцелую?

— Не балуйте животное, — ответил я. — Лучше распорядитесь.... гм... насчет трапезы. Я своему псу готовить не доверяю, вечно не дожаривает.

— Правильный пес, — заметил Эбергард. — В полевых условиях и мужчины должны есть недожаренное, чтобы злее быть...

Быка освежевали и целиком зажарили над углями, для этого пришлось насадить на тонкий ствол дерева и поворачивать то одним боком, то другим почти час. Пока жадно восполняли силы горячим пахнущим мясом, вдоль кромки леса сохли неопрятные груды железа, похожие на огромные кротовьи кучи.

Одежда высохла быстро, а кто отжал слабо, тому вскоре пришлось надеть мокрое: граф Эбергард нетерпеливо покрикивал, через полчаса снова на конях, въехали в лес, порядок прежний: пятеро во главе с Диланом впереди, наша пятерка в центре, остальные прикрывают тыл.

Так прошли весь день, заночевали на прикрытой ветвями поляне, но почти не спали, окружив стоянку святым кругом от нежити и ночными дозорами от людей, с утра позавтракали плотно и снова почти весь день без перерыва, если не считать короткие остановки, чтобы напоить коней и дать им чуть отдохнуть.

Граф Эбергард начал тревожиться, приподнимался в стременах и долго всматривался в дорогу, где мы проехали несколько часов назад, а граф Мемель, напротив, больше посматривал в небо, где облака бегут быстро-быстро, часто закрывая солнце.

— Колючка на седле? — поинтересовался я. — Или что-то другое, что бывает от сидячей работы...

Эбергард не понял, ответил очень серьезно, как все, что он говорил или делал:

— Не вижу погони.

— Это плохо? — спросил я саркастически.

— Очень, — отрезал он. — Я предпочел бы врага за спиной, чем впереди.

За это время он похудел, но это выглядит не похудением, а подсушкой, когда именитые спортсмены сгоняют перед трудными соревнованиями лишний жирок, но тугие мышцы остаются нетронутыми, только рельефнеют. Во всяком случае, лицо стало жестче, скулы и подбородок заострились, глаза смотрят все так же настороженно.

— Надо учитывать все возможности, — напомнил он. — Против нас направлены... немалые силы.

Граф Мемель восхитился:

— Как вы изящно! Немалые, надо же... А мне кажется, что наш крохотный отряд бросились останавливать все силы королевства. И даже того, земли которого мы только что покинули. В этом есть только один светлый момент...

— Какой же? — поинтересовался сэр Смит.

— Мы всех оставили далеко позади, — сообщил граф Мемель победно. — Благодаря великолепному маневру сэра Ричарда, который потащил нас через это ужасное болото, противника пустили по ложному следу. Мы выиграли у них по меньшей мере пару суток! А это немало. Пока снова найдут наш след, будем уже далеко.

Граф Эбергард бросил в мою сторону косой взгляд, он не столь высокого мнения о моей способности замечать следы, буркнул с неудовольствием:

— Не слишком ли благостная картина?

— А что вас беспокоит? — спросил граф Мемель.

— За нами послали не крестьян с кольями, — сообщил граф Эбергард.

— Догадываюсь, — ответил граф Мемель ласково.

— С ними не только следопыты и умелые бойцы, — напомнил граф Эбергард, — но и темные монахи.

Граф Мемель потемнел лицом, ехал нахохленный,

посматривал искоса, словно эти монахи исчезнут, если о них не упоминать. Я чувствовал, что и у меня настроение испортилось: монахи владеют недобрым искусством смотреть через глаза птиц, и хотя это трудно, но если знать куда смотреть, то увидеть можно многое. Да и вообще, кто знает, как они могут связаться с теми собратьями, что разбросаны по королевствам, найти тех, кто как раз впереди, а они постараются нас встретить...

Глава 3

Я никогда еще не видел такого странного заката, как будто широкая радуга пролегла через все небо от востока до запада: широкая полоса светло-зеленого, что плавно переходит в желтый, оранжевый, красный, багровый и наконец — широкая полоса малинового цвета, лиловости, что опускается к черной земле, и в этой странной неземной лиловости жутко плывет желто-красный шар, весь в продольных полосах, как Юпитер.

С первого взгляда я даже не врубился, заходящее солнце надело такую личину или рано поднявшаяся луна. Граф Эбергард и Смит держатся от меня на таком расстоянии, чтобы успели остановить, если я задумаю какую-то дурость, передовая тройка рыцарей держится далеко впереди, все мы стараемся двигаться лесными тропками, не выезжая на открытые пространства.

Пес рыскал в кустах, Дилан с двумя рыцарями уже подыскивал место, где остановиться на ночь. От них и донесся предостерегающий крик:

— Тревога!.. Впереди враг!

Мы втроем с осторожностью проехали между деревьями к краю леса. В просветы между темными деревьями мир кажется ярче. Там по залитой красным, словно свежепролитой кровью, равнине в нашу сторону мчится отряд легкой конницы. Я сразу отметил сухость и тон-

коногость коней, настоящие скакуны, не тяжелые рыцарские кони, от этих нам не уйти... если самим не устроить засаду.

Напрягая зрение, я всматривался в их лица, суровые и самоуверенные, их посадку, тоже не рыцарски окостенелую. Вертятся в седлах, оглядываются, переговариваются. Каждый выглядит, как переодетый принц, но все от осознания своей исключительности, ведь они — лучшие, никогда не знают поражений, втопчут в землю любого...

Сзади слышался конский храп. Смит, Эбергард, Мемель спешили и, отодвигая ветви кустов, всматривались в приближающийся отряд. Наконец Смит воинственно всхрапнул, усы встопорщились, как у драчливого кота, с лязгом потащил из ножен меч, уже не бастард, с синеватым лезвием из дорогой стали, изящный по форме и украшенный камнями.

— Ударим во фланг, — заявил он мужественным голосом. — Они проскачут по этой дороге. Не успеют повернуть коней, как мы врубимся... Красота!

Остальные рыцари дружным гулом поддержали победителя Каталаунского турнира, однако граф Эбергард сказал раздраженно:

— Прекратите, сэр Смит.

Смит спросил с неудовольствием:

— А что я сказал не так? Просто опередил вас чуть, за что приношу свои глубочайшие извинения.

— Вы можете опередить меня только в рубке дров, — отрезал Эбергард, — да и то вряд ли. Вы собой сперва научитесь управлять, а потом думайте об отряде... Пусть скажут, мы не должны себя выказывать.

Мемель добавил ядовито:

— ...во всей дури.

Смит воскликнул, поддержанный негромким ропотом остальных рыцарей:

— Как? Упустить такую возможность внезапного удара?

— И проиграть войну, — ответил Эбергард злее, — потому что какому-то олуху восхотелось выиграть незначительную схватку?

Смит с обнаженным мечом сделал шаг в сторону графа. Я сказал строго:

— Сэр Смит, меч в ножны!.. Вот так. При всей моей... глубочайшей симпатии к графу Эбергарду вынужден заметить, что он в данном случае прав, как это ни странно. С противником едут, как сейчас хорошо видно, двое темных монахов. Как бы внезапно мы ни напали, те могут успеть передать остальным, где мы находимся.

Затаившись, мы наблюдали, как эти головорезы на прекрасных легких конях проскакали мимо. Граф Эбергард с облегчением вздохнул, он видел, как и я, что достаточно кому-то в отряде было повернуть голову и всмотреться в лес, нас обязательно выдал бы либо блеск доспехов, либо яркое пятно на моем черном плаще.

— Это наемники, — определил он. — Сброд, которому посулили большие деньги за голову его светлости Легольса. Это значит, сейчас даже те, кто роется в земле в поисках кладов, садятся на коней и, сбившись в отряды, пытаются заработать золото быстрее.

Граф Мемель приподнялся на цыпочки, придерживая ветки кустов.

— Скажут, — сказал он, — в том направлении, откуда мы... Значит, полагают, что болото мы все-таки пройти можем. Но не догадываются, что мы его уже прошли. Граф Эбергард, вы были правы, когда не дали устроить ночевку на краю болота, а погнали в лес, в лес...

Граф Эбергард отмахнулся.

— По коням!

Все, в том числе и сэр Смит, начали взбираться в седла.

Заночевали в глубине леса, снова отгородившись как святыми молитвами Кадфаэля, так и всеми защитными амулетами, которыми снабжены рыцари, граф Эбергард с Мемелем и даже сэр Смит. Леди Ингрид поколдовала над своим амулетом, который, по ее словам, дает защиту от всяких подземных гадов и ядовитых змей, а Брайан сообщил, что если положить на землю волосаную веревку, то ни одна змея или ящерица не переползет такую страшную для них преграду.

И снова рано утром, наскоро позавтракав, все в седлах. По желтому ковру из листьев толщиной в ладонь кони ступают беззвучно, словно плывут по воздуху. Деревья двигаются навстречу и расступаются почтительно недвижимые, спокойные, и только высоко-высоко в самых вершинках иногда шелестит ветерок.

Когда выехали на открытое место, я все поглядывал в необъятное небо, а сэр Смит хмуро смотрел в сторону небольшой рощи, я услышал, как он выругался сквозь зубы.

— Что-то стряслось? — спросил я.

— Да так, — буркнул он. — Не люблю, когда такие деревья растут на песке, словно сосны.

Я чувствовал себя дураком, для меня все деревья растут на земле, а кто какую почву предпочитает — это уже высшая математика. Граф Эбергард услышал, обернулся, я видел, с каким вниманием он оглядел рощу.

— Да, — согласился он, — ночевать от таких деревьев лучше подальше. Я не знаю, чем или кем станут при лунном свете, но и сейчас что-то не нравятся.

Подъехал граф Мемель и тоже обронил несколько замечаний, всем понятных, кроме меня, такого тупого, что не видит ловушки, хотя та разверзлась прямо у ног.

Этот день тоже провели в седлах, если не считать, что пересаживались с коня на коня, останавливались на короткие водопои и снова мчались экономным галопом, как вчера, как позавчера. Зеленая степь часто возбу-

гривалась холмами, а когда они опадали, снова тянулась равнина, я замечал, что трава становится суше. Цвет из сочно-зеленого постепенно переходит в желтый, а солнце жжет голову и плечи все сильнее.

Небольшие рощи отважно держат оборону наступающей степи, кое-где даже теснят, отвоевывают пространство, я заметил, что полностью исчезли угрюмые сосны и ели, зато много клена, бука, дуба. Граф Эбергард поглядывал на небо, я думал, что замечает птиц, и всякий раз хватался за лук, он наконец соизволил заметить мои судорожные движения и обронил:

— Похоже, приближается южный ветер... Здесь его называют самумом.

— И что? — спросил я. — Зарыться в песок и переждать?

Он покачал головой.

— Не думаю, что столь сильный. Но лица придется платками закрыть. Песчинки бывают крупные, лицо до крови обдерут.

А Мемель добавил с осторожностью:

— Надо только ехать поближе к лесу.

Через полчаса я сам увидел, как желто-оранжевое облако почему-то опустилось на землю и мчится в нашу сторону со скоростью скачущего табуна. Граф Эбергард заметил тоже, рявкнул злым голосом, и мы поспешно сдвинулись с опушки леса в его чашу.

Я оглянулся на приближающуюся бурю, очень зримо из-за тучи крутящегося в ней, как в центрифуге, крупнозернистого песка, устрашенно велел Псу лечь и закрыть глаза. Сам зажмурился за секунду до того, как жуткий шелест обрушился со всех сторон. Кто-то вскрикнул, другой голос выругался, заржали кони, пытаюсь сбросить с глаз привязанные платки.

По мне стучали, как мне показалось, не только песчинки, но и мелкая галька. Все длилось не больше ми-

нуты, я лежал, укрывая собой Пса, затем раздался властный голос Эбергарда:

— Подъем!.. Это была не буря...

Я осторожно открыл глаза, на миг решил, что неведомая сила перенесла нас в другое место. Деревья голые, будто гусеницы сожрали все листья, а потом передохли с голоду, земля черная, слегка присыпанная желтыми крупинками.

Рыцари медленно вставали с земли, лязгали поднимаемые забрала. Сэр Смит с руганью отплеывался, песок набился даже под шлем. Мемель торопливо расстегивал ремни, Эбергард вздохнул и велел всем вытряхнуть песок, но сделать это быстро. К счастью, то была не песчаная буря, а так, небольшое облачко. Правда, песок золотой, что хорошо, бывают бури из железных песчинок, а то и вовсе из таких крупинок, что царапаются сильнее алмазных. Те и доспехи иссекли бы начисто, а от коней остались бы одни скелеты.

Кони жалобно ржали, у многих до крови ободраны те места, которые не удалось укрыть одеялами и попонами. Эбергард и Мемель обошли всех. Мемель начал было договариваться насчет отдыха, но безжалостный Эбергард настоял, через полчаса мы уже выехали из леса.

На просторе над нами иногда пролетали птицы, я всякий раз хватался за лук и выпускал стрелы, чувствуя себя глупо, а то и преступно: человека убить — всегда есть за что, но когда невинная птаха, ни о каких колдунах не ведая, летит себе за червяками...

Граф Эбергард долго крепился, наконец сказал раздраженно:

— Ночи сейчас звездные, луна блестит, как начищенный таз брандирея, так что лучше нам передвигаться ночами.

Сэр Смит воскликнул оскорбленно:

— Ночами? Как нечисть?

— Как вампиры, — уточнил граф Мемель любезно. — Это они боятся солнечного света, а нечисть разгуливает свободно. Вот, помню, у нас в Гельсингфорсе...

Граф Эбергард сказал жестко:

— Личные амбиции и счета оставим на потом. Для нас главное — осуществить задуманное. Если красиво падем в бою сейчас, враг тут же сообщит, что здесь был лишь двойник его сиятельства! И, возможно, нашего господина, благородного сэра Легольса, успеют перехватить на границах герцогства. Так что мы не имеем права даже погибнуть тогда, когда изволим.

Сэр Смит с великой тоской посмотрел на закатное небо. Близкий отдых отменяется.

Закатное небо купается в крови, зловещий отблеск осветил землю. Страшно горят облака в багровом небе, луна уже взошла, однако с ужасом смотрит сквозь дым и кровь, бледная и молчаливая. На землю пал странный неземной свет, где лиловость перетекает в темную синеву, а лунный свет становится все заметнее.

Сплошная стена деревьев, освещенная с этой стороны так, что начинает казаться, будто все стволы состоят из половинок, а там дальше море извечной тьмы, проплывает всего в двух-трех шагах высеребренная лунным светом дорога, вьется по опушке, готовая в случае опасности метнуться под защиту растопыренных ветвей. Но сейчас, в ночи, Эбергард прав, лучше ехать в призрачной степи. Так светлее, и вроде бы здешние колдуны предпочитают использовать для шпионажа дневных птиц, у них глаз зорче и видят дальше, в то время как совы и летают низко, и видят только чуть ли не под их крючковатым носом.

Послышался деликатный кашель, так стараются привлечь к себе внимание, я очнулся от дум, рядом едет сэр Смит, лицо напряженное, даже усы слегка обвисли.

— Монсеньор, — сказал он негромко, — а не по за-
клятому ли месту едем?

Я дико огляделся. Степь выглядит недоброй, на-
встречу дует холодный злой ветер, в небе колючие звез-
ды, луна смотрит с середины небесного купола. Ощу-
щение бесконечности пространства нахлынуло с такой
силой, что я зябко передернул плечами.

— А чем заклятому? — спросил я тревожно.

— Ночь не кончается, — ответил он со вздохом. —
Как-то странно... Едем-едем, а как будто застыли на
месте. Вон луна даже не сдвинулась!.. Говорят, бывают
такие места, откуда не выбраться.

— А как про них узнали? — спросил я. — Кто-то ж
должен выбраться и рассказать?

Тут же понял, что вовсе не обязательно, однако от-
важный рыцарь сразу приободрился, сказал: «А я как-то
и не подумал», и уже бодрее помчался к голове отряда.
Я начал посматривать на небо с подозрением, вдруг да в
самом деле дурит. Насчет звезд мне что угодно можно
показать, я не моряк Колумба, а вот луна в самом деле
должна двигаться. Не помню, с какой стороны и в какую,
но точно помню, что должна вставать из-за одного края
земли и заходить за противоположный. Правда, иногда
вечерами видел ее еще при солнечном свете почему-то
уже высоко в небе...

В ближайших кустах затрещало, что-то ухнуло, слов-
но вскрикнул филин размером с копну сена. Деревья
тревожно зашумели, по верхушкам прошелестел ночной
ветер. Рыцари ухватились за мечи и копья, граф Эбер-
гард вскрикнул предостерегающе, и весь отряд сдвинул-
ся на обочину, стараясь держаться подальше от темной
стены деревьев.

— Думаю, — сказал я сэру Смиуту, — это с непривы-
чки. Первая ночь, когда не спим, а двигаемся, как про-
клятые Господом.

— Хорошо бы, — ответил он со вздохом. — Эх, как все было просто в Каталауне!

Рассвета так и не дождались, остановились на отдых и короткий сон, а когда раскрыли глаза, солнце уже карабкалось к зениту. Все чувствовали себя несколько виноватыми, набросились на стражей, почему не разбудили, наскоро позавтракали и снова в седла.

Вскоре далеко на дороге показалось медленно ползущее навстречу пятнышко, разросло до группы всадников. Следом тянутся повозки и подводы, донесся надсадный скрип колес. Граф Эбергард рявкнул и коротко взмахнул дланью. Передовая пятерка рыцарей пришпорила коней, за ними за клубилось облако удушливой желтой пыли.

Мы двигались прежним аллюром, а когда сблизились, остановили коней: на пустынной дороге немислимо пройти мимо, что привычно в перенаселенном городе. Поприветствовали друг друга. Мы — высокомерно, нас приветствовали кротко и смиренно, хоть и с достоинством, не очень-то видным заносчивым рыцарским взглядам.

На подводах, как я заметил, груды церковной утвари, монахи на телегах и в повозках, пятеро на шустрых мулах, а на конях ребята не церковного склада: быстрые, с плутоватыми рожами, веселые, сразу засыпавшие нас кучей вопросов.

Граф Эбергард тут же выдвинулся вперед, принимая разговор на себя, граф Мемель тоже встал рядом, однако двое монахов, заметив черный плащ со вздыбленным золотым конем, ловко обошли их и низко поклонились мне.

— Печальная весть достигла нашего монастыря, — сказал один с непритворной скорбью. — Наш отец, доблестный Велизариус, преставился и сейчас держит ответ перед нашим Господом...

Кадфаэль спросил с почтительным любопытством:

— А вы из какой обители?

Монах поклонился, произнес с достоинством:

— Мы свидетели Иеговы.

— А что, — спросил я, — Иегова уже женился?

Второй, высокий и костлявый, с худым жестким лицом, бросил на меня желчный взгляд, спросил резким, как отточенный нож, голосом:

— А вы, благородный сэр, как я понял, едете в герцогство, дабы занять освободившийся престол?

Граф Эбергард развернулся, лицо вытянулось, в глазах заблестали молнии. Он сделал знак за спинами монахов, что, дескать, закрой рот и не пытайся отвечать, мы с графом Мемелем ответим за тебя, дурак. Граф Мемель уже начал объезжать монахов сбоку, кашлянул, стараясь привлечь их внимание.

Я ответил с достоинством:

— Это мой долг, как наследника, братья во Христе.

Худой монах сказал требовательно:

— Но мы, как слышали, хоть это и не приятно вашему слуху, что вы проводили время в непотребных гулянках, пирах да охоте на бедного зверя?

Я выслушал, ответил кротко, не обращая внимания на отчаянно подающего знаки графа Эбергарда:

— Вы ведь тоже в семинарии... не скажу, что буяните, но, скажем мягко, у вас несколько другой образ жизни... Признайтесь, ребята, когда нет обязанностей, а только занудная учеба, у вас откуда-то и винцо, и девки, и уйма свободного времени, чтобы погорланить песни?.. Не всегда.. э-э... церковные?

Они переглянулись, что-то промелькнуло в суровых лицах, как если бы внезапный порыв ветра смахнул толстый слой серого пепла, и сверкнули последние искры, старший ответил сурово:

— В семинарии проводим время только в учебе, постах и молитвах!

— Я тоже, — ответил я кротко. — В учебе, постах и молитвах. Если отвечать с той же откровенностью, как отвечаете вы. Но в любом случае, вы, приняв сан, возложили на себя всю тяжесть мирских грехов и вот теперь горбитесь под их грузом. Вы стали другими людьми, даже если кто не хотел. Те беспечные ребята, какими были вы в семинарии, это совсем другие люди, верно?

Граф Эбергард бледнел, дергался, порывался вмешаться в разговор, но дорогу ему загородил сэр Смит, а в графа Мемеля вцепился брат Кадфаэль и что-то быстро-быстро говорил, часто и бурно жестикулируя. Монахи снова переглянулись, второй что-то шепнул каланче, тот кивнул с явным одобрением. Старший из монахов внимательно всматривался в мое лицо, черные глаза поблескивают в тени капюшона, как спелые ягоды смородины.

— И вы, ваша светлость, готовы принять на свои плечи тяжесть герцогской короны?

— Вас тоже не спрашивали, — отпарировал я, — готовы или не готовы. Закончили семинарию, вам сунули сан в зубы и отправили пахать и пахать... быстро зарастающее сорняком поле человеческих душ! Кончилась беспечная учеба, верно? Готов я или не готов, но приму корону и вместе с нею — заботы о справедливом устройстве, о поддержании мира и благополучия... а для этого придется забыть о собственных пирах и развлечениях, ибо жизнь школяра и взрослого человека отличается весьма и весьма! Но это я уже повторяюсь, а вы, люди умные и грамотные, на лету все хватаете, как моя собака кусок мяса, верно?

Монахи посовещались, старший поклонился, но взгляд оставался таким же испытующим:

— Ваша светлость, если вы покажете себя справедливым и достойным монархом, церковь поддержит все ваши начинания в справедливом обустройстве герцогства.

Я отмерил ему такой же точно по учтивости поклон:

— Все мы равны перед Богом, несмотря на различия перед людьми. Но эти различия не столь велики, как кажутся. Или как мы стараемся это показать. Потому я с великой благодарностью принимаю вашу поддержку... и обещаю вести дела герцогства так, чтобы всякий достойный человек хотел жить в нем, а недостойный — был понуждаем жить достойно.

Они тоже поклонились, всадники подали знак трогаться, телеги заскрипели плохо смазанными осями, весь караван потащился дальше, а мы двинулись своей дорогой. Трое рыцарей снова помчались вперед, я некоторое время говорил о пустяках с сэром Смитом, затем он решил проверить дела в арьергарде, а со мной поравнялся граф Эбергард. Некоторое время ехал рядом, глядя вперед, суровый и прямой, будто вырезанный из доски. Лицо не просто неподвижное, а застывшее в маске холодного высокомерия крупного государственного деятеля, у которого нет времени на мелкие житейские дела.

Я тоже помалкивал, подумаешь, я тоже могу еще и не такое, у меня лицевые мускулы еще те, могу изобразить такое, что ни один клоун не сумеет, но сейчас вот изображаю на лице мудрую отрешенность Меттерлинка. Или Меттерниха, кто их там разберет.

— Сэр Ричард, — проговорил он деревянным голосом, так говорил бы безукоризненный манекен, — вы подвергли всех нас большому риску.

— Да ну? — ответил я.

— Да, сэр Ричард. Неоправданно было пускаться с монахами в такие глубокие... Достаточно было милосердие улыбаться и кивать. В нужных местах мы ответили бы за вас.

Я пожал плечами.

— Ну так кто вам мешал? А я приучен отвечать, если обращаются прямо ко мне. Вежливый я, можете себе

такое представить? Хотя это и не совсем по-рыцарски... в вашем понимании, конечно.

Он ехал некоторое время рядом, на его бесстрастном лице я прочел, однако, что вот такую глупость, как моя вежливость, он представить ну никак не может, потом проронил так же сухо:

— Впрочем, вы их приятно удивили.

Конь под ним дернулся, в лихом галопе пошел вперед, унося графа к передовой тройке. Там они поговорили с графом Мемелем, я подумал вяло, что и вас, братцы графья, я удивил тоже, только не признаетесь, что мне вообще-то до лампочки, которую здесь уже позабыли и которую когда-то изобретут заново. Как говорил присутствовавший при том печальный Экклезиаст насчет ветров, что дуют и дуют, а потом возвращаются на круги своя и снова дуют без всякого толку.

Глава 4

За деревьями блеснула красным крыша, я насторожился: черепичная, откуда в такой глуши, да и домик слишком ухоженный, таких не бывает в лесу. Здесь либо охотничьи избушки, либо хитро запрятанные жилища колдунов, мимо них проедешь рядом и не заметишь, а эта как будто зазывает...

Я вскинул руку, останавливая отряд. Двое из рыцарей вроде бы сунулись мимо, игнорируя предупреждение, но сэр Смит засопел грозно, вытащил меч и встал у них на пути. Граф Эбергард сердито крикнул сзади, рыцари посверкали глазами на Смита, дескать, хоть ты и победитель турнира, но и мы чего-то стоим, и если бы не приказ нашего лорда...

Нет никакого хозяйства, отметил я, ни коровы, ни коз, ни даже свиней. Правда, в лесу с живностью пришлось бы непросто, но нет и огорода, грядок... Вообще

нет вокруг дома утоптанной земли, как бывает всегда в обжитом месте! Более того, нет ни единой тропки, что вела бы к ручью или роднику. Не дождевой же водой живет хозяин?

Я обернулся, велел коротко:

— Пойду один. Если надо, позову. Сэр Смит, оставайтесь за старшего. Если кто-то сунется в нарушение моего приказа, рубите без колебаний. Даже если это будут графы Эбергард и Мемель.

Сэр Смит вытащил меч, зловеще оскалился и пообещал с нажимом:

— С превеликим удовольствием, монсеньор!

Я подошел к дому, держа руку на рукояти меча. От стен пахнет свежим деревом, будто дом только что собрали, окна раскрыты, но с той стороны задернуты занавесками. Простыми, с незатейливым рисунком, изображены не то петушки, не то гуси, я не орнитолог, вижу только, что птицы.

— Есть кто-нибудь? — спросил я громко.

Изнутри как будто донесся шорох. Я начал обходить домик, дверь с небольшим крылечком обнаружилась с другой стороны. Смутная тревога заставила встопорщиться волосы на руках и загровке: крылечко упирается последней ступенькой в ствол молоденькой березки. Не ахти какое препятствие, но никто не поставит избу вот так нелепо.

Я поднялся сбоку по ступенькам, постучал в дверь, ответа не дождался, толкнул. Отворилась с тем характерным скрипом, который оставляют нарочито, чтобы предупреждал хозяина о вторжении.

Вся внутренность избушки состоит из одной комнаты, где узкая кровать, большой стол, заваленный книгами, два кресла и еще шкафы, заполненные старинными книгами. На кровати лежит прикрытый одеялом очень худой человек. Я не сразу его вычленил взглядом из общей картины, настолько он сух, недвижим, а седая

борода сливается по цвету с белоснежностью толстого одеяла.

Я подошел ближе, набрякшие веки с трудом поднялись. Человек стар, безумно стар, это видно сразу, хотя обычно старики где-то лет в семьдесят как бы останавливаются и остаются такими и в восемьдесят, и в девяносто, и в сто. Но этот, видно, что старше намного, очень намного. Вроде бы тот же старческий вид, что у семидесятилетнего, но что-то есть еще...

— Могу чем-то помочь? — спросил я.

Он некоторое время смотрел немигающим взором.

— Да, — ответил шелестящим голосом. — Послушай, а потом решишь...

— Минутку, — сказал я. Подошел к окну, отодвинул занавеску и крикнул громко: — Я пока разговариваю с хозяином! Если не появлюсь через час, жгите избу и уходите.

Когда я вернулся, на безжизненных губах старца проступила улыбка.

— Предусмотрительно. Садитесь, юный рыцарь... хотя вы не совсем рыцарь.

Я придвинул кресло, поинтересовался:

— Это из-за лука?

Он чуть качнул головой.

— Нет, просто я чувствую, вы не из этого мира.

Меня бросило в жар, я спросил торопливо:

— Вы это знаете? Вы знаете о моем мире? Вы сможете помочь...

Я осекся, этот человек не может помочь даже себе. Он понял по моему лицу, что мне стало стыдно и горько, сказал успокаивающе:

— Я не знаю, я чувствую. Что за мир, из которого вы прибыли... не могу представить. Просто... я чувствую весь наш мир, вижу его связи... а вас в этой картине нет. Те ваши спутники есть, а вас нет. Я могу назвать их

имена, рассказать про них все... мне открыто то, что они со стыдом скрывают даже от себя, но вас... вас нет.

Я заинтересовался на всякий случай:

— Вы знаете только то, что существует сейчас?

— Хороший вопрос, — похвалил старик. — Осторожный, в то же время сразу быка за рога. Нет, я знаю и то, что случится. Не знаю только про себя, но это удел всех колдунов, магов, чародеев и даже волшебников. Правда, теперь вот не знаю и про тебя, что очень странно... Ладно-ладно, скажу сразу: вы сумеете добраться до графства Пуатье, где вы поедете в одну сторону, а графья с рыцарями — в другую. Если, конечно, не наделаете глупостей...

Я сказал осторожно:

— Это понятно, что если вести себя мудро, то можно добиться всего. Но что в этом случае мудрость?

— Страх перед глупостью, — произнес старик внятно, — есть начало мудрости. Там, где для глупца — тупик, для мудреца — лабиринт. Помни это... и уцелеешь... А вот теперь тебе придется отплатить мне услугой за услугу...

Я насторожился.

— Какой?

— Я умираю, — ответил старик с гордостью. — Но я, покидая тело человека, хочу остаться на этой земле... и продолжать...

Он закашлялся, я оглянулся в беспомощности, в таких случаях надо давать вроде бы валидол или капать валокордин, но старик кое-как умолк, только тело еще вздрагивало, я сказал еще осторожнее:

— Но чем могу я...

— Я все подготовил, — прервал он. — Надо было раньше, но я страшился... потому что шанс один из десяти... Но сейчас уже все равно, мне остались минуты... Возьми вон те чаши... и вон тот кувшин... а теперь эту большую чашу... нужно слить все воедино... но сперва из оранжевой, затем из черной...

Я торопливо смешивал, жидкость в чаше сталаловешекрасной, в глубине заблистали крошечные молнии. Когда проходил мимо окна, крикнул, что все в порядке, пусть подождут, но в дом пока не заходят. Старик уже дышал хрипло, часто, на губах показалась розовая пена.

— Что теперь? — спросил я торопливо.

— Давай...

Он сделал движение, словно хотел взять чашу в руки, но лишь слабо шевельнул пальцами. Я поднес к его губам, он сделал глоток, поперхнулся, но огромным усилием заставил себя пить, пить и пить, пока не выпил, к моему изумлению, почти все содержимое чаши.

Я ждал, что будет дальше, старик перевел дыхание и сказал неожиданно:

— Теперь сожги здесь все...

Я покачал головой:

— А вас куда?

— Вместе со мной, — ответил он просто.

— Вы огнепоклонник? — спросил я. — Все-таки нельзя живого человека. Вы же не жена индийского раджи, что в огонь за мужем...

— Надо... сжечь, — прохрипел он. Кровавая пена запузырилась в уголках рта, затем брызнула струйка крови. Глаза тоже налились кровью, он проговорил страшным шепотом: — Жги... немедленно! Иначе я превращусь... в чудовище... Жги, здесь все подготовлено.

Я отступил к распахнутой двери, создал искру и метнул ее на роскошное одеяло. Огонь вспыхнул жаркий, яркий, я отшатнулся, ослепленный, едва не вывалился на ступеньки.

В комнате словно взорвалась бочка с бензином: в окна и дверь вырвались ревушие струи пламени, словно из сопла взлетающего истребителя. В доме раздался жуткий крик, затем треск, шум падающих стропил, обрушилась крыша, взметнулись искры.

Меня ждали на дальнем краю поляны, где и оставил, кони храпели и пробовали пятиться. Я медленно побрел к ним, как вдруг сэр Смит испуганно вскрикнул:

— Сэр Ричард!

Я торопливо обернулся, одновременно выхватывая меч. В мою сторону летел плотный сгусток огня, похожий на раскаленное докрасна пушечное ядро. Я уклонился, но огонь завис над моей головой, в треске и шуме я услышал явственно:

— Получилось!.. Получилось!.. Теперь я вечен!.. Я буду жить в огне!.. Спасибо, сэр Ричард...

— Да не за что, — пробормотал я.

— Есть, — донеслось из огня. — Теперь я знаю, нужна была не простая искра, а вот такая... созданная вами... созданная тоже из чистого огня!

Он унесся, безумно хохоча и подпрыгивая на незримых силовых волнах. Я ошалело смотрел вслед, сэр Смит подъехал, тоже посмотрел в ту сторону.

— Что это было, сэр Ричард?

— Пока еще не знаю, — задумчиво проговорил я.

Лес закончился, мы выехали на пугающе укатанную равнину. Ни единого холмика, даже трава прижимается к земле, а ближайший массив леса темнеет чуть ли не у края горизонта. Дилан и его двое рыцарей смотрят в небо, даже сэр Смит рядом со мной задрал голову. Я не сразу разглядел птицу, похожую на орла, очень высоко в небе, крылья неподвижные, как у хробойла, только по этой птахе в лучах заходящего солнца постоянно бегают искорки, словно огни святого Эльма.

Смит указал глазами ввысь и сказал со значением:

— Все еще пару ищет.

— Почему пару? — не понял я. — Это что, Левиафан с крыльями?

Смит задрал голову и ехал так, подставляя лицо со-

длечным лучам и от удовольствия шевеля драчливыми усами. Потом как-то вдруг погрузнел, будто вспомнил нечто, опустил глаза и упорно смотрел только на дорогу.

— А вы не знали эту историю?

— Нет.

— Ее знают все от мала до велика. Когда-то давным-давно появилась дивная птица в золотой чешуе и вообще похожая на рыбу, которая прошла над селением и схватила самую красивую девушку. Никто не успел опомниться, как птица унесла ее, а потом на вершине горы обнаружили растерзанное тело. Через три дня возникла снова, не прилетела, а именно возникла сразу прямо над селением, ухватила другую девушку и унесла на вершину горы.

— И ее не пробовали подстрелить? — поинтересовался я.

— Не у всех такие луки, — отпарировал Смит. — Но когда она явилась в третий раз, в нее стреляли из луков, даже успели выпустить пару болтов из арбалета. Стрелы отскакивали от чешуи, не причиняя вреда, а птица унесла девушку на вершину и снова оставила только обглоданные кости. Только великий маг Кириен, который прибыл из города на просьбы жителей, пытался организовать оборону, однако никто не знал, где внезапно появится птица, а она появлялась каждые три дня, и всякий раз хватала самую красивую девушку...

Он рассказывал и рассказывал, все звучало привычно, хоть такую легенду слышу впервые, подумалось, что насчет девушек, да еще самых красивых — вряд ли, птице ли разбираться в канонах людской красоты, сомнительно и что разделяла жертв по половому признаку. Скорее всего, хватала то, что попадется, но, во-первых, женщины чаще слоняются посреди улицы, а во-вторых, все барды — мужчины. Нам других мужчин не жалко,

меньше соперников, мужчины должны сами о себе позаботиться, а вот женщин жаль, тоже понятно почему. А что похищенные оказываются еще и самыми красивыми — так ведь самая крупная на свете та рыба, что сорвалась с крючка...

— И тогда великий маг Кириен, — продолжал сэр Смит, — решился подняться на гору, где находили останки похищенных. Он рассуждал так, что если птица умеет появляться из ниоткуда, то с добычей у нее не хватает силы туда улететь. Или, когда несет в когтях такую тяжесть, она становится уязвимой...

— Разумно, — согласился я.

Краем глаза заметил, что граф Мемель прислушивается к рассказу, только граф Эбергард даже отъехал, словно не желая слушать глупости.

— С ним на гору, — рассказывал Смит, — поднялись трое отважных охотников. Маг не ошибся: птица с добычей в когтях оказалась неповоротливой, летела медленно, и ее убили, попав стрелами и копьями в глаза, единственно уязвимое место. Убили и сожгли, а пепел развеяли. Но вскоре появилась другая дивная птица, что на людей не нападала, а только носилась всюду и жалобно кричала, звала, как догадались, убитую подругу.

Я прислушался.

— Не слышно вроде. Или я туг на ухо?

— Уже не кричит, — объяснил сэр Смит. — Это она первые сто лет кричала, звала. Ну, может двести. Или триста. А теперь только летает в высях, не может покинуть место, где исчезла подруга.

— Жалко птичку, — согласился я.

Граф Мемель посмотрел на меня с интересом.

— А людей?

— Людей тоже, — ответил я. — Хотя и меньше. Убили ее правильно, жизнь человека священна. Хотя, конечно, не любого. Есть демократы...

Дни становились все жарче, словно за сутки мы проходили не по двадцать-тридцать миль, а по тысяче. Дыхание юга чувствуется даже в том, что полностью исчезли суровые сосны и ели, деревья выглядят легкомысленно, чересчур ярко, словно попугаи, и все чаще прерываются ровными долинами, заросшими короткой травой.

Однажды мы проскочили такой кудряво-пестрый лесок и, вырвавшись на простор, оторопело остановили коней. Дальше во все стороны раскинулась ровная, как бильярдный стол, ширь: ни спрятаться, ни укрыться, ни убежать, если за нами пустятся в погоню, скажем, быстроногие волки. А судя по обилию птиц в небе: и застывших в дальней выси орлов, и хищно кружащих на средних высотах соколов, и стремительно проносящихся над верхушками трав кобчиков и ястребов — эта степь обитаема. Еще как обитаема.

Брат Кадфаэль сказал торжественно:

— Еще два дня пути — и мы вступим на границу Багровых Песков.

Холод коснулся моего спинного мозга.

— А подробнее?

Он двинул плечами.

— Известно, что край тот богат. Но часто поднимается буря, приносит багровый песок, что засыпает всех и все. Гибнут поля, пересыхают ручьи. Люди и скот, правда, уцелевают, но земля становится мертвой на несколько лет. Затем через песок пробиваются первые ростки трав, кустарника... и все начинается сначала. Известно еще, что в эти первые годы травы особенно густые, сочные и целебные. Скот в тех местах никогда не болеет и приносит по два теленка, женщины рожают без мук здоровых детей, а мужчины отличаются здоровьем и долго не стареют.

Я прислушивался краем уха, дорога тянется и тянется, счет дням потерял, едем уже почти третью неделю... если не больше, одежда истрепалась, даже на ко-

жанных брюках и сапогах появились не простые потертости, а уже откровенные дыры, оставленные то ли сучьями, то ли острыми камнями. Я научился дремать в седле, а если начинал крениться на гриву или сползать с седла, вздрагивал и успевал выровняться.

По велению многоопытного графа Эбергарда, этого у него не отнять, мы не только большей частью передвигаемся ночью, но при каждой возможности едем по руслу ручьев, где вода смывает отпечатки копыт, стараемся держаться каменистой почвы с той же целью, иногда делаем неожиданные рывки в сторону.

К великому негодованию Смита, двигаемся как последние трусы, прячемся от любого прохожего и проезжего, затаиваемся при виде обозов и пережидаем в кустах, объезжаем стороной лесорубов и даже баб, собирающих грибы или ягоды.

Наконец Смит взъярился, воскликнул патетически:

— Дорогой граф, а вам не кажется, что такое поведение хуже, чем трусость?

Эбергард взглянул мрачно, процедил холодно сквозь зубы:

— Объяснитесь.

Он не добавил «сэр Смит», в свою очередь, ответив оскорблением, но Смит то ли не обратил внимания, то ли по своей бастардности толстокож к таким нарушениям этикета, сказал с жаром:

— Это ведет к провалу всей миссии! Ведь цель была навести на ложный след? А теперь мы этот след старательно прячем?

Другие начали прислушиваться, я видел, что Смита поддерживают многие, если не все, Эбергард тоже понял, вынужденно ответил более развернуто, чем хотелось бы отвечать этому плебею:

— Вы опасаетесь, что враг нападет на след отряда его светлости Легольса? Это напрасные опасения, ибо

его светлость двигается по юго-восточной дороге, что отстоит от нашей юго-западной на триста миль!

— А наш след? — спросил Смит сварливо.

Эбергард посмотрел на него свысока с таким пренебрежением, что сэр Смит на моих глазах превратился даже не в бастарда, а в дураковатого простолюдина.

— Похоже, вы никогда не знали благородного искусства охоты. И не догадываетесь, что те следы, которые оставляем, расскажут о нас все. Отыскать их очень легко. Разница лишь в том, что враг отыскивает их с некоторым запозданием... что всякий раз дает нам время уходить вперед.

Граф Мемель кашлянул, привлекая внимание.

— Давая нам некоторое время, — заметил он сухова-то. — Увы, враг способен обучаться. Чего не скажешь о некоторых... друзьях.

Он так посмотрел на сэра Смита, что тот съезжился до размеров гнома вместе с его блестящими доспехами. И даже боевой жеребец стал вроде бы ростом с пони.

А граф Мемель уже смотрел на зеленую долину, открывающуюся за деревьями. Далеко-далеко по дороге мчится крупный отряд. Ветер относит пыль в сторону, солнце блестит на выпуклостях доспехов, на шлемах, щитах и конской сбруе.

Граф Эбергард взглянул на прячущееся за ветвями солнце.

— Нас им не видно, мы в тени и за деревьями. Идут уже не по следу. Это значит, что нас выслеживают с воздуха?

— Или просчитали общее направление, — сказал граф Мемель. — В конце концов понимают, что по этой дороге мы обязательно должны пройти через Ворота Гильфия.

Кони скачут медленно, здесь все словно двигается в тягучем клее, я успел продумать тысячу мыслей, прежде

чем отряд продвинулся в нашем направлении еще на сотню ярдов.

— Значит, — сказал я, — если пропустим их вперед, они могут добраться до этих Ворот, убедиться, что мы еще их не миновали и... устроить засаду?

— Верно, — ответил граф Эбергард. Он смотрел на меня испытующе. — Но если обнаружим себя сейчас, то они в любом случае успеют передать другим, где мы есть.

— Жаль, — заметил я, — что ваших рыцарей не обучали стрельбе из лука. И вы не знаете, что при Гастингсе лучники положили все саксонское рыцарство, не потеряв ни человека... К бою!

Рыцари вскакивали в седла, звякали опускаемые забрала. Передние взяли в руки копья, остальные обнажили мечи. Я встал за деревом и наблюдал за приближающимися всадниками.

Их около полусотни, на этот раз не сборный отряд разбойников и любителей легкой наживы, а закованная в железо панцирная конница, только что без копий, правильно, лишняя тяжесть, даже сейчас на узкой дороге держат строй...

Мелькнула трусливенькая мысль пропустить мимо, как уже делали раньше, но руки уже наложили стрелу на тетиву, я поднял лук, выждал, пока передние всадники окажутся на расстоянии выстрела, отпустил стрелу, быстро выхватил новую.

Мне кажется, никогда я не стрелял с такой скоростью. Граф Эбергард сдавленным голосом орал на сэра Смита, не позволяя высовываться, атакуем когда нужно, а не когда хочется отдельным бравым дуракам. На дороге звенело железо, кричали люди и кони, образовалась дикая свалка из упавших всадников, что потянули за собой коней, те мешают смельчакам, пытающимся перепрыгнуть или как-то прорваться к сволочи, что бьет из-за укрытия стрелами.

Я с силой выпускал стрелы в первую очередь по самым догадливым, что первыми додумались объехать завал, тем самым превратив его в длинный вал из раненых и убитых. За спиной уже оба графа орали на рыцарей, удерживая от страстного желания атаковать, руки мои устали, а исхлестанные тетивой, несмотря на защитные перчатки, пальцы стонут от боли.

Задние рыцари остановили коней, пустили их по обочине и, рассмотрев, откуда бьют стрелы, понеслись галопом, склонившись к гривам и блестя мечами. Еще с десяток рыцарей сумели наконец выбраться из завала и тоже ринулись вторым потоком.

Я успел выпустить еще с дюжину стрел, затем ухватил молот и бросил в голову летящего на меня рыцаря. Почти в тот же миг за спиной раздался мощный рев, загремело железо, и стальная лава наших отважных дураков ринулась навстречу оторопевшему противнику. Я поймал молот, бросил еще дважды, выбирая самых могучих, снова ухватил лук, это оружие менее убойное, но более скорострельное, вышел из-за дерева и начал стрелять в открытую.

Железо на поле схватки звенит так, словно сотня молотобойцев с силой бьют по листам металла. Сухой стук, с каким мечи бьют по щитам, почти не слышен, зато удары по шлемам, панцирям, плечевым пластинам разносятся по всему лесу, пугая зверей человеческой яростью, что куда более темная и звериная, чем нехитрая зверячья. Почти никто не вскрикивал от боли, получая даже смертельную рану, а все кричали от ярости, от злобы, от жажды рассечь голову, увидеть, как острое железо раскалывает мозг, взрезает грудную клетку, как в страхе трепыхается обнаженное сердце, как бессильно вываливается скользкая печень.

Один на моих глазах сумел добраться до горла противника и впился зубами. Я едва не всадил стрелу в

спину, но в последний миг сообразил, что это свой. Ему можно, ну куда мы без двойных стандартов...

Лишь трое всадников повернули коней и мчались прочь от схватки по той же дороге. Двое в темных монашеских сутанах, третий в дорогой одежде вельможи, но я отчетливо видел вокруг него темное облачко, словно роится плотная туча мошкар.

На дороге наши рыцари под руководством графа Эбергарда умело ломают сопротивление оставшихся, сэр Смит ворвался в гущу вражеских рядов, его меч сверкает как молния и с нечеловеческой силой обрушивается на закованные в железо головы.

Я сцепил зубы, не успеваю заживлять ссадины на пальцах, стрелы срываются с тетивы одна за другой, сбоку появился бледный Кадфаэль, ухватился за столб дерева и сполз на землю.

— Сейчас закончится, — крикнул я подбадривающее.

Мои стрелы били всех, кто имел неосторожность повернуться ко мне боком или опустить щит, рыцари Эбергарда чаще всего добивали раненых, железо звенело все тише, победные крики все громче, наконец последние уцелевшие побросали мечи и вскинули руки.

— Сдаемся, сдаемся!

— Прекратить бой! — прокричал граф Эбергард. — Прекратить бой!..

Рыцари опускали мечи и отступали, но я видел, как зло сверкают глаза, а пальцы сжимают оружие. Впервые дрогнуло и начало рассыпаться рыцарское братство, когда все рыцари — единая общность, почти народ со своей отдельной культурой, обычаями и даже языком куртуазности.

Я убрал лук, сделал несколько шагов. Брат Кадфаэль сказал в спину слабо:

— Ричард... я удерживал тех... сколько мог. Но не дать им уйти не сумел...

Он слабо улыбался, я с острым чувством вины сообразил наконец, что бледный Кадфаэль вовсе не потому, что увидел, как одни христиане режут других христиан. Он вел свой бой с двумя сильными колдунами, что явно пытались что-то сделать с нами, выиграть бой еще до начала, но не удалось, и лишь тогда пустились удирать...

— Спасибо, — сказал я. — И этой победой мы обязаны тебе.

Когда я подошел ближе, один из пленных рыцарей, что сидел на земле, посмотрел на меня злобно и сказал громко:

— Этот трус, что прятался за деревом, и есть ваш Легольс?

Блеснула сталь, острый меч ударил в основание шеи. Голова скатилась, из обрубка хлынул багровый поток крови. Сэр Смит, сам багровый от ярости, показал острие меча остальным, что застыли, не веря глазам, и сказал дрожащим от ярости голосом:

— Наш монсеньор в который раз приносит нам победу!.. Кто еще посмеет назвать его трусом? Пусть берет меч, у нас будет честный бой!

Я сказал резко:

— Меч в ножны, сэр Смит! Честный бой только с честными рыцарями, а не с этой наемной швалью. Мы подумаем, что с ними делать. Возможно, повесим в этом лесу, здесь свободных сучьев хватит... Сэр Эбергард, что с нашими людьми?

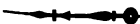
Граф покачал головой. Грудь вздымается, а когда он поднял забрало, я увидел покрытое каплями пота бледное, изнуренное лицо.

— Плохо, — ответил он хрипло. — Четверо тяжело ранены, остальные легко.

— А вы?

Он отмахнулся.

— Только доспехи помяты. Да пара ссадин.

Я поспешил к раненым, их усадили, а кого и уложили в тени деревьев. Я трогал каждому лоб, благодарил за службу, и, когда обошел всех, у самого звенело в ушах, сердце замерзло, зубы стучат, в глазах плавают темные пятна. На этот раз, контролируя себя, я двух особо тяжело раненных вытащил почти с порога смерти, двух чуть-чуть подлечил, легкораненых не стал трогать, на таких молодых заживет, как на дворянях.

Кадфаэль, поглядывая на меня с тревогой, кое-как развел костер, вытащил сумку с продуктами. Я сел так, что почти вплез в огонь, обеими руками ухватил огромный ломоть ветчины и пожирал его, как умирающий с голоду волк.

На меня посматривали странно, но никто ничего не сказал, устраивали раненых, обирали побежденных, кто-то громко жалел, кто среди пленных нет женщин, а то бы по праву войны... Я смолчал, что на Юге, где вроде бы более продвинутые нравы, в смысле, общечеловеческие, это соображение не остановило бы, равноправие полов в действии...

Граф подошел, навис как статуя на острове Пасхи над островитянином, лицо такое же вытянутое и уже снова окаменевшее.

— Здесь вблизи небольшой городок, — сообщил он. — Граф Мемель предложил оставить раненых там.

— Светлая голова у этого Мемеля, — промышал я с набитым ртом. — Нам сейчас нужна скорость, а количество мечей роли не играет.

— Почему? — спросил он, глядя сверху с оскорбительным состраданием, как смотрят на юридического.

— Враг всегда может выставить больше мечей, — пояснил я. — Воюют не числом, а умением.

Он кивнул.

— Хорошо подмечено. Кто такое сказал?

— Неважно, — буркнул я. — Можете считать себя автором.

Плечи крупно трясло, ледяная глыба во внутренностях замораживает сердце, кровь разносит кристаллики льда. Я стучал зубами и поворачивался к огню то одним, то другим боком, протягивал руки.

Эбергард вновь окинул меня задумчивым взглядом и удалился.

Глава 5

Далеко в глубине леса, а то и за лесом, требовательно прозвучал звук охотничьего рога. Некоторое время мы прислушивались в молчании, затем по верхушкам деревьев в нашу сторону пробежал стремительный ветер. Деревья закачались, затрещали, сталкиваясь, ветви. Вниз полетели сучья, способные убить человека, я услышал, как дважды громко звякнуло, кто-то выругался, кто-то коротко вскрикнул.

В нашу сторону идет некто огромный и властный. Я чувствовал исходящую от него мощь, как металлические опилки ощущают сильный магнит. Меня не притягивало и не отталкивало, я просто ощущал непомерную мощь.

Эбергард быстро оглянулся. Наши взгляды встретились, он опустил ладонь на рукоять меча.

— Вы свое дело сделали, милорд, — произнес он сухо. — Теперь наша очередь.

— Не глупите, граф, — посоветовал я. — Вы тоже свое сделали.

Деревья встряхивало, вершинки жалобно тряслись. Птицы взлетали с испуганными и жалобными криками. Я шагнул вперед, граф крикнул:

— Не вздумайте...

Я огрызнулся:

— А если неведомый великан выйдет прямо сюда, где и раненые, и пленные?

Эбергард умолк, но что-то крикнул Мемелю и пошел за мной следом. Немного погодя за нами послышались шлепающие шаги, словно нас догонял огромный гусь. Бледный и хрипящий брат Кадфаэль хватался за деревья, но догнал, мы вышли на поляну. С другой стороны на нее же вышел, раздвигая деревья, как подсолнухи, великан в три человеческих роста, с непомерно толстыми, как у динозавра, ногами, сутулый и с непропорционально маленькой головой, да и то вплюснутой, как у борца, в плечи.

В руках ни дубины, ни палицы, как я почему-то ждал, но руки напоминают стволы столетних дубов, а сам весь как вырублен целиком из гранита. Крохотные глазки сразу вспыхнули злобой, он зарычал, верхняя губа поднялась, обнажив белые клыки размером с кинжалы.

Кадфаэль бормочет молитву, граф попытался заступиться меня, но я удержал, сказал как можно громче:

— Приветствуем тебя, здоровяк!.. И завидуем. Здорово быть таким огромным? А нам не повезло...

Он остановился, рассматривая нас маленькими желтыми, как у зверя, глазами. Из пасти рвалось глухое рычание, наконец я услышал членораздельное:

— Кто... через... мой лес...

Я сказал поспешно:

— Прости, великий, мы из дальних стран, где о тебе не слышали! Но теперь мы, вернувшись, расскажем о тебе. Пусть и там знают о твоей силе, твоей мощи, твоих могучих руках и таких мускулах, что никто и представить не мог!

Великан смотрел тупо, рычание стало тише, а клыки постепенно спрятались.

— Кто... вы?

— Беглецы, — ответил я сокрушенно. — За нами погоня подлых людишек, что тебя ни во что не ставят, гады! Они сказали, что и тебя поймают, посадят в клетку и

будут возить по городам и весям, а все будут бросать в тебя камни...

Деревья трянуло от оглушающего рева, птицы с жалобными криками падали на землю, сверху сыпались опадающие с веток листья. Граф Эбергард ухватился одной рукой за ствол дерева, ладонь другой оставалась на эфесе меча.

— Позволь нам пройти, — сказал я умоляюще, — пока нас не догнали эти подлые люди, что посмели называть тебя желтым червяком! У нас раненые...

Граф кивнул Кадфаэлю, тот отступил и побежал обратно в лес. Я сказал лгство:

— Каждый мужчина мечтает быть таким, как ты!.. Но нам такое только снится, увы. Ты чем-то особым питаешься? Или травы какие-то волшебные?..

Великан прорычал все еще люто, но я различил нотку самодовольства:

— Я ем... все. Мужчины едят все!.. Не перебираем... Мы — мужчины. У нас порода такая...

— Завидую, — сказал я снова, — все мы стремимся к силе и к такому вот росту. Только не все честно и открыто это признают, как вот мы! Остальные же просто ненавидят тех, кто выше их ростом или у кого больше мускулы.

За моей спиной слышалось испуганное ржание, звон металла, приглушенные голоса, затем издали донесся сдавленный голос графа Мемеля:

— Ваша светлость, сэра Легольс!.. Те монахи, что убежали, ведут сюда еще один отряд!

— Мы сейчас догоним, — крикнул я и, обращаясь к великану, добавил: — Сейчас по нашим следам будет погоня... Мы уносим раненых, потому двигаемся медленно...

Великан прорычал люто:

— Никто здесь не пройдет!.. Это мой лес!.. Как они меня называли?

— Желтой рыбой, — подсказал я. — И земляным червяком. Уж не знаю, почему вдруг, ты своей статью подобен богам, а они...

Он снова взревел, вскинул огромные кулаки, каждый размером с сорокаведерную бочку. Мы попятились, кое-как выбрались на дорогу, там уже бледный Дилан с двумя рыцарями с трудом удерживали испуганных коней и трепещущего мула.

— Что с пленными? — спросил я.

— Едут с нами, — доложил Дилан.

— Никто не проговорился? — поинтересовался Эбергارد строго.

— Что вы, сэр!

Мы пустили коней в галоп, догоняя отряд. Эбергارد вдруг глубоко-глубоко вздохнул, словно до этого момента грудь была скована спазмами.

— Знаете ли, сэр Ричард... Я ждал, что начнем красивый и бесполезный бой с этим великаном.

— И на этом миссия кончится?

— Ну... — сказал он, глядя перед собой оловянными глазами, — бывают обстоятельства...

Я крикнул сквозь встречный ветер:

— С какой стати? Я со всеми стараюсь мирно. Вот даже... даже с вами общаюсь!

Брайан и леди Ингрид испуганно оглянулись на стук копыт моего черного зверя, я крикнул на ходу:

— Рискуете! В лапы разбойников чаще всего попадают задние.

— Мы не отстанем, — заверил Брайан.

Он что-то еще выкрикивал в спину, но я не слышал, мы догнали ядро отряда, где восьмеро пленных с самым угрюмым видом едут под некой символичной охраной. Я сразу заметил, что их пересадили на других коней. Смит тут же подъехал и доложил, что пришлось оставить такие доспехи, такие доспехи, но коней забрали всех,

как и оружие, однако беспокоиться не следует: вон крыши какого-то города, там все и оставят.

— Не убегут? — спросил я и кивнул в сторону пленных.

Он оскорбился.

— Они же дали слово!

— А-а-а, — сказал я, — так они не совсем еще оужане?.. Но ты на всякий случай присматривай, а то влияние демократии... того, понимаешь? Они признают только юридически оформленные договора. В шести экземплярах, заверенные нотариусом... Ладно, не гони так коней. Я там, в свою очередь, оставил засаду.

Смит выгнул брови.

— Засаду?

Он оглянулся на графа Эбергарда. Тот вздохнул, воздел очи к небу, но смолчал. Лицо графа оставалось донельзя напряженным, он время от времени оглядывался на покинутый лес.

Постоялый двор в этом городке невелик, понравился чистотой и той особой опрятностью, которую обеспечивает дружная семья, что содержит двор и гостиницу, не нанимая слуг. В чисто выметенном зале столы вытерты, лавки на местах, в большом камине полыхает огонь, со стороны кухни доносится запах бараньей похлебки.

Я сразу бросил золотую монету на стол, велел подать лучшее, и уже через пять минут на вертел насаживали крупного поросенка, миновавшего молочный возраст, но еще с нежной розовой шкуркой и сочным мясом.

Сэр Смит первым плюхнулся за стол.

— Раньше сядешь — больше выпьешь, — заявил он жизнерадостно. — Брат Кадфаэль, иди сюда! «Из праха создан сын человеческий, и в прах он обратится»; отчего же в таком случае нам не пить в промежутке? Года

приходят и уходят, как сказал Экклезиаст, а выпить хочется всегда...

Кадфаэль сел рядом, благо Смит похлопывает ладонью по лавке и никого вроде бы не пускает, хотя никто и не стремится сесть с ним рядом, сказал с кротким укором:

— Почему всегда? Разве можно столько пить?

— Разве я пью много? — удивился Смит. — Всего две чаши: одну первую и несколько вторых... Вон и сэр Ричард подтвердит!

Я буркнул:

— Пейте пиво пенное, будет морда здоровенная. А где остальные?

Граф Эбергард опустил за стол напротив, желваки играют, не ответил, а выплюнул зло изжеванные слова:

— Не догадываетесь? Спешно распродают добычу.

Я сказал примирительно:

— На меня не валите. Они сами дрались, рисковали жизнью, так что это не мой подарок. Другое дело, что их сеньор не сумел остановить безудержный грабеж... Кстати, вы не знаете, кто ими командует?

Он взглянул зло, но перед ним поставили широкую тарелку с тонкими ломтями жареной баранины, ноздри жадно затрепетали, вдохнул, сказал уже другим тоном:

— Граф Мемель устраивает раненых в местной лечебнице. Когда смогут держаться в седлах, вернутся уже напрямую в Пуатье. Осталось шесть моих людей...

Брайан прислушивался из-за соседнего столика, сказал несмело:

— Сэр Эбергард, рассчитывайте и на мой меч.

Граф кивнул, не поворачивая головы.

— Да, вы сражались хорошо, я видел. Умело. Итак, сэр Легольс, я надеюсь, ваш новый друг сумеет не только задержать погоню, но и... гм... а новая пойдет в обход этого леса по такой широкой дуге... Так что можем, полагаю, провести спокойную ночь.

Я покосился на хозяина, он собственноручно принес дорогое вино и расставил по столу кубки, это для него я «сэр Легольс», а от него обо мне завтра-послезавтра услышат ребята, что идут по следу.

Смит сказал жизнерадостно:

— Ну, наконец-то я хоть поем вволю! А то золотишко капает и капает, скоро некуда будет зашивать, а зачем оно, если не тратить?

Граф сказал язвительно:

— В самом деле, трудная задача?

— Часть своих денег я потратил на выпивку, — объяснил Смит серьезно, — часть на женщин, а вот остальными распорядился очень глупо, признаю.

Он умолк, повел носом. Молоденькая девчушка несла, виляя бедрами, поднос с огромным зажаренным гусем. Желтые култыпки смотрят в небо, сам гусь просел под собственной тяжестью, коричневая корочка лопнула в трех местах, нежное мясо выпускает тонкие пахучие струйки пара, мои ноздри перехватили одуряющий аромат, и желудок сразу же беспокойно завопил, напоминая, что и он бы не прочь, даже очень не прочь получить свою долю, желательно — побольше и побыстрее. Вот прямо сейчас.

Граф Эбергард скупо усмехнулся:

— Наконец-то нормальный человек.

— С чего вы взяли, что я нормальный? — возразил Смит. — Я сам с собой не разговариваю только потому, что не верю себе на слово. Просто отчего-то ощутилось, что если и дальше буду захватывать призы... то Бог рассердится. Нельзя богатеть так быстро. Нельзя!

Брат Кадфаэль сказал несмело:

— Можно, если десятину жертвовать на церковь.

— Все может быть... — проворчал Смит с набитым ртом, — и все быть может... Но только никогда не может быть того, чего и быть не может...

Слова становились все невнятные, граф Эбергард взглянул в окно, на его лицо пал странный отсвет, проступили краски. Я в непонимании обернулся, ночью все цвета — серые, жуткий холод пробрал до костей: там, на западе, восходит солнце! Настоящий рассвет, край небес окрасился розовым, красным, быстро багровеет, а на грани темной земли и раскаленного неба заискрилась, словно гигантская электросварка, слепящая искра.

— Солнце? — прошептал я. — Но почему...

Мы все замерли, глаза, как блюдца, только Кадфаэль часто крестился и шептал молитвы. Хозяин постоянного двора подошел, посмотрел, по его лицу также бегут багровые сполохи, сказал с тяжелым вздохом:

— Это не солнце.

— А что? — вырвалось у сэра Смита.

— Проклятый Низлан Яростный пробует свою мощь, — объяснил хозяин. — Придет час, освободится из подземных оков. Уже и так земля трескается, щели — любой дом провалится! А какой дым оттуда? И серой пахнет, не к добру. Все говорят, что Антихрист уже пришел, только где-то войско собирает, мощь копит...

Он умолк, лицо обрюзгло на глазах. Граф Эбергард заметил бесстрастно:

— Верно, землю начинает трясти. Даже давно погасшие вулканы начинают... просыпаться. Что ж здешние маги молчат?

Хозяин развел руками.

— Они сказали, что пусть нас спасает церковь.

— А что говорят священники?

Он вздохнул.

— Что не верим в Господа, а таким ничто не поможет. А как же насчет того, что Господь помогает всем?

Я остановил взглядом раскрывшего рот сэра Смита.

— Он помогает всем. Но сперва все же своим. А до

вас может вообще не дойти очередь. У вас хоть одна церковь в городе есть?.. А в соседних городах?

Он смолчал, вздохнул и ушел, сгорбившись и шаркая растоптанными башмаками, свято уверенный, что ему должен весь мир, а он — никому, и что весь мир и все силы должны бросаться его спасать, хотя он для этого гребаного мира и пальцем не шевельнул.

Зарево погасло, за окнами снова непроглядная ночь, окна закрывают деревья, звезд почти не видно за темными ветвями. Я подумал, что слишком уж на виду расселись за ярко освещенным столом, поднялся. Граф Эбергард хотел было встать тоже, я покачал головой.

— Граф, вы же не будете укладывать меня в постельку?

Он ответил холодно:

— Когда-то, ваша светлость, укладывал. Но в этот раз, пожалуй, готов поверить, что доберетесь до ложа без посторонней помощи.

Я подавил ухмылку, под бесстрастностью графа настоящий океан язвы, поклонился и покинул трапезную. Спать не тянет, вышел на крыльцо, но, чтобы не стоять на виду, отошел в сторону и опустил в тени на колоду.

Ночь тихая, теплая, а звезды настоящие южные — крупные, яркие. Да и сам небосвод как будто покрыт толстым черным бархатом, в то время как в северных землях больше похож на атлас. Там под тонкой тканью всегда чувствуется небесная твердь, а здесь ноги будут утопать по шиколотку в нежной неге...

Летучие мыши носятся намного чаще, чем в том же Зорре, но если там просто мыши, хоть и летучие, то здесь размером от бабочек до кабанов с крыльями, что хватают на лету и жрут не только мышей-бабочек, но и собратьев помельче. То и дело слышен отвратительный хруст, падают клочья шерсти и выплунутые коготки, как тут услышать музыку небесных сфер, не представляю.

На соседней улице музыка, слышны веселые голоса, затем донеслись шумные аплодисменты. Заинтересованный, я оторвал зад от колоды, потихоньку вышел, улочка повела в сторону перекрестка, и в это время далеко за спиной послышались торопливые шаги. Я бросил ладонь на рукоять меча, в то же время высматривал, куда спрятаться. Несмотря на потемки, зрение не подвело, включилось тепловое, между домом и забором узкая ниша. Я втиснулся, держа обнаженный меч за спиной, чтобы не выдал блеском. Посреди узкой улочки показались двое, оба с руками за полами полукафтанов, я услышал быстрый шепот:

— Ты не ошибся?

— Я тебе говорю, хозяин точно описал его приметы!

— А что будем делать...

— Ты дурак? Проследим, куда пошел, вернемся и доложим.

— Нет, если он нас заметит?

Они как раз проходили мимо, второй сказал зло:

— Ткнем ножами, только и всего! Мне своя жизнь дорога.

Первый сказал тоскливо:

— Ох, не нравится мне это... Что-то такое, что мне не по себе...

— А шесть золотых по себе?

— Жизнь, как ты сказал, и мне дороже...

Я перестал сжимать пальцы на мече, пусть идут, простые шавки, а вот кто их послал — интереснее. Мелькнула мысль догнать, прижать к стене и вырвать ответ, однако впереди открылась площадь с народом, что ночует у своих возов и пригнанного на продажу скота, я вздохнул и пошел на звуки музыки.

На перекрестке улиц двое музыкантов усердно дуют в длинные изогнутые трубы, а очень яркая женщина быстро и задорно перебирает длинными стройными ногами в зажигательном танце. Короткое платье то и дело

взлетает гораздо выше колен, но танец настолько хорош, что это вот поддразнивание лишь пикантная приправа к музыке, танцу, веселью.

В перевернутую шляпу летели монетки, зрители подбадривающе орали, свистели, громко хлопали в ладоши. Я посмотрел на счастливые лица, ни одного тупого, алчного, злого, жадного, хитрого, подлого, все как один — чистые, светлые, с божьими искрами в глазах и божественным светом на лицах. Это потом станут прежними, а сейчас совсем-совсем другие люди, которых старается вырастить церковь и на которых лучше всего действовать через одну из своих незримых, но могучих рук — искусство.

Которое спасет мир.

Возможно, спасет.

Глава 6

Вернулся я без помех, быстро скользнул через освещенное крыльцо, чтобы не подставлять себя под возможный выстрел лучника. Толстая дверь отгородила от ночной улицы, я бодро побежал вверх по лестнице, рогатые головы оленей и лосей проводили подозрительными взглядами, в глазницах поблескивают кусочки блестящего кварца, из-за чего звери выглядят живыми и даже готовыми боднуть острыми, как ножи, рогами.

Сэр Смит уже похрапывает на спине, усы красиво шевелятся под мощными выдохами, в это время рыцарь свиреп и грозен, но при каждом вдохе жалобно опускаются, и становится ясно, что все же это бастард, как ни петушится, как ни старается выглядеть грозным и величественным.

Кадфаэль в желтом пламени свечи читает книгу, у меня едва не вырвалась какая-то глупость, вроде того, что глаза испортишь, разве можно в тридцать лет знать

всю Библию назубок и ни одной женщины, давай-ка по стопарику, но удержался от высказывания демократических ценностей, молча снял перевязь и прислонил меч в ножнах у изголовья, разделся и лег на широкую лавку.

— Будешь ложиться, — напомнил одухотворенному монаху, — не забудь задуть свечу. От копеечной свечи Москва сгорела.

— Москва?

— Да, Господь Содом и Гоморру огнем залил, а Москва сама сгорела...

— Неисповедимы пути Господа, — вздохнул он.

— Неисповедимость Бога в том, — сказал я наставительно, — что он не три-един, как все думают, а пи-един. Но этого не понять тем, кто еще не достиг высоких жидомасонских ступеней.

Он сказал ошарашенно, даже несколько обалдело:

— Да, мне такое еще не понять... А что, если позволено будет спросить, следует из этого пи-единства?

— Что несмотря на неисповедимость, — сказал я голосом строгого, но мудрого наставника, — или иррациональность поступков Господа, его нужно стараться понимать, поступки нужно толковать, а заповедями нужно руководствоваться в бою, быту и в жизни. И пусть понимаем совсем не то, что он нам сказал, но все равно стараться понимать надо... хотя никогда и не поймем. Парадокс? Ничего подобного. Так младенцы не понимают действий родителя, но... если не будут стараться понять, то так и останутся дебилами, что значит — младенцами в телах взрослых мужиков.

Он мотал головой, хлопал глазами, ошеломленный и раздавленный моей жидомасонской мудростью высших посвящений.

— Брат паладин, — прошептал он, — как же я глуп... Как я страшусь своего невежества!

— Страх перед глупостью, — произнес я важно, — есть начало мудрости, как мне сказали недавно. Лучше жить тяжело, чем плохо. Запомнил?.. А теперь давай спать.

— Свечу погасить?

— Не обязательно, — ответил я щедро. — Но рассчитывай силы, утром чтобы был свеж и бодр, как огурчик. Или другой овощ, неважно.

Я отвернулся к стене и закрыл глаза. По телу разлилось тепло, поплыли первые образы, когда еще знаешь, где находишься, но уже начинаешь видеть сон, и тут с грохотом распахнулось окно, ворвался холодный ночной воздух, захлопали огромные крылья. Я развернулся, как будто меня бросили в крапиву, рука ухватила рукоять меча.

Бледная, как восковая свеча, обнаженная женщина замерла на миг в воздухе, затем огромные кожистые крылья сложились, она упала на спящего сэра Смита. Он охнул, но не проснулся, она взвизгнула, ухватила обеими руками за плечи, ее прекрасное смертельно бледное лицо приблизилось к его могучей шее, рот приоткрылся, блеснули острые клыки...

Лезвие моего меча вошло ей в бок на две ладони. Из широко распахнутого алого рта вырвался дикий визг. Я нажал, чувствуя, как железо не желает входить в тугое тело из одних мышц, за моей спиной Кадфаэль громко читал «Отче наш». Женщина изогнулась в муке, безукоризненное лицо исказилось в такой отвратительной гримасе, как может только действительно красивое лицо. Спасаясь от меча, она оттолкнулась от Смита и подпрыгнула к потолку, сдернув себя с острой полосы стали. В боку пульсирует широкая рана, я успел увидеть в глубине, как сдвигаются поврежденные органы, бешеные глаза впились в мое лицо с неистовым бешенством.

Я сказал громко:

— Изыди... от моего господина сэра Легольса! Иначе...

Она с пронзительным криком метнулась к распахнутому окну, ее занесло, ударилась плечом о раму с такой силой, что потряхнуло всю комнату. Затрещали ветки, затем все стихло, слышался только мерный храп победителя Каталаунского турнира. Кадфаэль перекрестился суетливо, как старушка, губы шлепали и никак не могли выговорить символ веры, а вытаращенные глаза со страхом смотрели на сэра Смита.

— Что... с ним?

— Как будто не знаешь, — ответил я, — спит, как коней продавши.

— Так он в самом деле их продал!

— Ну, тогда чего же боле...

Он бросился к окну, торопливо запахивал створки, а они никак не запахивались, крючок сорван, одна створка перекосилась и натужно визжала, словно ей прищемили гвоздь.

— Может... не стоило ее отпускать?

— Какой ты кровожадный, — укорил я. — Во-первых, женщина, во-вторых — красивая. Это мало? В-третьих — голая, в-четвертых — фигура просто дивная, никакого целлюлита, мышцы играют... А главное — мы запустили дезу. Брехню, если по-научному.

Он посмотрел на меня, что-то хотел сказать, но проглотил в последний момент. Я понял по укоризненному взгляду, что нехорошо подставлять под опасность другого, но в то же время монах сравнительно быстро понял, что пусть лучше гады бросаются на Смита: я сумею его защитить, а вот если они внезапно бросятся на меня, то сэр Смит может и не успеть.

Некоторое время мы смотрели на безмятежно спящего рыцаря, наконец Кадфаэль вздохнул с мудрой печалью в голосе:

— А не зря...

— Не зря, — согласился я.

Сейчас, пожалуй, только сэръ Смит мог бы не согласиться, что не зря избегали женщин. Брат Кадфаэль сотворил благодарственную молитву, сказал кротко:

— Мудрый Соломон изрек, что женщина — сосуд греха и непристойностей. Увы, если бы только так! Такой сосуд мы бы все терпели... Даже с удовольствием. Но когда еще и вот такое...

Я сказал мудро, словно вот уже готовый Соломон:

— Они все такие... Только не все меняются вот так... заметно.

Он вздохнул и сказал:

— Как грустно.

— Есть одно соображение, — сказал я уже по-деловому, — в нашу пользу... Даже не в нашу, а так... Враг явно очень силен, чудовищно силен, если может вот так перехватить какую-то вампиршу и бросить на нас. Но то ли слишком далеко, чтобы курировать каждое движение, то ли глуп... ох, как бы этого хотелось!.. но при такой чудовищной мощи допускает грубейшие ошибки. Ты, как специалист, скажи: может быть магом дебил? В смысле, круглый дурак?

Кадфаэль поморщился, сказал с неудовольствием:

— Брат паладин, я специалист, да и то небольшой, по святым книгам! А ты о какой-то нечисти...

— Не о какой-то, — вздохнул я, — этот гад очень силен. Но то ли не умен, то ли слишком далеко, не в состоянии проследить за деталями... Хорошо бы, чтобы так и дальше вляпывался мордой в лужу. А еще лучше — в стену на полной скорости.

Утром наедались впрок, в трапезной помимо нас уже пятеро гостей, все наши ко мне обращаются с подчеркнутым почтением, как к сэру Легольсу, но сэръ Смит заметил шепотом, пряча ехидную усмешку, что рыцари

в самом деле чтят меня едва ли не выше, чем подлинного Легольса. Даже граф Эбергард всякий раз посмотрит на меня, подумает, а уже потом отдает приказы рыцарям.

После вина расстелили на столе карту, граф Эбергард и граф Мемель намечали путь дальше. Подошел хозяин, заглянул через плечо Эбергарда, покачал скорбно головой.

Граф Эбергард поинтересовался с прохладцей:

— Что-то не так, любезный?

Хозяин всмотрелся в карту внимательнее и снова покачал головой.

— Вы прете навстречу гибели!.. Между соседними графствами сейчас идет война. Где бы вы ни проехали, вас обязательно сочтут за лазутчиков с другой стороны и зарубят или истыкают стрелами до того, как успеете даже вскрикнуть в свою пользу. Но если и успеете, кто поверит? Когда война не на жизнь, а на смерть, не до чужих жизней...

Сэр Смит возразил:

— Но в прошлой гостинице нам сказали, что лучше ехать через Польшу!

Хозяин сдвинул плечами.

— Хотите ехать навстречу собственной гибели — ежайте. Кто ближе к землям Торгварвилля и Кранска: сэр Асверд или я?

Я вздохнул.

— Вы ближе, вам виднее. Повторите, как добраться проще?

— Через Лиловую Долину ехать не следует, — сказал он с раздражающей обстоятельностью. — Во-первых, там вассалы лорда Торгварда, а он велел вешать всякого, кто пересечет границу. Мера оправданна, ибо в последние годы оттуда двигались только шайки разбойников. Не следует двигаться и через земли сэра Шарля де Гейбла, этот вообще хватает всех и бросает в темницы... или отправляет на виселицу.

Сэр Смит спросил с подозрением:

— А в чем между ними разница?

— Сэр Торгвард, — объяснил хозяин, — всюду объявил, что его земли временно закрыты, и потому всякий, кто пересечет, — преступник. В этих условиях к нему пока не ездят даже купцы. А лорд де Гейбл без всякого объявления хватает всех, в том числе и паломников, истязает, находя удовольствие в их мучениях...

— Понятно, — прервал я. — А как ехать надо?

— Лучше всего через Чертово Урочище. Земель справа и слева нужно избегать, как будто там пожары. К счастью, владения графа Эммануэля тянутся почти до самого океана, так что вам в путешествии будет удобно.

Брат Кадфаэль и сэр Смит переглянулись, этот хозяин постоялого двора не знает, кого мы только что похоронили и кто преследует нас даже в эту минуту, а я сказал с благодарностью:

— Сэр, вы спасли нас! Без вашей мудрой подсказки мы угодили бы прямо в середину побоища!

Он польщенно улыбался. Граф Эбергард перехватил мой взгляд, кивнул и начал сворачивать карту. Понятно, что спектакль разыгран для хозяина и всех, кто прислушивался к разговору, а на самом деле поедem через самое гибельное место.

Дорога из города повела на юг слишком уж по-северному мрачными лесами, настоящими сосновыми рощами, темными дубовыми борами, приходилось обходить жуткие завалы. Когда впереди встречались зависшие в неустойчивом равновесии на ветках подгнившие деревья, я сперва метал молот, дожидаясь, когда ствол с грохотом рухнет, лишь тогда возобновляли путь.

Граф Эбергард поглядывал на мой молот, заметил:

— Сэр Ричард, а не будет ли слишком большой наглостью попросить вас пару раз метнуть ваш боевой

молот... нам за спину? Раз уж вы не стесняетесь использовать благородное оружие древних королей с такой простолюдинной целью...

— У меня жизнь не простолюдинная, — огрызнулся я. — Да и вас, кстати, тоже, возможно, спас от падающего дерева. А зачем вам...

Осекся, все понял, что за дурак, вон граф и то додумался. Молот вырвался из моей ладони еще быстрее, чем обычно: треск, грохот, дерево легло поперек тропы, еще один бросок — второе дерево упало на первое, намертво перегородив лесную дорогу.

— Благодарю, — буркнул я с великой неохотой. — Хорошая идея вообще-то.

Он скупо улыбнулся одними глазами.

— Это потому, сэр Ричард, — произнес он почти равнодушно, — что вам не довелось работать лесорубом. И вообще вы, похоже, в лесах не воевали.

— Я вообще-то человек мирный, — напомнил я.

— Да, — согласился он, — я заметил.

Я покосился на него с подозрением, должна быть насмешка, каждый бы проехался по этому поводу, но лицо графа Эбергарда оставалось серьезным, словно в самом деле считает меня мирным, как оленя или лося.

Сэр Смит некоторое время ехал рядом, прислушиваясь к нашему разговору, не оттирает ли граф с его законного места первого друга, уже старого друга, с которым познакомились и подружились еще на оставшемся в далеком прошлом Каталаунском турнире.

Я услышал, как он выругался, начал придерживать коня, перевел на рысь. Наискось по зеленой долине течет серая река, как мне показалось на первый взгляд. Серая река из грязи, что-то подобие селя, который стекает с гор и сносит поселки, аулы, заливают жидкой грязью дороги. Но эта река течет по ровному, даже кое-где вбирается на небольшие холмики.

— Ахоры, — сказал Эбергард с отвращением. — Черт бы их побрал!

— Не призывайте дьявола, — напомнил брат Кадфаэль кротко. — Господь все слышит!.. Впрочем, Сатана слышит тоже.

— А как не призывать, если это его творение?

Потрясенно я смотрел на серые костлявые кустарники, похожие на шары омелы, такие же плотные, округлой формы, что медленно и с большими усилиями передвигаются, опираясь на корни. Корни уже давно не белые, как у растений, которые никогда не вытаскивают их на поверхность, а такие же серые, как ветви, и, чувствуется, очень прочные. Идут очень плотно, постоянно касаясь один другого боками, их тысячи, если не десятки тысяч, я окинул взглядом всю колонну, вернее, лаву, конец смутно угадывается за две-три мили.

— Чего это они? — спросил я.

Сэр Смит сказал равнодушно:

— Кто знает? Наверное, на старом месте жрать стало нечего. Растения, как и коровы, постоянно жрут. Только коровам трава нужна, а этим — что-то в земле. Огородники никогда по несколько лет не сеют одно и то же: земля обеднеет, урожая не даст. Потому и эти, наверное, не могут все время сидеть на одном месте. Либо помереть, либо... вот так.

Я взглянул на сэра Смита с некоторым уважением. Ишь, грамотный. Видать, пришлось незаконнорожденному коровами позаниматься. Брат Кадфаэль прочел молитву и осенил ползущие кустарники крестным знамением. Те по своей неинтеллигентности ничего не заметили, движения не замедлили. Я сказал сочувствующе:

— Господь ничего не создает зря. Бурьян — это целебное растение, свойства которого еще не открыты.

В полдень остановились напоить коней, расседлали, обтерли вспотевшие бока и животы, пустили пощипать свежую траву. Сэр Смит широким жестом расстелил на траве скатерть и выложил из мешка ковригу хлеба, два круга сыра и огромный ломоть ветчины.

— Перекусим, — сказал он жизнерадостно, — а потом и...

Дикий визг прервал его на полуслове. Из ближних кустов выскочили пестро одетые люди, кто с мечом или топором, кто с ножом, а некоторые так и вовсе размахивали палицами, дубинками, орали и мчались с таким пылом, что у меня дрогнуло сердце. Мечи со свистом покидали ножны, рыцари моментально встали в круг, заблестала на солнце острая сталь. Граф Эбергард рубился в первом ряду, а я все еще держал руку на рукояти молота, не зная, ухватиться ли за меч или же побыстрее достать лук.

Несколько человек сразу с криками боли отпрянули, трое тут же повалились под ноги с разрубленными головами, рыцари дружно сделали шаг вперед, мечи срубали наконечники копий и тут же вонзались в плоть, перерубывали топорщища, и хозяева отшатывались, получив смертельный удар.

Граф Эбергард прокричал:

— Берегите коней!.. Не дайте угнать коней!

Я наконец вытащил меч, тут же стало легче, как-то хорошо, когда кто-то отдает ясные и четкие приказы, мы наперли на толпу, уже вооруженную чуть ли не дрекольем и крестьянскими косами, оставшиеся с криками разбежались. Сэр Смит вдогонку страшно затопал ногами и заорал:

— Щас догоню!.. Щас догоню и убью!..

Народ улепетывал, прятался в кустах, пятеро рыцарей, что оставались возле коней, тут же оказались в седлах и бросились в погоню. Остальные торопливо разбирали коней, сэр Смит прокричал возбужденно:

— Сколько же им посулили за наши головы, что бросились так отчаянно?

— Да уж немало...

— Интересно, сколько? — спросил сэра Смита. — Дилан, ты бы сколько дал?

Молодой рыцарь оглядел его с головы до ног, поморщился.

— Ну, примерно восемь-девять золотых монет...

Смит обиделся:

— Да у меня только доспехи и меч столько стоят!

— А я и говорил про них, — ответил Дилан. — А что, есть что-то еще?

Трое, удирая, налетели на плетущихся в хвосте Брайана и его воинственную валькирию. Двое сразу бросились в стороны, однако третий внезапно остановился перед ними, завопил изумленно:

— Так вот же они!.. Ильяс, это же и есть те самые...

Брайан взмахнул рукой, боевой топор вылетел из его руки и с хрустом разрубил череп. Тут же Брайан развернул коня, догнал обоих и зарубил, лишь тогда вернулся к первому и протянул руку к торчащему из головы трупа топору.

Наши взгляды встретились, он вздрогнул, на лице на миг метнулся страх, но губы с заметным усилием раздвинулись, я услышал слова, полные искреннего сожаления:

— Сэр Ричард... простите... сам не знаю, что на меня нашло...

За моей спиной пробежал сэр Смит, крикнул ободряюще:

— Все правильно, сэр Брайан!..

Я молча смотрел в лицо молодого рыцаря, в его глазах виноватость, но причину ее я скорее истолковал бы, что ему неловко меня обманывать, но вот обманывает, без этого не обойтись, простите, сэр Ричард...

Ингрид молча выдернула, раскачав, топор, хладнокровно вытерла лезвие от кашицы мозгов и подала Брайану.

— Спасибо, что защитил меня!

И хотя нам всем троим ясно, что эти трое уже не нападали, и всем троим ясно, что всем троим ясно. Однако нужные слова сказаны, я молча кивнул и повернул коня в ту сторону, где мы изрубили основную группу.

Глава 7

Я покосился на сэра Смита, тот похихатывал и рассказывал молодым рыцарям, как он троих хамов ухитрился уложить всего двумя ударами, Кадфаэль посмотрел на меня с извиняющейся улыбкой: интеллигентному человеку бывает стыдно и перед собакой, а умному всегда неловко за... просто храброго.

— Пусть порадуется, — объяснил он мне кротко, — не все радости ему доступны.

— Кадфаэль, — сказал я, — что ты думаешь насчет наших загадочных спутников?

Он не стал переспрашивать, о ком я, что значит и сам считает их темными лошадками.

— Брат паладин, — сказал еще более кротко, как обращался всегда, когда не было посторонних, — ты был прав начет леди Ингрид. Она в самом деле сбежала с бароном Брайаном из родительского гнезда. Они намеревались пробираться в какой-то тихий городок, там у семьи Брайана есть не то родня, не то друзья, но что-то их напугало. Теперь они прячутся от всех и стремятся пробраться на побережье, а там сесть на корабль и отплыть... еще сами не знают куда.

— На Юг, — напомнил я.

— Да, на Юг, но не знают, куда на Юг. Им лишь бы сбежать от своих разъяренных семей.

— Монтекки и Капулетти, — сказал я с сомнением. — В смысле, родители с такой силой препятствовали их браку, что сейчас они страшатся показаться в любом населенном пункте? В смысле, городе, селе, деревне?

Он кивнул.

— Так, но это еще не все. Ее, как первую красавицу королевства, прочили в жены куда-то очень высоко. Это не совсем точно, я выловил по крупичам, кое-что сам домыслил, поставляя недостающие цветные стеклышки, но, похоже, очень близко к правде... И этот очень высокий, король или кто он там, похоже, объявил на них розыск... Хотя видел ее разве что в детстве.

— В ее или в своем?

— Да неважно, сейчас они выросли и вряд ли узнали бы друг друга.

Я поморщился.

— Знаешь, брат Кадфаэль, мне эти тайны мадридского двора как-то хуже горькой редьки. Хоть никогда не пробовал этот фрукт... или это овощ?... но что-то и пробовать не хочу, верю языкотворцу на слово. Я человек прямой, неясностей не люблю, а то и вовсе недопонимаю, мне давай готовое мнение эксперта. Извини, я прямо щас пойду и скажу им все...

Граф Эбергард собрал отряд, я видел на его лице сдержанное ликование: грабить нечего, коней тащить за собой не пришлось, отряд выступил в привычном порядке, хотя и в уменьшенном составе, четырех раненых оставили на постоялом дворе: трое впереди, пятеро в арьергарде, мы в центре... а еще двое, примкнувшие, то есть Брайан и леди Ингрид, сразу за арьергардом.

Я придержал коня. Рыцари почтительно приветствовали, я уже стал героем, а не подставной фигурой, зато Ингрид и Брайан выглядят так, что вроде бы вот-вот повернут коней и пустятся наутек.

Я спросил как можно более дружеским тоном:

— Сэр Брайан, леди Ингрид, вы ничего не хотите мне сказать?

Он замялся, а Ингрид вздрогнула, ответила поспешно:

— Нет-нет, мой лорд!.. У нас нет от вас никаких тайн.

— Простите, — ответил я с поклоном, — почудилось. Но если какие-то трудности, то обращайтесь, я всегда готов помочь... как старший брат.

Она снова вздрогнула, однако в глазах появилось новое выражение, взглянула на меня тревожно и с неясным мне ожиданием. Но я молча развернул коня и вихрем пронесся вдоль дороги, настигая Смита и Кадфаэля.

Из-за поворота последней скалы выплыл простор, мы выметнулись на него, как вырвавшиеся на свободу птицы, и замерли, не в силах даже сделать глубокий вдох.

Высокая каменная стена разрублена широким проходом почти в четверть мили, а на краях стоят по половинке круглой башни. Словно незримым лезвием разрезали башню сверху донизу строго посередине и каждую из половинок поставили на края ущелья. Я так и думал сперва, а потом пришла еще более ужасающая мысль: башню разрезали вместе с каменной грядой, а затем легко раздвинули половинки, давая проход то ли водному потоку, то ли раскаленной лаве. А может быть, и орде завоевателей.

Граф Эбергард и граф Мемель оживленно заговорили о великом Шамаре из Эдера, о Неверной башне. Эбергард даже вытащил карту, и оба тыкали пальцами, указывая, где должна быть на самом деле. Я помалкивал: в сознание не укладываются такие картинки. Мозг сразу же старается найти рациональное объяснение, но здесь его нет, а он, дурак, все бьется о стену. В самом деле идиот, никак не примет реальности, а все как эмигрант

из Одессы в Нью-Йорке: уже год здесь живу, а местный полицейский все еще не выучил наш язык!

Кони идут резво, дорога повела вдоль каменных стен. Я только вблизи ощутил, насколько они высоки. Отсюда видны темные отверстия, такие я видел на глинистом берегу, где обрыв испещрили гнездами ласточки, но здесь отверстия покрупнее, хотя не больше, чем лисьи норы.

— Кобольды, — проговорил Смит благоговейным шепотом, — это они долбали самоцветы.

— Руду, — поправил Эбергард.

— А самоцветы?

— За теми охотятся гномы. А кобольды драгоценные камни отбрасывают, чтобы благородную руду не портили.

Отвесная стена проходит мимо, словно гигантская панорама. Я рассмотрел огромные пещеры, будто ломали камень для дворцов горные великаны.

— А там?

Эбергард сдвинул плечи.

— То осталось с таких времен, что... Говорят, таких еще больше в Поднебесном Хребте. Там все изрыто, как муравьиная куча. У подножия, понятно. Наверху и камень крепче, и дышать трудно.

Я подумал, брякнул:

— А что, если какие-то из древних проделали туннель на ту сторону? Если там такие чудовищные перевалы, то проще в конце концов пробить Поднебесный насквозь...

Они переглянулись, Эбергард даже не улыбнулся, насмешка прозвучала лишь в нарочито сухом и деловом тоне:

— Там ходы никуда не ведут. В Поднебесном, как и в других горах, — остатки древних шахт. В недрах горы добывали кто золото, а кто и что-то поценнее. Если бы дорога насквозь существовала, ее давно бы отыскиали.

Так ехали полдня, Смит то и дело вырывался вперед, с жадностью рассматривал отвесные горы. Он родился и жил, как рассказывал мне еще в дни турнира, в заброшенном лесостепном краю, где земля ровная, как столешница. Даже холмы увидел только в странствиях, а вот такое нагромождение камня, даже не нагромождение, а вставшую на дыбы землю, увидел впервые.

Граф Мемель начал рассказывать о дивном городе, что однажды поднялся со дна огромного озера. Никто никогда не видел зданий такой странной формы и такой крепости: ни кирка, ни молот, ни самое крепкое зубило не могли оставить даже царапину на стенах зданий. В этих домах и прямо на улицах лежали люди такого огромного роста... здесь граф Мемель начал оглядываться, отыскал взглядом меня и сообщил, что даже я среди них выглядел бы почти карликом.

Эбергард поинтересовался, что удалось отыскать в том дивном городе, ведь раскопщики охотятся даже за отдельными могилами, а здесь целый город. Оказалось, как сообщил Мемель невесело, озеро хранило в себе столько воды, что хватило бы на небольшое море, и когда поднялось дно с этим городом, волна высотой с трехэтажный дом прошла на десятки миль, все снося, как собачьи будки, а потом вода разлилась на сотни миль. Только через несколько лет первые отважные сумели попасть в этот город на парусных лодках. Но едва начали собирать волшебные вещи, как снова дрогнула земля, в недрах заворчало, и островок с городом великанов снова ушел на дно озера.

— Эх, — воскликнул прислушивающийся к рассказу Кадфаэль, — там могли сохраниться древние библиотеки...

Мемель ответил безучастно:

— Да, могли, конечно. Но еще больше там было сокровищ, сказочных вещей... Однако вся вода, что раз-

лилась на сотни миль, хлынула обратно. Все, кто пытался как-то приспособиться, строил деревни на сваях, снова потерял все. А озеро стало еще меньше. Значит, город опустился еще глубже.

Сэр Смит вдали превратился в застывшую статую. Конь, правда, щипал чахлую травку, но рыцарь устался на каменную стену, что вершиной упирается в небо, вскинул руку к губам и так застыл.

Когда мы с Кадфаэлем приблизились, он все еще не шевелился, глаза выпучились, как у рака, и не отрывали зачарованного взгляда от в самом деле дивной картины. Чудовищные тектонические силы разорвали земную кору, этот участок приподняло давлением снизу, в то время как другую часть разлома то ли опустило в кипящую магму, то ли отодвинуло на сотню миль. И сейчас даже я, дилетант вообще-то во всем, если честно, могу сказать примерно, где силурийский период, где палеозой, а где и мезозой. Ну, пусть не точно, но кто со мной рискнет спорить, я-то хоть слова такие знаю, во всяком случае, понимаю, что значат эти цветные узкие полосы. Что значит вот та широкая внизу, сплошь белая: это меловой период. Вот какой я грамотный. А эти вот, с торчащими костями динозавров, уже поновее, поближе к нашим временам лет так миллионов на сто-двести...

— Драконы, — прошептал брат Кадфаэль, — я слышал, что есть такая порода, что живет в земле и никогда не выходит на поверхность...

Сэр Смит наконец задвигался, но с таким скрипом, будто пробыл в таком положении лет семьдесят. Откашлялся, сказал хрипло:

— А вон та желтая жила... разве не золото?

Между полосой красной глины и серым песчаником ярко сверкала в лучах солнца достаточно широкая полоса, где-то в конский рост, в которой помимо всего выступали из стены небольшие булыжники, которые

даже я определил как самородки. Остальное в жиле составляли зерна, самые мелкие с орех, другие с яблоко, а третьи с голову ребенка.

Я кивнул, заметил равнодушно:

— А вот там выше и камешки поблескивают. Не то изумруды, не то... что еще бывает зеленого цвета? Крупные, заразы...

Сэр Смит застонал в отчаянии, он напоминал лису перед свешивающимися с крыши высокого дома спелыми гроздьями винограда. Кадфаэль раскрыл требник и торопливо искал подходящую молитву или псалом.

К вечеру горы отдалились и стали ниже, дорога виляет среди пологих холмов. Слева от дороги начал вырастать мрачный замок. Приземистый, с виду как монолитный камень, крыша блестит, как новенькая. Замок расположен, как водится, на холме, однако вместо глубокого рва с водой лишь небольшая выемка. Густо заросшая чертополохом, она аккуратно опоясывает холм, указывая, где был ров. Даже остатки подъемного моста я успел заметить, хотя не мост, а почти утонувший в земле каменный бортик, на который опускались доски.

Граф Эбергард зябко повел плечами.

— Такие замки надо либо заселять, — сказал он раздраженно, — либо сносить к такой матери!.. А то заводится в них всякая погань...

Граф Мемель заметил бесстрастно:

— Хуже того: находят приют разбойники, контрабандисты, ворье, беглые преступники.

— А уж если с местной нечистью споятся... — добавил Эбергард. — Эх, дикие земли...

— Неужто никому не принадлежат? — спросил я.

Эбергард отмахнулся.

— Формально могут входить в состав земель здешнего короля, хотя он никогда не считал их своими. Их

также мог бы объявить своими король, который отсюда на востоке, но крайне недальновидно называть своими земли, которые бесполезны, удалены от дорог и городов и которые невозможно удержать силой. Так что это ничьи земли.

Темные с лиловыми краями облака, похожие на хищных рыб, застыли на западной части неба. Багровое солнце пыталось их поджечь, но лишь теряло часть жара, разбухало, медленно и безнадежно сползало к быстро темнеющему краю земли.

Эбергард скомандовал разбить лагерь для ночлега: место удобное, ручей рядом, место голое, враг не подберется тайком, а если вдруг настигнет слишком большой отряд, что маловероятно, успеем укрыться в одной из пещер.

— А как насчет ночных переходов? — поинтересовался я. — Отменяется?

— Пока нет необходимости, — ответил Эбергард вежливо. — Да и опасно в гористой местности, когда в лунном свете не увидишь сразу: тень впереди или услышь норка.

— Хорошо, — сказал я, — разбивайте лагерь, а я проедусь чуть по этим безжизненным местам, взгляну на дорогу впереди.

Он запротестовал:

— Ни в коем случае! Это опасно. А я не могу дать сопровождающих, люди устали...

Однако лицо сказало, что он и не собирается посылать со мной людей, заслуживших отдых.

— Вот и хорошо, — ответил я легко. — Бобик! За мной.

Я сразу послал коня в такой галоп, что если бы даже граф передумал, то посылать за мной людей было бы поздно.

Встречный ветер раздувает ноздри и выворачивает губы, но Пес унесся вперед, похожий на низко летящий огромный черный снаряд. Зайчик все ускорял бег, и я наконец заорал. Оба сбросили скорость, Зайчик вообще перешел на привычный галоп, а Пес сделал вокруг нас круг и унесся в небольшой придорожный лес.

Местность неровная, холмы то рядом, то начинают карабкаться друг на друга. Получаются горы с уступами, прям сады Семирамиды, а там действительно сады, только дикие, отсюда различаю красные от ягод ветви, блестящие бока медово-желтых груш.

Зайчик фыркнул, впереди Пес отыскал ручей, шумно лакает, дергая хвостом от избытка чувств.

Сам ручей бежит широко и бурно, прыгая по камням. Выше по течению целый водопад, вода ниспадает красивыми широкими струями, дробится, иногда получается широкий поток, на скрытых водой уступах разбивается, те угадываются темными провалами...

Я вздрогнул: из водопада с угрюмой злобой уставился гигантский череп. Я повел плечами, стараясь избавиться от наваждения: все-таки это мое воображение, что заставляет в облаках видеть драконов, воздушные замки, очертания великанов. А здесь каменные уступы превратились в темные впадины глаз, один ниже изображает провал на месте носа, а вон там внизу — продолговатые зубы... Впрочем, в самом деле зловеще поблескивают на солнце острые резцы, а вот клыки...

С трудом заставил себя отвернуть взгляд от жутковатого зрелища. Кто-то с черным юмором подправил кое-что в камнях. Я еще застал любителей деревянных скульптур, то есть чудаков, что, отыскав причудливо изогнутое дерево или ветку, двумя-тремя взмахами ножа преобразуют в нечто хорошо узнаваемое. Кто-то порезвился и здесь, Малевич доморощенный... Или Сальвадор Дали.

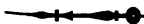
Холм перешел в скалистую гору из темно-красного гранита с серыми прожилками, она медленно поднималась, пока не встала ребром. Дорожка идет под этой стеной, что уходит в облака, слева в двух шагах пропасть, а сама дорога позволяет проехать разве что трем всадникам в ряд. Я все больше тревожился: самое место для засады. Одна надежда, что, когда поедем отрядом, успеем проскочить раньше. Но когда дорога сузилась еще и еще, под ложечкой противно заныло. Вон там впереди дорога узкая настолько, что даже двоим не разъехаться, а это значит, что и без засады придется пробираться со всеми предосторожностями, завязывать коням глаза, все время разговаривать и гладить, а самому идти по краю пропасти...

Зайчик двигается бестрепетно, но я заставил его идти, прижимаясь к стене, царапая стену стремями, а то и задевая плечом: очень уж стараюсь отодвинуться от близкой пропасти. Дорожка, довольно протоптанная копытами и даже со следами колес, уходит вдаль вдоль отвесной стены, но неожиданно в самой стене я заметил широкий проход, как раз для всадника на коне.

— Погоди, — сказал я Зайчику вслух. — А не посмотреть ли нам...

В проходе сгущается сумрак, но в то же время оттуда дивно пахнет, словно там дальше райский сад. Пес увидел, что мы остановились, галопом вернулся, посмотрел на меня не по-собачьи внимательно, перевел взгляд на проход в скале, сделал туда шаг и... сел на толстую задницу.

Из прохода вышел и остановился, загрозявая дорогу, плечистый и очень жилистый мужчина. В простой рубашке, ворот распахнут, открывая толстую шею, как будто сплетенную из толстых канатов. Мне показалось, что его лицо, да и шея тоже покрыты кожей такой же толстой, как кожаные доспехи. Рукава рубашки закатаны до плеч, толстые, перевитые жилами руки открыты

во всей суровой мужской мощи. При взгляде на них я снова подумал о плотной коже, и тут только догадался, что это и есть тот самый легендарный Зигфрид, прозванный Роговым, за то, что его кожа не уступает по прочности стальным доспехам. Да что там не уступает, доспехи можно прорубить, но никому еще не удавалось Зигфрида даже ранить.

Он стоял и смотрел на меня холодными глазами остро и недружелюбно, но спокойно, просто загораживал дорогу. Несмотря на такую шкуру, делающую его неуязвимым, он не выглядел слишком самоуверенным, каким можно было стать. И вся фигура обличает воина, который не расслабляется ни на минуту.

— Привет, — сказал я как можно дружелюбнее. — Я всего лишь еду мимо.

Он сказал холодно:

— Так езжай.

— А можно поинтересоваться...

Он покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Запрет, — ответил он. — Сам подумай, захочешь ли войти?

— А что там такое?

— Райский сад, — ответил он. — Так ваши называют такие места. Но покинуть его нельзя. Еще раз подумай, хочешь ли войти?

Я покачал головой, даже не раздумывая.

— Нет, спасибо.

Мне показалось, что довольная улыбка почти коснулась его губ.

— Вот видишь... Чувствуешь, что здесь очень скоро перестал бы вообще быть мужчиной и воином. Так что езжай по своим делам.

Мне почудилось, что он не так уж часто видит по-

добных мне, потому и разговорчив, несмотря на крайне суровый вид. Спросил:

— А этот проход... он всегда открыт?

Суровая улыбка наконец коснулась его губ.

— Догадлив. Нет, конечно. Открывается раз в сто лет, тогда когда нашим нужно что-то в вашем мире.

Я кивнул, тронул коня.

— Будь здоров. Извини, спешу. В следующий раз задержусь посмотреть на существ из Скрытых королевств.

Он улыбнулся шире, показывая, что оценил юмор. Я свистнул Бобику, тот оторвал зачарованный взгляд от Зигфрида, а зад от земли и нехотя побежал рядом с конем, все время оглядываясь.

Впрочем, на самом деле я проехал вперед не больше чем на полмили, посмотрел на небо, сказал себе, что это я обнаглел в незнакомых землях уж чересчур, здесь мне не тут, слишком уж у меня рефлексы человека благополучного мира, который настораживается только при переходе через улицу. А ведь вон там что-то шевелится, там колыхнулась ветка, а с другой стороны разом взлетели испуганные птицы. Хорошо, если кабан или медведь, ну, а если...

— Погуляли, — сказал я Псу, — и хватит! Возвращаюсь.

Глава 8

Оранжевые облака постепенно краснеют, в середине сгущается до багровости, все двигаются неспешно, плывут, по голубому... нет, уже синему, даже темно-синему океану, что скоро залиловет и заблестит первыми искорками звезд. Облака разрастаются по мере приближения. Я не сразу усек, что одно застыло, сверкает над горизонтом, не сходя с места. Сознание отказывалось поверить, что это не облачко, а стена или башня, возне-

сенная так высоко. Лучи вечернего солнца озаряют ее теми же золотыми лучами, что и облака. Однако облака в небе, а башня — на земле, как могут казаться на одном уровне?

Коней обнаружил, когда обогнул скалу. Эбергард сумел всех собрать на таком пятачке... нас обнаружат, когда наткнутся, не раньше. Трое не покидали седел, готовые то ли пуститься на мои поиски, то ли отражать атаки.

— Вольно, — сказал я. — На ночь брат Кадфаэль очертит круг, а сейчас все отдыхаем.

Дилан принял коня, жест вежливости, мой Зайчик способен о себе позаботиться сам, а седло не беспокоит. Граф Эбергард спросил раздраженно:

— Сэр... Легольс, стоило ли?

— Не знаю, — ответил я честно. — А что?

— Больно выглядит пустым фанфаронством.

Я подумал, развел руками. Он мог бы сказать, что инициативный дурак — хуже вредителя, но вот смолчал же, чтобы не ставить мою светлость в пиковую позу, я ответил со смирением:

— Похоже. Винюсь. В оправдание скажу разве, что дорога впереди чистая, опасностей не видел. По крайней мере, утром поедем спокойно.

— Сплюньте, — посоветовал он серьезно.

По ту сторону костра прижались друг к другу леди Ингрид и сэр Брайан. Пес встал передними лапами на плечи Брайана и пытался вылизать ему уши. Брайан немело отпихивался локтями, леди Ингрид смотрит на меня исподлобья. Мне показалось, что оба чего-то ждут от меня, но я из тех, кому нужно сказать громко и внятно, а то и еще и крикнуть в ухо, а тонкие шевеления души я воспринимаю, как слон пение цикады. Тонкие шевеления — это для сусликов, а я, признаюсь, из породы носорогов. Ладно, согласен на бегемота.

Мне подали оставленные для меня ломти жареного мяса, слегка зачерствевший хлеб и нарезанный сыр. Брайан что-то шепнул Ингрид на ухо, она раздраженно фыркнула и даже отодвинулась.

— Лучше переспать, чем недоесть! — сказал сэр Смит наставительно.

— ...Счастье есть! — подтвердил острый на язык Дилан. — ...а также пить, спать...

— Лучше перепить, чем недоспать, — согласился сэр Смит.

Он закутался в одеяло, доспехи холодной грудой металла блестят у изголовья, там же стоит прислоненный к каменной стене огромный меч. Кадфаэль сидел, облокотившись на камень, на коленях раскрытая книга, взгляд бежит по строчкам.

— Почему не спишь? — спросил я. — Тебе досталось, отдыхай.

— Не могу, — ответил он со вздохом. — Как можно спать, когда в мире столько зла и несправедливости?

Я смолчал, а сэр Смит объявил из-под одеяла:

— Образованный человек может всю ночь переживать из-за того, что дураку и не снилось. А необразованный за свою жизнь должен сделать всего три вещи: пожрать, поспать и сдохнуть.

Измученные рыцари укладывались, двое остались на страже. Брайан и леди Ингрид осторожно прикорнули на той стороне костра. Я вспомнил, что ночь нужна не для того, чтобы спать, а для того, чтобы не видеть, с кем спишь, но это, конечно, стеб. Ингрид на самом деле очень красивая, только не в моем вкусе. Меня вообще как-то не трогают эти бездушные вешалки, которые рекламируют то модную одежду, то губную помаду, то прокладки.

Сэр Смит высунул один глаз из-под одеяла и посоветовал им совсем сонным голосом:

— Никогда не ложитесь спать, если поругались друг с другом! Бодрствуйте! Тогда сможете еще и подраться...

Он заснул на полуслове, в тишине потрескивают и чуть-чуть шуршат крупные багровые угли, похожие на рубины, фыркают в темноте невидимые кони. Стоит тихая Варфоломеевская ночь, всплыло в гаснущем сознании. По нервам пробежал острый колющий разряд, я поспешно подвигал глазными яблоками из стороны в сторону.

Высокий призрак вышел из камня, одежда странного покроя, хотя явно дорогая, грудь обнажена, лицо исполнено достоинства и величия. Багровый свет костра пляшет на отвесной стене из серого гранита, что сейчас красен, как свежeproлитая кровь, призрак тоже выглядит созданием наполовину из огня, наполовину из горячего марева.

Наши стражи застыли как замороженные. Потом у одного начал открываться рот для истошного крика, я сказал тихо, но строго:

— Только крикни, только крикни!.. Враз золотые шпоры сорву!.. Вот когда к тебе придут, тогда и ори. А это мой гость!.. Приветствую, сэр! Не желаете погреть кости у нашего огня?

Призрак наполовину подплыл, наполовину подошел ближе, я чувствовал, как он тоже всматривается в меня. Не помню где, но мы явно встречались, потому я сказал первым, словно продолжал прерванный разговор:

— А ведь раньше и у меня удавалось вот так... Ну почти как вы, благородный сэр! Только я не наяву, а во сне воспарял. И летал, летал, что-то вытворял... ну и пусть непотребное, это же только сон! Во сне эти... рефлексy. Даже инстинкты порой. У них не мозг, а совсем другое за старшего, ну вы понимаете, о чем я. Однажды в таком дурном сне сумел прибить одно чудище, а потом

наяву отыскал от него рожки и ножки. Но только возликовал от таких возможностей, как сразу застопорилось... Как будто какой-то гад воззавидовал и обрезал ниточку.

Призрачный рыцарь спросил гулко:

— Вы летали, а потом не смогли?

— Да летать еще могу... — ответил я с неловкостью. — Пока бабы снятся — человек летает. Но что во сне, то во сне...

Он покачал головой:

— Есть области, где случаются эти дивные вещи. От святости мест... или от нечестивой магии — не знаю. Но такие места издавна... Со времен не то Шестых, не то Седьмых... Говорят, не остаются на месте, а, как незримые облачка, двигаются по землям, вселяя надежды.

— Жаль, — сказал я. — А то бы мы с вами, сэр, полетели. Какие возможности, какие возможности... Вы бы как Сусанин... нет, лучше как Вергилий, а я бы как багдадский вор. Только и делов, что спереть Кристалл Огня и принести по воздуху... простите, сэр, запамятовал ваше имя. Я бы и еще многое спер. Сколько смог бы дотащить.

— Кристалл украл подлый сэр Адальберт, — напомнил призрачный рыцарь сурово, — вы должны его вернуть... Украден и унесен через Западный Перевал. Через Большой Хребет всего два перевала, их называют Западным и Восточным. Народ предпочитает Восточный, тот прямо выводит к портовым городам. Кто пытается отплыть на Юг, идет через Восточный, но вам нужно через Западный... Этот подлый человек не должен владеть Кристаллом Огня... С ним можно сжечь мир! Разве такое можно забыть, сэр? А ваш священный рыцарский долг?

— Да я не совсем забыл, — возразил я, оправдываясь. — Я частично забыл! Что значит, сейчас забыл, а после обеда обязательно вспомню. А то и раньше,

если хорошо поем. Но если выпью — забуду. Мораль — пить вредно, но полезно.

Он явно смягчился, сказал другим тоном:

— Верю, у меня тоже все время что-то да ускользает из памяти. Вот, например... сейчас сюда летит пятеро горгон. Их послали темные монахи час назад, скоро они будут здесь.

Я вскрикнул в ужасе:

— Что ж вы сразу не сказали? С какой стороны?.. Впрочем, сейчас другое важно.

Я торопливо схватил лук и стрелы, стражи смотрят на меня с еще большим ужасом, чем на призрака, я погрозил им пальцем, начал карабкаться по скале. К счастью, она наполовину разрушена, так что не только кусты в трещинах, даже деревца. Минут через десять взобрался на вершину.

Грудь еще ходила ходуном, когда заметил в ночном небе быстро приближающиеся серебристые тела. Луна освещает их щедро, в то время как я лежу на вершине во впадинке.

Крылатые твари уверенно снижались, словно их ведет незримая рука. Костер багрово рдеет в ночи, вокруг видны скорчившиеся под одеялами фигурки. Горгоны начали опускать прижатые к животу, как шасси самолета, толстые лапы с блестящими, как алмазы, когтями.

Первая стрела ушла почти бесшумно, сердце стучит громче, тут же я выпустил вторую, третью... Две горгоны ощутили опасность и попытались вильнуть, резко пошли вверх, я всадил в каждую по две стрелы, а когда начали падать, хрипло каркая, воткнул еще по одной.

Рядом со мной колыхался в полном безветрии призрак. Я услышал тихий голос:

— Прекрасные выстрелы... Не сомневаюсь, Адальберт пожалеет о содеянном... Кристалл Огня вернется к владельцу...

— Не сразу, — охладил я, — не сразу. Если бы он оказался здесь, а еще лучше — был одной из этих каркающих, что сейчас внизу...

— Понимаю, сэр. Но я на вас рассчитываю.

— Польщен, — ответил я кисло.

Спускаясь, увидел бледные, как будто вываленные в муке лица дисциплинированных стражей. Оба следили за мной и, не успели подошвы моих сапог коснуться земли, в один голос спросили отчаянным шепотом:

— Сэр... Но что теперь?

Я кивнул на лагерь. Измученные рыцари спят без задних ног, даже доблестные граф Эбергард и граф Мемель. Судя по распластанным горгонам, они все пять ударились о землю с силой небольших метеоритов. Одна ухитрилась крылом задеть костер, угли разметало, но кто-то из стражей сгреб их на место.

Серебристые тела лежат в красивых эротичных позах, только одна ночная гостья скрючилась, поджав колени к подбородку, это ей всадил две стрелы в живот.

— По непроверенным агентурным данным, — сказал я твердо, — но полученным из заслуживающего доверия источника... вы видели этот источник, больше ночью ничего не случится. Да и сколько той ночи?.. Словом, я падаю и сплю.

— Но... эти...

Я отмахнулся.

— К Эбергарду. Он специалист по этим птицам.

Я лег, завернулся в одеяло и, к своему удивлению, в самом деле заснул, словно очутился в своем замке.

Когда петух утром кричит «ку-ка-ре-ку», он в общем-то прав. Но проснулся я не от петушьего, а от грозного Эбергардового. Спать хотелось дико, я попытался натянуть на голову одеяло, однако раскаты грома прямо над головой. Я приоткрыл глаз: разгневанный Эбергард орет

на обоих молодых рыцарей, которым посчастливилось, вернее, очень не повезло, оказаться в ночной страже.

Я помотал головой, сел. Эбергард тут же уставился на меня, как на весьма отвратительное насекомое.

— Ваша светлость, — спросил он самым противным голосом, — что у вас за странная мысль, что я... специалист по этим... неприятным женщинам?

Я увидел за его спиной ухмылки, даже граф Мемель едва сдерживает усмешку. Судя по лицу Эбергарда, он страшится заслужить кличку знатока по ночным женщинам, что прилетают к мужчинам по ночам, когда они далеко от семьи и даже от любовниц.

Женщин уже стащили в кучу, брат Кадфаэль со скорбно склоненной головой читал над ними успокоительную. С другой стороны к гарпиям подошел Пес и, подняв ногу, брызнул чем-то желтым, настолько похожим на струю бензина, что захотелось бросить туда уголек из костра.

— Ну почему неприятным? — ответил я с достоинством. — Не следует принижать так уж противников, это неблагородно. Вдвойне неблагородно, когда речь о женщинах. А если учесть, что некоторые из них вполне, вполне...

Дилан подсказал:

— Вон та блондинка очень даже ничего!

— Видите, — сказал я с укоризной, — да еще блондинка!

Он отмахнулся с видом крайней безнадежности: что говорить с клиническим идиотом, ему только на троне место, помахал рукой брату Кадфаэлю:

— Заканчивайте, святой отец! Иначе отправитесь голодным.

Завтракали холодным мясом, хотя угли еще багровые. От них жар, но не решились перечить раздраженному графу. Только Мемель подсел ко мне и сказал тихонько:

— Сэр Ричард, спасибо.

Я отмахнулся.

— Сушие пустяки.

— Разве? — спросил он. — Впрочем, вы уже приучили, что для вас все пустяки. Потому даже граф, хоть и был очень впечатлен... говорю честно, он сперва дар речи потерял, когда проснулся, а ему прямо в лицо смотрят оскаленные зубы! Перед ним шлепнулась, надо признаться, самая крупная, такая бы задушила его в объятиях, как кролика.

Граф Эбергард с подозрением поглядывал в нашу сторону, наконец сказал хмуро:

— Сэр Ричард, я должен, хоть и с опозданием, поблагодарить вас за беспримерное поведение ночью. Если бы они напали на спящих...

Я обернулся и указал на обоих рыцарей.

— Эти двое исполненные отвагой и мужества рыцари не допустили бы подобного, сэр!

Эбергард отмахнулся, а я чувствовал, что спину мне греют исполненные горячей благодарности взгляды стражей.

Закончив завтрак, мы «разобрали лагерь», то есть скатали одеяла и сунули их в мешки. Дорога, к моему несказанному облегчению, после того опасного участка пошла широкая и прямая, как стрела. Кое-где края уже начинали обваливаться, но там видны красные заплатки из кирпича и глины. Я посматривал с высоты седла, сердце наполнилось грустью. Местный король старается поддерживать дороги в порядке, слава ему, но как еще далеко до тех технологий, когда дороги будут прокладываться с легкостью: снося холмы, прогрызая в горных хребтах туннели, засыпая болота и выравнивая низины!

Только к полудню я заметил далеко впереди красноватую полосу. Это оказался бездонный провал, во всяком случае, далеко внизу не то дым, не то туман. Шоссе

обрывается резко, а на той стороне земля из красноватого песка, много ниже по уровню. Страшным унынием и безжизненностью веет от этого жутковатого мира.

— Ну вот, — промолвил сэр Смит. — И закончилось наше беспечное путешествие.

— Начинается печное, — согласился брат Кадфаэль. — По рассказам, спуск в полумиле отсюда. Если хотим успеть еще сегодня...

Эбергард покачал головой.

— Шутите? Судя по карте, если идти вдоль трещины, то завтра в это же время увидим проход на ту сторону.

Мемель почему-то вздрогнул, напрягся, Эбергард тоже не выглядел счастливым.

Почти без перерывов на отдых шли до полуночи, я стрелял во всех птиц, а ночью в летучих мышей и сов, что осмеливались пролетать достаточно близко. Кадфаэль обвинял меня в бессердечии, леди Ингрид хмурила брови, только Эбергард время от времени говорил что-нибудь одобрительное, вроде того, что в нашем случае лучше перестраховаться.

Заночевали почти под утро, а едва солнце осветило далекие горы, Эбергард безжалостно поднял всех. После короткого завтрака двигались до полудня. Наконец я увидел далеко впереди абсолютно ровную поверхность, словно застывшее расплавленное стекло цвета красного кирпича, а в ней утопает гигантское оранжевое кольцо, в диаметре что-то вроде лунного кратера. Там поместится не просто город со всеми пригородами, селами и огородами, но и соседними лугами и рощами.

Мне почудилось, что однажды с неба упала великолепная корона, погрузилась в твердую землю, долго еще торчали на рожках алмазы, рубины, изумруды, сапфиры — все соответствующих габаритов, что-то вроде трехэтажных домов, но камни вывалились из гнезд под своей тяжестью. Рожки стерлись под напором острого

ветра, что несет тучи режущего, как наждак, песка, оранжевое кольцо уже едва-едва виднеется над красноватой поверхностью, а потом песчаные бури засыплют, заровняют...

Уже не пятерка, а тройка рыцарей остановилась вдали на самом краю каньона. Один повернулся и махал рукой, Эбергард сказал с облегчением:

— Успели вовремя...

Я поинтересовался:

— А что, обязательно через это кольцо? Вроде бы можно левее, так ближе...

Он покачал головой.

— Левее и правее — зыбучие пески. Там не только всадник с конем сгинет, те пески любую армию проглотят! Так, впрочем, и бывало, пока не обозначили эти места на всех картах. А по ту сторону опасных песков — бездонные болота с чудовищами, живущими в глубинах, скалы алмазной крепости, на которых муха не удержится...

Мы поднялись к тройке авангарда, сразу пахнуло холодом и влажным воздухом, слышен странный шорох и треск. Я раскрыл рот и застыл: весь кратер блестит и переливается, словно заполнен огромными глыбами битого льда. Солнечные лучи преломляются, многократно отражаются, будто в тысячах и тысячах хрустальных зеркал, в кратере блещет и сверкает многоцветная радуга, солнечный свет разлагается вообще на немыслимые цвета, или это у меня теперь такое зрение, что вижу инфракраса и даже ультрафиолет...

В следующее мгновение ошалело понял, что кратер в самом деле заполнен битым льдом. Потому и холод как из распахнутого холодильника, и влажный воздух среди этого пересушенного мира...

Всадники быстро спешивались, обматывали конские ноги шкурами и плотно затягивали ремнями так туго, что конечности скоро отпадут из-за нехватки крови.

Дилан по взмаху руки Эбергарда подбежал ко мне, в руках связка шкур.

— Сеньор, позвольте я сам вашему коню...

Я отмахнулся.

— Не стоит.

Его глаза расширились.

— Сэр Ричард! Нам идти через ад. Кони не выдержат!

— Мой выдержит, — заверил я, хотя червячок сомнения сразу вырос в удава. — Надеюсь... а что впереди?

Он ахнул:

— Сэр Эбергард не сказал?

Я процедил сквозь зубы:

— Сэр Эбергард, видимо, во мне очень уж уверен. Надеюсь, он у вас никогда не ошибается.

Ледяное крошево шевелится, лед хрустит, раскалывается под тяжестью крупных глыб. Горячий воздух на глазах изгрызает края, блеск бьет с такой силой, что я жмурюсь, как могу, а многие всадники опустили забрала, спасая глаза.

Участок, покрытый глыбами льда, занимает круг диаметром в несколько миль. Это отсюда вижу мелкое крошево льда, а на самом деле там скопище торосов, ледяных скал, даже айсбергов...

Рядом остановился брат Кадфаэль, тут же достал книгу и начал искать нужное место. Сэр Смит, не гнушаясь черной работой, собственноручно обмотал ноги и копыта мула плотной кожей, затянул ремешками.

Мул вздрагивал и прятал ушами, пробовал попятиться при виде страшного ледяного поля. Я пытался понять и не мог это страшное и великолепное зрелище.

Брат Кадфаэль упал на колени и горячо молился. Сквозь несмолкаемый шорох и треск льда из-под земли донесся такой могучий стон, а затем рев, словно вскрикнула сама земля. Почва задрожала, пара валунов закачалась и покатились по склону, где исчезла среди сверка-

ющих, как исполинские алмазы, глыб. Стон повторился, скорее раздраженный, чем болезненный, затем донесся настоящий вскрик боли.

Я с ужасом понял, что все эти айсберги исполинской тяжестью не проломили ни одного черепа подземным чудовищам, не сломали хребта или даже лапу. И только быстро проникающая вниз вода начинает причинять боль, а затем уже не только боль, а страшные раны.

Сверкающая гора льда на глазах подрагивает, качается, оседает медленно, но заметно. В песок проникают каждую секунду тысячи тонн ледяной воды. А там в глубине огненные чудовища режут и бросаются из стороны в сторону. Но их самих много, а стенки каньона уходят глубоко, очень глубоко, страшная, все убивающая вода просачивается струйками, потоками, целыми реками, водопадами...

Я приник ухом к камню, ловил отзвуки далеких подземных взрывов, гул, треск, рев, полный боли и отчаяния, что снова были близки к выходу через гребень, но опять не успели, не успели, не успели...

Граф Эбергард прокричал страшным голосом:

— Все по коням!.. Не отставать! Кто задержится хоть на миг — погибнет!

Он первым послал коня в безумное нагромождение торосов, рыцари потянулись следом. Я подивился тому, что граф перестал опекать меня так, словно я у него на короткой веревочке, однако Эбергард оглянулся, его требовательный взгляд, твердый и острый, как наконечник копья, сразу же уперся мне в грудь.

Я помахал рукой.

— Догоню!.. Не задерживайтесь!

Рыцари один за другим пускали коней на страшное ледяное поле, ледяные торосы с такой силой отражали солнечный свет, что все буквально слепли, прикрывали глаза ладонями, кони сами искали дорогу.

— Берегись! — раздался крик.

Одна из хрустальных скал покачнулась, подтаяв или продавив мелкий лед, начала валиться как раз поперек тропы, по которой двигался отряд. С воплями прищипорили коней, скала с грохотом обрушилась, мелкие осколки разлетелись, как разбросанные мощным взрывом. Двум рыцарям, а также Брайану и леди Ингрид пришлось искать обходной путь. Я на них покрикивал, торопя, а сам с тревогой следил за братом Кадфаэлем. Его коротконогий мул с трудом пробирается между ледяными глыбами, брюхо уже промокло и покрылось грязными сосульками. Вообще от ледяного крошева под ногами начинают стучать зубы, а воздух как в Арктике, несмотря на знойные лучи солнца.

Зайчик двигался так, словно и родился среди таких ледяных полей с качающимися глыбами: под копытами треск, осколки разлетаются по сторонам, как стаи дивных стрекоз, а Пес мчался длинными скользящими прыжками. Я догнал Эбергарда, заорал ободряюще:

— Успеем!

Он оглянулся рассерженно.

— Откуда такая уверенность?

— Солнце яркое, успеет растопить. А вот если бы тучи...

Он огрызнулся:

— Когда хоть облачко, не говоря о тучах, никто не сунется вовсе! Следите за своим монахом!

— Слушаюсь, — ответил я иронически, придержал коня, рыцари выбиваются из сил. Некоторые соскочили и тащат испуганных и ничего не понимающих коней в поводу. — Берегись!

Он метнулся в сторону, не теряя ни секунды, по моему взгляду и жесту поняв, откуда падает и куда рухнет. Конь упирался, однако граф ташил, как бревно против течения. Конь верещал от боли, но шел, едва ступая

по острым ледяным осколкам, а спустя мгновение сзади тяжело рухнула глыба льда размером с двухэтажный дом. Осколки ударили коня в толстый зад, и он понесся в испуге, волоча Эбергарда и обгоняя рыцарей.

Все поле покрыто сверкающими алмазами, размером от ореха и заканчивая глыбами с небольшой айсберг. Свет искрится, переливается, собирается в линзы и бьет с такой силой, что нагревает доспехи, а если постоять чуть, то и раскалит. Но и мы пробираемся как можно быстрее, и все поле в движении: ледяные глыбы все время смещаются, стараясь устроиться поудобнее.

Солнце жжет так, что вот-вот выступят волдыри, воздух почти как в горне плавильной печи, только снизу веет холодом, ведь этот толстый пока что слой раздробленного в крошку льда лег на горячий песок...

— Быстрее! — орал граф Эбергард. — Мы прошли только десятую часть! Быстрее, не успеваем!..

Кони кричали, вставали на дыбы, отказывались идти, их тащили с просьбами, проклятиями и чуть ли не слезами. Кто стегал, кто просто подталкивал сзади, но вскоре кони все же пошли быстрее. Я не сразу понял, что горячий воздух сгладил острые, как у ножей, края льда, новых ран и ссадин на конских ногах уже не прибавляется.

Глава 9

Последние две сотни шагов мы шли в жарком, как в русской бане, воздухе. Пар уже не поднимается из горячего песка, а бьет тугими струями. Мы чувствовали себя рыбами, заживо сваренными в горячей воде. Как сквозь толстый слой ваты, доносился требовательный голос Эбергарда, я тащил мула Кадфаэля, а сам монах все оглядывался и беспокоился, не отстал ли Брайан с леди Ингрид.

Пар внезапно истончился, растаял в накаленном воздухе, и прямо перед нашими глазами темный от влаги песок мгновенно превратился в сухой, тут же начал стремительно разогреваться под знойным солнцем...

...и, как мне показалось, жар пошел не только от солнца. Далеко-далеко в глубине как будто бы нечто бесмертное дрогнуло, шевельнулось, медленно начало пробиваться к поверхности.

— Быстрее! — заорал я в панике. — Быстрее, оно сейчас вылезёт!

Кадфаэль охнул, я увидел по его изменившемуся лицу, что да, он тоже ощутил. А с его чувствительностью ему гораздо хуже. Это я толстокож, и то чувствую несокрушимую мощь этого существа, мощью равного древнему богу... И, судя по толчкам, это существо там не одно!

— Да быстрее же!

Земля ощутимо дрогнула. Я как воочию увидел глубоко в недрах этого кратера исполинских огненных существ, плотных, как материя нейтронных звезд. Поднимаются вверх, плотная земля для них — что для нас вода, вот только стенки кратера почему-то не дают пойти вширь, остается путь только наверх...

Земля заходила ходуном, испуганные кони понесли. Последними спешили Брайан и Ингрид. Она вскрикнула, в воздухе блеснуло, посыпался мелкий град размером с пшеничное зерно. Он истаивал, едва касаясь песка, по голове и плечам застучали крупные горошины, а когда посыпались льдинки размером с лесной орех, я сам заорал и пустил Зайчика вскачь, волоча Кадфаэлева мула за узду, как большую мокрую тряпку.

Рыцари, мокрые, как будто вылезли из озера, оставались и разворачивались на границе кратера, где под ногами надежная твердь скального грунта. А там, где только что шли, вскипает песок под ударами мириад градин размером с куриное яйцо, потом с булыжники,

которыми мостят улицы, затем так же часто валяются уже огромные куски льда размером с холодильник, наконец рушатся настоящие скалы, айсберги. Земля стонет, лед вколачивается все глубже, огненные звери в страшной злобе и разочаровании жутко ревут, но отступают, отступают, уходят в глубины, а ледяная вода вновь пропитывает песок и просачивается целыми водопадами...

Кадфаэль с Брайаном и леди Ингрид, едва дыша, остановились на самом краю твердого грунта. Леди Ингрид в изнеможении села на землю, а в трех шагах с грохотом, свистом и ревом рушатся настоящие льдины, айсберги. Земля вздрагивает, стонет, громадные глыбы крушат те обломки, что уже покрыли каньон слоем в десятков метров толщиной...

И — наступила тишина. Лишь минуту спустя я понял, что глыбы льда трещат, раскалывают под собой те, что поменьше, но небо снова ясное и чистое, как вареное яичко со снятой скорлупой. С края небосвода показалось беззаботное и кудрявое, словно овечка, легкое облачко, а за ним потащилось целое стадо.

Самая большая глыба льда засела в моих внутренностях. Я замирал от попытки представить огненные создания в жерле этого давно погасшего вулкана.

Кадфаэль упал на колени и со слезами благодарности возблагодарил Господа за спасение, ибо не за себя бдим, а тщимся яко можно больше принести пользы жителям христианского мира.

— Кто это делает? — прошептал я.

Кадфаэль перестал бить поклоны, поднялся, отряхнул одежду. Лицо бледное, в светло-голубых глазах прежняя твердость истинного сына церкви.

— Неисповедимы пути Господа!

Граф Эбергард увидел, как я поморщился.

— Никто, — сказал он коротко. — Никто не делает.

— Как это?

— Тысячи и тысячи лет тому, — пояснил он ровным голосом, в то время как глаза придирчиво контролировали рыцарей. Те снимали изрезанные льдом куски кожи с конских ног, — то ли великий маг, то ли сам Господь Бог велел низвергаться с неба ледяным глыбам, ибо известно, что огонь можно гасить только водой, а жар унимают льдом. И с тех пор так вот всегда... Только мудрецы заметили, что по старым книгам лед низвергался с небес ровно в полдень, а теперь вот на полчаса позже...

— Что нас и спасло, — буркнул я. Подумав, предположил: — Надо было сверять часы по гравитационному поясу, а не по фазам планет. Ну, это я так умничаю, у нас в Жидомасонии чему только не учат. Но преследователи смогут точно так же?

Не отвечая, он всматривался в небо, лицо просияло:

— Неужели тучка?.. Это наше спасение!

Я задрал голову, всмотрелся, покачал головой.

— Эта ерунда остановит погоню?

— Может остановить, — огрызнулся граф почти враждебно. — Это нам нужно во что бы то ни стало пройти эти земли, а их кто гонит? Могут дождаться, чтобы солнце жгло, как и нам. Вряд ли у них кони намного лучше.

Граф Мемель тоже посмотрел на небо.

— Ну... даже если тучка и не заставит их задержаться, все равно мы успели вовремя. Лед все-таки пролежит почти сутки, а когда заполняет кратер так, что с краями, никто не сунется. Это сразу же утонуть в этом крошечке, что еще и раздавит тут же... так что сутки у нас точно есть.

Граф Эбергард сказал непреклонно:

— Нам еще нужно пройти два города и одно графство. Тогда мы точно будем знать, что его светлости сэру Легольсу ничто не грозит.

Сэр Смит посмотрел на облака, двигаются быстро, покачал головой.

— Как будто кто-то нам ворожит... Сэр Ричард, вы уверены, что ни один из могучих волшебников вам не помогает?

Я развел руками.

— Я знаю таких, кто в состоянии гонять по двору гусей, но чтобы тучи...

Он посмотрел на тучи, покачал головой.

— Нет? А жаль. Неужто нам просто везет?

Граф Эбергард взглянул зло, при чем здесь везение, когда есть планирование, вставил ногу в стремя.

— Всем в седла!

Воздух горячий, как в кузнице, горячие струйки бегут между лопаток, пот стекает со лба и, запутавшись в плотине бровей, исходит паром, оставляя невыносимый зуд. Кони хрипели, пошатывались, небо уже не голубое, а раскаленно белое. Жар падает на плечи, еще злее поджаривает снизу.

Я уже думал, кошмар никогда не кончится, однако трое во главе с Диланом указывали на вырастающие впереди темные скалы. Добрались на последнем издыхании. В глаза целебно плеснуло зеленым. Кадфаэль громко возблагодарил Господа за этот оазис в злой пустыне.

Эбергард не удержался, заметил язвительно, что дальше вообще леса, если верить карте, так что Господь расщедрился не только на оазис, а Мемель измученно указал вдаль.

— Вон там ручей!.. Привал на ночь. Осмотреть коней. Костер оградить камнями. Отдых до утра.

Я взглянул на небо, солнце едва перешло на западную часть, до заката еще несколько часов, но Мемель прав, коней надо поберечь.

Сэр Смит выложил на скатерть ломоть мяса размером с баранью голову и кучу куриных яиц. Хитроумный Дилан ухитрился все это поджарить на широком плоском камне. Все успели проголодаться и с жадностью смотрят на шипящее мясо. Одурачивающий запах сводил с ума и заставлял подпрыгивать голодные желудки. В довершение всего Дилан вытащил мешочек и посыпал сухими травами, они сразу же дали острый зовущий запах, и разбил все яйца, залил мясо.

Яичница шипела и брызгала крохотными фонтанчиками, но мы жадно расхватили еще обжигающую, ели и облизывали пальцы, по кругу пошел бурдюк с вином.

Я сделал ритуальный глоток, передал дальше и поднялся.

— Отдыхайте.

Эбергард взглянул настороженно.

— А вы, сэр Легольс?

— Все измучены, — объяснил я, — сейчас не отобьются и от воровья. Не мешает взглянуть, что вокруг.

— Где могут водиться... — предупредил он. — А вы, кстати, двужильный?

— Конь двужильный, — ответил я честно. — Я же не покидал седла, а вы все одолели пешком. Коням ноги сберегли, а сапоги в лохмотьях...

Он явно собирался возразить, а то и отправить со мной охрану, однако я свистнул Псу и послал Зайчика в галоп, так что ветер заревел в ушах, стоянка стремительно отдалилась. Лишь тогда я шепнул Зайчику насчет помедленнее, серая полоса под копытами превратилась в быстро убегающую землю.

Я всматривался во все глаза, вслушивался во всю мочь. В отряде с постоянными разговорами, вопросами и просто болтовней ни на чем не удастся сосредоточиться и постараться услышать больше, чем слышим обычно, видеть больше, чем дано для обыденной жизни. Ведь,

фокусируя на чем-то взгляд и рассматривая в мельчайших подробностях какого-нибудь жучка на дереве за сто шагов, я становлюсь уязвимым для любого, кто подойдет сзади, сбоку или даже спереди.

Когда я вслушиваюсь в нечто очень тихое, я перестаю слышать другие звуки, это естественно. Вон как по-разному прислушиваются кони — у них уши сразу на макушке, и коровы, что поворачивают голову к источнику звука и растопыривают по сторонам лопухи. Дело в том, что коровам неинтересно, что происходит вдали, их мир возле хлева, потому их интересуют оттенки близких звуков, потому уши врасстырку, а вот кони привыкли к простору, им нужны не столько тонкости звука, а его источник, направление и расстояние.

Словом, я могу и по-лошажьи, и по-коровьи, но с этим, как с порцией крови в теле человека, что не может обслуживать два мозга одновременно.

В тишине копыта стучат звонко, дорога каменистая, справа и слева высятся старые горы, а пугающий Хребет Поднебесный приближается с каждым днем. Я попытался посмотреть на него «телескопически», но безрезультатно. Все равно что смотреть на звезды в телескоп: чем телескоп мощнее, тем звезды выглядят мельче. Зато в горах, мимо которых идет шагом конь, жуткие дыры с правильными краями, остатки дорог. Не одну сотню лет добывали руду, вывозили, а то и плавил здесь же, если вон те развалины остатки древних плавилен... То ли выбрали всю, то ли войны и разорение края заставили прервать промысел...

Пока конь шел мимо, высоко задирая морду от расшалившегося Пса, я не отрывал настороженного взгляда от черных дыр, а ладонь подрагивает в готовности на рукояти молота. Чудится или в самом деле из недр горы веет холодным нерассуждающим злом? Что за звери нашли приют под каменными сводами?

Гора ушла в сторону, открывая грозное закатное небо с забрызганным кровью небосклоном. В глаза блеснуло, в небе странная сверкающая щель, словно щель в небосводе заварили узким швом и теперь он горит нестерпимым блеском под закатным солнцем...

В следующий миг я сообразил, что вижу храм, уцелевший от Седьмой эпохи. Его изображение показывал маг Рихтер из Амальфи. Как исполинская стальная спица, вырастает он из сплошной каменной плиты и, пронизывая облака, уходит к небесам. Немыслимо выстроить такое, чтобы не упало под собственной тяжестью, но каким-то образом простояло тысячи лет! К тому же говорят, что в Седьмой эпохе уже не оставалось могучих колдунов, самые могучие были в первых. Но как, не понимаю, как все это создано, что за кирпич, что крепче металла? Или это не кирпич?

Сердце колотится так сильно, что горящие щеки могут поджечь воздух. Я не отрывал от храма зачарованных глаз и не сразу услышал, что конь начинает недовольно фыркать, а Пес обеспокоенно скачет из стороны в сторону.

В лицо пахнуло горячим сухим воздухом, впереди в сотне шагов ровная каменистая поверхность обрывается, словно отрезанная тупым ножом. Дальше — пугающая пустота с дрожащим воздухом, а противоположный берег ущелья не ближе чем в полумиле. Я напряг зрение, в слоеном пироге светлые и красные полосы отложений, разлом наверняка идет через все эпохи, начиная с нашей кайнозойской и заканчивая в магме, недаром же воздух накален... Еще на той стороне беспорядочное нагромождение камней и скал, словно здесь все ссыпалось, а на ту сторону исполинский лемех звездного плуга вывернул часть грунта.

Пес попрыгал на краю, рассерженно гавкнул с обрыва вниз. Я подавил импульс слезть и посмотреть, что там, далеко ли дно, свистнул. Пес удивленно оглянулся.

— В другой раз, — объяснил я. — Еще успеешь заглянуть... Не отставай!

Я не успел повернуть коня, движение на той стороне привлекло внимание. Я торопливо сощурился, сузил поле зрения и, как в окуляре подзорной трубы, рассмотрел скалу из желтого камня. Отчетливо виден темный грот, там появилась женщина, одета чуть ли не в гимнастическое трико, остановилась, раскинув руки, застыла, и сразу же с двух сторон на ее ладони опустились крупные летучие мыши.

Я прищурился сильнее, показалось, что не летучие мыши вовсе, а крохотные драконы. Появилось еще трое летунов. Один снизился и сел на плечо, тут же принялся дергать ее за ухо, а двое описывают круги над гротом.

Вздохнув, я подавил импульс подать коня назад для разбега. Не стоит так уж нагнеть, я хоть посильнее и вооружен получше любого из нашей команды... думаю, что лучше, но остальные здесь как рыбы в воде, а я даже не знаю, какого дерева бояться и какие травы нужно обходить десятой дорогой.

— Мы свое еще возьмем, — сказал я доверительно коню и Псу. — Мы все немножко чужие здесь, верно?..

Зайчик чуть повернул голову. Я перехватил взгляд, в котором, готов поклясться, уловил сочувствие. Пес подбежал и, встав передними лапами на конский бок, лизнул мне руку.

— Мы побываем на той стороне, — пообещал я. — Не сейчас, но побываем. И увидим, где изюминка зарыта!.. А сейчас возвращаемся. По крайней мере здесь дорога еще свободна.

Конский круп подо мной словно бы нагрелся сильнее, затем в лицо ударил ветер. Я ухватился крепче, хлопал Зайчика по шее, призывая сбавить скорость, а то сердце остановится. Он тут же сбавил, да так резко, что я ткнулся лицом в конскую гриву.

— Ну ты и свинья, — сказал я обвиняюще, — с такими шуточками я могу вылететь через лобовое стекло!.. Еще раз так сделаешь, заведу привязные ремни. И подушку безопасности.

Далеко позади показался стремительно приближающийся черный ком. Пес догнал, рассерженно ухватил торжествующего Зайчика за ногу с такой злостью, что тот виновато ржанул, подпрыгнул, извиняясь, что оставил его так далеко позади.

Дальше поехали шагом, я внимательно всматривался вперед и в стороны, стараясь уловить шорох, запахи или хоть что-то, что выдаст затаившихся людей. Все еще поражает это несоответствие: древние старые горы, буквально седые, дряхлые, рассыпающиеся, и молодые, с острыми гранями, только что рожденные, еще почти не остывшие, возникшие в глубинах земли и поднявшиеся на поверхность, проломив непрочную земную кору.

Еще дважды или трижды на обратном пути попадались нагромождения камней. Сперва я их вовсе не заметил, а вот следующие упорядочены в приземистое здание часовни. Как я понял, здесь церкви и часовни не просто места, чтобы помолиться, но и форпосты Церкви против сил Юга. Так что часовен намного больше, чем даже в Риме.

Часовня слепо смотрит выбитыми окнами. И так невзрачная из-за серого камня, она стала зеленой от множества трав, вцепившихся в щели, а на куполе ухитрилось вырасти даже крохотное жалкое деревцо. Тяжелые глыбы сдвинулись, вздыбились, приподнятые растущими корнями, деревцо выказывает немалую силу и цепкость, что вообще-то свойственно жизни.

Я оглядел испачканный аналой, побитые стены. Справа статуя святого, могучая и величественная, старик с высоким челом. Таким у нас принято изображать

Бога, хотя умному известно, что Бога изображать нельзя, он не имеет образа, так что это кто-то из святых. Святые были людьми, как и Христос, их можно рисовать, высекать в камне, чеканить на металле.

Металл удивительно крепок: как ни колотили по статуе, уцелело даже лицо, хотя вон следы боевых топоров и молотов. Разочарованные разбойники или кто бы ни был разрисовали лицо мудреца синей краской. Но этим запятнали разве что себя, ставши похожими на шкодливых школьников, что в учебниках анатомии подрисовывают женским и мужским фигурам недостающие детали.

Я огляделся, поднял с пола тряпку и попробовал вытереть лицо статуи. К моему удивлению, краска стерлась легко, одним движением. Лицо статуи заблестело, словно только что из мастерской. Шрамы и вмятины на металле сгладились, поверхность засияла.

Встревоженный, не люблю необъяснимого, я поспешно отбросил тряпку, попятился и торопливо выбрался наружу. Все-таки привычнее, когда создают долго и трудно, а портят в одно мгновение, но чтобы наоборот...

Снаружи треск и хруст, будто работает небольшая камнедробилка: Зайчик с аппетитом грызет придорожный камень. Хоть его и создали, как сказал класторг, а не просто вот так взял и родился, но все-таки живое: жрет с удовольствием. Я уже заметил, что гранит любит больше, чем песчаник, а железо просто обожает. КПД у него стопроцентное: еще не видел, чтобы ронял каштаны.

— Зайчик, — подозвал я, — а где Пес?.. Бобик!.. Бобик!

В лесу затрещало, показался Пес, громадный и веселый, вид вечного щенка, пронёсся через кустарник, как танк с крыльями. Я поспешно прислонился к стене, Пес прыгнул на грудь и, как я ни пытался увернуться, ухитрился лизнуть в лицо.

— Возвращаемся, — объяснил я. — Не отставай. Кто знает, вдруг след потеряешь?

Пес склонил голову, рожа очень выразительная, от-тенков больше, чем у шоумена центрального телеви-дения, посмотрел с укором. Я вскочил в седло, Зайчик пошел ровным галопом. При всем географическом идиотизме, когда не знаю, с какой стороны у меня вос-ток, с какой запад, а про юг и север вообще молчу, я за-помнил раздвоенную гору, у подножия которой рас-положился мой лагерь. А Зайчик и Пес и без моей подсказки понеслись наперегонки.

Из-под копыт выскакивают мелкие звери и выпар-хивают птицы, иной раз уже после того, как мы промчим-ся. Пес, что неся впереди, вдруг замедлил бег, повер-нул голову, оглянулся. Там далеко небольшая тропка, то ли звериная, то ли протоптанная троллями. Спинами к широченному коричневому дереву, ствол в три обхва-та, стоят двое: полуобнаженная рослая женщина и некто в монашеском одеянии с мешком у ног и длин-ным посохом в руке. Лицо рассмотреть не могу, злове-щая синеватая маска с торчащими, как у рыси ушами, закрывает от лба до подбородка.

Я пустил коня в их сторону, издали вскинул руку в приветствии и в знак мирных намерений. Они не сдви-нулись с места, но признаков враждебности нет, уже хо-рошо. Я велел Псу держаться рядом, приблизился мед-ленно, рассматривая обоих с интересом. Женщина ответила прямым, откровенным взглядом, одновремен-но призывным и полным достоинства. Мускулистая, поджарая, с небольшой, но выпуклой грудью в доста-точно открытом бюстгальтере, голый живот, откровен-но узкие трусики, правда, с кожаным ремешком, на ко-тором длинный узкий нож, длинные стройные ноги в искусно выделанных сапогах из оленьей кожи.

Одной рукой она держит на плече плащмя длинный

меч с узким и очень тонким лезвием. Монах — пародия на мужчину: малорослый, сгорбленный, халат скрывает фигуру, но сразу понятно, гаже не бывает, обвешан сумками, амулетами, талисманами. Впрочем, я не могу и предположить, чтобы у такой эффектной и явно властной женщины в спутниках может быть сильный мужчина.

Я сказал с предельной доброжелательностью:

— По этой дороге вскоре проедет отряд в десяток человек... С ним монах. Настоящий, если вы понимаете, о чем я говорю.

Женщина кивнула, не отрывая от меня взгляда.

— Им лучше не встречаться с нами.

— Отряд целиком из рыцарей, — добавил я.

Она снова кивнула.

— Рыцарь — это не помеха. Не обижайтесь, благородный воин, но я не очень высокого мнения об их выучке.

Я развел руками.

— Это еще не все. За этим отрядом погоня. Если не сегодня ночью, то завтра здесь проскачут очень злые и раздраженные люди... Думаю, вам с ними тоже лучше не встречаться. Кстати, с ними будут два-три монаха.

Она чуть улыбнулась.

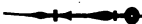
— Еще монахи?

— На этот раз темные, — уточнил я.

Она кивнула.

— Эти как раз менее опасны. Если вы понимаете, о чем я говорю.

На ее безукоризненном лице легкая улыбка превосходства, даже мои слова, в которых заподозрила колкость, ухитрилась вернуть в той же пропорции. Глаза смотрят пытливо: понял ли я смысл? Понял, ответил я взглядом. Темные монахи, при всей своей мощи, всего лишь могучие колдуны или маги. Против них существует множество амулетов и талисманов, а вот против мо-

гущества веры в Единого ничего не создано, да и не может быть создано... На уровне язычества, добавил я про себя.

— Спасибо за предупреждение, — добавила она любезно. — Мы подумаем, как поступить. Возможно, в самом деле уйдем с их дороги.

— А что, — спросил я, не веря своим ушам, — вы в состоянии сразиться с полусотней вооруженных мужчин?

Она повела блестящими плечами, тугая грудь приглашающе колыхнулась, а мои ладони инстинктивно дрогнули, что не укрылось от ее чуть насмешливого взгляда.

— Всего с полусотней? — спросила она в размышлении. — Ну, если надо... А вот мой наставник может одним словом превратить в камни и не одну сотню.

Она смотрела очень откровенно, видя во мне молодого здорового самца, у которого всегда гормоны плещут из ушей. И если я вот предложу разделить с нею ложе прямо сейчас же под этим деревом, согласится, потому что это так естественно, когда молодые и здоровые мужчина и женщина совокупляются.

— По дорогам встретишь разных людей, — проговорил я и сам подумал, что в самом деле люди разные, даже очень разные. Есть такие, что охотно пойдут на такой контакт, а есть праведники, чересчур уверовавшие в речи церковников. Такие сразу потащат на костер... по крайней мере, попытаются. — Сюда все больше проникает учение Христа...

— Это пройдет, — ответила она уверенно.

Не пройдет, возразил я мысленно. Это ты прошла, дорогая амазонка. И твое время прошло. Сто тысяч лет длилась эпоха увлечения плотью, и ничто не сдвигалось. Все века и тысячелетия повторяли друг друга. Но едва в мир пришла гениальная придумка не тешить плоть, а напротив — пренебречь ею, унижить, не отвечать на призывы спинного мозга... и сразу же человечество начало

взрослеть, подниматься со ступеньки на ступеньку. Сперва робко, с трудом, оскальзываясь и кровеня пальцы, а потом пошло... нет, пойдет почти бегом.

Я тронул каблуками конские бока, и тогда амазонка сказала негромко:

— Доблестный воин, ты мог бы передохнуть в тени этого дерева.

Это было предложение, но ни тени смущения на лице: она не предложила ничего стыдного, позорного или порочащего женщину. Она предложила всего лишь потрахаться, естественное деяние жителей античного мира, что никак не могут вырваться из замкнутости своего мировоззрения. А когда пришло христианство — даже не могли оценить его величия, грандиозности, сыто ржали и указывали пальцами на придурков, уверовавших в одного бога, когда у них, античников, их тысячи...

— С удовольствием бы, — ответил я с сожалением, действительно с сожалением к последним осколкам уходящей эпохи, так и не понявшим, почему гибнут и что гибнут, — но опаздываю к своим боевым товарищам. Если не явлюсь прямо сейчас, пойдут меня отыскивать, и... еще попадут в какие-нибудь неприятности!

Зайчик пошел галопом, Пес несется рядом. Земля сухо стучит под копытами, но передо мной все еще властное, безукоризненно правильное лицо, идеальная фигура и четко поставленная речь. Для дикой амазонки эта женщина говорит слишком грамотно. Ничему не удивляется, на моего коня и собачку не повела даже глазом.

Странная женщина, если не сказать больше.

Глава 10

Сквозь сон услышал отвратительный скрежет и мерное вжиканье, не сразу отряхнул остатки сна и понял, что это всего-навсего кто-то подтачивает затупившийся

меч... даже топор. Вот я как наловчился определять по звуку, молодец, настоящий рыцарь, скоро и право первой брачной ночи потребую, мне ведь положено.

Топор точит Дилан, сэр Смит и Кадфаэль жарят на костре что-то диковинное, во всяком случае — для меня: я зверя узнаю только в шкуре и с головой и конечностями, да и то не всегда, а чтоб вот так на вертеле, уже наполовину зажаренным...

— Эх, сэр Легольс, — сказал Смит, и я увидел, что с другой стороны костра подкладывают щепочки леди Ингрид и Брайан. — Вам бы пример брать со своего Бобика!

— А что он натворил? — спросил я хриплым со сна голосом.

— Он уже трех оленей принес! — объяснил Смит с восторгом. — Что за пес, что за пес!.. И как огорчился, когда злобный и несправедливый граф Эбергард сказал, что уже достаточно! Ну не понимает он душу охотника! Что значит придворный щаркун. А вы, сэр, понимаете?

Я зевнул, вылез из-под одеяла и пошел к ручью умыться. Рыцари смотрели на непонятную процедуру с неодобрением. Кто-то пробормотал молитву, кто-то перекрестился, только леди Ингрид заинтересовалась, наблюдала, как я разделся и, войдя в воду до колен, плещусь в холодной воде, смывая ночной пот.

В еде я вообще-то неприхотлив, молодой здоровый желудок переварит даже камни, но прекрасно приготовленными ломтиками нежного мяса наслаждался, как и сэр Смит. К тому же он сумел приготовить с любимой мною гречневой кашей, с пряными травами, диким луком и острыми на вкус корешками неизвестного мне растения. Хотя, может быть, это какой-нибудь сельдерей или пастернак, как будто я знаю, как что называется, а извозчики тогда на что...

Сэр Смит устал добывать остатки каши из узкого

горлышка глиняного горшка, лихо ухнул, с треском разбил о камни и с торжеством соскреб налипшее на внутренние стенки. Брат Кадфаэль довольствовался горсткой орехов, в сторону мяса даже не взглянул, а когда ароматный дым качнулся в его сторону, поспешно отсел.

Запили вином из фляги, я сделал всего пару глотков, приучен не пить много, когда скоро в седло, а сэр Смит с удовольствием выжрал половину, попробовал запеть о веселой хозяйке постоялого двора. Брат Кадфаэль строгим голосом попросил прекратить, и сэр Смит послушно умолк, хотя пару дней назад надменно велел бы жалкому монаху умолкнуть и не пикать в присутствии знатного — теперь уже знатного! — рыцаря.

Граф Эбергард вернулся с обхода, лицо бесстрастное, но я уже научился понимать, когда царедворец доволен.

— Кони в порядке, — сообщил он. — Можно ехать.

— А люди? — спросил я.

Ему почудилась издевка, взглянул свысока.

— Люди должны ехать, — подчеркнул он. — Могут или не могут — неважно.

После завтрака двинулись уже разведанной мною дорогой. Сэр Смит несколько раз выезжал вперед, возвращался несколько разочарованный, наконец признался раздраженному графу Эбергарду, что ничего у него не свербит, просто жаждет первым наткнуться на гору трупов и пошарить по их поясам. Эбергард даже не спросил, откуда там возьмутся трупы, оба посмотрели на меня. Я ощутил себя неуютно, вот такая у меня, оказывается, репутация. А я ведь вообще-то общечеловек, хотя ненавижу это заболевание всеми фибрами и жабрами.

Утром, когда солнце светит с другой стороны, я рас-

смотрел вдалеке огромный пологий холм, граф Эберг-гард сверился с картой и сказал с удовлетворением:

— Королевство Данциг.

Я спросил:

— А здесь?

— Мы едем по ничейным землям, — ответил Эберг-гард любезно. — Кому они нужны?

Они заговорили с сэром Смитом, тому все нужно знать, будто готовится в Ливингстоны, а понял наконец, что вот эта одна-единственная гора и есть все королевство. Точнее, бывшая гора, а теперь пологий холм, где кое-где торчат выходы коренных пород в виде гранитных уступов. Ветры нанесли земли, чтобы укрепилась и выросла трава, затем кустарники, а через тысячи лет здесь уже шумел, приглашая птиц, густой лес. И когда пришли люди, они не нашли лучшего места для поселения, чем эта гора, откуда так хорошо видно вокруг и где легче всего защищаться.

Я сначала не понимал, почему все лезут на такие холмы, ведь проще в долине, пока не вспомнил нашу врожденную черту насчет отнять и поделить между своими. Таких вот отнимателей удобнее всего бить сверху, пока те, пыхтя и обливаясь потом, карабкаются по крутому склону. И камни удобнее бросать сверху вниз, чем снизу вверх. И бревно само покатится, сметая отнимате-делителей.

Мы приближались к горе-государству. Хотя дорога идет мимо, я рассмотрел на вершине горы, как и водится, укрепленный замок, а все склоны заняты собственно королевством. Гора достаточно просторная, чтобы там расположились, не спускаясь в долину, не только дома и мастерские, но даже поля, сады, пашни. Вообще-то простое королевство, не самое малое, если честно. Однако же у нас не только князья, но даже бояре располагали гораздо большими территориями, людьми, богатствами.

К слову сказать, все подножие горы обнесено прочным и высоким частоколом. Конечно, против войск это не защита: невозможно защищать стену по всему периметру, однако от мелких разбойничьих шаек, бродячих троллей, гоблинов и всякой нечисти лучше придумать трудно.

Дальше можно было по той укатанной дороге, где я проскакал вчера вечером, но Эбергард указал, как можно срезать угол через лес. Трое рыцарей унеслись в ту сторону, за ближайшими деревьями вполне мирно, и мы отправились всем отрядом.

Около часа ехали через лес сказочной красоты, я откровенно шелкал хлебалом, словно провинциал в ботаническом саду, как вдруг впереди сэр Смит остановил коня, резко натянув повод. Конь замотал головой и попятился. Встревоженный, я пустил Зайчика осторожной рысью, пальцы коснулись рукояти молота.

Между деревьями серебряными нитями блестит гигантская паутина. Правильно растянутая, со знакомым рисунком, только каждая нить толщиной с палец, а я еще помню, что нить паутины в тыщу раз прочнее нити из стали такого же диаметра. Что уж говорить про эти нити, на них Карадаг можно подвесить, даже не растянутся.

Сэр Смит начал высматривать проезд, а граф Эбергард проговорил с рассеянной надменностью:

— Здесь птицы не поют...

— Да, — согласился сэр Смит, он огляделся, — да и зайчики не чирикают. Вообще как-то пусто. Даже этих зеленых... которые жабы, даже их не видно! Вы видели лес без жаб? Я не видел.

— Да, — согласился Эбергард, он слегка изволил повернуться и посмотреть в сторону. — Мир без жаб — уже не мир, а черт-те что. Но не паутина же виной, что жаб не видно...

Я сказал громко:

— Только малая часть пауков плетет паутину. Просто они из-за нее особенно заметны. Остальные пауки либо охотятся как прыгуны из засады, либо бросают лассо с липкой капелькой на конце...

Сэр Смит начал всматриваться во все щели и дупла, откуда может броситься паук размером с озверевшего хомяка, либо метнуть липкий аркан, сказал нерешительно:

— А не лучше ли вообще объехать этот лес?

Все посмотрели на меня, я кивнул.

— Отступим, объедем. Если наши преследователи хотят сократить путь, пусть едут напролом. Сэр Смит, мы здесь хорошо наследили? Замечательно! А вот дальше следы нужно замести хотя бы на пару сот шагов.

Свернули, начали выбираться на прежнюю дорогу. Подул ветер, ветер начал раскачивать деревья, рыцари притихли. Дилан первый заговорил о деревьях-стражах, что пускают корни на опушках и хватают страшными ветвями толщиной с тело человека неосторожных путников. Екескул подхватил и начал рассказывать про целую рощу таких вот деревьев, что зверей не трогают, а людей хватают и выжимают из них сок, как человек из пригоршни творога.

Я невольно прислушивался, это солнечным днем кажется глупостью, а ночью или просто в сумраке верится во все. Тем более когда деревья раскачиваются и размахивают ветвями, стараясь поймать за голову или плечи. Только осознание скорости метаболизма, что свершается в деревьях, удерживает от паники.

Рыцари ехали присмиревшие, о метаболизме не слышали. Тем больше им чести и славы, что не разбегаются с воплями, даже держат строй, прикрывая меня своими телами от злобных деревьев, что вот-вот нападут, вот-вот...

Деревья расступились, я ощутил холод во внутренних частях. Черная выжженная пустыня, оплавленные нещадным жаром камни, полопавшаяся земля в наплывах лавы, и... странно уцелевшие стволы деревьев... правда, черные, обугленные, лишенные ветвей и даже сучьев, но все же деревья, что непонятно, вот гранитная глыба растеклась, как растопленный воск...

Сэр Смит, оглядевшись, пустил коня вперед. Подковы неестественно громко звенели о каменное покрытие, затем ноги по бабки утонули в серой золе, а пепел взлетел, оседая пятнами на конском брюхе и сапогах. Всюду, куда достигал глаз, черная обугленная пустыня... нет, далеко-далеко снова зеленеет лес, настоящий лес, а здесь, как в эпицентре...

Я вздрогнул, рядом прозвучал такой же неестественно громкий, как и цокот подков, голос Эбергарда.

— Докопались, идиоты...

Вид у него был таков, что лишь врожденный аристократизм не позволяет ему выругаться, как какому-нибудь грязному простолюдину.

Я огляделся, переспросил:

— Кто докопался?

— Идиоты, — повторил он. — А как их назвать еще? Ну, отыскиали что-то, так и несли бы к колдунам на продажу, как водится!.. Так нет же...

Почти невесомый пепел поднимается широкими хлопьями, подолгу висит в воздухе и очень медленно опускается на землю. Скорее всего, Эбергард прав, разгадка проста: искатели древних сокровищ дорылись до древних артефактов, но не удержались от соблазна попробовать овладеть колдовскими силами. Слишком много ходит завистливых рассказов о счастливицах, что находят в развалинах амулеты и талисманы, что выполняют любые желания.

— Хорошо, — сказал сэр Смит, — если этот дурак был один.

Эбергард осмотрелся, поворачиваясь в седле, как адмирал на корабле, процедил сквозь зубы:

— Вряд ли.

— Почему? — спросил сэр Смит почтительно. — Никто не хочет делиться, всяк пробирается в такие места в одиночку.

— Одному не выжить, — возразил Эбергард. — А так хотя бы у костра по очереди...

Мы стояли, рассматривая ужасающую картину, сэр Смит пустил коня вперед, пофанфаронил, гоняя взад-вперед, вернулся облепленный пеплом с головы до ног, сказал с великой жалостью:

— Даже если один... Да тут все на три мили вокруг обратило в пепел.

— Это еще ничего, — заметил Эбергард.

— Ничего? — ужаснулся сэр Смит.

— Ну да. Вон в Черной Топи намного хуже.

— А что там?

— Тоже что-то нашли. Но вместо того, чтобы отнести колдунам, сами попробовали... Теперь там болото, из которого каждое полнолуние выходят жуткие твари. Нападают на людей, на скот, грызут деревья, траву... И ничто их не берет: ни оружие, ни магия. Хорошо хоть, сами больше суток не живут!.. То ли им воздух ядовитый, то ли луна сама же и убивает... Из разных городов приезжали и рыцари, и колдуны. А так болото как болото. Только вода желтая.

Он покачал головой, пустил коня вслед за удаляющейся тройкой дозорных.

Мемель пустил коня рядом, завел какой-то пустячный разговор о способах заточки боевых топоров, чувствовалось, что хочет затронуть какую-то щекотливую тему, но все никак не решится. Чуть позже догнал Кадфаэль, я уловил, что и этот хочет что-то спросить, но лишь

посматривает снизу вверх, наконец я сам сказал почти сердито:

— Горько?... Но не вешаться же?

Он прошептал:

— Город, сэр Ричард... Здесь был целый город! Большой красивый город.

Я ответил мрачно:

— Думаешь это все?... Город уничтожен?

Он взглянул с недоумением, посмотрел на выжженное пространство, повернулся за поддержкой к Мемелю.

— А вы не видите?

Мемель покачал головой, лицо оставалось невеселым, но во взгляде было что-то вроде мрачной гордости.

— В войне между королем Вилланом Ржавый Меч и союзом королей Аквилонии этот город сожгли полностью, мужчин убили, а женщин продали в рабство. Стены разрушили, через весь город протащили плуг... Впрочем, города уже не было. Если же посмотреть старые хроники Войн за Наследство, то увидим, что после того, как сюда хлынули орды измененных, город разрушили и сожгли, все каменные дома развалили, убили даже собак и кошек... Еще знаем, что однажды пришли неведомые люди с Огненными руками, и сожгли город так, что даже камень превратился в пепел... И что же, так все и осталось?

Кадфаэль все оглядывался на безжизненное, выжженное место.

— Не верится, — вырвалось у него с болью, — не верится, что столько крови и столько мук... Сэр Ричард, как вы считаете, в этой мертвой жути смогут снова поселиться люди?

Я двинул плечами.

— Ты на привале так красиво рассказывал о птице Фениксе... Насчет птицы не знаю, что-то не верится в такую птицу. А вот человек... он и есть тот самый феникс. Город, который сжигают дотла, но оживает вновь, —

разве не феникс? Все человечество, что гибло в каждую войну магов, разве не феникс?

Мемель возразил для соблюдения объективности:

— Ну не все же!.. Уцелевали какие-то пастухи в горах, охотники... Еще рудокопы, что зарывались в землю так, что никакая погибель их не находила...

Я объяснил:

— То не человечество. Человечество — это культура, инфраструктура, память обо всем... А пастухи — это скорее яйцо феникса. Феникс ведь рождается дурак дураком, всему учится заново. И каждый следующий не совсем таков, каким был до того, как снес яйцо.

Мемель еще раз оглянулся на уплывающую в туман безобразную язву на теле земли.

— Хотелось бы верить, — вздохнул он, — что когда-то вот так буду ехать по этой тропе и — вдруг! — впереди откроется город! Большой, богатый, веселый, разгульный... И чтоб постоянный двор с большой гостиницей, трактиром, а там чтоб служанки молодые и веселые, упитанные, чтобы было за что ухватить...

Я посмотрел с невольным удивлением, Мемель мало чем отличается от Эбергарда по части выдержанности и предельной корректности в выборе выражений.

— Будет, — заверил я, хотя мне самому почудилось в собственном голосе больше надежды, чем уверенности. — Мы еще там погуляем! Отстроят город, народ набегит...

А что, мелькнуло у меня, ведь и Москва сгорала сколько раз, и Киев выгорал до последнего дома, и захватчики уничтожали всех. Но ведь отстраивали же? Здесь место удобное, вон природа сама выстроила защитную стену, а там при любом правителе выстроят башню, и городские ворота поставят, только между вон тем клифом и глубоким разломом.

Живуч человек. Живуч.

В небе медленно колыхнутся малиновые волны, гребешки блестят оранжевой пеной, к горизонту все желтое, и река, на берег которой мы вышли, тоже малиновая, словно выше по течению произошла жестокая битва испанских армий и ручейки пополнили реку горячей кровью.

Эбергард начал высматривать место для лагеря, Дилан указал на приземистую гору, а там на скальном массиве горит зловещим багровым огнем мрачный замок. Скала приподняла крепость на такую высоту, что и десять человек, став друг другу на плечи, не дотянулись бы до первых камней замка. Сам замок не блистал высокими башнями или зубчатой стеной, мне он показался неопытным окаменевшим стогом, в котором многочисленные мыши прогрызли отверстия для окон.

Смит сказал мрачно:

— Не нравится мне этот замок.

— И мне, — сказал Дилан и виновато умолк.

Мемель долго всматривался, предложил:

— А что, граф, не лучше ли остановиться на ночь здесь в лесу? Замок какой-то уж очень... неприятный.

Эбергард кивнул.

— Да, что-то в нем нехорошее. Разбивайте лагерь.

Сэр Смит закричал ликующе, обнаружив большую поляну, окруженную стеной великанских лип, на полянке десятка два ульев, а дальше под защитой деревьев — небольшой домик.

На порог вышел сухощавый старик, в руках лук со стрелой на тетиве. Брат Кадфаэль выехал вперед и заверил торопливо, что мы мирные люди, едем мимо, хотели бы воспользоваться его гостеприимством, ибо Господь велит помогать путникам, ведь среди странников может оказаться сам Господь, он так часто проверяет жителей Земли...

А до него проверяли точно так же Зевс, подумал я с иронией, Юпитер, Род, Велес, Водан... что вообще-то и

понятно, ибо если убивать странников, прервется связь, объединяющая людей в одну породу. И разделятся они, как разошлись от общего папы ослы и лошадки Пржевальского.

Лесник опустил лук, глаза оставались настороженными, но сделал скупой жест в сторону открытой двери.

— Прошу, заходите. Пусть мой очаг будет вашим.

В дом зашли только Эбергард, Кадфаэль и я, остальные расположились снаружи, с другой стороны дома, чтобы от пчел подальше. Правда, с вечера они все в ульях, но на рассвете вылезут злые и голодные...

Мы ели уху из рыбы, наловленной в ближайшем ручье, затем суп с грибами и лесными кореньями, все одобreno луком и пряными травами, на столе сыр, масло, неперменные орехи, как же в лесу без них. Ели с великим удовольствием, соскучились без горячей похлебки. А взамен сэр Смит угостил хозяина вином, я же, несмотря на его вялые протесты, оставил золотую монету. Не как уплату, объяснил, а как память о нашем пребывании.

Кадфаэль выяснил, что пасечнику двести сорок лет, обижается, когда зовут бортником, помнит все со времен детства, тогда еще жил с семьей в городе, но когда жена умерла, восхотел мирной тихой жизни и удалился в лес, оставив взрослым сыновьям все нажитое имущество.

Эбергард слушал молча, а когда мы для ночлега нашли местечко под защитой деревьев, чтобы не стеснять хозяина, сказал негромко:

— И все-таки не понимаю. Это же Конкорд, самый первый хозяин того замка! Не понимаю... Оставить замок, оставить дружину, верных вассалов... и уйти в лес? Чтобы жить так же бездумно, как и его пчелы?

— Может, — сказал я, — это Диоклетиан? Правда, тот не пчел вроде бы...

Мемель поинтересовался учтиво:

— А кто такой Диоклетиан? Отшельник?

— Человек, — ответил я, — решивший... или осознавший, что здоровье ценнее императорской власти. Римский йог! Плюй на все и береги здоровье... Ушел из дворца, начал выращивать экологически чистую капусту, принимать бады, бегать трусцой... К счастью, успел уже подиоклетианить, так что ему можно и капусту на отдыхе, а вот когда существа прямо из яйца из овуса, как сказал бы брат Кадфаэль, начинают беречь здоровье... Этих я бы сразу душил, чтобы породу людскую не портили... Все-таки мы разные!

По их лицам понял, что мало кто что понял из моих слов, но это и хорошо. Когда говоришь непонятно — выглядишь в любом случае умным. Неважно, в самом деле, мудрость изрек или херню спорол.

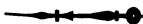
Глава 11

С утра я объехал на Зайчике вокруг нашего лагеря. Пес сделал круг еще шире, остановился, приняхиваясь. В земле отпечаток широких лап, я тупо всматривался, не понимая, то ли когти оставили глубокие ямочки, то ли копытца.

— Бобик, — сказал я просительно, — а ты как думаешь?.. Все ведь понимаешь! Пора уже просвещать меня... А я научу цитировать Киплинга... В смысле, насчет одной крови.

Пес посмотрел на меня с вопросом в умных глазах, подпрыгнул и ринулся в лес. Я вернулся к лагерю, где уже готовили завтрак на всех, леди Ингрид взялась сварить похлебку из оленины, меня встретил густой аромат. Граф Эбергард, не садясь, наблюдал за каждым моим движением.

— Серьезных противников не замечено, — доложил я.

Он поморщился.

— Вы уверены, что можете отличить серьезного от несерьезного? Я, к примеру, нет.

— Я тоже, — согласился я. — Это по моему скромному мнению. ИМХО, если хотите.

Горы за ночь потихоньку приблизились, теперь вижу, насколько древние, уже и не горы, а медленно выветривающиеся исполинские комья глины. Слоистые, каждый слой как будто некий гигантский ребенок накладывал отдельно, дожидаясь, когда предыдущие застынут. Всем нутром я ощутил, что до этого момента я, оказывается, древних гор никогда не видел. В сравнении с этими и Уральские такие же молодые, как и Гималаи, а эти выветриваются и разрушаются дождями сотни миллионов, если не миллиарды лет.

На этих горах, хоть они уже и не горы, а скорее холмы, ничего не растет, как на глине. То ли потому, что ветры и дожди смывают, то ли потому, что эта почва еще с тех времен, когда никакой жизни не существовало, и потому никакие корни не могут получить даже крупницу того, чем живут.

Но Эбергард железной рукой направил отряд мимо, там зелень и кусты, однако дорога все поднимается, воздух по-горному чище и холоднее. Наконец протоптанность заузилась настолько, что едем по одному, а с обеих сторон появились настоящие дубы, а когда кончился дубровник, пошли ясени и клены, что вообще пробовали заступить дорогу. Но когда мы поднялись еще выше, мир потемнел от обилия осин, дорожка превратилась в тропку, что уже не владеет ситуацией, а сама подстраивается даже под желания деревьев: трусливо петляет, угодливо подныривает под тяжелые угрюмые ветви.

Сэр Смит ехал впереди, я услышал его радостный вопль. Тропка снова расширилась, даже превратилась в

дорогу за счет того, что в нее влились еще две такие же, а впереди массивный четырехугольный камень размером с охотничью избушку, серый, но с неприятным металлическим блеском. Вообще-то я люблю блеск металла, но когда блестит сам металл, а не рыба чешуя, перья птицы или вот камень, который должен блестеть... иначе.

Брат Кадфаэль пустил мула вскачь, мы видели, как он соскочил на землю и припал к камню.

— Что за... — пробормотал сэр Смит.

Присмотревшись, я различил, что камень покрыт письменами, а когда Зайчик подошел ближе, я сообразил, что знаки совершенно непонятны. Брат Кадфаэль что-то бормотал, суетливо шупал глубоко процарапанные канавки, крутил головой. Я выждал, поинтересовался:

— Что там хоть написано?

— Брат паладин, сие тайна великая есмь!

Я сказал разочарованно:

— Мне показалось, что ты почти читаешь.

— Мне тоже так показалось, — признался брат Кадфаэль. — Братья из монастыря Святого Бенедикта снабдили меня примерным ключом... но все равно смысл ускользает от меня...

Я вздохнул.

— Надо ехать. Кончай лапать, а то сотрешь. Даже самый крепкий гранит стирается, брат.

Он с великой неохотой снова сел на мула, мы тронулись в путь. Кадфаэль оглянулся, вздохнул.

— Кто знает, что за великие тайны там запечатлены...

— Наверное, — согласился я. — Все-таки столько старались, чтобы так много выдолбить значков, и нигде не перепутать...

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Брат паладин, вы разве не знали?

— Чего? — спросил я с подозрением.

— Никто не выдалбливал! Это было бы крайне...

глупо. К тому же если рука чуть дрогнет или молотком не по зубилу — то значок будет испорчен... или превратится в нечто другое. Нет, брат паладин, это делается проще. Берут ком сырой глины, выравнивают вот так края, а затем пишат все, что нужно. После этого младший из колдунов произносит простейшее заклинание Камня, и вот перед нами уже неразрушимый гранит, что крепче стали, но, в отличие от стали, не поддается времени...

— А-а, — сказал я обалдело, — вот как... Что ж я не подумал о такой простой вещи! Ну да, конечно, тогда да, все ясно. Но в свете такой мудрости не думаю, что на том камне что-то мудрое. Скорее всего то же самое, что и на стелах Ашурбанипала: сколько городов пожег и разорил, сколько тысяч врагов обезглавил, а сколько утопил или увел в плен...

Зайчик тревожно фыркнул, уши задвигались, я чувствовал, как ловит пока неслышимые мне звуки. Легкий холодок пробежал по телу, а на затылке зашевелились волосы. Тревога вошла, как стрела в мягкую глину, но засела, словно в плотном дереве. Я вертел головой, пытаюсь определить, где опасность, с какой стороны нападут, но зло в самом воздухе, в скалах, нависающих над дорогой, в камне под ногами, словно те страшные удары, которыми обменивались Великие Маги в минувшую тысячи лет тому войну, нанесли незаживающие раны, и земная плоть стонет от боли и кипит ненавистью, замечая на себе существ, которые так тяжело ее ранили.

Кадфаэль вскрикнул:

— В небе!

В нашу сторону быстро неслись, постепенно снижаясь, огромные птицы с крупными головами на длинных шеях.

Сэр Смит воскликнул:

— Вот как нужен в отряде монах! У них глаза к Господу...

Я схватился за лук, птицы сделали над нами полукруг, я торопливо выпустил несколько стрел. Над головами поднялся дикий крик, кони дрожали и шарахались, впереди на дорогу рухнуло тело крупной ящерицы, наподобие варана, но с широкими и плотными крыльями из серой кожи. Варан хрипел и пытался достать кончик стрелы, что торчит из бока.

Еще два крылатых чудовища грохнулись, ломая придорожные кустарники, а третье обрушилось прямо на головы рыцарей, распугав коней.

Птицы тут же поднялись выше, злобно каркали визгливыми, скрипучими голосами, ходили над нами кругами, но ни одна не решалась опуститься ниже.

Сэр Смит крикнул:

— Хорошо, что тупые!..

— А что бы могли? — спросил Мемель.

— Любой камень с хорошей высоты пробьет любую голову.

Я оглядывался, привстав в стременах, увидел в дальней стене ущелья темные отверстия.

— В укрытие, — крикнул я громко. — Там сумеем спрятаться.

Эбергард спросил раздраженно:

— И дождемся, когда настигнет погоня?

— Я так далеко не заглядываю, — огрызнулся я. — Сэр Смит, Кадфаэль!.. За мной.

Повернув Зайчика, я услышал стук копыт коня Смита и мула Кадфаэля, а чуть погодя — слитный гул скачущего отряда, где и топот, и позвякивание железа доспехов, и шуршание кожаных ремней, сбруи.

Высокая стена загрозила солнцу и половину неба, а затем надвинулась с грохотом копыт. Впереди сверкающая фигурка Дилана отчаянно размахивала руками у входа в просторную пещеру.

Сэр Смит и Кадфаэль въехали первыми, за ними с нерешительностью рыцари, поглядывая на Эбергарда, но тот смолчал. Я держал лук наготове, выстрелил пару раз, но птицы держались настороже, я отступил наконец к зияющему пролому, взглянул в последний раз на синее небо.

— Зайчик, — сказал я, — давай за всеми.

На меня посматривали с подозрением. Я сам чувствовал себя как на иголках, осмотрел пещеру: огромная, как будто мы на конях въехали в гигантский кафедральный собор, только вместо летающих ангелов на своде смутно проступают в полутьме белые длинные зубы сталактитов.

Смит заговорил, но послышалось хлопанье крыльев, он умолк, а в пещеру влетело крылатое чудовище, обнаружило нас, обрадованно каркнуло, и вскоре влетели остальные.

— Что и требовалось, — процедил я.

Тетива зазвенела в моих руках, я стрелял в первую очередь в тех, кто близко к выходу, чтоб удрать не успели, чудовища закричали, заметались, но высокий свод не достаточно высокий, стрелы достают всех, я сцепил зубы и стрелял в предельном для меня темпе.

Рыцари возбужденно вскрикивали, Эбергард довольно кивал, последняя тварь каркнула и рухнула у самого входа. Дилан пустил коня вскачь, копыта с хрустом растоптали чешуйчатую спину.

— Выходим, — велел я.

Застучали копыта, рыцари смеялись и хлопали друг друга по плечам. Внизу отвратительно хрустели тонкие кости гигантских птицевещеров, яркий свет солнечного дня ударил по глазам, словно мы просидели в темноте годы.

Эбергард поравнялся, я с любопытством ждал, что изволит сказать граф, однако он лишь заметил с холодком:

— На будущее, сэр Легольс, постарайтесь...

— Что именно?

— Не командовать моими людьми, — посоветовал он. — Сейчас вы придумали неплохой трюк... Но если бы птицы за нами не последовали?

Я пожал плечами.

— Подождали бы минут десять и выехали бы наружу. Потеря десяти минут — не такая уж и потеря.

Он подумал, кивнул.

— Да, конечно. Но все-таки у меня больше воинского... и прочего опыта. Не пренебрегайте им.

Передние всадники снова унеслись далеко вперед, бдили, но едва показался в сторонке лес, свернули под защиту широких крон, памятуя наказ, что лучше сделать десяток лишних миль, но одурачить врага, чем выйти лоб в лоб и погибнуть, не выполнив задачи и подставив под удар настоящего сюзерена.

Сэр Смит, очень довольный, заорал песню, двое-трое рыцарей подхватили. Так ехали через лес около часа, но вскоре послышался топот копыт, навстречу неся Дилан.

— Дорога выводит из леса, — крикнул он, запыхавшись, — но... посмотрите сами!

Эбергард первым пришпорил коня, я замешкался, но быстро обогнал, проскочив рядом с узкой тропкой. Двое дозорных внимательно смотрели поверх зарослей кустов. Мы все остаемся в тени, так что доспехи не выдадут нас солнечными зайчиками.

По ту сторону деревьев простирается залитая солнцем ровная долина с невысокой рыжей травой, а с той стороны из-за холмов в нашу сторону движется отряд всадников. Хотя едут мелкой неторопливой рысью, за ними поднимается облако желтой пыли. В лучах солнца тускло блестят доспехи, обнаженные мечи и металлические бляхи на конской сбруе.

— Уходим, — сказал я, опережая Эбергарда. Спыхватился: — Граф Эбергард именно это хотел приказать, но я так стараюсь ему понравиться, так стараюсь, что всегда забегая вперед...

Мемель буркнул за спиной:

— Сэр Ричард, потому с вами хорошо дерьмо есть. А вот что-то другое делать...

— Отступаем, — коротко сказал Эбергард. — Мне кажется, они двигаются по этой же дороге. Это значит, к погоне за спиной добавились отряды впереди...

Мемель взглянул на меня:

— Сэр Ричард меня приятно удивляет. Сказал «уходим» и не стал оправдываться.

— А зачем оправдываться? — спросил я.

Он кисло усмехнулся.

— Большинство наших рыцарей скажет, что отступать стыдно.

Я фыркнул.

— Отступить — это чаще всего заманить, как говаривал великий Суворов. А я, может быть, вообще кутузовец.

Умело орудуя поводьями, мы заставили коней попятиться, из глубины леса шагом подъезжали остальные, я увидел испуганные глаза леди Ингрид, Брайан что-то нашептывал ей на ухо, его черные, как маслины, глаза следили за мной неотрывно.

От пастухов близ дороги узнали, что небольшая речка впереди отделяет владения баронства, по земле которого едем, от следующего. А здесь, на самом кордоне, поселилось племя фрэнков, гордое и воинственное, поклоняющееся странному богу с птичьей головой, за что им достается как от южан, так и от христианской церкви. Издавна здесь существовало хрупкое равновесие, вернее, безвластие, потом сюда добрался с сильной дру-

жиной барон Труггорн. Но тревожный для фрэнков период продлился недолго, Труггорн вскоре как-то странно затих, перестал обращать внимание на то, что фрэнки не признают Христа, отложил намерение истребить их всех под корень. И теперь эти люди не знают, что последует дальше, ложатся спать с оружием, что ну никак не улучшает их нравы и отношение к любым чужакам.

Я привставал на стременах, всматриваясь в шумящую далеко внизу реку и дальний хребет. В воздухе от близости воды веет прохладой, свежестью несет из соседнего леса, только от земли поднимается теплый нечистый воздух. Река в это время мелеет, ее легко перейти вброд, даже видно, где вода отступила совсем недавно, оставив на берегу мокрый песок.

На той стороне по склону густой непролазный лес, даже непонятно, как можно переправляться, тропы не видно, а кони по лесу не ходят, тем более с повозками, кони и повозка — уже цивилизация. Далеко на холме видны домики этих загадочных фрэнков, в отличие от наших бревенчатых, у фрэнков дома из глины, а крыши под соломой, хотя камышей везде предостаточно.

Подъехал сэръ Смит, огляделся, все ли видят, что он близок с таинственным сэром Ричардом, что подносит один сюрприз за другим, сказал заговорщицки:

— Я переговорил тут с крестьянами в поле... Ожидают нападения с той стороны. Думаю, нам не стоит попадать между молотом и наковальней.

— Кто, барон нападет?

— Нет, сами фрэнки пошаливают. С тех пор, как барон Труггорн перестал вмешиваться...

Я кивнул, все здесь напоминают, что прежний хозяин баронства, в земли которого вступаю, последние годы перестал интересоваться хозяйством, а занялся, как бы в моем мире сказали, внутренними проблемами. Даже внутренним миром человека. Своим внутренним миром.

Значит, ушел либо в буддизм, либо в астрологию, а то и вовсе во что-нибудь обыденное. К примеру, стал читать Библию и находить в ней все новые настрадания Предсказамуса.

— Такие нападения, — согласился я, — еще хуже.

— Большие народа?

— Да это неважно, — сказал я зло. — С погоней все понятно, а вот попасть в эпицентр схватки хуже некуда. Не будешь знать, куда и броситься.

— Что будем делать?

— На всякий случай скажи... нет, передай мой совет Эбергарду, пусть не отпускает дозорных слишком далеко. Сейчас нам лучше держать все силы в кулаке.

Он кивнул, красиво повернул коня, подняв на дыбы и заставив всех обратить внимание на его лихость и искусство в управлении конем, помчался к Эбергарду.

Брайан неотлучно держится возле леди Ингрид, брат Кадфаэль нашел паству среди молодых рыцарей, я пустил Зайчика вперед. Эбергард с двумя рыцарями остановился на пригорке. Лицо серьезное, встревоженное.

Большинство замков обрастают строениями, жители которых отдаются под покровительство могущего сеньора и его вооруженной шайки, так вырастают целые города, но этот высится уединенно на вершине скалистого холма. Тяжелые стены из черного базальта как оскорбление господу Богу на синем безоблачном небе. Да и сам холм зеленый, покрыт свежей молодой травкой, а вот замок — олицетворение зла и враждебности.

— Барон-разбойник, — сказал я.

— Кто? — переспросил Эбергард. — Вы его знаете, сэр Ричард?

— Нет, но так у нас звали... зовут сеньоров, что промышляют грабежами и разбоями.

Он посмотрел по сторонам, затем на меня с неясной мне подозрительностью.

— А вы могли не совсем уж и промахнуться, сэр Ричард!.. Вон там прекрасная дорога с юга. Купцам с караванами иначе как здесь не пройти! Слева отвесные горы, а справа зыбучие пески.

— Зыбучие?

— Зыбучие, — подтвердил он с уверенностью. — И тянутся... далековато. Так что всякий предпочтет пройти здесь, уплатив мзду.

Дилан произнес вполголоса:

— Думаю, нас уже заметили.

Смит возразил задиристо:

— Ну и что?..

— Да так, просто сообщаю. Здесь не так часто проезжают, чтоб не обратить внимания.

— Пусть смотрят, — разрешил Смит великодушно. — Мы не совсем беззащитные, а если даже нас одолеют... то что возьмешь? Не знаю, что за сокровища везете, но в любом случае схватка будет жаркая. Потеряют они намного больше.

Я смолчал, рыцарь сказал с недоумением:

— Сэр Смит, вы рассуждаете, простите великодушно, как будто... ну просто простолюдин какой-то! Странно такие речи слышать от такого достойного рыцаря, чьи доспехи иному герцогу впору. Настоящие благородные люди станут ли смотреть на такие мелочи, как, скажем, жизнь?..

Глава 12

Наши кони с надеждой посматривали на краснеющее небо, солнце разбухло и медленно сползает, как багровый яичный желток по наклоненной раскаленной сковороде.

Наши дозорные остановились на вершине холма и махали нам руками. Эбергард сказал раздраженно:

— Ну что еще там?

Смит заметил философски:

— А что может быть? Кто-то кого-то грабит.

Мемель остался следить за порядком в ядре отряда, Зайчик ощутил свободу и во мгновение ока опередил Эбергарда и Смита.

На вершине холма рыцари весело наблюдали, как далеко внизу большая группа всадников ворвалась в деревушку. Кого-то на ходу рубили, тут же хватили женщин и, сдирая одежду, валили наземь. А с кого-то одежду даже не сдирали.

Из домов выскакивали крестьяне с топорами и вилами, а кое-кто, судя по вылетающим из распахнутых дверей захватчикам, остался в доме и бился смертным боем там. Я задумался на миг о их нелепой гибели: ведь понятно же, что погибнут, деревню не отстоят. Погибнут просто так, не выполнив никакой задачи...

Эбергард сказал холодно:

— Этим мародерам не до нас. Не будем медлить.

За спиной слышались голоса, Эбергард взмахнул рукой, рыцари послушно спустились на ту сторону холма. Зайчик шел ровной рысью, я еще оглянулся разок, не оставляло чувство, что в чем-то промахнулся, какой-то важный момент проглядел. В чем-то гибель этих крестьян небесполезна. Как для себя — да, для спасения деревни — да, но если взглянуть с высоты на весь вид или род человеческий, то вроде бы нелепой смертью сделали нечто важное. И передние нападающие погибли, а это хоть чуточку да охлаждает пыл, и честь деревенских защитили: не все трусы и убегают вместе с женщинами, и... что-то еще более важное, что есть, есть, но не могу сейчас ухватить, поймать за хвостик...

Тройка во главе с Диланом вела отряд по ту сторону холмов, лишь в одном месте замерла, Дилан отчаянно замахал рукой.

— Вперед, Зайчик, — сказал я. — Похоже, снова неприятности...

С вершины холма открылся простор, однако кровь застыла в жилах. В первый миг я еще не понял, что увидел, но холод пронзил все тело. Сперва показалось, что вижу огромную колонну переселяющихся черных муравьев. В детстве не раз видел, как после теплого дождика они вылезают тысячами тысяч, выстраиваются в колонну и бегут куда-то целеустремленно, нацеленно, деловито.

И вот сейчас эта широкая черная река, лишь два коротких зигзага, это огибает в одном месте отвесную стену, в другом — зыбучие пески, а так грозная река течет на север, только на север.

Я сжал челюсти: это не просто на север, это в нашу сторону движается пешая колонна ратников, лес длинных пик покачивается над головами. Идут по шестеро в ряд, сейчас уже, когда присмотрелся, вся колонна выглядит не муравьями в боевом походе, а гигантской черной гусеницей, ошетилившейся ядовитыми волосами. Пики у каждого, грозное оружие, только ими, упершись тупым концом в землю, можно остановить скачущую конницу. Редкого коня заставишь ринуться прямо на острия копий.

Дилан прошептал устрашенно:

— Что делать, сеньор?

Я помедлил, за спиной послышался грохот копыт, появился граф Эбергард, конь под ним пляшет, норovit ринуться с холма вниз и ввязаться в бой, настоящий рыцарский конь.

— Там король! — воскликнул Эбергард. — Все-таки двинул войска!

— Здесь есть вблизи города, — спросил я, — или замки, что принадлежат кому-нибудь нейтральному?

Он сказал зло:

— Еще бы! Вон прямо перед нами крепость, там полгода назад объявили о выходе из подчинения королю. Теперь этих олухов сотрут с землей, а мы окажемся под копытами целой армии!

Я все еще не мог оторвать взгляда от исполинского войска, что шестью колоннами спускается в долину. Здесь не меньше двенадцати тысяч человек. Все — мужчины. И все погибнут, убив столько же, если не больше, других мужчин и женщин на землях Севера.

Ни волк, ни тигр, ни лев не убивает себе подобных, а только вот разумные, живущие в обществе: люди и муравьи. Но ведь только люди и муравьи — цари природы. Если не будут убивать себе подобных, то земная кора не выдержит их тяжести и погрузится в кипящую магму.

Нас не замечали или просто не обращали внимания. Трое всадников не могут представлять опасности. Тем более что это, скорее всего, свои.

— Что будем делать, ваша светлость? — спросил Дилан, спохватился и посмотрел виновато на Эбергарда.

Граф сделал вид, что не заметил промаха молодого рыцаря, то ли нарочитого, то ли нечаянного, помедлил, всматриваясь в боевые колонны.

— Мы можем пройти по гряде холмов, — проговорил он, — главное, не входить в соприкосновение. Вряд ли нас сразу убьют, мы не враги, но могут отнять коней и доспехи, могут заставить присоединиться к их войску.

Все воины внизу, как я отметил с немалым удивлением, в прекрасных доспехах, с мечами, топорами и длинными ножами на поясе. Почти у всякого кольчуга, которую в мои древние времена принято было называть миланской и считать ее лучшей в мире. Из-за сложности изготовления она стоила баснословно дорого и доставалась разве что королям, да и то далеко не всем. А здесь такие кольчуги на каждом воине, знатный он

или простолюдин. А на рыцарях поверх кольчуг еще и доспехи изумительной выделки: с выпуклыми гербами, львами, орнаментами, а у простых воинов лишь панцири из великолепной стали.

— Этот король очень хорошо подготовился к завоеванию мира, — сказал я. — Очень... Думаю, не на свои средства. Как многозначительно говорят в моем королевстве, за его спиной стоят определенные силы. Весьма могущественные.

Эбергард покосился удивленно, затем перевел взгляд на прекрасно экипированные войска, на лице проступила благородная задумчивость.

— Знаете, сэр, — проговорил он медленно, оглянувшись, леди Ингрид и Брайан далеко, — сэр Ричард... мне это как-то не приходило даже в голову. А вообще-то верно, такое войско захолустному королю не собрать. Крепких мужчин можно нагнать и в десять раз больше, но вооружить вот так... гм... У вас очень острый взгляд!

Я пошаркал ногой в стремя.

— Но это же очевидно, сэр...

— Смотреть и видеть, — уточнил он, — не одно и то же. Вообще-то вы, сэр Ричард, получили образование, достойное сына императора. Только их учат, полагаю, замечать такие детали.

Я пошаркал ногой сильнее, из-за чего Зайчик раздраженно дернул кожей, будто сгонял овода. А то и слепня.

— Ах, сэр, — сказал я очень смущенным и донельзя жалким голосом, — надеюсь, вы меня не выдадите...

Он вздернул брови, но сообразил, хоть и не сразу, что это шутка юмора, кивнул Дилану, и мы двинулись по вершинам, по отрогам, избегая спускаться в долины, где если не войска, то шныряют легкие отряды в поисках провианта.

Выбрались из мелкого леска, холм не очень и высок, но распахнулся простор, главное — впереди великолепная грозная крепость.

Дилан, он двигался впереди, охнул и сделал движение подать коня назад. Такая же точно стальная лавина с длинной щетиной копий течет вниз по направлению к стенам крепости. Доспехи блестят, воины двигаются так тесно, что выглядят единым организмом, стальной рекой. На миг показались одинаковыми роботами, где все из железа, а лес вскинутых к небу копий настолько густой, что кажется сплошным частоколом.

Двигаются напористо и неудержимо, постепенно ускоряя шаг, а когда до крепостной стены осталась дистанция выстрела из хорошего лука, перешли на бег.

Рядом со мной свирепо сопит сэр Смит, подпрыгивает в седле, руки дергаются — наносит удары, закрывается щитом, подныривает, бьет снизу, хватает коня противника за узду и тянет за собой так, что ошеломленный всадник лишь беспомощно всхрюкивает...

Эбергард смотрит тоже с горящими глазами, но этот оценивает положение отрядов, расположение войск вообще, высоту стен крепости, количество приставных лестниц, проигрывает в уме возможные ходы с обеих сторон.

Я скомандовал:

— Отходим!.. Возвращаемся в лес. А там по дуге снова выйдем к южной дороге.

Глаза Эбергарда погасли. Быстро оглядел остальных: Смита, своих рыцарей, зачарованного Мемеля, даже Брайана и леди Ингрид, что засмотрелись на исполинскую схватку, проговорил медленно:

— Ваша светлость... вы умеете сохранить ясную голову.

— Дык я ж герцог! — сказал я хвастливо. — Я должен бдеть за все Пуатье.

Он кивнул.

— Да-да, вы правы. За все Пуатье... Все слышали, что велел сэр Легольс? Отходим в лес!

Перепроизводство мужчин, сказал я себе. Мало кто из этих нападающих уцелеет, точно так же из тех, кто стоит на стене. Но уцелевшие будут считаться самыми сильными, самыми умелыми и живучими, а раз так, то природа им позволит продолжить род... не только в своей семье, но во многих-многих еще, где мужчины погибли. Чтобы, значит, потомство шло от лучших. Эти вот истребительные войны — что-то вроде ритуальных боев оленей за самку.

С поправкой на человеческую природу, что не понимает условных схваток.

Дилан унесся вперед к небольшой речушке, мы видели, как он машет руками, указывая удобное место для ночлега. Небольшая петля, с нашей стороны песчаный берег, с той — обрывистый глинистый с темными норками речных ласточек. Солнце только что опустилось, на том месте горит расплавленным металлом кровавый закат.

Лес темнеет всего в двух сотнях шагов, как осевшая на землю беззвездная ночь. Над нами могучие ветви кряжистого дуба, чуть дальше — пара толстых ив, которые принято звать плакучими, а так везде простор, никто не подберется в густой траве или за кустами. Воздух теплый, как только что сдоенное молоко, в небе все ярче горит половинка месяца, но если присмотреться, еще можно рассмотреть и другую, похожую на призрак.

Смит оглядывался в сторону ближайшего леса. Мне показалось, что они с рыцарями заключают какие-то пари. Несмотря на мой запрет, впрочем — вялый и потому непонятный, Пес, тайком поощряемый Смитом и Диланом, притаскивал оленей, кабанов, крупную рыбу, гусей, за что Смит и рыцари его наперебой чесали, гла-

дили, вынимали из шерсти колючки, хвалили, а кто из нас устоит перед похвалами?

Огонь разожгли такой, словно нас сядет у костра не меньше сотни. Обдирали шкуры, свежевали, разделывали туши и тушки, потрошили рыбу, затем так же старательно жарили, нисколько не заботясь, что из темноты за нами следят десятки желтых и зеленых глаз. Пес посматривал на зверей в темноте со снисходительностью льва на щенков болонки. Ингрид подсела ближе и ласково чесала за ушами, Пес полузакрыв глаза, довольно похрюкивал, морда стала донельзя глупая, как у всякого, когда гладят и чешут.

Ночью в тревожном сне я пытался взлететь, избегая погони, но отяжелел так, что и бежать не мог, за мной гонятся огромные грохочущие всадники, сердце замирает в смертельном ужасе. Дважды просыпался, словно падал в бездну, кое-как засыпал, а когда утром открыл глаза, вскочил в страхе.

Вокруг кустарник, хотя вечером здесь не было даже травы, ложились вокруг костра на роскошнейшее ложе из скорлупок желудей в три-четыре слоя. Лес по-прежнему в двухстах шагах, над нами шумит под утренним ветерком могучий дуб, от реки доносятся требовательные лягушачьи крики.

Смит раскладывает на скатерти куски холодного мяса, сыра, ломти хлеба, невесело улыбнулся:

— Как спалось, сэр... Легольс?

— Неважно, — ответил я. — Завтракаем всухомятку?

— Сэр Эбергард распорядился, — сообщил Смит. — Велел позавтракать как следует! На обед, возможно, останавливаться не придется...

Я открыл рот, хотел спросить, что за ерунда с нами, но Смит охнул, ухватился за меч. Ветерок шелестит листиками кустарников, качает ветви, но один из кустов

раскачивается как будто сам по себе, мы остолбенело смотрели, как он начал выдирать из сухой земли беледые корни, мелкие корешки обламывались, на местах слома быстро выступил белый сок и мгновенно застыл, останавливая кровотечение, а куст приподнялся на растопыренных корнях, похожий на безобразную карака-тицу, сдвинулся вперед, едва не завалился набок, потом еще на шаг, корни начали с усилием вбиваться в твердую землю, углубляться, снова обламывались оставшиеся мелкие волосики корешков. Я почти чувствовал, как куст стонет от боли, однако продолжает вгонять корни в сухую мертвую землю, наконец опустился, листья продолжали трепетать, хотя ветра уже нет.

— Забейнист, — прошептал Смит.

— Что это? — спросил я. — Просветите невежду.

Подошел Эбергард, всмотрелся в шагающий куст, лицо хмурое, сказал скрипучим голосом:

— Из какого медвежьего угла вы, сэр... Легольс?

— Из хорошего, — ответил я. — А что, завидуете?

— Иногда, — ответил Эбергард, он не отрывал взгляда от странного куста, — очень даже весьма. Жить в глуши, крутить коровам хвосты, ничего не знать... Словом, когда земля была выжжена, кто-то из уцелевших магов сумел создать особый вид трав, кустов и даже деревьев. Особенно жизнестойки, корни запускают на невероятную глубину, семена разбрасывают самым надежным способом, отправляя их тысячами в полет, а кроме того сами умеют, достигнув матерости, передвигаться...

— Это они самок ищут, — возразил Смит, он всегда возражал графу. — Я слышал, что бывают кусты-самцы, а бывают — самки...

Граф Эбергард проигнорировал глупость, а что глупость, он показал всем своим видом: умело приподнятая бровь, искривленная губа, объяснил мне:

— Иначе землю не удалось бы оживить так быстро.

Они вот так наступают и на пустыни, и на болота. Даже горные склоны разрушают!

Смит сказал тут же:

— А потом крестьяне не знают, как от них избавиться! И жгут, и водой отгораживаются...

Граф Эбергард сказал лениво, обращаясь ко мне:

— Ерунда. Забейнисты, как вы видите, двигаются очень медленно. Защищаться вообще не могут, разве что колючки, так это от прожорливых коз. Двое мужиков с топорами легко останавливают любое наступление забейниста. Но леность простолюдинов заставляет их обращаться к магам или священникам, вместо того чтобы просто взять топоры и расчистить себе места столько, сколько нужно.

Утренний туман вместо того чтобы под напором солнечных лучей еще больше прижаться к земле и в конце концов просочиться в нее, поднялся на уровень верхушек невысоких деревьев и застыл там, похожий на молочный кисель. Сосны, кедры и могучие лиственницы выглядели странно укороченными. Я все чаще посматривал наверх, холодок вгрызся в спинной хребет и пошел растекаться по всему телу.

После плотного завтрака разобрали коней, Эбергард и Мемель поспорили, вправо или влево ехать. Я послушал и сказал твердо, что ехать нужно, как подобает настоящим рыцарям: не умничать, не искать легких дорог, а переть гордо прямо.

Рыцари довольным гулом поддержали, Эбергард посмотрел на меня пристально, но пожал плечами и сказал коротко:

— Едем прямо.

Утреннее солнце разогнало сырь, кони взбодрились, Пес нарезал вокруг отряда широкие круги, затем исчез за деревьями. Мы двигались по опушке, солнце с той стороны, мы в тени, хорошо.

Брат Кадфаэль догнал и спросил кротко:

— Брат паладин, а почему ты решил, что нужно прямо?

— Знаешь, — сказал я важно, — перед нами сложная этическая задача. Ну как в том случае, когда на развилке камень с надписью: направо пойдешь — коня потеряешь, налево пойдешь — собаку потеряешь, прямо поедешь — о камень навернешься... Мы же, как мужчины, не должны выбирать простые варианты. Верно, сэра Смит?

Сэр Смит подтвердил с готовностью, что да, всем задницу надерем. Он еще на выезде облачился в доспехи, разве что забрало не опустил, и сейчас, судя по воинственно поднятым усам, ищет драки.

Брат Кадфаэль посмотрел на меня с недоверием и отъехал в сторонку чуточку обиженный.

Хребет все-таки приближается, но слишком медленно, не приметно, начинает казаться, что подкрадывается к нам ночами: в дороге смотрим по сторонам и прислушиваемся к каждому шороху, а утром окидываешь взглядом окрестности — ого, снежные пики видны куда отчетливее.

Сегодня с утра вместо игривых лесов идут чащи из угрюмых сосен, густого ельника, а вся местность выглядит не просто дикой и безлюдной, а враждебной, где из-за каждого дерева смотрят злые глаза и скалятся острые клыки.

Высланный вперед Дилан добросовестно отыскивал обходные пути мимо исполинских буреломов, сушее проклятие для коней. Сэр Смит ворчал, что погоне намного легче: им дорожку не искать, всего лишь идти по следу.

Дважды за день ухитрились заметить подозрительные группы всадников. Может, правда, по своим делам едут, но пуганая ворона дует и на воду, мы благополучно переждали в зарослях, пока те проскакали мимо.

— Шастают, — сказал Смит пренебрежительно, — восемь человек!.. Что они для нас?

— В драку не стали бы ввязываться, — сказал Мемель. — Тут же послали бы одного-двух к главному отряду.

Эбергард морщил аристократический нос.

— Просто не терпится, — обронил он холодно. — Могли бы просто сесть и ждать. Все равно все дороги на Юг идут в тупики, кроме одной. А та, как вы знаете...

Он умолк, все тоже молчали. Я тоже узнал недавно, почему все дороги обрываются. Об Ущелье не любят говорить, а когда кто-то начинает, обычно спьяну, на того шикают все, кто поблизости. Ущелье возникло в последнюю Войну Магов, буквально раскололо планету, протянувшись на тысячи миль и фактически разделив мир на Север и Юг, потому что никто не мог и подумать о том, чтобы перекинуть мост через Ущелье: и ширина непомерная, мост обрушится от собственной тяжести, и, самое главное, из-за чего не любят упоминать Ущелье, — там вход в ад. В жутком мареве бездны отчетливо виднеются огненные призраки вечно сжигаемых душ, доносятся едва слышимые отчаянные крики грешников.

Однако сейчас, по мере того, как прем в сторону Юга, иногда по намекам, по прервавшейся речи можно понять, что мыслями мои спутники идут по краю Ущелья.

Я посматривал по сторонам, страшимся собственной тени, как унижительно, рыцари едут молча, какие песни, даже разговоры только шепотом.

— Хорошо бы натравить их друг на друга, — сказал я мечтательно.

— Как? — удивился Смит.

— Не знаю, — признался я. — В мире высоких информационных технологий все возможно. Например, сообщить одним, что те их зовут желтыми червяками. А тем наябедничать, что их обозвали дохлой рыбой...

Смит посмотрел с отвращением, я улыбнулся примирительно, но все равно он посматривал с неодобрением. Даже шутить так грязновато, все-таки мы рыцари, что-то я перемудрил, воевать надо честно.

Кадфаэль часто посматривал в небо, что и понятно, монах, ждет знак свыше, я посоветовал:

— Заодно высматривай и санитаров неба.

— Кого-кого?

— Драконов, — объяснил я. — После той мелочи, что мы побили, могут послать и танки с крыльями.

Глава 13

За весь день останавливались всего дважды: поили и кормили коней, сами перекусили. Пес напрасно натаскал здоровенных кабанов, Смит пришел в отчаяние, рыцари тоже сокрушались, такую добычу да бросить, только Брайан и леди Ингрид радовались возможности ехать без остановок и отдыха.

Смит сказал мне вполголоса, что их гонит что-то совсем уж страшное. Я промолчал, а он, тут же забыв о влюбленных, заговорил о Юге, где он станет лучшим рыцарем при дворе императора, увидит все чудеса и богатства, сам добьется богатства и знатности.

Голубизна неба постепенно перешла в густую синеву, но вместо величественного заката на все небо разлилась серо-алая муть.

Граф Эбергард отъехал в сторонку, вздернул лицо, губы зашевелились, а глаза опустели, как у незрячего. Граф Мемель смотрел с испугом, но помалкивал. Наконец Эбергард опустил голову, под глазами темные мешки, лицо осунулось, а голос прозвучал странно надтреснуто:

— На тракте засада.

Сэр Смит тут же спросил:

— А обойти...

Он взглянул на меня виновато, прикусил язык. Но Эбергард ответил, как если бы спросил я сам:

— Слева ущелье, справа отвесные горы. Дорога только здесь. Через ущелье лишь птицы перелетают... да и то не все, а скалы справа такие, что муха не удержится на их стенах. Боюсь, что другого пути нет.

Холод прошелся по моему телу, я спросил нарочито бодро:

— Это вы в небе увидели?

— И в небе тоже, — ответил Эбергард сухо. — Думаете, почему там орлы кружат? Добычи здесь на равнине больше. К тому же, сэр Легольс, повоюйте с мое, будете безошибочно угадывать, где лучше поставить засаду. Все мы одинаково мыслим, все предпочитаем удобные места. Да и к тому же за это время кто-то мог на легких конях обогнать нас по дуге и успеть собрать охотников...

— За хорошие деньги, — согласился я. — Знаете что, кони у нас едва передвигают ноги. Место для ночлега здесь не хуже, чем любое другое. А утром, как говорится, что-то там мудренее.

Граф посмотрел с недоумением, но спорить не стал, мы расседлали коней и пустили пастись в кустарник. Кадфаэль, Брайан и леди Ингрид быстро собрали хворост и разожгли костер. Пес принес оленя, затем козу и двух крупных птиц, похожих на дроф.

Я заметил спокойно:

— Граф, вы не очень-то готовьтесь ко сну.

Эбергард насторожился.

— А что случилось?

— Ночью орлы спят, — пояснил я. — Для вас это, наверное, новость. Нам проще будет подобраться к засадникам. Не все будут сидеть с арбалетами наготове, верно? Оставят сторожить двух-трех, остальные будут набираться сил для схватки утром, когда мы пойдем, как идиоты, в западню.

Он кивнул, глаза его внимательно изучали мое бесстрастное, надеюсь, и весьма красивое в мужественной решительности лицо. Я повернулся к брату Кадфаэлю. Он сидит у костра бледный, глаза ввалились, челюсти плотно сжаты. Багровый огонь отражается в бесцветных глазах, и кажется, глазницы монаха, даже весь череп заполнены горящими углями.

— Ты чем-то можешь помочь?

— Увы, — ответил он с тяжелым вздохом. — Если я мог, скажем, погрузить их в сон, мы бы проехали мимо, никого не тронув... Ты это хотел сказать? Да, ты тоже не любишь проливать христианскую кровь... и не проливаешь без необходимости. Но я по своему сану вообще не могу вредить людям. Я не воин, как ты, я всего лишь смиренный монах, который несет Слово Истины в темные, погрязшие в грехе края...

Я сказал невесело:

— Но если мы поедem дальше, нас всех убьют.

Он вздохнул еще тяжелее.

— Да, но... мученическая смерть лучше, чем стать убийцей. Я не могу поднять на них руку, ибо у кого-то из них трое-четверо детей, что будут голодать без отца, а то и помрут, кто-то юн, но содержит престарелых отца и мать... Они тоже умрут, когда узнают о смерти любимого сына... Там простые люди, выполняют приказ, они не виноваты.

Я буркнул:

— Но мы не можем добраться до сволочи, что отдала приказ о засаде. Всегда на полях войны гибнут рядовые, кто даже не знает, из-за чего война. А главные сволочи за редким исключением остаются целыми всегда. Неважно, кто победит, но сволочи всегда целые... Ладно, брат Кадфаэль, твою позицию интеллигента и демократа я понял. Я сам отберу бойцов, с кем пойду в разведку.

Сэр Смит спросил удивленно:

— В разведку?

— Разведку боем, — сообщил я, — что плавно перейдет в прорыв вражеской линии Мажино и Маннергейма.

Эбергард, Смит и Дилан двигались бесшумно, явно не только в рыцарских турнирах участвуют. Чувствуется выучка тех, кто умеет сражаться в лесу и в поле, снимать часовых и драться безжалостно, насмерть. Я заставил себя отстать, глаза наконец приноровились к ночи, теперь видно отчетливо, все трое двигаются как красные призраки, трава и кусты из-за разницы в температуре смотрятся почти стеклянными.

Эбергард вздрогнул от моего прикосновения, я шепнул тихонько:

— Они вон там...

— Откуда такие идеи?

— Вижу, — сообщил я скромно. — Дорога перекрыта двумя деревьями. Невысоко, но ветки, ветки... Сразу за ними трое с арбалетами. Сволочи! Церковь же запретила это бесчестное оружие... А дальше в трех шалашах — остальные...

Он смотрел с недоверием.

— Вы что же... в самом деле все видите?

— Господь дал мне этот дар, — объяснил я и опустил взор. — За благочестие и непомерную скромность. В этих шалашах народу многовато, но... судя по сплюснутой массе, спят. Во всяком случае, лежат.

Смит и Дилан слушали нас жадно, я видел блестящие глаза, Смит дышал шумно и жарко, воздух изо рта вырывался красный, словно подсвеченный фонарем.

— Те, что в шалашах, — произнес тихонько Эбергард, — опасности для нас не представляют...

— Сейчас перестанут представлять и арбалетчики, — заверил я.

Все трое напряженно всматривались в темноту, я

вытащил первую стрелу, наложил на тетиву. Еще не стрелял вот так в полной тьме, когда ни луны, ни звезд, но если цель видна отчетливо...

Первая стрела сорвалась бесшумно, только тетива звучно шлепнула по пальцам, вторая, третья. Я бил почти в упор, без промаха. Эти сволочи беззвучно роняют арбалеты и падают лицами в землю. Не говоря ни слова Эбергарду, сделал несколько шагов вперед и принялся быстро выпускать стрелу за стрелой в красные тела по ту сторону шалашей.

Пару минут там было тихо, затем раздался крик боли и ужаса. Эбергард дернулся, я сказал жестко:

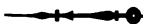
— Всем сидеть!..

Они невольно послушались, в это время из шалашей метнулись красные силуэты. Кто-то падал на бегу, я торопливо выпускал стрелу за стрелой, наконец один догадался выбежать уже с горящим факелом и метнул в кучу хвороста. Вспыхнул огонь, заметались тени, я выпустил еще с десятков стрел, Эбергард поднялся, лицо жесткое, прорычал:

— Убить их всех!

Я торопливо отпрыгнул в сторону, чтобы не маячили спины своих. Стрелы срывались с тетивы до тех пор, пока Эбергард, Смит и Дилан не превратились в такие же красные силуэты, но сейчас еще и проклятый свет от костра бьет по нервам, как молотом, переводя восприятие с термовидения в реальный мир, и тут же швыряя обратно, стоит кому-нибудь заслонить огонь спиной.

У костра металась фигура, звенело железо, люди падали с истощенными криками. Мой меч уже покинул ножны, я забежал с той стороны, куда не достигает свет костра, из шатра как раз выскакивают сонные мужчины, но с обнаженными мечами, с палицами и топорами, дико орущие проклятия.

— Верно, — согласился я, — кто способен разбудить спящего — тот способен на любую пакость...

Меч рассек двоих, как снулую рыбу, прежде чем остальные поняли, что в темноте кто-то их убивает молча и быстро. Поднялся крик, бросились в сторону костра, я догнал двоих и убил в спину.

— Кто к нам с мечом придет, — прорычал я зло, — тот в орало и получит... Даже если это орало на спине.

Эбергард и Смит сражались у костра, но когда я подбежал, последний из засадников упал прямо в костер, на нем сразу же вспыхнула одежда. Дилан пробежался за деревьями, кого-то добил, я видел, как он превратился в красную тень, втыкающую меч в распростертые тела.

— Ни один не ушел, — сообщил он, запыхавшийся, с помятыми на плечах пластинами доспехов, безмерно счастливый, в глазах обожание. — Дорога свободна!

— Тогда не будем ждать, когда ее перегородят снова, — сказал я. — Как полагаете, благородный граф?

Эбергард кивнул.

— Верно рассуждаете, юноша. Сочту своим долгом поздравить вас за умелое проведение операции.

— Да что вы, — сказал я скромно, — операцией руководили вы.

Он усмехнулся.

— Хотите еще что-то выпросить у Господа Бога за беспримерную, как вы говорите, скромность?

— Да я уже и так одарен, так одарен, — сказал я совсем скромно, — что просто уж и не знаю...

Смит и Дилан осмотрели последних убитых, раненых добили и обыскали, в общей сложности набралось с пригоршню монет, тоже неплохо. Война, как сказал Наполеон, должна сама себя кормить.

— Дилан, — сказал Эбергард. — Возвращайся поскорее к отряду, а то граф Мемель очень уж беспокоится.

Поднимай всех, надо как можно скорее пройти эту опасную горловину. Когда вернемся, чтобы все были уже в седлах!

Мы двигались всю ночь, утро и половину дня, все время ожидая то засады, то внезапного нападения, место очень уж располагает. Но, очевидно, прем через эти земли настолько быстро, что враг успел только с одним отрядом.

После полудня стены ущелья раздвинулись, а затем вовсе опустились к земле и сровнялись с нею. Впереди степь, приземистая серая трава, далеко впереди замаячили островерхние юрты.

Сразу же в нашу сторону помчались двое всадников, мы изготобились к схватке, однако молодые парни, почти подростки, сообщили, что раз уж мы вышли прямо на них, то мы их желанные и почетные гости.

Эбергард с достоинством принял предложение, тем более что кони наши едва тащатся, пора дать отдых, поужинали среди кочевников молоком и сыром. Старейшина угощал с достоинством, важно поглядывая из-под набрякших век, очень похожий на далай-ламу, такой же величественный, малоподвижный и загадочный.

— В древние времена, — сообщил он медленно и величественно, — мы были великим и мудрым народом. Нет, еще раньше мы были могучим и великим народом, а потом, завоевав весь мир, стали искать мудрость... Мы ее нашли, но за это время полудикие варварские племена постепенно крепили, начали нападать на наши дальние города... Так длилось многие столетия, пока вся наша могучая империя не сократилась до этой долины.

Сэр Смит оглядел равнину.

— У вас нет ни крепостей, — заметил он, — ни рвов... Как вы защищаетесь?

— Никак, — ответил старейшина просто. — Нас не вырезали только потому, что соседи сейчас бьются смерт-

ным боем друг с другом. Каждый солдат дорог, может переломить исход битвы... А потом победитель пошлет сюда небольшой отряд.

Он умолк, а шаман закончил просто:

— И нас не станет.

Мы замолчали. Брат Кадфаэль сочувствующе вздыхал, но в то же время вроде бы считал такое смирение правильным, ибо Господь именно таких овец охотнее всего принимает в райский сад. Сэр Смит поглядывал на старейшину с непониманием, я тоже помалкивал: что ни скажу — будет выглядеть как речь варвара. Эти буддисты, или как их тут, считают себя настолько возвысившимися над другими людьми в духовных поисках, что даже не слушают никого, кроме себе подобных. Но, думаю, когда создавали и укрепляли империю, тогда не были этими харикришнами.

Ночь прошла спокойно, утром после плотного завтрака рыцари садились на коней, Пес прыгал вокруг леди Ингрид и отпихивал от нее Брайана, а я отвел в сторонку старейшину и сказал вполголоса:

— За нами погоня. Их не меньше полусотни! Всем им заплатили очень много... так что если ваши удалыцы сумеют...

Старейшина прервал:

— Не продолжай, дабы не прозвучали оскорбительные для нас речи. Наши молодые орлы все сделают. И не ради золота. Вы наши друзья — разве этого не достаточно?

— Спасибо, — сказал я с чувством. — А это вот мой вам подарок... Сам Господь указал место, чтобы вы уверились, что делаете доброе дело!

Он с недоумением смотрел на землю, хлопнул в ладоши. Прибежало трое крепких мужчин, он взглянул на меня за поддержкой, я кивнул и сказал:

— Ваш вождь велит вам копать здесь. Если отыщете

нечто ценное... я имею в виду золото, то это знак, что вам предстоит сделать еще одну работу...

Граф Эбергард и остальные посматривали с нетерпением, но я задержался возле копающих. Яма уже до пояса, я начал волноваться, зов амулета силен, и тут лопаты разом глухо ударились о твердое.

Вождь вздохнул, он тоже волновался, когда найденный огромный кувшин оказался настолько тяжел, что пришлось обвязать веревками. Подняли с трудом, а когда вытаскивали, бок вывалился, кувшин распался на черепки. Часть золотых монет высыпалась на землю вождю под ноги, часть рухнула золотым водопадом обратно в яму.

Я улыбнулся, подмигнул вождю и вскочил в седло.

Глава 14

Наши дозорные обратили внимание на высокую башню далеко впереди. Чересчур высокую. Я просто отказывался верить в подобные пропорции, но Смит с жаром уверял, что Древние могли все, ну буквально все и даже немножко больше.

К полудню башня приблизилась, я разглядел блестящую крышу, а когда солнце перешло на эту сторону неба и озарило золотыми лучами, стало видно, что две трети того, что выглядит башней, является монолитной горой, обрывистая со всех сторон, а сама башня на вершине. Однако кажется настолько полным продолжением, что я отказывался воспринимать башню как нечто отдельное.

— Страх Господень, — проговорил брат Кадфаэль и перекрестился. — Не верю, что это сделали руки человеческие.

— Ты еще не видел египетские пирамиды, — пробормотал я.

— Что не видел?

— Да так, говорю, что, по Оккаму, не стоит везде приплетать джиннов да колдунов.

— Кто такой Оккам?

— Мудрец, который проповедовал, что прежде чем ссылаться на волю Божью или козни дьявола, надо сперва со всех сторон проверить, нельзя ли обойтись без них.

Он долго ехал молча, наконец пробормотал:

— Смелый...

— Мудрый!

— Нет, сэр Ричард, смелый. За такое можно и на костер! Смотря к кому попадешь. Если к умным инквизиторам, те скажут, что все верно: Господь дал человеку много сил, дабы тот сам творил и строил, а не просил подачек, а дурак скажет, что это подрыв веры в Бога...

Солнце оказывалось то справа, то слева, а то и вовсе светит в глаза, хотя должно бы жечь прямо в темечко. Правда, мы сейчас с холма на холм с такой скоростью, что уже булькает в животе, а только вчера гнали по ровному как стол участку. И почему дорога виляет, почему нет прямых дорог? Это не дорога, а след гигантской змеи, что обходила только ей видимые препятствия.

Мелькнула мысль, что у дороги могла сохраняться генетическая память, вот сейчас обходит некогда величественные дворцы, научно-исследовательские институты Пространства и Времени, космопорты... ну, а эта извилистость — мода такая была, эстеты хреновы, по прямой — слишком просто, примитивно, а вот петлять — это так изысканно...

Кадфаэль часто поглядывал в сторону темных деревьев, и то крестился, шепча молитвы, то сжимал в ладони крест и делал отгоняющие жесты. Сэр Смит крестился еще чаще и тоже тискал в ладони, только амулет, а не крестик, еще читал молитву и плевал через левое плечо, что самое что ни есть языческое деяние, запрещенное церковью.

Когда дорога подходила к деревьям близко, под копытами чавкало, дорога стала узкой. Да и не очень-то хотелось подходить близко к лесу, я два-три раза видел наблюдающие за нами огромные глаза. В полутьме смутно проступают огромные тела, иногда казалось, что во влажном полумраке прячутся огромные жабы с множеством жабенят на спине.

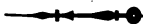
Затем чавканье сменилось сухим стуком, влажный лес отодвинулся, кони бодро понесли по сухой, прокаленной земле. Эбергард поглядывал с опасением, но без особой тревоги. Конь под ним тоже идет спокойно, даже ушами не прядает.

Мы проехали еще полдня, солнце поднялось к зениту. Я наконец рассмотрел, что это вовсе не башня, просто мое воображение сыграло шутку: мол, там может быть построена только башня. Однако это настоящая крепость, невероятно огромная, с чудовищно высокими стенами, еще более высоким замком в центре. Все сложено из серого гранита, так что сама крепость и гора кажутся единым монолитом.

Вблизи башни еще и глубокая щель в каменистой земле, идет дугой, с двух сторон защищает башню, а с единственной оставшейся можем пройти буквально над краем пропасти...

Кони ступают очень осторожно, всхрапывают, прядают ушами. Я оглядывался на Кадфаэля, что-то слишком уж углубился в высокие думы. Сэр Смит впереди, остальных не видно: все едем по одному цепочкой. Коней трясет, правым стремянем задеваем отвесную стену, в то время как другая нога всадника висит над бездонной пропастью. Я не успел уловить, когда монолит сменился кладкой, но вот уже справа скользит вроде бы тот же серый гранит, но теперь разделенный на огромные плиты, как их затаскивали, непонятно.

На подходе к замку пришлось проталкиваться через

стадо блеющих овец, сэр Смит подивился их упитанности, а брат Кадфаэль нравоучительно заметил, что и Христос был пастухом до того, как стал пасти людей.

Замок выглядит массивным и грозным, его опоясывает широкий ров с водой, мост поднят, но мрачность и грозность улетучились, как дымок под напором ветерка. Когда мы подъехали ко рву, там плещется видимо-невидимо гусей и уток, вода у краев заросла болотными травами, видно, как выпрыгивает рыба, а утки жадно щиплют сочные стебли.

С той стороны берег крут, но в двух местах скрыт на расстоянии трех шагов. Не иначе, чтобы утки и гуси могли без помех ходить в уже свой приватизированный ров. Да и вообще, глядя на замок, создается впечатление, что основатели были людьми суровыми и жестокими, а нынешнее поколение уже куда больше хозяйственники, чем воины.

Сэр Смит отметил, что мост из новеньких бревен и досок, цепи не скрипят, вообще замок выглядит новеньким и ухоженным. Я инстинктивно ждал, что вот-вот затонет опускаемый мост из толстых бревен, однако сверху раздался строгий голос:

— Кто такие? По какому делу?

Граф Эбергард вскинул голову, холодным тоном без следа учтивости произнес громко:

— Его светлость граф Легольс со свитой!.. Возвращается с Каталаунского турнира.

Наверху посовещались, с раздражающей неспешностью заскрипели ворота. Мы пустили коней еще неспешнее, все-таки мы все — рыцари, все на боевых конях и при оружии, да не подумают, что намереваемся захватить замок.

По ту сторону ворот уже встречала большая группа вооруженных людей, среди которых копейщиков становилось все больше. Вперед вышел рослый мужчина в

прекрасном легком доспехе, на поясе короткий меч с рубином в навершии, сказал отрывисто:

— Добро пожаловать!.. Его светлости герцогу Гослингу уже послан человек. Прошу вас, обождите здесь. Можете спешиться, у вас кони едва не падают, им нужен отдых.

Граф Эбергард первым покинул седло, конь едва не вознес благодарственную молитву Господу, остальные тоже вздыхали с великим облегчением и с надеждой косились по сторонам: неужто наконец отдых? Челядь расхватала коней, сэр Смит отправился проследить, как устроят его верного друга, а мы дождались, пока из донжона вышел прямой, хотя и массивный мужчина в дорогой красной с черным мантии, всем обликом похож на льва: свирепый и в то же время царственный вид, копна волос того соломенного цвета, который у людей благородного сословия принято называть золотым, широкие плечи, массивный торс, мантия расписана оскаленными львами, тиграми, барсами и медведями. Глаза сверкали, а когда заговорил, голос был именно таким, как я ожидал: низким, рыкающим, понуждающим сразу признать его мощь и преклонить спину.

— Рад, когда нас посещают гости!.. Жаль, это бывает так редко, что порой мы здесь теряем хорошие манеры!.. Прошу пожаловать в мой скромный замок, он полностью к вашим услугам. С вами дама, о ней позаботится моя супруга Мильдред...

Сэр Смит вернулся и доложил еще издали, что о конях в этом медвежьем углу представление имеют, заметил герцога и отвесил церемонный поклон. Герцог, в свою очередь, поклонился сдержанно, с некоторой ядовитостью во взоре, задел его сэр Смит, задел. Мы все толпой последовали по мановению его длани в донжон, где в нижнем зале нас встретили двое молодых мужчин, как две капли воды похожих на хозяина. Кассавет и Туччи, как они назвались учтиво.

Кассавет велел слугам позаботиться о наших животных, а Туччи пригласил нас за собой в покои для гостей. Усталые, мы молча потащили тяжелые тела, Туччи поглядывал с сочувствием на наши серые лица. Со стонами и побряхтыванием поднялись на самый верх, гостей всегда селят наверху, разумная предосторожность, добрались до массивной двери. Туччи сам отворил и жестом радушного хозяина указал на огромную деревянную бочку посредине помещения, широкое ложе, две широкие лавки и большой стол с множеством стульев.

— Сейчас натааскают горячей воды, — сообщил он. — Одежду можете сразу снять, наши женщины поштопают дыры. Обед принесут сюда, а к ужину... надеюсь, вы уже сможете присоединиться к нам в общем зале.

— Вы очень любезны, сэр, — поблагодарил Эбергард. — Редко встретишь, чтобы хозяин или его сын вот так заботился о гостях.

— Нам это доставляет радость, — учтиво сообщил Туччи.

Торжественно пропели трубы, перед нами, уже чистыми и вымытыми, распахнули двери в просторный зал. Яркий свет трех огромных люстр заливает зал и придает праздничный вид. За окнами по стенам скребут черные ветви, ночь беззвездная и с ветром, отчего здесь все выглядит ярче и уютнее. На столах блестят начищенные кубки, сверкают драгоценные камешки на золотых и серебряных блюдах.

Слуги прошли вдоль столов и через равные промежутки поставили пузатые глиняные кувшины с красиво изогнутыми ручками. Вельможи и рыцари входили в зал горделиво, словно оказывают королю честь своим присутствием.

Гослинг на троне слегка откинулся на спинку, руки возложены на широкие дубовые подлокотники, похо-

жий на отдыхающего льва. Сыновья сидят в сторонке, а по правую руку герцога мужчина в очень строгой и настолько вызывающе неприметной одежде, что меня резануло по нервам. Он поднял голову и взглянул в упор на каждого из нас. Мне почудилось, что не радужка у него черная, а сами зрачки раздвинуты до предела. В нормальных случаях такой человек видит очень плохо, но кто знает, что колдун получил взамен. А что колдун, ясно. Тревожно, что демонстративно сидит по правую руку, оттеснив даже сыновей и самых знатных людей герцогства.

Все остальные за столом просто вельможи, я старался не слишком пристально рассматривать их, хотя то и дело бросал взгляды по сторонам: не знают ли, кто мы на самом деле и с какой миссией? Не присматривается ли к нам тот, кто ночью подошлет убийц?

Король взглянул на сенешаля, тот обернулся и подал знак, в зал цепочкой пошли слуги с огромными подносами. Мои ноздри уловили ароматнейшие запахи, а сэр Смит всхрипнул и потер под столом ладони. Перед нами поставили золотые блюда с жареными гусями, тонко нарезанными ломтями ветчины, но больше всего на нашем участке стола оказалось зажаренных в специях фазанов, перепелов, бекасов и целые россыпи жаворонков, которых на блюдах коричневыми горками помещаются буквально сотни.

Смит тут же потянулся через стол к огромному блюду. Там с веселыми возгласами разделявают запеченного целиком кабана, в страшной оскаленной пасти кокетливо торчит печеное яблоко. Смит отхватил ножом увесистый кусок и с торжеством перетащил на свою тарелку.

После того как поели и многое обговорили, слуги незаметно убирали блюда и ставили на их место круги сыра: козьего, что обладает способностью взвеселять сердце и лечить небольшие раны, и овечьего, иные вдобавок

отличались цветом и размером. Смит объяснил, гордясь тем, что везде побывал и все повидал, что этот сыр привезли из дальних стран, у него такой дивный вкус, богатые люди готовы покупать за любые деньги.

Я знаком показал, чтобы мне вместо сыра поставили что-нить сладкое, и тут же столешница заполнилась как горшочками с разными видами меда, так и сотами — блестящими, истекающими тягучим соком.

— Спасибо, — сказал я, — но что к нему...

Подвинув горшочки, на край стола опустились горячие пироги, явно только что испеченные, запах сбивает с ног, шибает медом.

Гослинг величественно улыбнулся мне, только мы двое равны друг другу по рангу.

— Сэр Легольс, у вас просто дивный пес! Вот и мой проницательный друг Тетон обратил на него внимание...

Колдун слегка наклонил голову, подтверждая слова правителя. Я улыбнулся как можно беспечнее:

— Правда?.. А я смотрю, прибилась к нам по дороге какая-то собака...

Гослинг сказал благожелательно:

— Оставьте ее нам. У нас при кухне она будет чувствовать себя уютнее, чем с вами в походе.

— Не сомневаюсь, — заверил я. — Но я, хоть и равнодушен к собакам... но люблю крупных животных. У меня и конь видели каков? И коров мой отец подобрал одну к одной. У соседей просто козы какие-то, а не коровы.

Гослинг улыбнулся.

— Это и понятно. Если ваш батюшка такого же роста, как и вы, сэр Легольс, то у вас все должно быть крупное. Однако ваша собачка очень заинтересовала нашего друга Тетона, он знаток древних книг... он готов предложить за нее даже пару золотых монет... вы это хотели, отец Тетон?

Колдун снова чуть наклонил голову, я увидел в пу- гающе расширенных зрачках свое отражение.

— Совершенно верно, благородный господин. У мо- его отца была такая же... я очень хотел бы в память о нем...

Он ронял слова медленно, неспешно, приковывая внимание, я ощутил некоторое оцепенение, голос начал звучать в голове громче, резонировать, отдаваться в кос- тях черепа и сползать к позвоночнику.

Да пошел ты, блеснула злая мысль, и сразу я ощутил прилив свежей крови. Не удалось колдовством, так пы- таешься простым гипнозом? Пшел вон, Мессинг недо- деланный.

Иногда приходится прикинуться дурачком, чтобы не выглядеть идиотом, я растянул лицевые мускулы в улыбочку:

— О, сочувствую!.. Как только у моей собачки будут щенки, я вам пошлю весточку.

В неподвижном лице колдуна все-таки что-то не- уловимо изменилось, я ощутил острый запах разоча- рования. Да пошел ты, повторил я мысленно, черпая в этой магической формуле добавочную мощь. Хрен меня возьмешь такой арифметикой. Я и алгебру уже давно знаю.

— Это кобель, — сообщил он мрачно.

— Так это еще лучше! — обрадовался я. — Он тут се- годня побегает по здешним дамам, у вас будет столько его потомства, что на продаже щенков состояние ско- лотите!

Гослинг вздохнул.

— Увы, это будет уже не то...

Мы заговорили о собаках, про их преданность, ум, красоту, благородство. У всех в запасе множество исто- рий, и когда люди говорят о собаках, находят общий язык даже с самыми лютыми врагами. Здесь могут перебивать и спорить, не опасаясь показаться неучтивыми или даже

грубыми, потому что в эти моменты все мы остро чувствуем общие узы собачества, что крепче даже уз крови.

Только Тетон помалкивал, что-то не похоже, что вообще собачник. У каждого в запасе, как я уже сказал, случаи, и как не рассказать, когда все рассказывают, так что брешешь, брат колдун, ты меня пытался просмотреть, не вышло, а я тебя насквозь вижу...

Он чуть вздрогнул, словно уловил мою мысль, напрягся, я почти увидел, как его начинает окружать плотное магическое облако с помехами для чужого радара.

По комнате поплыли ароматные запахи печеной рыбы, и на стол начали опускаться блюда, при виде которых у меня беспокойно задвигался желудок. Затем появились блюда с жареными зайцами, мелкой птицей, пироги с рыбой, мясом и ягодами, а в широкогорлых кувшинах — холодные компоты и соки.

Я ел с жадностью, желудок все хватал и требовал еще. Я не знал, куда он все это складывает, но так прекрасно поглощать хорошо приготовленное мясо, раздирать жадными пальцами только что запеченного гуся, вдыхать горячий аромат жареной форели, забрасывать в рот крохотные, обжаренные в сухариках тушки мелких птичек!

В зал вошла рослая статная женщина в платье, что блестит от высокого воротника до края подола от обилия драгоценных камешков. Высокая прическа увенчана небольшой короной из красноватого золота, на зубцах голубые камешки.

Женщина приблизилась к Гослингу, наклонилась и что-то шепнула, глядя на меня исподлобья. Лицо смуглое, сперва я решил, что слишком долго пробыла под открытым солнцем, потом подумал насчет мулатости, но чуть позже холодок прокатился по всему телу.

Стараясь не выдать дрожи, я старательно держал

губы в улыбке, хотя холод морозит рот и стекает по горлу в грудь и внутренности. Темная Герцогиня! Раньше только слышал о ее существовании, но считал, что это допотопные легенды. Да еще колдун по правую руку правителя. Похоже, лучше бы нам заночевать в открытой степи под дождем.

Я взглянул на колдуна.

— Ваша светлость, я не заметил в ваших владениях церкви...

Я сделал паузу, он не стал ждать, когда закончу, хохотнул жизнерадостно:

— Слава богу, я все еще безбожник!

За столом весело засмеялись удачной шутке. Я тоже улыбнулся, сказал легко:

— Мы как-то видели по дороге надгробный камень с надписью: «Здесь лежит безбожник. Красиво одет, но пойти некуда».

Снова прокатился смех, но у некоторых звучал несколько натянуто. Рядом со мной молодой и красивый рыцарь, я так и не запомнил его имя, хотя едем в одном отряде, сказал легкомысленно:

— Бог есть, но я в него не верю.

Колдун улыбался торжествующе, я раскрыл было рот для ядовитого ответа, очень уж захотелось чем-то осадить, но опомнился: а мне это надо? Как будто сам верующий.

— Главное, — сказал другой рыцарь, Екескул, — вера в свои руки, свои мускулы, свою отвагу и свой меч! Разве этого мало?

Гослинг обратился ко мне:

— Сэр Легольс, мы сидим в медвежьем углу, носа не кажем за пределы, а вы попутешествовали... Как в ваших краях насчет героических деяний? Мне сыновья уши прожужжали насчет подвигов. Рвутся, понимаешь, драконов рубить, принцесс освобождать...

Я сдвинул плечами.

— Сожалею, ваша светлость. В моей стране герои измелывали. Раньше, по рассказам дедов-прадедов, герой вез красавицу, берег ее в пути, защищал, отбивался от нечисти, пока она визжала за его спиной, а теперь он и его красавица дерутся наравне, иной раз она бьется намного лучше...

Он ахнул, да я видел и по остальным мордам, что не поверили.

— Женщина? Дерется?

— Да, — ответил я удрученно. — Мужчины становятся женственными, женщины — мужественными. Я сам видел, как мужчины пользуются духами, красят волосы, подводят глаза и брови...

Ахали уже все, на меня смотрели как на записное трепло. Наконец Гослинг спросил осторожно:

— Потому вы и скитаетесь от турнира к турниру?

— Да, — ответил я сокрушенно. — Каково чувствовать, что женщина в поединке может вас сразить? Что женщина коня на скаку остановит, в горящую избу войдет и пьяного мужа на руках вынесет? Нет уж, нет уж...

Один из убеленных сединами мужей заметил глубокомысленно:

— А с чего они вдруг стали такими, сэр Легольс? Не потому ли, что мужчины... ослабели? Не поверю, что женщинам вдруг захотелось вылезти из-за наших спин и самим взять в руки оружие! Такое может случиться только там, где мужчины становятся беспомощными.

— Верно, — ответил я еще тяжелее. — Я не знаю, почему это происходит.

Они слушали внимательно; я рассказал, как однажды в Риме случилось землетрясение, прямо через центральную площадь римского Форума пролегла бездонная трещина, которая расширялась с каждым часом, угрожая поглотить весь Рим с его домами и людьми. Жрецы спросили богов, как можно закрыть эту страшную пропасть, на что был дан ответ: пропасть сомкнется,

если Рим пожертвует самым ценным, чем обладает. Жрецы еще не успели посоветоваться, что же у них самое ценное, как один молодой рыцарь по имени Курций воскликнул: «Самое ценное на свете — воинская доблесть!», тут же в полном вооружении бросился в пропасть...

Слушали, затаив дыхание, наконец кто-то спросил дрожащим голосом:

— И что дальше?

— В небесах загрохотало, тучи разошлись, а земля дрогнула, и стороны ущелья сомкнулись так плотно, что от разлома не осталось и следа.

Кто-то шумно вздохнул, остальные сидели в молчании, только сыновья герцога смотрели на меня горящими от боевого азарта глазами, да еще несколько молодых рыцарей, судя по их виду, тоже поступили бы так же.

Колдун проговорил недовольным голосом:

— Это минутный порыв. Такое бывает с незрелыми умами. Если бы он остановился на краю пропасти, посмотрел на дно... наверняка передумал бы.

Рыцари недовольно загудели, я подумал, рассказал про подвиг Муция Сцеволы, это впечатлило еще больше. Рыцари прикидывали, смогли бы держать вот так руку над жаровней и смотреть в глаза вражескому царю и вдыхать запах своей горячей плоти, чувствовать, как горит и обугливается кожа, мясо, начинает гореть кость...

Герцог внимательно всмотрелся в наши лица.

— Полагаю, мы замучили наших благородных гостей несносным любопытством. Тучки, ты проследил, чтобы всем постелили чистые простыни?.. Отлично. Надеюсь, мы сумеем продолжить беседу уже скоро...

Он взглянул на темное окно с редкими звездами. Мы начали подниматься, я уже в самом деле побаивался, что ужин плавно перейдет в завтрак.

Глава 15

Впереди от темной стены отделился, весь в темных шелках, франтоватый господин: шляпа с длинным пером, на поясе тонкий меч, еще чуть — и можно называть шпагой. Впечатление такое, что опередил это время на век-другой. Франт, который угадал направление моды.

— Сэр Легольс, — произнес он насмешливо, — ах, сэр Легольс... И все-таки не понимаю, зачем взвалили на свои плечи совсем не нужное вам дело?

Я покосился по сторонам, я тащусь в отведенное для нас крыло один, даже вечно бдящий за мной Эбергард то ли остался пировать, то ли опередил, чтобы проверить спальню на предмет мин и растяжек.

— Так и думал, что создателю общечеловеков этого не понять.

Он усмехнулся.

— Правда? Конечно, многие подумают, что вы помогли королю Барбароссе вернуть престол из чисто благородных побуждений. Дескать, рыцарство, ничего больше. Но мы-то с вами знаем...

— Что? — спросил я настороженно.

Он усмехнулся еще тоныше, в умных глазах плясали огоньки.

— Знаем, что вы все умело рассчитали и провели блестящую операцию. А Барбаросса из тех, кто не любит оставаться должником и постарается отплатить. Вот с ходу дал вам виконта и владения де Бражеллена в самой плодородной области страны. А замок там, добавлю, едва ли не самый просторный и красивый в королевстве. А сейчас, только за это путешествие... опасное, не спорю, вы уже авансом получили баронство. Надо ли упоминать, что другие баронства добиваются всю жизнь?

Я подумал, крыть нечем, как-то наивно говорить о

чести и благородстве тому, кто сам в это не очень-то верит, а честным и благородным рыцарям хоть и горячо симпатизирую, а кто им не симпатизирует, но все-таки мое продвинутое поколение считает их дураками. Красивыми, благородными и очень симпатичными дураками.

— Ладно, — сказал я, — а почему не верите, если все как на ладони?

— Это было бы слишком просто, — объявил он. — Для вас просто. У вас сильный и очень изощренный ум, почему и жажду заполучить вас на свою сторону. А насчет баронства мы с вами знаем, Барбаросса дал бы и так, стоило бы только сказать...

— Понятно, — ответил я. — Экономика и спинной мозг правят миром.

— А что, разве энтузиазм? На нем долго не уедешь.

— Верно, — согласился я.

— Так что же?

— Если массаами, — сказал я осторожно, — то в самом деле ими правят простейшие чувства, которыми заведует спинной мозг, а головной... так, озвучивает только команды. Но есть единицы, у них спинной мозг в подчинении...

Он фыркнул.

— Святые? Сколько их?

— Мало, — признал я. — Но я сторонник школы, что историю делают не массы, а все-таки личности. И цивилизацию делают они. Вот пришел Мухаммад — и одним рывком на века остановил цивилизацию на всем Ближнем Востоке! Пришел Конфуций — и законсервировал всю Поднебесную на тысячи лет... Придумал волосатый питекантроп колесо — и цивилизация понеслась по рывтинам с ускорением...

Он хмыкнул:

— Не такой уж он был и волосатый. Вот кремние-

вый топор придумал в самом деле волосатый мужик, но головастый!.. Жаль, что рано погиб, он еще что-нибудь бы сумел... Не уберег я его, не уберег...

— Понимаю, — сказал я, — мир Юга намного практичнее. Но тогда почему весь мир... возможно и на Юге, воспевают благородство, честь, верность слову... вообще верность? Почему так упорно держимся за то, что в спину бить — подло, хотя понимаем прекрасно, что это самый эффективный удар? Почему бить лежащего — нехорошо? Ведь понимаем же умом, что хорошо, еще как хорошо?

Он молчал, смотрел черными, как бездны космоса, глазами. Наконец заметил сухогато:

— Вы убедитесь, сэр Ричард, что хотя на Юге по благородным, хоть и нежизнеспособным рыцарским принципам не живут, однако... процветают. Гораздо больше, чем на Севере.

Я сдвинул плечами.

— Разве спорю? Но даже там, на Юге, признайтесь, у людей есть тоска по верности и благородству. Есть жажда, чтобы верили их слову, а не застраховывались многочисленными договорами, заверенными опытными юристами!

Он ответил с явным неудовольствием:

— Ну и что? Мы смотрим, как и чем живут, а не то, о чем грезят. Пройдет время, и грезить перестанут о всякой там дурости. Ах, сэр Ричард, я жду не дождусь, когда доберетесь до южных королевств!

— А они королевства?

Он усмехнулся.

— Некоторые по традиции сохранили такие названия. Другие называются... иначе. Но вы, признаться, меня снова удивили. Или по аналогии с вашим миром?..

— Интуиция, — ответил я туманно. — Вложенная в нас вместе с душой.

Он тонко улыбнулся.

— Вы обратили внимание, что Тот, Кто вложил душу, всегда говорит «верьте в Меня», хотя должен бы сказать «верьте Мне»?.. Не обратили? Это понятно, такие тонкости обычно ускользают даже от внимательного человека. А вот я, заметьте, всегда говорю «верьте мне». Более того, проверяйте, что говорю, так быстрее убедитесь, что только я говорю правду.

— Хитрый ход, — обронил я.

Он насторожился.

— В чем же?

— Проверять, — объяснил я, — уже не верить.

Он покачал головой.

— Одним и тем же мозгом мыслить и верить?

— Не знаю, — ответил я. — Иногда мне кажется, что вера в самом деле идет от сердца.

Его глаза смеялись.

— Сэр Ричард! Вы не раз вскрывали человеку грудную клетку мечом. И убедились, что сердце — это просто мышца, прокачивающая кровь по всему телу.

— Мозг тоже какое-то серое месиво, — возразил я, — но мысли иногда бывают то белые, то черные!.. Я вообще-то начинаю сомневаться, что душа — это только мозг, интеллектуальный слепок. В душе наверняка есть и отпечаток кишечника. И полная копия седалищного нерва. И спинной мозг. И вообще душа — это все.

Он поморщился, вроде бы и Отец Лжи, однако до странности не любит углубляться в метафизику. Возможно, потому, что ориентируется на массы, а им нужны простые слова и упрощенные понятия, которые легко понять и нетрудно пересказать собутыльнику в трактире.

— Вам остался только Перевал, — напомнил он. —
А дальше уже природа ничем не отгородилась от Юга.

— Спасибо, — вежливо сказал я.

— Спокойной ночи, сэр Ричард! Вы всегда насторожены, но, поверьте, беседы с вами доставляют мне настоящее эстетическое наслаждение.

— Идите к дьяволу, — ответил я.

Он засмеялся и растаял в воздухе.

Часть 3

Глава 1

Небо на востоке уже светлое, я проснулся, чувствуя себя полным сил. Так вот куда я жрал столько, мышцы подергиваются от жажды что-то делать, дергать, толкать, тянуть, ломать...

За окном звонко прокричал петух, тут же пронзительный крик подхватили другие горлопаны. Истошный крик пошел по цепочке и затих далеко за пределами замка. Я вскочил, оделся, раньше эти проклятые птицы обычно не давали спать, орали чуть ли не среди ночи, а сейчас я ухитрился сам вскочить раньше. Жаль, надо бы им самим заорать над ухом, не давать спать пернатым потомкам ящериц.

Первый урок: даже с Темной Герцогиней, колдунами и темными монахами можно уживаться, если не конфликтовать напрямую. Даже не с ними, а с их властью, что наверху. Ведь день я трясся, ночь трясся, но никто не пришел по мою шкуру. А из-за личной неприязни не убивают даже здесь.

В комнате сыро настолько, что даже простыня влажная. Выглянул в окно, настроение упало: ночью прошел дождь, гадкий, мелкий. Небо затянуто низкими тучами, дороги быстро размокнули. Перед главными воротами в донжон громадная лужа, хоть кораблики пускай.

Зевая, во двор вышел сэр Смит, чуть позже — брат Кадфаэль, бледный, с усталыми глазами. Я понял, что монах не спал вовсе. Наверняка

простоял всеношную, не то каялся, не то спрашивал совета у Господа, как поступать правильно.

Герцог Гослинг, к моему удивлению, тоже встал рано, вышел проводить, с одобрением оглядел набитые тюки на заводных конях.

— Я рад, что смог помочь хотя бы в этом.

— Вы слишком щедры, — сказал я. — Нам столько веки не съесть! Не забывайте, что моя тихая собачка постоянно таскает то оленей, то коз, иногда даже гусей...

— Гусей?

— Не успевают взлететь, как этот песик хватает... в прыжке... если какой и успеет оторваться от земли.

Он похлопал по мешку, хитрая улыбка раздвинула уголки твердого рта.

— Думаете, здесь мясо?... Вам положили хлеб, сыр, лук и чеснок, соль. Все учтено! Про вашу собачку нам рассказал сэр Смит. Превосходный у вас спутник!

— Спасибо.

Он стал вдруг очень серьезным.

— Сэр Ричард, я бы советовал вам сразу от нашего замка свернуть направо, чтобы избежать встречи с горцами, они что-то в последнее время прервали с нами торговлю, настроены резко враждебно...

— Я вообще-то умею договариваться с любыми людьми, — заверил я несколько самоуверенно. — Независимо от расы, пола и вероисповедания.

Он хмыкнул.

— А кто вам сказал, что я говорю о людях?... А потом, когда минуете зеленую долину, увидите реку. Не вздумайте переходить по мосту, хорошо? Не мост то вовсе, да и река не совсем река. Там ниже по течению увидите паромщика, вот с ним и переправитесь на ту сторону. Дальше уже проще, надо только избегать Золотого Леса, Лилового Болота... это совсем не та Лиловая Топь, через которую вы прошли и которая совсем не лиловая... на

равнине постарайтесь не попасть в зыбучие пески, их еще багровыми называют... Как дальше, не знаю, никто из наших не проходит дальше зыбучих. Может быть, там встретите местных, расспросите!

Я вздрагивал всякий раз, когда он упоминал то мост, что не мост, то странную реку, то зыбучие пески, что-то стал я больно чувствительным, спросил торопливо:

— А если от вашего замка поехать влево?

Он даже побледнел, в испуге отшатнулся.

— Сэр Ричард, это же сразу отдать себя в лапы Дьявола!.. Там такие создания, что их никакая сила не берет. Никто не знает, откуда они, когда появились, чем питаются, но никто еще не прошел той дорогой. Наше счастье, что они там как привязанные! Их поле охоты — всего три мили, но это, увы, так близко, что когда ветер дует в нашу сторону, слышим их вой.

Я зябко повел плечами.

— А если... прямо?

Он не вздрогнул, не перекрестился, но сказал твердо:

— Там хуже всего.

— Что там?

— Люди.

С севера наползает целый массив темных туч, в угольно-черных недрах поблескивают багровые сполохи. Небосвод потрескивает под неимоверной тяжестью.

Из кузницы вышел сэр Смит, раздраженный, усы то воинственно поднимались шильцами вверх, то опускались, как сосульки. Посмотрел на небо, зябко передернул плечами.

— Конь захромал, — сказал он хмуро. — Я даже не заметил, когда этот дурак подкову потерял!..

Из шелей кузницы сизый дымок, частые удары по металлу оборвались, вышел дюжий мужик в кожаном переднике, в длинных клещах раскаленная до вишнево-

го цвета подкова. Сунул в бочку в водой, оттуда с мощным хлопком вырвался столб пара.

Мы понаблюдали за процессом закаливания, наконец кузнец вопросительно взглянул на сэра Смита.

— Иду-иду, — крикнул он. — Моего коня только под присмотром...

Исполинская туча опустилась так низко, что почти задевает верхушки далекого леса. Я рассмотрел дымную полосу, так выглядит издали стена ливня.

— Неужели и нас захватит?

Гослинг внимательно рассматривал тучу.

— Это наверняка. Вам лучше переждать чуть. Если повернет тем краем, ветер оттуда, заметили?.. то ее сдвинет, после обеда можно выехать. Ливень сильный, но размыть дороги не успеет.

— Эх, — сказал я раздосадованно, — были бы здесь имперские дороги! Видел я одну...

— А здесь есть, — сообщил он неожиданно. — Полсотни миль левее... я имею в виду еще левее, и перед вами откроется такая дорога, что можно целовать ее в... грунт! По ней можно скакать в любой ливень! Вы это имели в виду?

— Да, — сказал я восхищенно и обрадованно.

— Но сейчас, — закончил он трезво, — лучше вернуться в дом. Иначе...

В спину ударил внезапный ветер, взвихрил пыль и мелкий мусор. Едва вбежали под укрытие, по двору сперва пронесся, будто прочесал гребнем, дождь из толстых, как веревки, струй, затем струи сблизились, слились. Каменные плиты задрожали от настоящих водопадов, будто небосвод треснул и вода рушится, как горная лавина.

— Такой ливень долгим не бывает! — крикнул Гослинг оптимистически. — Вернемся в зал, отведаем хорошего вина, за это время все закончится. Все-таки лучше ехать, когда светит солнышко, верно?

Ливень в самом деле закончился через полчаса, что для нас и так бесконечно много. Замок стал похож на чашу с широкими краями, почти доверху заполненную водой.

Ворота открыли с огромным трудом, тяжелая масса вырвалась наружу, размывая дорогу и прокладывая русло для целой реки, которой, увы, течь всего несколько минут. Небо осталось затянуто тучами, уже не такими грозными, гром и молнии отдалились и ушли за горизонт, однако дождь продолжался: мелкий, но частый, отвратительный.

Эбергард злился молча, Мемель печально вздыхал. Я заикнулся о междугороднем шоссе, имперской дороге, Эбергард чуть ожил, но посмотрел на небо и махнул рукой.

— Пятьдесят миль?.. За сегодня не доберемся.

— Дороги развезло, — согласился Мемель. — Нужно дожждаться, когда туча уйдет. Тут такое солнце, что земля сразу станет как глиняный черепок под копытами наших коней.

Эбергард поглядывал на тучи, прикидывал, наконец сказал раздраженно:

— Да, мы все равно окажемся на имперской дороге завтра в полдень... когда бы ни выехали.

Гослинг на радостях велел продолжать пир в честь высоких гостей. Сэр Смит, Мемель и почти все рыцари с великой охотой заняли места за богато накрытым столом. По кругу пошли задравные чаши, в кубки щедро лилось дорогое вино, Гослинг первым рассказал забавную охотничью байку, граф Мемель вспомнил еще более веселый случай. Под здоровый дружный хохот зазвучали шутки, песни, задравные крики.

Я извинился после второй чаши вина, поднялся и постарался улизнуть как можно незаметнее. Граф Эбергард исчез еще раньше. Брат Кадфаэль и не появляется, но к нему претензий нет: монах, у них свои причуды.

Не зная, чем заняться, я вышел во двор, постоял в дверях, не решаясь ступить без особой нужды под гадкий морозящий дождь. Несмотря на мелкие капли, по каменным плитам плещет вода, под стенами бегут настоящие ручьи.

Из небольшой пристройки выглянул брат Кадфаэль, помахал рукой. Я перебежал через двор, поскальзываясь на гладких и словно намыленных камнях.

Пристройка оказалась нечто вроде лечебницы, пахнет травами, настойками, в котле варятся корни. Старый сморщенный человек с длинными жидкими волосами вправлял руку подростку. Тот терпел боль молча, а когда лекарь отпустил его, убежал с такой скоростью, что дважды поскользнулся на вымытых булыжниках двора.

— Это отец Влесалий, — сказал Кадфаэль печально. — Церковь его в запустении, часовня разрушена. Вот теперь...

Старик поклонился мне, лицо спокойное, затаенная грусть прячется в глубине глаз.

— Приветствую, брат паладин. Сочувствую, у тебя тяжелая ноша.

— Почему? — удивился я. — Это вон у брата Кадфаэля тяжелая. Мне проще. Я аки птаха вольная. Никакими канонами не скован.

Он сказал с еще большим сочувствием:

— В этом и есть тяжесть. Брату Кадфаэлю задан путь, а ты все время ищешь, оступаешься, попадаешь то на камни, то в топь, то на дорогу, что обрывается пропастью...

Я подумал, кивнул.

— Верно, отче. Но ум для того и даден, чтобы искать дорогу.

Он покачал головой, печаль в глазах стала заметнее.

— Недостаточно быть умным. Необходимо быть до-

статочно умным, чтобы не позволить себе стать умным сверх меры.

Сказано многозначительно, он даже умолк в этом месте и внимательно посмотрел на меня, дескать, поняли, я кивнул и спросил, показывая, что понял, не совсем тупой:

— Вы хотите сказать, что Сатана сделал ошибку... ставши умным... сверх меры?

Кадфаэль замер, смотрел то на меня, то на лекаря, не уловив быстрого перехода, он полагал, что камешек был брошен в сторону хозяев замка.

Отец Влесалий мягко улыбнулся.

— Ты все быстро схватываешь, брат паладин. Для тебя это странно звучит, да? Думаешь, разве можно стать умным чересчур или слишком? Наоборот, чем умнее, тем лучше! Увы, как раз в этом и есть самая великая ошибка людей и даже всего рода человеческого.

Я сказал с неохотой:

— Да-да, я понимаю, вера должна быть выше, чем ум. Согласен, быть умным — еще не все. Но вот быть мудрым...

Он кивнул.

— Хорошо подмечено. Ведь большинство так и не понимает, что умность и мудрость — не одно и то же. Однако я для вас, видимо, не открою истину, что мудрость обязательно приводит к вере?

— Откроете, — ответил я вежливо. — Это для меня очень уж крамольная истина. И я не думаю, что в рамках вот такого разговора на пороге вы сумеете меня убедить...

Кадфаэль вздрогнул, сказал быстро:

— Да-да, это разговор долгий. Я хотел попросить вас рассказать брату паладину путь к императорской дороге. Я слышал, что туда добраться очень непросто.

— Просто, — возразил отец Влесалий. — Там всего

лишь одно место... не скажу, что опасное, но почти всякий теряет направление и уходит далеко в сторону. К счастью, нет близко ни топей, ни зыбучих песков, но если человек не спохватится или у него окажется слишком быстрый конь, то к вечеру может угодить в такие топи...

— Почти всякий, — повторил я. — А кто не теряет? Он кивнул на брата Кадфаэля.

— Если пойдет со святой книгой в руках и верой в сердце, он не собьется с пути. Вам нужно только верить ему и следовать, хотя разум... ох, этот разум!.. будет упорно говорить, что сбились в пути.

Я взглянул на Кадфаэля. Он виновато улыбнулся и развел руками.

— Спасибо, — сказал я. — Мы Кадфаэлю верим. К счастью, он уже успел показать себя... доблестным рыцарем.

Кадфаэль протестующее дернулся, я уточнил:

— Рыцарем Господа Бога нашего.

Отвратительный дождь продолжался до позднего вечера, затем ветры сдвинули весь массив туч в сторону, небо очистилось, темно-синее, быстро переходящее в лиловое, закат показался особенно ярким, пылающим.

Эбергард бесился, Мемель успокаивал, что на ночь все равно ехать глупо, а за ночь земля подсохнет, выедем рано утром, такой ливень и дождь задержали погоню точно так же, как и нас. Эбергард зло блистал очами, я поглядывал на него, и холодок бегал по коже. Если учесть, что темные монахи могут передвигаться на крылатых птицах, то вовсе не обязательно ждать их завтра или послезавтра. Возможно, они уже впереди готовят засаду.

Вечером снова пир, охотничьи и боевые истории, я

сослался на усталость, дескать, изнеженный сынок герцога, выбрался из-за стола и отправился в крыло для гостей.

В темном переходе впереди блеснуло нечто серебристое, словно кто-то бросил нежное покрывало невесты, и оно плывет по воздуху на теплых струях. Затем я сообразил, что воздух неподвижен, никаких сквозняков, а покрывало в самом деле плывет, не опускаясь на пол, не поднимаясь к темному своду, не цепляясь за редкие светильники на стенах.

Сердце заколотилось сильнее, когда сообразил наконец, что никакое не покрывало, а самый обыкновенный призрак. Некоторое время я шел за ним, начиная тревожиться, там уже наши комнаты, а призрак, достигнув развилки, попросту вошел в стену. Я заметался, не зная, вправо или влево, потом решил, что я ведь паладин, значит, все-таки вправо, хоть и очень тянет влево, что естественно, помчался, грохоча подошвами, по длинному коридору, стараясь держаться стены, противоположной той, где в ряд застыли металлические фигуры рыцарей.

В нашем крыле на входе вскочил и вытянулся Дилан, стукнул в пол древком короткого копья.

— На страже!

— Благодарю за службу, — буркнул я. — Здесь никто не проскочил?

— Нет, — ответил он, но чуть замялся, я спросил резко: — А какая-нибудь тень? Призрак?

Он сказал нерешительно:

— Да, призрак... призрак был. Но я не думал, что призрак кому-то опасен.

— Местные нет, — сказал я, — а этот похож на чужака. Куда он метнулся?

Дилан повернулся, показывая рукой. Я дернулся, там дверь комнаты сэра Смита.

— За мной, — велел я. — Или нет, позови брата Кадфаэля!

Он ринулся вниз, я с разбегу набежал на дверь, за которой расположился сэр Смит. Ударился всем телом, но двери ввиду частых пожаров везде научились ставить только открывающимися изнутри, рванул на себя и застыл, видя, как призрак завис над кроватью со спящим рыцарем с раскинутыми по ложу руками и растопыренными усами и медленно трансформируется в образ молодой обнаженной женщины с очень чувственным телом, белокожую, с широкими бедрами и тонкой талией, а уж грудь такова, что даже я не мог оторвать взгляда, хотя в свое время насмотрелся на силиконовых красоток.

Она медленно опускалась к рыцарю, он что-то забормотал, беспокойно мотнул головой из стороны в сторону, как конь, отгоняющий овода, а то и слепня, однако губы причмокнули, после чего призрачная женщина опустила на него сверху. Ее руки обхватили его широкие плечи, прижалась сладострастно всем великолепным телом.

Я наконец пошевелился, сказал с натугой:

— Эй... как тебя... оставь моего приятеля в покое.

Женщина покосилась на меня миндалевидным глазом, я услышал хрипловатый чувственный голос:

— Тобой я займусь после него...

— Польщен, — пробормотал я. — Прямо не дождусь. А вот его оставь, слышь?

Женщина, не отвечая, прильнула огромным чувственным ртом к губам сэра Смита. Я нервно шупал то рукоять меча, то молота и тут заметил, что тело женщины медленно начинает наливаться красками, плотью.

— Чтoб тебя... — вырвалось у меня. — Оставь его! Да воскреснет Христос, да расточатся врази Его...

Женщина вздрогнула, на миг оторвала красный рот от губ спящего, но я запнулся, вспоминая слова, и она снова прильнула к его губам. Я попытался ухватить ее за

голую ногу и сдернуть, однако пальцы прошли сквозь призрачную плоть и стиснулись в кулак, в то же время чувствовал, что жизнь сэра Смита переливается в эту тварь...

Дверь распахнулась, в комнату ворвались Дилан и брат Кадфаэль. Кадфаэль ахнул, вскричал обвиняюще:

— Суккуб?.. Да как ты посмела пить кровь христианина, когда здесь столько еретиков... Изыди!

— Не изыду, — ответила женщина глухо, не отрываясь от губ сэра Смита, тот уже начал извиваться в сладкой истоме.

— Именем Господа! — сказал брат Кадфаэль громко. Он начал читать молитву, красивую и звенящую, прекрасная женщина задрожала, ее как будто незримые руки оторвали от жертвы, она приподнялась в воздух, почти материальное тело снова начало таять. Наши взгляды встретились, она не увидела в моих ни страха, ни отвращения, сказала едва слышно:

— Мы еще встретимся...

— Сперва спроси у Санегерийи, — ответил я предостерегающе.

Она не растаяла, но едва заметной тенью метнулась к выходу в коридор, прошла сквозь каменную стену. Сэр Смит застонал и открыл глаза. Я сказал с облегчением:

— Жив... Как хорошо!

Он прохрипел:

— Жив? Не уверен... Но какая мне женщина снилась, какая женщина! А вы, мерзавцы, такой сон спугнули...

Брат Кадфаэль смолчал, а я сказал понимающе:

— Да, такая женщина кого угодно в грех введет. Даже ее прелестная родинка над верхней губой и та как нарочито...

Он шире распахнул глаза, даже не делая попытки встать.

— Вы ее видели?

— Еще как, — ответил я. — Брат Кадфаэль едва отогнал.

— Зачем? — спросил сэр Смит. Он посмотрел на брата Кадфаэля почти враждебно. — Зачем гнать такую женщину?

— Дело в том, — объяснил я, — что она не совсем женщина. Вернее, совсем не женщина. Когда я гнался за нею, у этой женщины была вот такая морда, вот такая двухнедельная щетина, вымени ни следа... или тебе все равно: мужчина или женщина?

Он в испуге отшатнулся к стене, едва не размазался, как хачапури.

— Нет, конечно! Как можно такое подумать? Это же содомия! Но вы врете, как две поповы собаки!

Брат Кадфаэль перекрестился, я вздохнул. Сэр Смит переводил взгляд с одного на другого, умоляя сказать, что пошутили, воскликнул в отчаянии:

— Ну почему, почему всегда так? Если женщина прекрасная, то всегда суккуб, если уродливая дура — то верная и преданная жена. А то еще и умная в придачу ко всем уродствам...

— Неисповедимы пути Господни, — ответил брат Кадфаэль благочестиво.

— Ладно, — сказал я, — ты здесь прочти пару молитв, чтобы освятить место... а то и огради молитвой, а я зайду к местному магу.

Кадфаэль дернулся, лицо искривилось.

— Нужно ли?

— Не очень, — признался я. — Но мне кажется, что он в этом замке даже больше хозяин, чем благородный сэр Гослинг.

Глава 2

Свет в комнате мага шел с потолка, но я не увидел там светильников. Просто светится весь потолок, отблески играют на гладкой поверхности стола. Там всего три толстенных тома в латунных переплетах, золотые буквы на корешках, еще два ряда устрашающей толщины книг в шкафу. Там же потемневшие от употребления старые тигли, реторты и прочие инструменты, непонятные мне, я ведь рыцарь, а нам даже положено быть малограмотными.

Он смотрел пытливо, указал на кресло по ту сторону стола, однако я, поблагодарив вежливым кивком, прошелся вдоль стен с книгами, спросил: «Можно?» и, не дожидаясь ответа, я же благородный рыцарь, мог бы и не спрашивать вовсе, снял с полки одну книгу и заглянул.

Шрифт знаком, однако вся книга записана способом, который одно время был в большой моде среди магов Шестого Царства Магов: одно-единственное слово в книге, но когда распахиваешь ее, то видишь массу слов, написанных одно поверх другого, умелый трюк, но что-то в нем декадентское, от упадка, от игры словами. Когда смысл вообще-то уже и не важен, а для меня все-таки важнее смысл, я всегда предпочитал информационные тексты, чем дамские романы.

Тетон смотрел насмешливо.

— Ну как, сэр Легольс?.. Нравится наше чтение?

Я ответил с небрежностью:

— Да, я бы, пожалуй, стал колдуном, если бы уже не был герцогом.

— Вот как?.. Вам это интересно?

— Очень, — сказал я искренне. И добавил уже с натужным восторгом: — В этих книгах наверняка есть и секрет, как стать королем! А то и вовсе — императором!

Он продолжал улыбаться насмешливо и свысока.

Простолюдину даже понятно, что если свойства найденного при раскопках амулета проявляются сразу... не говоря уже о мечях, шлемах, щитах и прочей ерунде, то книгу еще надо прочесть. А прочитав — понять! Если же учесть, что большинство книг писалось для своих, то обычно использовался и свой язык, полный тайного смысла, а то и вовсе придуманный, как богатые языки волапюк, эсперанто и зегегант, хотя на самом деле не было народов, которые бы говорили на этих языках, как сперва твердо считали первые исследователи. Потом была выдвинута теория, что языки были созданы, чтобы объединить все народы, но в конце концов уверились в том, что эти языки относятся к «тайным», на которых говорят члены глубоко упрятанных обществ.

Так вот, книги, в отличие от амулетов или оружия, обычно продавались за бесценок богатым лордам, а те складывали в подвалы или библиотеки, у кого что было, чтобы потом свой колдун или алхимик пытался в них найти секрет философского камня. Некоторые лорды накопили огромные библиотеки, в которых конь не валялся с самого основания библиотек. А они начинались еще при дедах-прадедах, которые тоже собирались как-нибудь засесть за чтение, как только разделяются с войнами, бабами, долгами, повинностями, обязанностями, внуками, невестками, назойливыми соседями, нашествием саранчи, мором скота, повышением цен на соль, призывом короля на помощь в укрощении взбунтовавшегося феодала...

Еще крупнее библиотеки в королевских хранилищах, а уж у всяких тайных и явных орденов, что существуют тысячи лет, порой переходя из одной эпохи в другую, так и вовсе несметные сокровища, из которых лишь сотая часть хотя бы разобрана, а уж прочитана... если тысячная часть, то это просто чудо.

За окном колыхнулись ветви, по стене чиркнуло

сухим прутиком. Тетон оглянулся, там балансировала, стараясь удержаться на качающейся ветке, небольшая сова.

— Простите, — сказал Тетон быстро, — это ко мне...

Он отворил решетку, сова растопырила крылья и спланировала на подоконник. Пока она шурилась от яркой свечи, Тетон быстро извлек из кожаного кармашка на лапе тоненький листок бумаги.

Я следил, как он разбирает мелкий текст, по спине сперва побежал предостерегающий холодок, затем пронзило леденящим холодом. Тетон обернулся, темные глаза вспыхнули багровым огнем. Я спросил первым:

— Послание касается нас?

— Да, — ответил он свистящим шепотом, что был похож на шум песчаного урагана. — Вы поссорились с очень могучими людьми!

— Я могу объяснить, — сказал я торопливо, — дело в том, что...

Он прервал яростно:

— Дело в том, что эти могущественные люди — мои хозяева!

Я успел увидеть, как он схватил зеркало и повернул в мою сторону.

Жуткое чувство падения пронзило с головы до пят. Мне почудилось, что сердце остановилось, ему для нормальной работы тоже нужна гравитация. Такое чувство посещало только в страшных снах детства, когда падал в бездонные пропасти и все не мог проснуться, а все мое существо замирало в черном ужасе.

Желудок подскочил в горлу и пытался протиснуться выше, но ледяной страх сковал с такой ужасающей мощностью, что я что-то кричал, пытался извернуться в падении, однако со страшной обреченностью ощутил, что у меня нет тела вовсе, через жуткую черноту падает и

падает мой дух, мое «я». Чернота, что чернее любой черноты, уничтожив мое тело, быстро разъедает и меня самого, я уже чувствую, как под натиском этого ужаса суживается моя суть, сворачивается в тугой кокон мое «я», измельчается, страшась соприкосновения с давящим ужасом, и потому отступает, отступает, измельчается, вот уже остается одна искорка, мне уже ничего не нужно, только бы все это кончилось, пусть даже небытием, даже лучше всего — небытием....

Холод все сильнее пронизывал мое тело, наконец челюсти запрыгали, я стиснул их покрепче, но дрожь начала пробегать по телу. Наконец я сообразил, что холод ни при чем, мой седалищный нерв чувствует присутствие другого исполинского седалищного нерва, что вовсе и не нерв. Никаких нервов не было и не могло быть в ту жуткую эпоху, что открывается передо мной медленно и торжественно, как занавес космической сцены. И душа моя вздрогнула и завопила от смертного ужаса.

Да пошло оно все, мелькнула упрямая мысль, но оформить в образ не смог, ведь кора головного мозга — тонкая пленка на кипящем молоке темных рефлексов, инстинктов. На самом деле это они нами руководят и правят. Я сам ношу в себе тьму, а сейчас вот на меня смотрит и велит покориться большая тьма...

— Не-е-е-ет... — прохрипел я. — Не-е-ет...

Да, ответила мне моя тьма. Ты ведь не рыцарь, перестань прикидываться. Ты тот, кому все по фигу, кто не знает ни дружбы, ни привязанности, а о верности и преданности вообще говорить смешно. Ты же сам высмеиваешь все благородные поступки, называя их дуростью.

А вот хрен, жалко пискнул задавленный голосок, похожий на комариный. Я этот... как его, паладин. Который без страха... и упрека.

Без страха, произнес неслышный голос, и я съежил-

ся от нахлынувшего ужаса. Такого древнего, косматого и всеобъятного, что душа затрепетала, как пламя свечи на ветру, и умерла. Без упрека, произнесла тьма, и перед моим мысленным взором пронеслось множество картинок, при взгляде на каждую я умирал от стыда, корчился и сгорал на незримом огне. Ты такой же, как и все мы, так что не стыдись, встань и приди...

Я распрямился, чувствуя позволение, рука автоматически коснулась рукояти меча. В кончики пальцев больно кольнуло, ток пробежал по телу. Я стиснул рукоять меча так, что пальцы придется отгибать только клещами, вперил взгляд во тьму.

Я — человек, сказала во мне нечто крохотное, и я сообразил, что душа все еще не умерла. А человек — это не то, что он есть, а то, к чему стремится, кем хочет стать. Так что пошла ты... к дедушке Фрейду и его амебам.

Я выныривал из черной боли медленно, мучительно медленно. Однако едва начинал брезжить свет, как темная волна накрывала с головой, я хрипел, задыхаясь, беспомощно шарил руками, но тьма уносила меня вниз с такой стремительностью, что все внутренности расперло и проталкивало, раздвигая ребра и разрывая глотку, наверх.

И в этой тьме едва слышно начал звучать голос. Я не разбирал слов, лишь столетия спустя сообразил по чеканности строк, что эта божественная латынь, тот самый язык, чьими носителями был распят тот, кого сейчас цитирует...

— Кадафэль, — прошептал я.

В черноте забрезжила светлая точка, быстро разрослась в светлый круг, как будто смотрю со дна колодца. Я устремился вверх, как вырвавшийся со дна болота пузырек газа, взлетел в яркий мир, больно хлестнувший по глазам.

Во все стороны раскинулся серый тоскливый мир, покрытый не то пеплом, не то пылью. Огромное багро-

вое солнце, что не слепит, а остывает, как слиток железа, выхваченный из горна. И весь мир выглядит остывающим, умирающим. Я ощутил всеми чувствами, что через два-три миллиарда лет такой станет Земля, содрогнулся.

Когда переступил с ноги на ногу, облачко пыли лениво поднялось и повисло в воздухе, словно в невесомости. Я ощутил далекий запах не то остывающей лавы, не то укрывшегося за горизонтом вулкана, но отмахнулся от нелепой мысли: и лава из разломов, и вулканы — неизбежные спутники молодой планеты, а в старости все затихает, успокаивается, замирает и... умирает.

— Вперед, — произнес я дрогнувшим голосом. — Куда-то же забросил этот гад...

Далеко впереди показался небольшой смерч, он двигался наискось в мою сторону, шатаясь на тонком подламывающемся кончике, хромая и припадая на гибкое колено, а потом, обессилев, рассыпался горстью всего лишь серой измельченной пыли. Еще пара смерчей, уже крупных, похожих на исполинские колонны черного дыма, что поднимаются над горящими нефтехранилищами, поднялись у самого горизонта, буравя вершинами низкое фиолетовое небо, исчезли.

Некоторое время я ступал осторожно, прислушивался к глухому стуку подошв, но почва держит, никакой предательской зыбучести.

Из пространства, всего в полусотне шагов, начала выступать, напугав меня до полуобморока, гигантская стена. Казалось, прямо из воздуха появляется гигантская кладка, словно передо мной исполинское зеркало, за которым прячется крепость или вражеское войско, а я вижу лишь отраженную голую степь.

Я приник к земле, хотя спрятаться здесь ну никак, стена выглядит странно: с кавернами и наплывами, словно чудовищный жар оплавил каменную поверхность, где-то выжег, где-то камень тек и застыл, как гриб на дереве.

Тихо, ни звука. Я осторожно выдвигался, пока не рассмотрел крепость целиком, и сердце мое, отяжелев, опустилось в пятки. Эту громаду строили не люди. Вроде бы начинаю понимать, что вот те каменные столбы вроде бы частокол, а навес повыше — аналог помоста для расхаживающих стражников, но и там бугры, провалы, впадины. Какое расхаживать — нужно прыгать, как гигантские блохи... Но будут ли блохи, даже разумные, строить именно крепость?

Я с пугающей ясностью ощутил, что это и есть логово демонов. Демон, вспомнил рассказы мага Рихтера, только с виду похож на зверя или человека. Но звери не убивают, когда голодны. Даже самый лютый волк, задрав овцу, несет ее в логово волчатам, где пируют, а потом отсыпаются, играют. Демон же не успокоится, пока не убьет всех овец, каких узрит в стаде. Он будет стараться убивать все живое, а если не встретит человека или некрупного зверя, будет топтать муравейники, убивать мышей и землероек.

Другая ветвь эволюции, даже не другая, это иная форма жизни. Как будто и не белковая вовсе... А если и белковая, но с левосторонними молекулами или еще какой хренью, что делает абсолютно чуждой привычную мне жизнь.

Они стремятся стереть с лица земли наш мир, заменить своим, а я, как существо этого мира, инстинктивно должен стараться стереть с его лица их. Без всяких рассуждений о гуманности или занесении в Красную книгу. Стереть всех, до единого. Хотя, конечно, на самом деле такое не под силу ни мне, ни целой армии, но это не мешает жаждать все это уничтожить, стереть, растоптать, пустить в распыл.

Но кто же тогда эти твари в людской личине, как Тетон, что отыскиали проход в закапсулированные пространства демонов и, возможно, выпускают их в наш мир по одному, по два для каких-то своих целей?

Что-то мелькнуло в одной каверне, я не успел всмотреться, как уже из другой, гораздо ниже, выпрыгнул темный зверь, на миг припал к земле, а когда распрямился, я охнул и отступил. Несмотря на холод внутри, на лбу зашекотало, поползли щекочущие капли, вообще пот выступил по всему телу.

Демон вперил в меня огненные глаза. Сердце колотится, как у загнанного коня, пот заливает глаза, а тварь поднялась, раздуваясь, как исполинская кобра.

Душа вострепетала, а пальцы похолодели.

— Да пошел ты...

Молот вырвался из моей ладони, словно испуганный голубь. Тварь перевела взгляд на нечто летящее в ее сторону, даже не потрудившись отодвинуться. Молот ударил со всей мощью, ударил так, как бил в башню замка Волка. Тварь вздрогнула с головы до ног, я не поверил глазам: не разлетелась вдрезг, не переломилась, даже не упала, а вздрогнула как будто от неожиданности.

Рукоять хлестко шлепнула по ладони, я швырнул со всей злостью и отчаянием:

— Убей эту тварь!

На этот раз тварь как будто пыталась сдвинуться в сторону, но молот успел ударить в то место, где у человека дышало, блеснул рукоятью и вновь оказался в моей ладони. Я швырнул тут же, не надо дать твари опомниться, даже сделал два шага вперед и, перехватив молот, швырнул поспешно снова.

Звук удара, как будто молот с большой силой впечатался в толщу сырой глины. Перехватив за рукоять, сделал еще шаг и швырнул почти в упор. Тварь дрогнула и... попятилась. Возликовав, я ловил и бросал молот, чувствуя, как страшные удары, способные переламывать столетние дубы и разбивать башни, все больше сотрясают и, возможно, калечат тварь.

За спиной твари возникла тень, начала разрастаться, я подступил еще и с огромной силой вогнал голову мо-

лота на этот раз в голову. Сухой стук. Молот отлетел пристыженно, однако тварь отступила еще на шаг. Я швырнул еще и, поймав, хотел остановиться, не приближаться к крепости демонов, как вдруг там заколебалось и все исчезло, а мы с демоном оказались на бесконечной безжизненной равнине, красноватой и усыпанной округлыми камнями, так похожими на человеческие черепа.

Я застыл на миг, раскрыв рот, в тот же миг страшный удар опрокинул меня на спину. Не выпуская молота, я ощутил, как меня со скрежетом протащило по земле. Рот заполнился кровью, в голове грохот, но затуманенным взором ухватил, что тварь осталась на месте, над нею, оказывается, жуткое небо с тремя слабыми звездами, словно бы на окраине Галактики. Тварь раскачивается, пытается удержаться на ногах, а вместе со мной унесло и все камни, словно их выбило гигантской битой.

Магический удар, мелькнула паническая мысль. А если бы я не потрепал гадину ударами молота, она бы сумела сфокусировать удар на мне одном, и тогда бы...

Из позиции лежа молот ударил слабо, но я поднялся на колени, перехватил и бросил снова, а когда молот вернулся, я уже стоял на своих двоих. Тварь раскачивалась сильнее, то ли пыталась уклониться от летящего молота, то ли так готовила мощный удар, что оставит от меня мокрое место. Я торопливо хватал из воздуха молот и швырял безостановочно, не дать твари опомниться и сфокусировать магический удар, пусть удары молота сотрясают, ломают заклятие или что там у нее, я буду бросать молот, пока не отломится рука...

Тварь захрипела, из жуткой пасти раздался хриплый рык:

— Ты... не сможешь...

— Смогу, — ответил я так же хрипло. — Я уже смог! Мадам, у вас давно закончился срок годности.

Тварь вздрогнула, выпрямилась, молот ударил с ужа-

сающей силой. Я впервые услышал хруст, словно сквозь толщу глины все же добрался до спинного хребта и перебил. Тварь застыла, я отступил, опасаясь, что рухнет вперед и придавит, однако тварь осталась стоять неподвижно, вокруг нее засверкали искорки, сплелись в некую сеть, а затем так же быстро погасли.

Передо мной стоял каменный столб, я опустил занемевшую руку. Не отрывая взгляда от окаменевшей твари, я боковым зрением улавливал бесконечность этого мира, горизонт уходит в туманную даль. В сердце смертельная тоска, что я буду делать без друзей в этом мире, где живут эти твари, я хочу вернуться, я жажду вернуться...

Страстное желание вернуться ударило в мозг с такой ослепляющей силой, что я закричал:

— Я хочу вернуться!.. Во имя Господа!..

Блеснул яркий свет, в лицо пахнуло знакомыми запахами. Над головой темный свод, боковым зрением я уловил ряды книг в шкафу, мигом сообразил, где я, повернулся и цапнул молот.

Тетон закричал в страхе, метнулся в сторону, что-то сдвинулось в комнате, колдун исчез. Я задержал молот в последний миг, даже пальцы затрещали от усилий, осмотрелся, вытащил другой рукой меч, а молот повесил на пояс.

Глава 3

В комнате полная тишина, даже в тиглях не потрескивают красные угли, а дымки остановились в плотном воздухе, словно замороженные.

Поводя обнаженным мечом, я прошелся по комнате. Иногда кончиком касался стен и стеллажей, где подозревал потайные дверцы, и уже когда разуверился было, заметил в простенке между шкафами вкрапленный в

стену серый невзрачный камень. Я приложил к нему ладонь, ничего не случилось, надавил сильнее, еще сильнее... послышался слабый щелчок.

Секция шкафа отодвинулась, открылся узкий проход. Вдали с потолка льется слабый свет, шагов через двадцать еще один.

— Была не была, — прошептал я.

Выставив перед собой меч, чтобы при нужде мгновенно ткнуть в посмевшегося встать на пути, я медленно-медленно двинулся вперед. Под ногами огромные плиты, сам коридор неширок, три человека пройдут в ряд, но четвертого размажут по стене. Плиты, как мне показалось, укреплены не слишком уж надежно, одна качнулась, я поспешно переступил дальше.

Так я медленно двигался по тайному проходу, как вдруг сзади послышался негромкий, но властный голос:

— Замри!.. Иначе ты мертвец.

Я застыл, очень медленно повернул голову. В полумраке блестят обитые железом дуги арбалетов, на острых наконечниках коротких стальных стрел мерцают лунные искорки. Арбалеты в руках темных фигур, но не монахи, от этих пахнет пивом и луком, на головах простые рокантоны, из одежды — кафтаны и полукафтаны, арбалетчикам вообще не требуются доспехи.

— Бросай меч, — произнес тот же голос.

Так же медленно я повернул голову еще чуть. Этот без арбалета, зато с оголенным мечом в руке, среднего роста. В легких латах, что скорее признак старшинства, арбалетчики в соприкосновение с противником не входят, шлем конический с длинной кольчужной сеткой, укрывающей спину, глаза холодные, злые.

— Зачем? — спросил я тупо.

Он повысил голос:

— А у тебя есть выбор, дурак?

Я пожал плечами, очень медленно, даже совсем медленно, то ли, мол, мышцы совсем уж сковал паничес-

кий ужас, то ли боюсь дать им шанс испугаться и выстрелить, поднял руки и принялся расстегивать пряжку на перевязи меча. Там заело, я очень усердно возился, пыхтел, вроде бы невзначай сделал короткий шагок в сторону арбалетчиков, вот уже совсем почти расстегнул, в голове бьются мысли: насколько твердо дан приказ взять меня живым, а он явно дан, иначе бы уже истыкали меня стрелами, но если я брошусь вот сейчас...

Под ступнями внезапно блеснула узкая полоска света. Я наконец расстегнул перевязь и, взяв ножны с ремнем в руку, начал наклоняться, чтобы медленно, очень медленно положить на пол. На меня смотрели уже спокойнее, я перенес ногу еще на полступни вперед, топнул, под ногами затрещало. Я ощутил себя в невесомости, сверху пронесся злобный свист, ножны дернулись, едва не вырвавшись из ладони, руку ожгло острой болью.

Я упал на твердый пол, покрытый пучками прелой соломы. Руку саднит зверски, но кое-как откатился в темноту, и тут же в светлый прямоугольник с визгом ударили две стрелы. Я торопливо набросил перевязь и затянул пряжку, поспешно извлек меч. Наверху орали и ругались, наконец в светлом прямоугольнике лаза показали обутое в добротные сапоги ноги.

Я пожалел, что со мной нет лука, но когда арбалетчик разжал руки, лезвие моего меча встретило его в полете. Я поморщился от хрюска костей, но арбалет перехватить не успел, сверху свистнула стрела и, ударившись о камень, рикошетом саданула по больной руке. Я наскоро затянул рану, начал отступать, подземелье вырублено грубо, очень низкое, потолок бьет по затылку, а то и вовсе заставляет сгибаться в три погибели.

Поколебавшись, я побежал по длинному ходу, в красноватом свете выглядит странно нереальным, выступы расплываются, словно из тумана, но пару раз приложился так, что шипел от боли и поминал кривору-

ких строителей так, что переворачивались в гробах или подпрыгивали в котлах с кипящей смолой.

Ход закончился тупиком, я в панике пошарил по стенам, затем один участок как будто сам по себе изменил цвет в сторону багровости, чуть-чуть, но я сразу вспомнил, что так вижу более нагретые участки, бросился на стену и толкал, пихал, упирал ногами, уже собирался взяться за молот, как вдруг заметил в стене, испещренной прожилками, несовпадение рисунка. Кто-то взял камешек из другого места и зачем-то врезал его сюда...

Я приложил ладонь, одновременно услышал голоса. Рука метнулась к рукояти меча, чуть позже сообразил, что голоса идут с той стороны каменной стены.

Поискал судорожно, в одном месте смел паутину, открыв крохотную дырочку, не шире карандашного грифеля. В ярко освещенной, словно сцена, и в прекрасно обставленной комнате спиной ко мне сидит на широкой софе женщина в зеленом платье. Первое, что бросилось в глаза, ее ниспадающие на плечи, но не ниже, пышные волосы снежно-белого цвета. В этом плотно облегающем зеленом одеянии напомнила мне молодую веселую ящерицу в разгаре лета, когда не надо искать еду, она уже везде, когда на боках есть небольшие милые валики свеженького жирка, совсем немного, но так и тянет за них ухватиться.

Она как будто ощутила мой взгляд, повернулась, сильно изогнувшись в поясе, весело засмеялась, показывая мелкие острые зубки ящерицы. Сидя так, изогнувшись в мою сторону, перекрутилась, милые складочки проступили четко и маняше, у меня сами собой задергались и сомкнулись пальцы. Волосы, несмотря на такой снежно-белый цвет, выглядят молодыми и здоровыми, блестят здоровьем, пышные настолько, что я заподозрил даже парик, но такие красотки в париках не нуждаются...

— И что же, — прозвучал ее мелодичный голос, — ты, такой могучий, ищешь в моих покоех?

На минутку мой взор заслонило темное, затем оно отодвинулось, я увидел спину Тетона. Он подошел к женщине и сказал чуть-чуть раздраженно:

— Это не твое дело. У меня небольшие неприятности... но тебя это не касается.

Она нехотя поднялась, он плюхнулся на ее место, я видел злость и непонимание в его лице. Женщина сказала с насмешливым сочувствием:

— Скажи, что случилось?

— Не твое дело, — повторил он раздраженно.

— А вдруг мое? — спросила она. — Сколько раз я улаживала твои конфликты с герцогом?

Он раздраженно отмахнулся.

— То были пустяки.

— Пустяки? — уточнила она холодно.

Он сказал обозленно:

— Поверь, в сравнении с тем, с чем я столкнулся, все — пустяки. Но мне нужно только переждать до утра. А там придут те, кто намного сильнее меня.

Она смотрела с обидой и недоумением, затем зевнула и сказала с подчеркнутой холодностью:

— Я уйду на свою половину. Если ты не занят с герцогиней, я могу уступить тебе половину своей постели.

Он отмахнулся.

— Я не занят с герцогиней. Но я останусь здесь. Эта комната защищена, а твои покои — нет.

Она сказала с еще большей холодностью:

— Спокойной ночи.

Я дождался, когда после ее ухода прошло минут пять. Надеюсь, покои прекрасной любовницы колдуна достаточно далеки, снял с пояса молот, а другой рукой повернул скрытый рычаг.

Тетон сидел в задумчивости, вперив взгляд в пылающий очаг. Я зашел со спины, молот наготове, сказал негромко:

— Не двигайся! И даже губами не шевели.

Тетон вздрогнул, медленно повернул голову, глаза полезли из орбит. Я зловеще улыбнулся.

— Как видишь, меня убить не просто. Не так ли?

Он пролепетал белеющими на глазах губами:

— Мне велели... мне сказали, что избалованный юнец... все дело в его охране...

— Охрана спит, — согласился я. — А мы с тобой нет. Не шевелись! Не знаю, умеешь ли мысленно плести заклинания, так что лучше не пробуй... Отвечай, кто придет за мной утром?

Он побледнел, сказал хриплым голосом:

— Не могу...

— Лучше отвечай, — сказал я недобро. — Видел бы ты, как я заставлял говорить даже самых стойких...

— Не могу, — повторил он с мукой. — Либо я выдержу пытки, либо умру... Я сам под заклятием! Если назову имя — умру... еще до того, как скажу. Ты не знаешь мира магов и чародеев...

Он побледнел еще больше, лицо посинело, он захрипел и упал по ту сторону стола. О пол с глухим стуком ударилась голова, я увидел бессильно откинувшуюся руку.

Рефлекс заставил меня сделать шаг вперед, старому человеку надо помочь, но седалищный нерв завопил так панически, что я отшатнулся и отступил непроизвольно, старших нужно слушаться, а мозг — зеленый сопляк рядом со все повидавшим ветераном.

Ладонь так же непроизвольно сжала рукоять молота. Послышался шорох, я сделал шаг в сторону, из-за стола поднимается чудовищный зверь размером со льва, только без гривы. Он повернул ко мне голову, в желтых глазах вспыхнула дикая ярость. Под тонкой кожей взду-

лись могучие мускулы, толстые лапы с силой взметнули его в воздух...

Рука как будто сама по себе, но опять же ведомая видавшим и львов, и саблезубых тигров, и динозавров сепалищным нервом, взметнула молот и разжала пальцы в тот миг, когда чудовищный зверь взвился над столом. Стальная болванка ударила тугое тело из сухих мышц с силой биты, что бьет по мячу.

Зверя отшвырнуло к стене, затряслись и посыпались на пол картины, вещи с полок. Зверю расплющило грудную клетку, а когда он сполз по стене, я по вмятине в стене понял, что молот попросту пробил зверя насквозь и раскрошил каменную плиту. Я поймал молот дрожащими пальцами, с той стороны стола тишина, но я обошел по широкой дуге, держась под стеной.

Красная лужа быстро растекалась по всему кабинету, зверь слабо дергает конечностями, лежа на спине, и хотя это предсмертные судороги, но кто знает этих чародеев, я осторожно повесил молот и тут же вытащил меч. Лезвие блеснуло красным в кровавом свете горящего в тигле металла, удар получился неровным, но голову зверя отделил как бритвой, хоть и вместе с плечевыми мышцами.

Снизу вроде бы донеслись голоса, я прикрылся рукавом от нестерпимого жара и быстро опрокинул тигель на пол. Расплавленный металл первым плеснул на дорогой ковер, следом посыпались пылающие угли.

Я отступил, сунул меч в ножны и, приняв беззаботный вид, быстро вышел и закрыл дверь.

Когда я добрался до отведенных нам комнат, снизу слышались испуганные голоса: «Горим!.. Пожар!» В окна дхнуло пламенем, я быстро выглянул, башня на той стороне изнутри озарилась багровым, в окна полыхнули оранжевые языки огня.

Эбергард ухватился за меч, едва я, ступая неслышно, вошел в комнату.

— Что случилось? — потребовал он еще сонным голосом, расширенные от крепкого сна зрачки быстро сужались в точки. — Тревога?

— Умело брошенный окурок, — сказал я, — может стать причиной пожара! Одевайтесь. Поднимайте всех, старайтесь не шуметь.

Он подбежал к окну, на лицо пали багровые пляшущие отблески.

— Пожар? Мы должны помочь нашему благородному хозяину!

— Мы должны как можно быстрее смыться, — отрезал я жестко. — Не спорьте, граф. Это очень серьезно.

Никто не устает смотреть на горящий огонь, текущую воду и работу, которую делают за тебя, так что идеальный объект для сладостного созерцания — как раз пожар, но нам удалось поднять всех, выскользнуть во двор, где уже от вылетающих из окон искр загорелись пристройки. Особенно жарко запылала булочная, народ с криками таскает воду из колодца, мужчины мечутся с баграми, растаскивая бревна, я первым вбежал в конюшню и вывел Зайчика.

Пес ринулся было смотреть на пожар, я свистнул ему, еще через несколько минут мы убедили стража ворот, что решетка должна быть поднята, и с огромным облегчением выскользнули в свежий ночной воздух.

Холодно и недружелюбно смотрят колючие звезды, призрачный свет падает на странно посеребренную землю под острым углом, все тени кажутся резче, злее, опаснее. Сэр Смит и брат Кадфаэль поспешно обматывали копыта тряпками, вся сбруя прилажена так, чтобы ничего не звякнуло, не грюкнуло, даже шпоры пришлось завязать, не дай бог тренькнут.

— Не торопиться, — предупредил я. — Я впереди, сэр Смит следом...

Граф Эбергард возразил шепотом:

— По старшинству...

Я прошептал жестко:

— По старшинству здесь первый — я! Хотя как герцог Легольс, хоть как... не знаю кто. Не хотите подчиняться, мы вдвоем уходим, а вы как хотите...

Граф Эбергард стиснул челюсти так, что я услышал скрежет зубов, выдавил хрипло:

— Хорошо... Но потом я припомню.

Я вскочил на коня, не удостоив его ответом.

Глава 4

Розовый рассвет застал нас в двадцати милях от замка. Все чувствовали мой страх и настигивали коней, даже Брайан и леди Ингрид не отставали, держались почти в середине группы.

Под копытами гремела сухая земля, затем показалась роща, мы сразу нырнули под густые ветви. Над головой многоэтажная зелень, копыта уже не стучат, тонут в мягком толстом ковре прошлогодних листьев. Рыцари начали переговариваться, наконец-то в безопасности, наконец Эбергард придержал коня и, поравнявшись со мной, спросил с явной неприязнью:

— И что за причина такого поспешного бегства?

— Им стало известно, где мы.

— Вот как, — проговорил он серьезно. — Каким образом?

— То ли местный колдун сообщил, то ли они разошлись... гм... ориентировки. Словом, колдун нас опознал.

— А что он сам? Не попытался...

— Попытался, — ответил я коротко.

Он открыл было рот, явно намереваясь продолжить расспросы, но взглянул на мое лицо, в глазах что-то изменилось, помолчал, спросил после паузы:

— Так чего бежим так поспешно?

— Мы не знаем, кто помимо колдуна поблизости, — объяснил я. — Мы не знаем, насколько близко главные силы погони. Мы многое не знаем о противнике, в то время как он знает о нас все.

Он коротко взглянул, обронил:

— Думает, что знает.

— Что? — переспросил я. — Ах да, конечно. Но у нас не так уж много тузов в рукаве, как хотелось бы.

Воздух свеж, кони за двое суток отдохнули так, что играют на скаку и задираются друг с другом. Деревья неслись навстречу, а затем разом исчезли, мы выметнулись в залитое жарким солнцем пространство. В лужах блестит небо только в самых глубоких выемках, а так земля за ночь растеряла влагу, сейчас же на глазах высыхает, комья из-под копыт рассыпаются в воздухе.

Кто-то из рыцарей пожаловался, хотя и веселым голосом, что уже какой день и неделю в пути, в ответ Кадфаэль негромким проникновенным голосом начал рассказывать, что Моисей вообще водил по пустыне евреев сорок лет, вот это был путь так путь, на что юный Дилан спросил наивно:

— Сорок лет по пустыне? За это время можно всю землю объехать!

— А он водил зигзагами, — подсказал Мемель.

— Зачем? — удивился Дилан.

Вместо задумавшегося Кадфаэля самоуверенно ответил сэр Смит:

— Следы запутывал, от погони хотел оторваться! И чтоб на засаду не нарваться. Ты же слышал, половину Египта ограбили!

Мемель, более подкованный, возразил:

— В Святом Писании сказано, Моисей ждал, пока умрет последний, который помнил, что в Египте было лучше, чем их ждет в пустынной Палестине.

Конские копыта выворачивали комья чернозема, трава поднимается яркая и сочная, а рощи все как на подбор: если сосны — то корабельные, если березки, то с каждого дерева можно нацедить сто бочек сока, ягодами усыпаны поляны, а крупные породистые грибы толпятся вокруг каждого дерева.

Эта часть суши, как наконец объяснили Кадфаэль и Эбергард, в сторонке от важных мест, пустыня и пустыня. Здесь не то что городов, даже сел не было, потому все Войны Магов с пренебрежением обходили этот край. В предпоследнюю войну на эту пустыню обрушился грязевой ливень, что почти целиком перенес в тучах вскипяченное море за тысячу верст. Вместе с водой пустыню залило грязью, снова никто сюда не мог сунуться, а потом на этом месте вырос густой-прегустой лес.

Заселить его, правда, никто не сумел: снова разразилась Война Магов, уже последняя. Города горели, реки и моря вскипали, только этот лес уцелел за ненужностью. И вот в него бежали все звери, все существа, что как-то уцелели. Здесь нашли приют и орки, и тролли, и гоблины, даже великаны поселились. А уж многие не столь многочисленные, но не менее опасные существа, те, можно сказать, первыми нашли в этот лес дорогу и обосновались в нем навечно, кто уйдя в землю, кто поселился на верхушках этих чудовищно огромных, как крепостные башни, деревьях, кто выстроил жилища и даже целые крепости в лесу...

— Что за лес, — бормотал сэр Смит, — что за лес... Если не здесь живут дриады, то где еще?

— Кто о чем, — заметил напряженным голосом граф Эбергард. — Я слышал, что в таких лесах живут эльфы, а это не совсем дриады.

— Да, — согласился сэр Смит. — Дриады — это...

Он изобразил руками подобие девяносто-шестьдесят-девяносто, но с тряской в седле пропорции получились странные, он попытался повторить, получился вовсе лошарик, граф Эбергард вздернул бровь и посмотрел на сэра Смита с удивлением. Потом с сомнением и некими предположениями, ясно читаемыми во взоре.

Деревья стоят неприлично близко друг к другу, если учесть, что все они толщиной с крепостные башни, наплывы на коре размером с балконы во дворцах, ветви вознесены так высоко, что даже нижние почти на уровне облаков, а вся крона деревьев тонет в белом киселе. По дереву бегут ровной цепочкой рыжие муравьи, я сперва принял за бесконечную вереницу нажратых белок.

Открылась поляна, настолько огромная, что и поляной назвать неловко, но все-таки поляна: лес со всех сторон, а сама поляна покрыта крупными яркими цветами с торчащими на тонких палочках шариками пыльцы.

Смит присмотрелся, сказал с азартом:

— Чтоб я да не полакомился?

Мы с любопытством наблюдали, как он спрыгнул на землю и тут же начал загребать цветы и совать в них лицо. Потом зашевелились его уши, он пожирал пыльцу, перепачкался, крикнул счастливо:

— Господи, да это лучше, чем вино! У меня сил прибавилось!

Мемель слез, осторожно попробовал пыльцу с другого цветка, задумался, прислушался к ощущениям.

— Да, — сказал он внимательно наблюдающему Эбергарду, — я что-то слышал про цветы, что одним запахом прочищают мозги... Я сейчас могу вспомнить те детские песенки, что пели наши слуги.

Эбергард после колебаний тоже покинул седло. Я остался один, даже Ингрид и Брайан бросились на поляну, хохотали и пожирали сладости, кони тоже начали

потихоньку шипать, и в конце концов, нажравшись нектара, все вылезли из зарослей сытые, но странно посвежевшие, сна ни в одном глазу, хотелось петь и рассказывать веселые истории. Сэр Смит в самом деле запел, громко и фальшиво, брат Кадфаэль посматривал на него с доброй улыбкой всепрощающего папаша. Я оглянулся на роскошные цветы, над ними уже выются крупные бабочки, с ревом тяжело груженных бомбардировщиков опускаются жуки. Чашечки цветков клонятся под их весом, пыльца искрится на солнце, как алмазная пыль.

У сэра Смита перепачканы не только губы, но и щеки, лоб, доспехи.

Брат Кадфаэль сказал заботливо:

— Сэр Смит, вы перепачкались пылью...

Тот попытался вытереться, не получилось, начал стирать энергичнее, наконец едва не раскровянил лицо, но на щеках остались нежно-розовые пятна.

— Что за дьявольщина?

Другие рыцари тоже старательно терли руки, лица, соскабливали с доспехов, но если с металла еще как-то удавалось содрать, то лица у всех оставались как у клоунов.

Эбергард с тревогой посмотрел на далекие крыши городка, оглянулся: с севера снова ползут тучи.

— Я лучше останусь в поле, — сказал он твердо, — чем вот с такой размалеванной харей появлюсь в городе! Скажут, цирк приехал.

Мемель пропыхтел рядом:

— Я... тоже... Такой... позор!

Он тер и тер руки, щупал лицо, где пыльца налипла в три слоя. Глаза страдальческие, обернулся ко мне с паникой во взоре.

— Сэр Ри... Легольс! Что нам делать? Вы ведь старые книги читали!

Я развел руками.

— Растут два цветка. Солнышко, тепло, светло... Один цветок говорит другому томно: «Хочешь меня?» — «Хочу», — отвечает второй. Первый оглядывается в раздражении, как вон сейчас сэр Эбергард: «Ну где же эта проклятая пчела носится?»

По-моему, никто не врубился, только много погода подошел Кадфаэль, посмотрел вопросительно, так ли понял, отправился в соседние заросли таких же цветов, что на той стороне широкого ручья, повозился там, все ахнули, когда он вернулся чистым, без малейших следов пылицы.

Все последовали его примеру, еще даже не сообразив, почему и как. А когда ликующие взобрлись в седла, брат Кадфаэль смиренно поведал гордым рыцарям, в качестве кого или чего использовали нас цветы.

Сэр Смит пришел в такую ярость, что хотел было вернуться и порубить их под корень, однако с севера наползает темная туча, в ее недрах посверкивает, все торопили животных, стараясь успеть если не до городка, то хотя бы до леса. Но когда добрались до леса, а туча все еще не догнала, мы сделали рывок в сторону ясно видимой городской стены. За спиной грохотало, вдогонку подул сильный ветер.

Мы неслись к быстро вырастающим воротам вскачь, там стражники все поняли, гоготали, махали руками и, похоже, делали на нас ставки. Мы влетели в распахнутые ворота как раз, когда обрушился ливень, так что не знаю, кто из них выиграл. Сэр Смит с его чутьем сразу же выбрал верный путь, и вскоре мы соскакивали под проливным дождем во дворе небольшой гостиницы.

Уже из окна, сидя в зале и ожидая, пока принесут обед, я отметил, что городок мирный, чистенький, весь какой-то благополучный, и дома как дома, разве что все на чересчур высоких каменных фундаментах, а крыши, как у церквей, высокие, остроконечные, покрытые черепицей. Сэр Смит, отряхиваясь, как огромный пес, со-

общил, что на таких крышах снег не задерживается, даже если совсем липкий, а фундаменты такие потому, что, когда вся масса снега начинает таять, здесь текут настоящие бурные реки, в которых появляются быстрые хищные ящерицы, что в минуту обглодают до костей любую корову, а от овцы или козы оставляют только черепа.

Эбергард отворил дверь и остановился, жадно вдыхая горячие густые ароматы жареного мяса. Все сразу ощутили, что голодные, как волки, а здесь так призывно пахнет наваристой ухой, я повел носом, улавливая запахи похлебки из молодой баранины, на жаровне под взглядами гостей жарятся тонко распластанные ломти нежной оленины, на кухне шипит, трещит, оттуда вырываются клубы пара и вместе с тем сногшибающие ароматы.

К нам заспешил трактирщик, выслушал, и сразу же по взмаху его руки к нам на стол начали таскать жареную и запеченную птицу, чуть позже принесли сыр, рыбу, свежий хлеб.

Сэр Эбергард и Мемель сразу же завели с трактирщиком разговор о дорогах на ту сторону хребта, на столе появилась карта, трактирщик охотно принялся водить пальцем.

— Тут уже близко, если идти через долину Красных Демонов. Или придется возвращаться на пару сот миль, чтобы обойти все Заклятое Урочище... А отсюда миновать долину невозможно... это одна из причин, почему император так и не двинул на завоевание этих земель огромные войска... Проскочить долину можно только в определенное время суток. Время всегда меняется, точно могут сказать только прорицатели...

Мы все жадно хватали мясо, пожирали, как огонь уничтожает солому, только Эбергард и Кадфаэль крепилась, монах читал благодарственную молитву, а Эбергард спросил быстро:

— А где искать этих прорицателей?

Трактирщик засмеялся.

— Их искать не надо, сами вас найдут. Их там на краю долины — десятки. За пару монет все расскажут, а за три — сами с вами пройдут, чтоб не беспокоились.

— А что в долине? — спросил я.

— Красные Демоны, — ответил трактирщик. Лицо его помрачнело. — Немало моих клиентов и даже добрых друзей попало им в лапы. Кто-то со временем не рассчитал, у кого-то конь захромал...

Я спросил с недоверием:

— Даже силами могучего Юга их не одолеть?

Трактирщик прямо взглянул мне в лицо.

— Ваша светлость, — сказал он почтительно, — силы Юга велики, но не безмерны. Красных Демонов не одолеть никому. Говорят, это бессмертные древние боги, которых Господь оставил на земле в назидание нам... хотя я так и не понял, в чем назидание, а церковь что-то темнит и мямлит. С другой стороны, Юг знает, что Север тоже не в состоянии вторгнуться через этот каньон, так как тяжелые рыцарские кони не успеют миновать его за сутки, а это верная смерть.

— И что, никто не может пройти?

— Вы ведь на турнир в Каталаун приехали? У кого кони быстрые и выносливые, тот пройдет без помех. Но таких коней на армию не набрать.

Мы оставили на тарелках обглоданные косточки птиц, тяжелый круг сыра быстро распался на ломти, истончился и пропал в наших желудках, а мы перешли к пирогам и горячим травяным настойкам.

Эбергارد и Мемель прикидывали, как именно проскочить эту проклятую долину, а Дилан и Кадфаэль заспорили о неведомых островах в океане, где все население из оживших мертвяков. Я не прислушивался,

презираю этот бред про вампиров, зомби и прочую ерунду, но что-то царапнуло слух, начал прислушиваться.

К моему удивлению, в спор влез сэр Брайан. Они с леди Ингрид тем больше смелели и вживались в нашу жизнь, чем дальше отдалялись от страшных земель их кланов, где обоих считают отступниками и где им несдобровать.

— Это все бабьи страшилки, — доказывал Брайан. — Не такой там страшный мир, как может показаться. У нас дома была книга про их мир, я читал... в детстве. Те мертвецы ничем не отличаются от обычных людей. Только они думают иначе, у них другие боги, у них все другое...

Я взял стул и подсел к ним ближе. Дилан почтительно умолк. Я спросил Брайана:

— Погоди, погоди. Что-то не вяжется. А куда делись остальные люди? Ну, которые живые? Эти восставшие из мертвых их сожрали?

Брайан покачал головой.

— Нет, здесь все напутано, однако... Понимаете, сэр Легольс, те люди остались еще от какой-то из прошлых эпох. То ли от Шестой, то ли от Пятой.

— Как? — переспросил я. — Целиком страна?

Он снова покачал головой, задумался, вообще встряхнул, как конь, которому на нос сел овод.

— Не сбивайте, сэр, я сам собоюсь. В старых книгах есть упоминание, что в какую-то эпоху умирающих людей хоронили еще живыми, но погружали в такой сон... что он мог длиться вечно. Не всех, конечно, а кто желал. Одни хотели оставаться в таком состоянии, когда и не жизнь, но и не смерть — у некоторых сны бывают интереснее жизни, так почему бы и нет?.. Другие оставляли завешание, чтобы тот из их потомков, кто станет великим магом, поднял их и оживил... Словом, таких за пару столетий или больше, никто не знает, набралось на гигантское кладбище. Но однажды вспыхнула

Великая Война Магов, когда все города в их королевстве исчезли в огне вместе с верхним слоем земли, реки испарились, а горы растеклись, как расплавленный воск...

Я молчал, уstraшенный больше, чем остальные, для них это только красивая метафора, но я знаю, что такое вполне возможно, и даже видел, как это происходит.

— Вот тогда и вышли они...

Дилан уstraшенно молчал, Ингрид помалкивала и следила за мной тревожными глазами, а Брайан горячо возразил:

— Ничего подобного! Великий мудрец Тентаке обосновал, что если бы они вышли, то сторели бы на раскаленной, как сковорода, земле. Это было потом, когда земля остыла, а испарившиеся реки и озера снова упали из туч и наполнили новые русла.

— А как они могли выйти?

Брайан пожал плечами.

— Земля даже сейчас иногда трещит и лопаeтся. А тогда это было чаще. Одна из таких трещин достигла того кладбища, где жар уже пробудил их... Когда они вылезли, то увидели совсем пустую землю. Прошлоe заново строить то, что знали при жизни.

Я помалкивал, эти люди еще не представляют, что если вот так вылезли бы на пустую землю конструкторы космических ракет, специалисты по высоким технологиям, не говоря уже о всякого рода менеджерах и адвокатах, то вряд ли удалось бы заняться тем, что знали при жизни. В обществе высоких технологий днем с огнем не найти плотника или лесоруба.

Сэр Смит прислушался, сказал с отвращением:

— Ни за какие деньги не решился бы пристать к их острову! Одни мертвецы, бр-р-р... И ни детей, ничего веселого...

Я насторожился.

— Кстати, как же они размножаются?

Брайан удивился:

— Зачем бессмертным размножаться? Конечно, то один, то другой гибнет, но это все несчастные случаи, а так они все те же...

Жаркая волна охватила меня раньше, чем я сообразил, чему же так возликовал мой седалищный мозг. Эти люди бессмертные, а это значит, что они помнят то, что происходило в их эпоху! Так почему же со всех стран не едут к ним, не пытаются узнать секреты высших технологий... ну хотя бы в области оружия, ведь все устремления прогресса направлены прежде всего на создание более смертоносного орудия убийства, а уж потом крохами довольствуются и прочие ветви науки, но в любом случае я не вижу результатов их влияния на остальной мир...

Доберусь, сказал я себе жарко. Чтобы попасть на Юг, нужно переплыть море. И вот, когда поплыву, обязательно побываю на их острове. Обязательно...

Глава 5

Рыцари проследили, чтобы коням дали отборного овса и ключевой воды, сами разбродились в поисках ночлега, в гостинице мест хватило только на половину отряда. Леди Ингрид и Брайан вышли во двор, хотя им вроде бы места нашлись, я после паузы покинул сэра Смита, он явно собирается ночевать за накрытым столом.

В тишине двора фыркали кони, высоко в темном небе желтеет криво отрезанный ломоть дыни, звезды тусклые, неподвижные и немигающие, как глаза Эбергарда. Брайан отодвинул тяжелую створку ворот, уже закрытых на ночь, леди Ингрид выскользнула неслышной тенью.

— Рискуете, — сказал я вдогонку, — ночь темна...

Брайан вздрогнул, оглянулся, но вместо страха или смущения на его лице появилась растерянная улыбка.

— А, это вы, сэр Легольс... У леди Ингрид захромала кобыла. Боюсь, ничего уже не сделать, нужно менять лошадей.

— Вы надеетесь найти коня сейчас? — спросил я. — Ночью?

— За три дома отсюда живет известный барышник, — сказал Брайан серьезно.

Я спустился с крыльца.

— Я вас проведу немного. Почему-то таким тихим городкам доверяю... не очень.

Он подождал, пока я присоединился к ним, леди Ингрид перебежала от меня на сторону Брайана, держа его как щит между нами. Брайан держался вполне дружелюбно, хотя меня не оставляло ощущение, что какое-то недоброе чувство в нем еще осталось.

Луна желто плыла в небе, сопровождая каждый наш шаг, даже в ветках дерева запуталась только на миг, звезды все такие же тусклые, словно в воздухе облако пыли.

Брайан указал на добротный дом по ту сторону перекрестка.

— Вот там, говорят, лучший в этих землях барышник. Мы не поскупимся, нам нужен очень хороший конь...

Он запнулся на полуслове. С той стороны улицы вышли, загораживая дорогу, трое крепких мужчин. Все огромные, массивные, я оглянулся, сердце сбилось с такта: за нами неспешно продвигаются четверо таких же крепких, уверенных.

— Ого, — сказал Брайан тихо, — неужели хотят ограбить?

Мы замедляли шаг, Ингрид испуганно жалась к Брайану. Я спросил громко и жизнерадостно:

— Ребята, вы дорогу загородили ненароком или как?

Тот, что посредине, буркнул хмуро:

— Заткнись. Ты нам не нужен.

Я в недоумении осмотрелся.

— Как это... А кто нужен?

Он кивнул на Ингрид.

— Эта женщина. Отдай, и убирайтесь оба.

Я ахнул, чувствую некоторую, даже больше чем некоторую, ошалелость. Впервые кто-то заинтересовался не мною. Только за это стоит отдать и эту женщину, и еще можно и приплатить, но Брайан сказал грустно:

— Ну почему эти люди не сидят за умными книгами, если у них отыскивается время после тяжелой работы в поле... или мастерской? Почему не размышляют о тайнах мироздания, о дивных звездных узорах, о неисповедимых путях мудрости?

— Это интуиция пока неисповедима, — возразил я, — а с мудростью все как раз понятно!

— Сэр Лёгольс, — поправил он, — не путайте мудрость со знанием.

Здоровьякам надоело слушать, мое имя ничего не говорит, что за дикие земли, где за мою голову все еще не объявлена награда. Старший шагнул и протянул руку к Ингрид. Брайан выхватил короткий меч, я за это время успел отодвинуться в сторону, раз уж никому здесь не нужен, обидно, и со скоростью ковбоя, выхватывающего кольт, сорвал с пояса молот. Четверка, что зашла сзади, оказалась на одной линии, их смело, как трухлявые пни, я поймал молот и тут же метнул в двоих, загородивших путь.

Они только что смотрели остолбенело, в следующее мгновение вожак остался один. Брайан с поднятым мечом тоже застыл, глядя на меня в сильной ошалелости.

Вожак ухватил Ингрид за руку, ее крохотная ладошка полностью утонула в его громадной лапище. В дру-

гой руке у него блеснул огромный нож. Не придумав ничего лучшего, приставил лезвие к горлу Ингрид.

— Я убью леди Дорис!

Брайан в страхе тут же бросил меч и умоляюще повернулся ко мне.

— Это не леди Дорис, — сказал я жожаку, — но... неважно. Она умрет быстро. А вот ты — не так легко, как твои дружки. Я позабочусь, чтобы проклял все свои дни...

Он зарычал, замахнулся на меня ножом. Я легко перехватил, всего лишь здоровенный деревенский увалень, дернул, взял на излом, кость отвратительно хрустнула. Он дико взвыл. Я подхватил выскальзывающий из ладони нож, сказал зло:

— Видишь, уже началось...

Лезвие полоснуло его по горлу, я торопливо отпихнул грузное тело, кровь темной струей ударила почему-то широкой полосой, потер рукоять о штаны и отшвырнул в сторону.

Ингрид с плачем бросилась Брайану на шею. Он тупо посмотрел на распростертое тело.

— Сэр Легольс... почему вытерли не лезвие, где кровь, а... рукоять?

— Стер отпечатки, — пояснил я.

Он не понял, но когда я шагнул к дому барышника, послушно двинулись следом. В доме горит свет, слышатся мужские голоса. Я постучал, привратник открыл почти сразу. Я поинтересовался, в самом ли деле здесь продают коней, да, продают, подождите малость, коли деньги при вас.

Хозяин вышел к нам, явно в доме такие гости, которых лучше не показывать, Брайан сразу же заговорил о покупке самого лучшего коня для леди.

Я послушал некоторое время, никакого подвоха, Брайан в самом деле покупает и в конце концов сторговал великолепного коня. Однако заноза осталась, я никак

не мог сообразить, что меня тревожит, уверился только, что Ингрид и Брайан по-прежнему нечто скрывают, но это знал и раньше.

Молот на поясе настолько привычен, что вот только как сейчас, когда перед сном снимаю вместе с поясом, приходит та странная легкость, когда готов подпрыгивать как балерина или ходить, как она же, на цыпочках.

Пес обнюхал мои ноги, чему-то укоризненно покачал головой и лег у самого порога. Не завидую несчастному, что откроет ночью дверь и наступит на моего бедного песика. Впрочем, вряд ли даже успеет...

Ложе заскрипело, застонало, приятно чувствовать себя таким крупняком среди мелкоты, я с удовольствием вытянулся, зевнул...

Стена напротив качнулась, я ощутил, что падаю. Сверху с каменным стуком сомкнулись плиты пола, я грохнулся с высоты на такие же камни. Боль пронзила тело, в голове грохот, не сразу даже сообразил, оглушенный падением, что меня схватили десятки сильных рук, зазвенело железо, острый нож впился в горло.

— Шевельнешься, — прорычал злой голос прямо в ухо, — останешься без головы!

Я скосил глаза. Нож широк, таким отхватят голову в мгновение ока, никакая регенерация не поможет.

— Не шевелюсь, — прохрипел я, едва двигая губами, острие уже пропороло кожу, теплая струйка потекла на грудь. — Кто вы?..

— Не твое дело!

Я чувствовал, что мои ноги не то связывают, не то стараются заковать в железо, и, только когда лезвие отодвинулось от горла, ощутил холодную тяжесть на ногах и руках. Широкие стальные браслеты плотно охватили шиколотки, а цепь, каждое звено с монету, другим концом уходила к железному штырю в стене.

Мужчины один за другим вышли, поднимаясь по каменным ступеням к неприметной железной двери. Последний с удовольствием оглядел свою работу, подмигнул.

— Здорово получилось?.. Триста лет, как эту ловушку король Фарук сварганил для поимки мятежных герцогов, а все еще работает!..

— Я не мятежный герцог, — сообщил я. — Напротив, самый что ни есть законный.

Он покачал головой.

— Наше дело маленькое. Сказано задержать до их прибытия, вот и задерживаем. Служба у нас такая.

Он еще раз подмигнул, ушел, плотно притворив за собой массивную дверь. Я быстро поднял взгляд к каменному своду, плиты подогнаны так, что ни следа хитрых механизмов, стены тоже из камня, а пол так и вовсе сплошная верхнетуранская плита.

Сейчас там наверху Пес мечется, не понимая, куда я делся, а если и понимает, что может, даже сэру Смиту или Эбергарду не сумеет рассказать, как и что, а если и сумеет, то вряд ли поймут, олухи неграмотные...

Заскрипело, звякнули засовы, снова раздался скрип, дверь отодвинулась, по ступенькам сошел приземистый мужик, в руках железная миска с похлебкой.

— Ужин, — произнес он. — Вишь, хозяин не желает тебе зла, раз кормит...

От миски пахло варевом из дешевого мяса, я натужился и, преодолевая тяжесть цепей, наподдал ногой миску. Горячее варево плеснуло на руки мужика.

Он отпрыгнул, вскричал в горестном недоумении:

— За что?.. Я ж тебе жрать принес!

— За Атарка, — ответил я саркастически, не придумав ничего умнее. — Пошел вон, дурак!

В ночи что-то шумело, потрескивало. Мне почудилось, что в стене пощелкивает гранитная плита, словно

лежит на горячих углях и вот-вот рассыплется, затем шелкнуло явственнее, донесся шорох осыпающихся камешков.

Показался слабый свет, стал сильнее, я рассмотрел в углу темную квадратную дыру на том месте, где была глыба, свет шел оттуда, вскоре показался край горящего факела, его держала крепкая, мускулистая рука. Но когда человек выбрался, я понял, что вижу гнома. Причем куда более мелкого, чем северная порода.

— Хватит, — проворчал он недружелюбно.

— Чего хватит? — спросил я тихо.

— Славить Атарка, — ответил гном. — Нам передали, что ты выполнил какое-то соглашение с тамошними гномами. Больше не старайся для этого Атарка, а то уже мы, гномы, окажемся у тебя в долгу.

— Ого, — сказал я обрадованно, — так у вас связь налажена? Неужто почтовые голуби и под землей летают?

— Не твое... дело, — буркнул гном. Мне показалось, что он проглотил не то «собачье», не то «человечье», что для гномов явно одинаково. — Я передал, прощай.

— Дал слово — держи, — согласился я, — а не дал — полезай в кузов! Слушай, друг, а мне в такую нору пролезть?

— Задница великовата, — ехидно заметил гном.

— Ты пришел только затем, чтобы сообщить о расчете по долгам?

— Ну да, — ответил гном. — А чего ж еще?.. Теперь можешь убивать за свои... гм... идеи. Или идеалы. У вас, людей, все время идеи, идеи...

— А если буду по-прежнему во славу великого вождя Атарка?

Гном скривился.

— Не такой уж он и великий. У нас таких продают кучками. Велено передать, что ты с нами, гномами, расплатился, а мы к тебе в долг не полезем.

Он повернулся уходить, я вскрикнул:

— погоди!

— Ну что? — спросил он недовольно.

— Оставишь меня вот так?

Он отмахнулся.

— Мелкие человечьи дела великих гномов не интересуют. У нас свой мир. Настоящий!

Он опустил в нору, еще миг, и голова тоже исчезнет, я вскрикнул:

— Упускаешь выгоду!

Гном немедленно повернул голову.

— Какую?

— Ты видишь, в каком я положении? — спросил я. — Самое время вогнать меня в новый долг! Я заранее согласен на любые условия!

Гном заколебался, призадумался.

— На любые...

— Да, на любые, — повторил я быстро. — Конечно, вы по своему врожденному благородству не станете пользоваться моим беспомощным положением и требовать немыслимое, вы ведь честные гномы, не какие-нибудь эльфы сраные, тьфу, у вас на лицах написаны все достоинства...

Он вылез, потрогал мои цепи.

— Это называют кузнечной работой?.. Сказано же, одна пьянь косорукая, вырождаются...

Мне показалось, что уже такое слышал, но гном дважды ударил молотом, цепи свалились, словно звенья из глины. За дверью раздались голоса, загремели засовы. Я бросился к норе, показалось, что прогрызли кроты, настолько узкая, едва протиснулся, гном нетерпеливо кряхтел в трех шагах.

— Ну что, — проворчал он, — задница широковата?

— Еще как, — пропыхтел я. — Что ж вы так...

— Это не дорога, — ответил гном нравоучительно, — даже не дорожка! А тропка, понимать надо...

Я продвигался за гномом на четвереньках, измучился, взмок, хрипел, как загнанная лошадь. Уже собирался упасть и распластаться, как медуза, как ход расширился, а свод поднялся. Встать во весь рост, правда, не удалось, но сумел идти на полусогнутых и со склоненной головой.

— Дорога?

— Тропа, — ответил гном. — Когда увидишь дорогу, ахнешь...

Маленькая фигурка двигалась вроде бы неуклюже, но проворно. Я прикинул его рост, хмыкнул, он сразу же оглянулся, злой и настороженный.

— Над кем ржешь?

— Я не ржу, — ответил я честно. — Так, подумал просто...

— О чем?

— Что я уже в который раз наступаю на грабли. Но будет хуже, если наступлю на ваши грабли!

Он не уловил, в чем соль, кивнул благосклонно.

— Да, с нами надо быть начеку. Мы — гномы, не какие-нибудь...

— ...сранные эльфы, — подсказал я. Он довольно хмыкнул, сам в адрес эльфов резких движений не делает, в благородство играет, но от меня слышать явно приятно. — А вот вы, гномы, для нас всегда были образцами отваги и чести! У нас только ахи из-за ваших мечей и доспехов. Им цены нет! Императоры и короли за них любые деньги платят. А уж про самих гномов только и слышно, какие все благородные, отважные, и хотя слова их порою грубы, но лучшие в мире песни они в рюкзаках хранят...

Тропа вроде бы еще чуть расширилась, а потом и вовсе влилась в явно древний ход, вырубленный людьми, я с облегчением вздохнул, с трудом разогнул колени, поясицу и кое-как выпрямил шею.

Глава 6

Дважды проплывали глубокие ниши, я рассмотрел бронзовые гробы, ничуть не удивился, при нынешней бурной и беспокойной жизни надежнее своих мертвецов прятать в подземельях поглубже. Вот египетские фараоны заранее готовили себе сверттайные усыпальницы, лично настраивали ловушки, капканы, западни, а в моем прошлом мире, где вроде бы давно вывелись шлиманы, все равно какие-нибудь отморозки крушат надгробные памятники и выворачивают кресты.

Гном посматривал на меня с растущим раздражением, я сказал с восторгом:

— Как хорошо быть гномом! Ведь все сокровища прячутся в глубинах, а кто им хозяева, как не гномы? Тебя как звать?

— Аланк, — ответил гном.

— Достойное имя, — воскликнул я с восторгом. — Имя королей!.. Да что там королей, в наших землях только императоры имеют право на это имя! Тебе повезло... Или ты из императорской ветви? То-то смотрю, твое исполненное высшего благородства лицо чем-то знакомо... У нас оно на золотых монетах высшей пробы...

Гном сказал польщенно:

— Да, я сам чувствую, что у меня были знатные предки. Жаль, другие этого не понимают. И эти золотые жилы раньше принадлежали наверняка моему роду. Жаль, в этих краях уже все золотые жилы выбрали еще в древности.

— А камни?

— Камни еще раньше! Мы камни любим.

Он шел быстро, я едва поспевал, камни под ногами не выровнены, спотыкаюсь, не сразу ощутил холод на груди, пощупал амулет, он как льдинка, оглянулся, запоминая место.

Гном довольно похрюкивал, ход наконец оборвался

тупиком, гном хитренько взглянул, потрогал стену сбоку, камни ушли в сторону, мы перешагнули порог.

Я ошалело оглядывался. Вся история архитектуры — борьба за окна. Здесь, похоже, боролись в другую сторону, зато победили. Пещера просторная, надежная, вырубленная в благородном сером граните, в стенах ни щелей, ни каверн, гладкая, как скорлупа ореха. Свет идет с закругленного свода, там же вделаны крупные кристаллы, похожие на стекло или хрусталь.

Я засмотрелся на дивную игру света, гном сказал довольноно:

— Нравится? А это всего лишь... ну, как у вас шалаш... Подожди здесь!

Я выбрал лавку понадежнее, а когда поднял голову, в пещере кроме меня только эта добротная мебель да вкрапленные в стены участки камня других пород. Гномы отделали свой «шалашик» добротно, очень добротно, так что пусть не брешут насчет временности и походности. Как богач отделявает стены кабинета древесиной разных пород, так и здесь узнаю умело врезанные плиты малахита, вон там благородная отделка коричневым, здесь окантовка черным, что за камень такой удивительный, а на противоположных сторонах некая аппликация желтым, вроде бы даже золотом...

За спиной сухо затрещало, из прохода выбрались трое гномов, Аланк повел в мою сторону короткой, но мускулистой дланью:

— Это рыцарь, который был в долгу у Атарка.

Двое гномов, еще выше и шире в плечах, чем Аланк, рассматривали меня с явной недоброжелательностью. Один спросил раздраженно:

— И что?..

В короткой реплике было столько уничижения, что Аланк вздрогнул и согнулся, будто на плечи рухнула глыба.

Я сказал быстро:

— Будучи наслышан о великой доблести и отваге гномов, я уговорил Аланка взять меня с собой. До этого я побывал в замке эльфов, вот уж говнюки, каких свет не видывал!.. надменные, под ноги не смотрят, даже когда в собственное... гм... вступят, все тупые, как один, а уж трусы, каких свет не видывал! Потому и обучились стрелять из луков, что страшатся подобно доблестным гномам сойтись в честной схватке лицом к лицу!

Они слушали сперва с безразличностью, уже сделавши движение обратно к выходу, затем внимательнее, наконец второй начал улыбаться, довольно расправил плечи и выпятил грудь, а первый хоть и ничем не проявил свое отношение, но сказал без враждебности:

— Редко, что вот так глубоко видит суть... а то все: эльфы, эльфы!.. Замечают только внешний блеск.

Я указал на самоцветы в потолке.

— Да у вас и с блеском в порядке. Только вы неставляете напоказ, как сраные эльфы. Те прямо в глаза тычут своей утонченностью... да какая это утонченность — просто вырождение! Ни отваги, ни силы, ни мужской доблести... А ведь известно, что настоящий мужчина идет не в рост, а в хвост, в смысле — в корень!

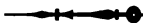
Второй гном улыбался во весь рот, Аланк вздохнул с облегчением и смотрел с благодарностью. Первый гном обернулся.

— Вообще-то, Аланк, ты не сделал ошибку... Да, этот человек, хоть и чужак в нашем мире, понимает правильно. Так что ладно, прими его как гостя. Но не слишком, не слишком, понял?

Оба удалились, Аланк прокричал вдогонку:

— Да, я все сделаю!..

Камни за ними задвинулись, как диафрагма, Аланк перевел дыхание, глаза его заблестели, как темный агат, омытый дождем.

— Фу... Я уж думал, как-то проскользну, это же звери, а не гномы, но сразу же напоролся... Повезло, теперь меня уважать будут, а то Аланк-дурак, Аланк-недотепа...

Я сказал с энтузиазмом:

— Всегда рад помочь! На самом деле люди всегда смотрят по одежке, когда рожа крива, ленятся заглянуть вглубь, где как раз и есть истинные ценности. Вот я смотрю и вижу твою великую и благородную душу, а остальным некогда вглядываться, понял? Они только мазнут взглядом по тебе...

Гном вздохнул.

— Ты прав, вид у меня самый что ни есть... простой.

— Ты еще покажешь себя, — заверил я. — Сейчас вот показал своим вождям, начнут уважать... самую малость, но все начинается с малого! Потом и остальные начнут.

Он почесал в затылке, на лице появилось озадаченное выражение, вместе с тем что-то вроде жалости о потерянных возможностях.

— Ладно, — сказал он, вздохнув. — Тебя велели принять как гостя. А гостя как-то не принято...

— Да, — согласился я с сочувствием, но и с торопливостью. — Гостя как-то не принято обирать, кабалить и вообще вгонять в долг. Эти сраные эльфы, конечно, да, но не благородные и исполненные всяческих достоинств гномы, истинные повелители недр и прочих просторов!

Он вздохнул снова, совсем горестно:

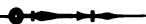
— Что пить будешь?

— Да что дашь, — ответил я. — Только не спиртное. Я за рулем... в смысле, сегодня утром в дальнюю дорогу.

Он сказал с недоумением:

— Почему у меня такое ощущение, что ты меня надул?

— Каждый из людей или гномов, — объяснил я, — всегда мечтает о большем. На самом деле половина ре-

зультата — уже победа. Редко бывает, когда обе стороны сделки выигрывают, но... нам повезло, мы оба выиграли. Ты повысил свой рейтинг от дурака к соображающему, я... ну здесь понятно, получил такую мелочишку, как жизнь... Ерунда, конечно, что жизнь для настоящего мужчины? Так, ерундишка, я ж не общечеловек какой, но все равно — мелочь, а приятно. Так что наливай!

Горное вино забулькало, черное и тягучее. Я принял, нефтью не пахнет, видимо, какие-то фракции.

— Ну вот, опять нет повода не выпить...

— Что-что? — переспросил он, не поняв.

— Лучше недоперепить, — объяснил я терпеливо, — чем перенедопить. И вообще жизнь прекрасна, удивительна, если выпить предварительно.

Он посмотрел, как я профессионально взял чашу с вином, сказал наставительно:

— Наши старшие говорят, что пить надо в меру.

— У вас мудрые старшие, — восхитился я. — Когда пьешь, в самом деле нужно знать меру. Иначе можно выпить меньше.

Он хлопал глазами, снова спросил, вот такой тугодумный народ гномы:

— Это как?

— Люди, — пояснил я, — которые утверждают, что «пить надо больше», и те, которые говорят «пить надо меньше», согласны в одном: пить — надо.

Он кивнул, это понятно, вот что, оказывается, имели в виду старейшины, с наслаждением выпил, налил снова, я предложил выпить за мир и дружбу, а едва он осушил третью чашу, поднял чашу за бабс, снова выпили...

После седьмой или восьмой, когда я уже потерял счет, он сказал, расчувствовавшись:

— Слушай, друг, возьми от меня подарок. Мне это здесь ни к чему, а тебе вдруг да пригодится?

Я с сомнением смотрел, как он поставил на стол еще

одну чашу, старую и покрытую пылью. На дне поблескивают шарики смолы размером с горошины.

— Зерна, — объяснил он. — Там, внутри. А сверху обмазано горной смолой. Чтоб воды не чуяли, понял? Услышат, сразу начнут пускать корни. А тогда уже не остановишь. Будут тянуться, пока не вырастут в деревья. Конечно, если будет чем питаться...

Я оглядел с подозрением.

— А чем питаться?

Он хмыкнул.

— Чем дерево питается? Посадить в землю, само найдет. Это здесь не выживут, а там, наверху...

— Спасибо, — сказал я с чувством. — Извини, ничем не могу отдарить... Хотя как насчет золотых монет?

Он насторожился, в глазах сразу появилась расчетливая трезвость.

— Откуда у тебя золото?

— При мне ни гроша, — согласился я, — но когда мы шли сюда, я слышал в одном месте...

Он насторожился.

— В нашем подземелье?

Гном с трудом помог отодвинуть каменную плиту, плечо ему оттягивает сумка с золотыми монетами. Яркий свет ударил в глаза с такой силой, что я зарычал и, шурясь от яркого солнца, поспешно задвинул плиту на место, едва не придавив гному пальцы.

Граф Эбергард, граф Мемель, Дилан, сэра Смит и еще трое рыцарей выводили из конюшни коней, а я, оказывается, вылез в пространстве двора между кузницей и пекарней.

Глаза Эбергарда расширились, но сразу же подозрительно сузились:

— Сэр Легольс, что вы там делаете?

— Да вот не спалось, — ответил я, небрежно отряхи-

вая рукав от комочков земли. — Решил поохотиться на индриков... Брехня, не водятся они в этих краях.

Сэр Смит воскликнул в страхе:

— А огненные демоны?

Я сдвинул плечи.

— Наверное, не сезон.

Глаза Дилана горели восторгом, я представил себе, что нарасказывает по возвращении, спросил строго:

— Моего Зайчика покормили?

Мемель ответил с почтительным восторгом:

— Ваш конь выбрался из конюшни и всю ночь торчал у кузнеца! Угли жрал, запас подков схрумал. С вас три серебряные монеты, сэр Легольс!.. Я уже заплатил кузнецу.

Я оглянулся на гостиницу, желание ринуться и вывести на чистую воду угасло, как слабый огонек под уша- том холодной воды. Те, кто меня захватил так умело, уже скрылись в панике, обнаружив в подземелье только пустые цепи. Да и тот, кому меня обещали, если и появился, то наблюдает с почтительного расстояния.

— Ваш должник, — ответил я. — Впрочем, не примете ли вместо трех серебряных одну золотую?

Мемель поклонился.

— Рад нажиться на такой неосведомленности. Впрочем, ваше нежелание прикасаться к серебру наводит на некоторые размышления...

— А золотые монеты выдают меня, — согласился я сокрушенно, — как поклонника Желтого Дьявола. Со-знаюсь, сэр Мемель, во всем сознаюсь! Все в седлах?

Эбергард откликнулся издали, весьма раздражен- ный:

— Сэр... Легольс! Не все делается по вашему жела- нию. Коня графа Мемеля нужно перековать немедленно, о чем конь знал, но не сообщил графу, а тот сам не удосужился проверить... да и у лошади Дилана подкова

начала позвякивать, вот-вот оторвется. Мешки с провизией не собраны...

Смит сказал обидчиво:

— Я распорядился сделать это в последний момент! Чтобы все самое лучшее и свежее...

При мне рыцари наполняли мешки сыром, сушеным мясом и только что испеченным хлебом, слишком мягким и сдобным, чтобы сразу же не смяться до размером лепешки.

Мемель наполнил все фляги и бурдюк, я догадывался, что вовсе не водой, но смолчал. Вино здесь слабое. Лошади с неодобрением оглядывали объемистые тюки, вздыхали и печально смотрели добрыми карими глазами.

Брайан и леди Ингрид почему-то следили за мной как-то особенно тревожно. Если за время путешествия вроде бы начали привыкать, то теперь снова будто ждут от меня удара.

Глава 7

За городскими воротами раскинулась ширь, небо синее, трава метнулась под копыта и побежала зеленая и мелкая. Мир привычен, только у самого горизонта поднимается черный как ночь, лохматый столб. Мне показалось, что он медленно движется в нашу сторону, лица рыцарей помрачнели, граф Эбергард процедил с ненавистью:

— Смерч Мартина Бурка... Это он, трудно не признать...

Он умолк, все едут в оговоренном порядке, слышен только цокот подков, взгляды устремлены на черный столб.

— Это он создал? — спросил я. — Бурк?

— Кого? — переспросил Эбергард в непонимании.

— Этот смерч.

— Шутите, сэр Легольс? Если бы знать, кто его создал!.. Я бы такого заставил жрать песок в этой пустыне, пока все эти барханы не проглотит. Сколько тысячелетий прошло... Нет, Мартин Бурк первым его рассмотрел вблизи, описал подробно и без страха.

— Ага, понятно, везде свои Америги Веспуччи. И чем он, этот смерч, опасен?

— Всем, — ответил он хмуро. Взглянул на меня, искривил рот в горькой усмешке. — Этот смерч... — самое древнее, что пришло к нам из прошлых эпох. Есть сведения, что он существовал между Пятой и Шестой Войной Магов. Уже тогда пытались его остановить или хотя бы понять, а в те времена, как говорят, маги были куда могущественнее, чем сейчас.

Мемель пустил коня с другой стороны, молча указал на коней. Все на скаку поднимают морды и тревожно нюхают воздух, как охотничьи псы. А мой Пес вдруг заскулил на бегу, начал оглядываться на меня тревожными глазами. Из озера на берег торопливо выбирались гуси, хотя далеко даже до полудня, не то что до вечера, поспешно бежали к городским воротам, даже не выстроившись в традиционный клин.

Исчезли шныряющие в поисках добычи муравьи, а жуки поспешно закапывались под землю.

— И чем он страшен? — вырвалось у меня пугливое, по нервам бегал электрический ток, заставляя сокращаться мышцы, как у безголовой лягушки на столе. — Много разрушений?

Эбергард сказал зло:

— Как сказать... Когда вдруг старики молодеют, а молодые становятся стариками — это как, разрушение или нет? Одни куры превращаются в цыплят, другие рассыпаются в пыль. Старые деревья становятся тонкими прутиками... даже земля меняется! Бывало такое, что

когда смерч пересекал утоптанную дорогу, там образовывалось болото, вырастал лес или появлялись жаркие пески... Даже звери становились другими. И ни маги, ни священники — никто не мог остановить или хотя бы ослабить смерч Мартина Бурка. Пока от него одно спасение — удирать, удирать.

Я некоторое время следил за смерчем, идем под углом в тридцать градусов, черный столб как будто застыл, но это не так; иначе бы не рассказывали о нем ужасы. Однако двигается он, похоже, намного медленнее простого, вызванного атмосферными явлениями...

Простучали копыта, сэр Смит нагнал, на смерч и не взглянул, морда откровенно веселая, широкая рожа сияет, а усы стали длиннее и торчат в стороны, как прутья старинной антенны.

Я ответил хмурым взглядом, причин для радости в упор не зрю. Но его не смутило мое суровое, надеюсь, лицо, заговорил тихо и с самым таинственным видом, то и дело поглядывая по сторонам:

— Леди Ингрид и сэр Брайан готовятся бежать!

Я удивился, оглянулся на все более отстающих влюбленных.

— Какая муха их укусила?

Он хихикнул, словно школяр, я посмотрел на него с еще большим удивлением. Он сделал паузу, пояснил заговорщицки:

— Я подслушал их разговор. Оказывается, в городе их узнали! Даже пытались схватить...

Я насторожился.

— Стоп-стоп, что-то припоминаю. Так что же, за ними тоже гонятся? Тогда что-то понятно...

Он оглянулся, понизил голос:

— Монсеньор, вы не понимаете! Брайан — он и есть Брайан, а леди Ингрид совсем не леди Ингрид. Ее имя, оказывается, Дорис!

Он посмотрел на меня с триумфом, но я не схватился ни за сердце, ни за голову и спросил довольно тупенько:

— Ну и что?.. По мне, так Ингрид ей больше подходит.

— Ах, сэр Ричард, — сказал он с укором, — ничего вы о себе, как о сэре Легольсе, знать не хотите, а зря! Много интересного. В том числе и то, что леди Дорис — единственная прямая наследница рода Таргелонов, еще с детства обещана в жены... да-да, сэру Легольсу, наследнику герцогского престола.

Я снова оглянулся. Влюбленные отстали еще больше, явно намереваясь дать деру, но в этой пустыне их сожрут в два счета даже здешние озверевшие хомяки да суслики.

— Придется с ними поговорить, — сказал я зло.

Сэр Смит прокричал в спину:

— Монсеньор, только не раскрывайтесь!..

Я услышал конский топот за спиной, но не оглянулся, на языке толпились и спихивали друг друга на скользком ядовитые слова, но, когда увидел обреченные лица влюбленных, молча выругался: а что они еще могли ждать? Женщина, вспомнил я, говорит правду только тогда, когда хочет скрыть за ней ложь. Правда, леди Ингрид предпочитала помалкивать, разрешала говорить Брайану, но обрывала его в тот момент, когда простодушный парень, видимо, мог брякнуть лишнее.

— Здравствуйте, — сказал я злым голосом. — Или уже здоровался? Неважно, сейчас это не помешает. Говорят, по-настоящему в женщине может разобраться только один человек... Тот, у кого в руке острый меч. Или, на худой конец, мясницкий топор. Леди Ингрид... уж простите, что я по-старому, привык к этому имени, да оно вам больше идет, чувствуется нордический характер... и вы, сэр Брайан. Вы скрывали от нас свои истинные мотивы, что вообще-то дурно, за это вас обоих

следовало пороть еще в нежном возрасте детства. Но я готов принять во внимание ваши... неверные представления о положении дел. Словом, я благословляю ваш брак. Мы собираемся заехать в городок на той стороне графства, Эбергард заверяет, что к вечеру как раз попадем, там есть церковь. Пусть местный священник вас обвенчает, чтоб уж не было желания покрутить хвостом и вернуться.

Они смотрели с расширенными глазами и отвисающими челюстями. Леди Ингрид пролепетала:

— Вы... не против?

Я удивился:

— Против чего?

— Не против нашего брака? С... сэром Брайаном?

Я двинул плечами.

— Ради Бога, леди Ингрид!.. Не хочу вас обидеть, но я встречал много красивых и очень красивых женщин. И никогда не приходило в голову тащить кого-то из них в постель силой. Я что, такой урод?.. Тем более чтобы силой в жены? И потом всю жизнь мучаться со стервой, которая меня ненавидит? Леди Ингрид, сэр Брайан! Я что, в самом деле смахиваю на сумасшедшего?.. Да я сто тысяч раз подумаю, если даже самая красивая в мире женщина будет клясться в любви и проситься в жены!

Ее лицо слегка дернулось, ощутила, что я не включаю ее в число самых красивых в мире женщин, зато Брайан цвел, в глазах счастье. Я внезапно понял, что в последние дни его мучило еще и то, что обманывают человека, который помогает им в бегстве и вообще спасает от многих неприятностей. И с каждым днем становилось все тяжелее врать в глаза, в то время как для его возлюбленной это вообще-то вроде бы норма жизни.

Далеко впереди Дилан закричал звонким голосом ликующе и страшно:

— Клинки — к бою!

Я успел увидеть, как из придорожных кустов выскакивают люди с пиками, мечами, топорами. Эбергард и Мемель сразу же вздернули щиты, готовые защищать меня от возможных стрел, еще двое рыцарей с обнаженными мечами поставили коней спереди и сзади, взяв своего «сюзерена» в коробочку, а сэр Смит с диким криком ринулся в схватку.

Бойня оказалась кровавая, но короткая: разбойников порубили сразу, а двое схваченных признались, что один человек явился к ним ночью, дал на каждого по золотому и пообещал дать еще по десять, если они сумеют убить всадника в черном плаще с золотым конем.

Эбергард посерьезнел, темные монахи уже впереди. Велел ехать, выслав вперед и по бокам дозоры, нырять в каждый лесок, а для укрытия использовать пологие овраги и низины.

В полдень увидели конный отряд, вовремя укрылись за деревьями. Всадники проехали мимо так близко, что мы в подробностях видели не только доспехи и оружие, но и все украшения на конской сбруе. Я прислушивался к разговору наших рыцарей. По их мнению, мимо проехали просто вороны в павлиньих перьях, сброд какой-то. Я тоже подумал, что, судя по доспехам проехавших, сейчас конец начала середины первой половины XI века, но если судить по остро заточенным палашам, это уже конец конца второй половины, а то даже и начало в районе первой декады на пару веков позже, хотя если взять конскую упряжь — это что-то из эпохи Меровингов начала конца третьей декады второй половины века так это четвертого...

В удивительно синем небе разрастались, не двигаясь с места, дивные облака. Заходящее солнце подсвечивает снизу, огненные громады блистают великолепно и ве-

личественно, покрытые красной позолотой, на землю пала тревожная тень, но мы уже подъезжаем к воротам последнего города, как предупредил Эбергард, дальше — пустыня.

Ворота закрыты, сэр Смит с готовностью достал из-за спины рог и затрубил так мощно, что с отдаленных деревьев с жуткими криками взлетели вороны.

Эбергард подъехал к воротам и с силой постучал рукоятью меча. Минуту спустя сверху прозвучал хриплый голос:

— Ну чего там?

Эбергард крикнул раздраженно:

— В чем дело? Еще не ночь, чтобы закрывать ворота!

Страж ответил лениво:

— Для нас уже ночь. К тому же правитель велел ограждать наш город от всякого вора, что шляется по дорогам... Ворота открываем только купцам.

Брат Кадфаэль выехал вперед на муле и сказал смиренно:

— Разве Господь не велел открывать врата и сердца всем паломникам, странникам и дорожникам?

Рядом с первым стражем появились еще несколько, посмеивались, глядя с высоты. Я прислушался, по ту сторону ворот гул голосов, словно работает ярмарка нехилых размеров. Или же расположился базар, что обслуживает половину города.

Страж с ворот крикнул с насмешливым превосходством:

— Вы можете заночевать там у ворот. Возможно, утром вас впустят. Но... скорее всего, нет. Вы ж ничего полезного не везете, а дармоедов и у нас хватает.

Я медленно слез с коня. Злость закипает, пальцы сжались в кулаки. Ненавижу эту пьянь, что вот так позволяет себе насмехаться свысока над теми, кто не может ответить.

Стражи наблюдали с ленивым интересом, я подошел к самым воротам. Земля не просто утоптанная, широкие каменные плиты начинаются за три шага от ворот, уходят под них, а дальше явно ими замощена вся площадь рынка. Небедный город, очень небедный.

— Вы убедитесь, — сказал я, — что Господь на стороне странников.

Стражи загоготали, среди них появились и просто горожане. Им восхотелось посмотреть на несчастных, которым ночевать по ту сторону ворот. Все смеялись и показывали пальцами.

Я вытащил из кармана одно из семян, в оболочке оно выглядит крохотной жемчужиной. Горная смола показалась мне странно обесцвеченной, я наклонился к каменным плитам, с силой сдавил упрятанное в скорлупу зернышко. Тихонько хрустнуло, на камни посыпались сухие чешуйки, похожие на пересушенные комочки цветочной пыльцы. Семя, что размером с зерно проса, вроде бы успело вырасти до размеров пшеничного, по пальцам пробежала дрожь.

Кажется, начинает распухать прямо в пальцах, жадно поглощая влагу из воздуха. С излишней торопливостью я сунул его в щель между плитами, даже не стал засыпать землей, такое живучее само сумеет пустить корни, отступил на пару шагов и сказал громко и торжественно:

— *Lingva latina — non penis konina!*

— И что будет? — спросил один из стражей, — или мы...

Он не договорил, между плитами пробился нежный зеленый росток, затем начал подниматься тонкий нежный пруттик, почти просвечивающий насквозь. На вершинке быстро набухли две почки, развились в листочки, а те начали отодвигаться на тонюсеньких веточках. Прутик все поднимался, кто-то наверху восторженно вскрикнул, кто-то заплодировал и крикнул: «Браво»,

каменные плиты дрогнули, попробовали отодвинуться, раздвигаемые быстро утолщающимся стебельком, но уперлись в соседние плиты.

Еще через несколько мгновений раздался сухой треск, часть плиты вывернуло, пропуская ствол уже не стебелька, а молодого деревца. На воротах прокричали громче, однако деревце продолжало расти, веток уже множество, вершинка уходит вверх быстро, обзаводясь своими ветками, тонкими и нежными, а те ветки, что снизу, уже потемнели, в них чувствуются мощь и тяжесть.

Я сам едва не раскрыл рот, деревцо превратилось в дерево, наверху уже молчат, на лицах благоговение, плиты трещат, корни ломают их, как сухие пластинки из глины. Ствол уже не обхватить руками, нижние ветки, что совсем недавно были на уровне моих колен, поднялись к самому верху ворот и поднимаются все выше, ствол тянется вверх и одновременно утолщается.

С ворот кто-то вскрикнул:

— Сэр рыцарь!.. Останови это проклятое дерево!

Я покачал головой и обратился к дереву:

— Расти и расти до тех пор, пока этот несчастный и заблудший во тьме народ не отринет свой сатанизм... и не обратится к Христу...

Ветер грозно зашумел в мощной кроне. Ствол уже в три обхвата, сухой треск идет во все стороны. Корни ломают плиты на десятки шагов, даже у самых ворот вздыбились холмиком камни. Их раздвинул, высунувшись горбиком под солнечные лучи, белый, как червяк, толстый корень и почти сразу потемнел, заблестел, как будто покрытый лаком.

На воротах народ в испуге начал шарахаться в стороны, один из стражей в дорогих доспехах прокричал устрaшенно:

— Довольно, господин рыцарь!.. Мы признаем твою мощь!

Я сделал вид, что не слышу, смотрел на дерево, что даже потрескивает от напора бушующих в нем потоков. Не иначе как корни пробили артезианскую скважину, ствол с треском раздвигается, белая кожа моментально темнеет, крона закрыла от неба ворота целиком, в листве ветер уже не шумит, а грозно гудит, дерево выглядит чудовищным. Ворота затрещали, их перекосило, а снизу подперли, высунувшись из земли, два корня диаметром с трубу канализации районного масштаба.

С ворот кричали, стена начала потрескивать, народ бросился врассыпную, остался только человек в красных одеждах, прокричал умоляюще:

— Останови разрушение! Мы все обратимся в лоно святой церкви!

— Святейшей, — поправил я сварливо.

Он торопливо согласился:

— Да-да, святейшей, самой что ни есть святейшей!

Я косился на дерево. Замедлило рост или мне почудилось? Спросил настороженно:

— Клянешься только за себя, а как остальные?

— Все придут в церковь! — закричал он. — После такого чуда кто осмелится?

Я сделал вид, что колеблюсь, ворота затрещали, их приподняло так, что разворотило арку. Человек заорал в страхе, перебежал на стену, а над воротами каменный свод рассыпался и рухнул. Чудовищное дерево уже не обхватить и двадцати крепким мужчинам, крона поднялась втрое выше, чем самые высокие здания в городе, боковые ветви ушли в стороны так далеко, что почти весь город оказался в тени.

— Хорошо, — наконец сказал я строго. — Итак, вы все клянетесь вернуться в лоно своей матери! Верно? Я имею в виду, в лоно своей матери-церкви. Покаяться, вымолить прощение. Я прослежу, чтобы епитимью наложили не слишком мягкую. Не самую суровую, но и не мягкую...

Дерево в самом деле почти не растет, только на стволе еще пару раз треснуло, раздвинулись наросты. Человек рыдал, по ту сторону стены кричали, вопили. Я представлял, что делается там. Корни любого дерева, как известно, располагаются в пределах кроны буквально дюйм в дюйм. Есть деревья, у которого ветки устремляются вверх, у них и корни узким пучком уходят вглубь, а есть деревья, что раскидывают кроны как можно шире, у этих и корни идут неглубоко под поверхностью во все стороны. У этого дерева крона похожа на шар, у него и корни тоже такой же структуры, то есть часть уходит в глубину, часть простирается неглубоко в земле, иногда выходя на поверхность, а остальные занимают пространство между ними. Словом, корни любого дерева — зеркальное отражение кроны.

— Довольно! — вскричал я и сделал властный жест. Мне даже показалось, что дерево остановило рост именно по моему приказу, хотя, конечно, я молодец, мой сдвиганный нерв сумел уловить нужный момент. Как у того героя, что сумел «погасить солнце» у дикарей, воспользовавшись солнечным затмением, и стал у них почти богом.

Дерево, упершись боком в ворота, полностью блокировало вход. Теперь этим умникам придется ломать стену и строить ворота в другом месте. Надеюсь, с той стороны к стене везде прилеплены дома достаточно богатых граждан, чтобы усвоили урок.

Эбергард указал в сторону высокого замка. Измученное лицо графа блистало грозным весельем.

— Ваша светлость, — сказал он громко, — полагаю, нам лучше остановиться в замке благородного хозяина, чем в этом городе.

Я оглянулся на темнеющие башни.

— Стоит ли? Здесь гостиница рядом, а там нас не ждут...

— Зато там благородные люди!

Я покачал головой.

— Зато здесь церковь. Мы обещали обвенчать Брайана и леди Ингрид... пусть даже она Дорис. Поехали!

Глава 8

Рыцари спешили, в изумлении и страхе задирали головы. Могучее дерево шумит далеко раскинутыми ветвями, накрыв ими треть города. Коней пришлось тащить за узду, иначе не просунуться между деревом и ощерившейся изломанными камнями стеной. По ту сторону стены народ разбежался при виде нас в ужасе. Раздавались крики, что одного взгляда вон того, что в черном плаще с золотым конем, достаточно, чтобы превратить всех в лягушек.

Убегали так, что в спешке бросали разложенные товары. Самые храбрые успевали прихватить с чужих прилавков. Сэр Смит весело похохатывал. Эбергард ехал рядом со мной напряженный, вздрагивал при малейшем движении, я ловил его взгляд, спросил невинно:

— Что-то не так, граф?

Он проговорил деревянным голосом:

— Удивляете... ваша светлость.

Я улыбнулся бесстыдно:

— Странно, вы ведь знаете меня с детства.

— Непонятное какое-то у вас детство, — процедил он сквозь зубы.

— Волам хвосты крутил, — подхватил я с удовольствием. — И волихам!

— А что такое волихи?

— Самки волов, — объяснил я авторитетно. — Не знали?

Он вздохнул, отвернулся и стал смотреть на приближающийся постоялый двор.

В суматохе прибытия, когда торопливо распределя-

ется, кому где провести ночь, куда поставить коней, подошел погыгыкивающий сэр Смит, усы распушились, как у довольного кота, глаза хитрые, оглянулся по сторонам и сказал заговорщицки:

— Ну, сэр Ричард...

— Я же Легольс, — напомнил я.

— Да-да, простите, оговорился! Виноват. Сэр Легольс, леди Ингрид, она же Дорис, выглядит на мой взгляд... гм...

— Счастливой?

— Вы не поверите, сэр Легольс...

— Ну-ну?

— Несколько разочарованной. Даже без «несколько».

— В чем?

— Вами, дорогой сэр.

— Что я сделал не так?

— Отдали ее так просто, будто крошки с одежды стряхнули. Даже не потерзались душевными муками.

Я сдвинул плечи.

— Синдром первой красавицы? Ладно, перебьется. Брат Кадфаэль где?

— Поехал в церковь договариваться со священником. Чтоб сразу, сегодня вечером.

Священник трусил, в городе уже знают, что дочь барона де Гросса предназначена в жены наследнику герцогского престола. С другой стороны — Господь велит, дабы жена прилепилась к мужу и стала с ним одним телом, для этого достаточно желания жениха и невесты, а насчет позволения родителей это уже сами родители пролоббировали, в Писании на этот счет ничего не сказано.

С другой стороны, если появится сам наследник, теперь уже не наследник, а великий герцог Пуатье, то месть его будет ужасной. Брат Кадфаэль примчался за мной,

когда мы с сэром Смитом пировали в отделении для благородных местного трактира.

— Сэр... — он вовремя проглотил мое имя, — сэр Легольс, в церкви возникли некоторые сложности...

Я спросил недовольно:

— А без нас никак?

Он виновато развел руками.

— Боюсь, не получится, ваша ми... светлость.

Я поднялся, сэр Смит тут же подхватился и сказал бодро:

— Я с вами, милостивый государь!

Священник смотрел на мое приближение с ужасом, я постарался перестать хмуриться. Достаточно и того, что страшатся моего роста и длинных рук, спросил отрывисто:

— Я чем-то могу помочь? Я — Легольс, как вы уже поняли.

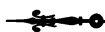
Возле алтаря на коленях стояли леди Ингрид и барон Брайан. Оба посмотрели умоляюще, но в глазах леди Ингрид я уловил и еще некое выражение, очень странное. Я бы его истолковал как ее желание, чтобы этой церемонии что-нибудь да помешало:

Священник проблеял торопливо:

— Перед Господом нашим я должен бы соединить их руки, если уж он соединил их сердца... но я пекусь о тысячах своих прихожан, которые населяют этот город... Они мне тоже дороги, и я молю Господа, чтобы он уволил меня от страшного выбора...

Я прервал:

— От имени Господа я освобождаю от этого выбора. За неимением в данный момент родителей леди Инг... леди Дорис и барона Брайана, они весьма заняты и присутствуют по государственной надобности в другом месте, я готов выполнить их функции. В смысле, даю разрешение на их брак... так я понял необходимость моего присутствия?

Священник засветился счастьем, едва не расплакался от облегчения:

— Да-да!.. Этого достаточно! Более чем достаточно. А теперь, чада мои, приступаем к таинству святого венчания. Леди Дорис, согласны ли вы взять в мужья сэра Брайана де Престо́на из рода Ллойдов?

Леди Ингрид помедлила, бросила на меня острый взгляд, словно обвиняя в предательстве.

— Желаю вам счастья, леди Дорис, — сказал я. — И вам, сэр Брайан!

Брайан ответил мне взглядом, полным безумного счастья, ликования.

Счастье, сказал я ему мысленно, — это еще не познанное разочарование. Так что ликуй... пока ликуется.

Оставив обвенчанных леди Ингрид, она же Дорис, с осчастливленным Брайаном, я добрался до гостиницы и слабыми пальцами снял перевязь с тяжелым как гора мечом. Рухну как бревно и просплю всю ночь и половину утра... нет, половину следующего дня...

Дверь из коридора приоткрылась, Эбергард заглянул, посмотрел по сторонам, лицо встревоженное.

— Дилан только что поймал лазутчика.

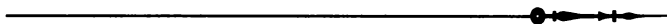
Я застонал, снова нацепил перевязь с мечом, что весит уже как две горы, вслед за Эбергардом спустился на первый этаж. Дилан пинал в углу окровавленного человека, тот стонал и закрывал лицо руками. В луже крови я рассмотрел пару выбитых зубов.

Дилан обернулся на стук подошв.

— Уже все вспомнил, — сообщил он довольно. — Ну, тварь, говори!

Человек вздрогнул, заговорил быстро-быстро разбитым ртом:

— Нам велели только проследить за вами!.. Ничего больше! Только смотреть и докладывать...

Эбергард спросил резко:

— Кто велел?

— Человек в темном плаще, — пролепетал пойманный. — Лицо под капюшоном...

— Где он?

— Не знаю! Он сам появился прямо вдруг...

— А как ты должен был сообщать?

— Он сказал, что сам нас найдет...

Я спросил:

— А сколько было вас?

Он прошепелявил:

— Четверо...

Эбергард мрачно выругался. Трое ускользнули, это во-первых, а второе — противник не скупится, раскидывает сети пошире, подстраховывается, дублирует. Сейчас, когда мы уже близко к Пуатье, нас будут встречать не только в каждом городе и селе, но и за каждым завалом, в оврагах, за каждым деревом...

— Уходим, — сказал он желчно. — Дилан, займись этим...

Я прервал:

— Убивать не обязательно. Шарахни по башке и свяжи. Все равно скоро обнаружат, что мы ушли. Оставшиеся трое наверняка следят...

Из города выступили совсем налегке, оставив на этот раз не лишних коней, а молодоженов: леди Дорис и Брайана. Я надолго запомню ее настолько обвиняющий взгляд, что чуть не стал оправдываться, еще не успев сообразить, в чем виноват.

Мелкие звезды становятся крупнее и ярче, по мере того, как глаза привыкают, ночь кажется особенно таинственной, а яркая луна глядит из-за темных крыш, как неведомый зверь, подстерегающий добычу. Особенно красиво и величественно смотрится на звездном небе гигантское дерево. Даже луна так запуталась в ветвях, что уже вовек не выберется.

Мимо поплыло кладбище, сэр Смит углядел несколько рассыпавшихся склепов, упокоились знатные и богатые горожане, но прочесть полустертые имена не сумел. Кладбищенские плиты поскрипывали, двигались, одна даже приподнялась настолько, что я успел увидеть горящие мрачной злобой глаза.

Граф Эбергард взглянул на затянутое низкими тучами небо.

— Плохое время для езды в таком месте.

— Напоминаете на случай с королем Фрекасом, граф Эбергард? — поинтересовался Мемель.

Граф Эбергард отмахнулся.

— Да разве только он? Это в солнечный день здесь мертво, а ночью в деревнях окрест запирают окна на ставни, на всех дверях кресты, крылечки поливают святой водой... Нам повезло, что проскочили здесь чуть раньше, чем сюда успели темные монахи.

Я зябко передернул плечами. Еще недостава́ло, чтобы дорогу перегородили эти вылезшие из могил. Мои стрелы, понятно, ничего с ними не сделают, мертвого так не убьешь, к тому же испугать тоже не удастся, придется долго дробить молотом, а это что из пушки по улиткам. Мечом с мертвецами тоже не очень...

Дилан впереди вскрикнул, быстро прикрылся щитом сверху, словно копьем нацелились из туч. Я вскинул голову, начинают снижаться уродливые птицы, никогда таких не видел, а за деревьями раздался вой. Какие-то звери идут по свежему следу, чуют наш страх и усталость, по запаху знают, что нас мало, мы измучены, избегаем и боимся схватки.

Впереди снова раздался тревожный крик, мы начали придерживать коней, но все-таки едва не напоролись на жуткий завал, перегородивший дорогу: острые сучья торчат, как копыя. Если бы Дилан не предупредил, то на полном скаку...

Вой раздался громче, мы рассыпались, стараясь найти обход, но деревья стоят тесно, толстые, даже ветви толщиной с бедро человека, опустились почти до земли, упавшие деревья зависли с торчащими вверх сучьями. Любая лошадь пропорет себе живот, а чтобы объехать завал, нужно вернуться...

Сэр Смит выхватил меч. Усы воинственно топорщатся, глаза стали круглыми, как у орла.

— Мы хорошо сражались раньше! Так неужто сейчас посраим?.. Умрем же доблестно...

— Нё фига, — нервно возразил я. — Пусть лучше они умрут! Хоть доблестно, хоть еще как.

Граф Мемель, вытащивший меч вслед за Смитом, посмотрел на меня как-то задумчиво, вдвинул меч до половины обратно, тряхнул головой и все-таки вытащил. Брат Кадфаэль бормотал молитвы, рыцари с обнаженными мечами готовились принять последний бой.

Над головами раздалось хлопанье крыльев, я порадовался, что это не совы или гигантские летучие мыши, те и другие летают бесшумно, наложил стрелу и вскинул лук, одновременно оттягивая тетиву. На меня падает, выставив когтистые лапы, огромная, как птеродактиль, птица с раскрытым клювом... в котором жутко блестят в лунном свете зубы.

Стрела пронзила пасть, я едва успел отшатнуться, и нацеленные в лицо когти рванули ухо. Птица тяжело ударилась о землю. Я стрелял и стрелял, птицы атаковали рыцарей, брат Кадфаэль громко и ясно читал молитву, лицо его было смертельно-бледным и напряженным, я не сразу заметил, что за деревьями замерли бесформенные темные фигуры, остановленные молитвой.

Над головами ад, птицы орали, кричали, мои стрелы поражают их в воздухе, но несколько успели наброситься на рыцарей, двоих сумели сбить с коней, Эбергард, Мемель и Смит отмахивались мечами, я страшился в

них попасть и бил стрелами только тех, кто оставался в воздухе.

Сэр Смит вдруг заорал дико:

— Копья!.. Товсь...

Граф Эбергард сказал зло:

— Сэр Смит, здесь я командую!

— Простите, — ответил Смит без тени раскаяния.

Копья опустились как раз, когда на поляну вырвались чужие конники в легких доспехах. Передние тут же пали, пронзенные копьями наших рыцарей, остальные рубили древки копий, рыцари едва успели выронить остатки копий и выхватить мечи, топоры, шестоперы. Над головой почти очистилось, я повернулся к чужим всадникам и всаживал в них стрелу за стрелой. Их силы таяли, но все равно их вдвое больше, сумели прорвать защиту вокруг меня, свалили вместе с конем отважного Дилана, защищавшего меня до последнего, я едва успел схватить молот.

Бросок в упор смел ближайшего всадника, как если бы я отбросил куснувшего меня жука. Его отшвырнуло с такой силой, что обрушил еще троих, вызвав сумятицу, кони бились на земле и остервенело молотили по воздуху копытами, не давая другим пробраться по узкой дороге. Я поймал молот и швырнул чуть левее, там тоже снес несколько человек. На дороге выросла живая шевелящаяся гора из коней и человеческих тел. Все кричали и пытались выползти.

Граф Эбергард умело рубился и направлял рыцарей, все время самым отважным и дисциплинированным приказывая закрывать меня любой ценой. Я поспешно схватил лук и снова выпустил несколько стрел.

Свет от рук Кадфаэля освещал наш участок дороги, словно маленькое солнце, но там, куда не достигал, а это всего за пару десятков шагов, тени внезапно зашевелились, будто святое заклятие потеряло силу, начали

уплотняться, выдвигаться в зону света, словно сзади их толкают неисчислимые толпы.

Над головой снова шелест, я вскинул лук, не задумываясь, и отпустил тетиву раньше, чем что-то увидел. Стрела ушла ввысь, донесся хриплый вскрик. Я начал высматривать цель между деревьями, чутье подсказывало, что эти темные фигуры мои стрелы пронизуют насквозь, словно струи дыма. Какая-то разновидность нежити, не случайно же ее отбросило за пределы освещенного круга, в то время как люди легко прошли через святую защиту, для них она не помеха.

В глубине леса раздался могучий рев, через минуту еще — громче, торжествующе. Сэр Смит тяжело выдохнул:

— А это еще что за кабан?.. Брат Кадфаэль, пропусти его, сделай милость! Дай моему мечу напиться крови...

Граф Эбергард сказал резко:

— Не время для глупой храбрости! Мы все должны сделать, чтобы спасти жизнь его светлости сэру Легольсу!

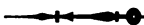
Ну что за слуга царю, отец солдатам, подумал я мрачно. Идеальный военачальник, ни на миг не забывает, что мы всего лишь приманка. Вроде бы Ингрид и Брайана уже нет, но все равно «его светлость», «сэр Легольс», «наследник трона»...

Дилан сумел подняться и снова маячил передо мной, готовясь принять нацеленные в меня копыя, дротики, стрелы, мечи, кинжалы.

— Что не нападают? — пробормотал сэр Смит. — Берут измором?

— Ждут подкрепления, — сказал серьезно, очень даже серьезно Мемель.

Сэр Смит изумился.

— Какого им еще подкрепления? Армию?.. Сто тысяч конных и двести тысяч ратников?

Могучий рев раздался совсем близко, я смутно увидел исполинскую фигуру, что поднялась там во тьме. Необъятный голос, в котором не было ничего человеческого, прогрохотал с такой мощью, что земля вздрагивала от каждого слова:

— Вам не уйти... но мы вас отпустим. Всех. Кроме человека в черном плаще.

Граф Эбергард ответил надменно:

— Мы никогда не оставим нашего сюзерена!.. Сражайтесь, слуга Тьмы, или умрите!

Кадфаэль пошатнулся, по бледному лицу сбегая струйки пота. Я услышал прерывистый шепот: «Больше не могу...», я похолодел, почти все держится на Кадфаэле, крикнул:

— Дилан, Левель!.. Быстро к Кадфаэлю, держите его руки поднятыми к небесам!..

Мои глаза привыкли к темноте и перешли на тепловое и еще какое-то зрение, за деревьями и между деревьями не люди, хотя на двух ногах. Но и динозавры на двух ногах, как и страусы. У этих существ вытянутые вперед зубастые морды, покрытые пластинами тела, будто у черепах, но все держат в руках шипастые дубины, окованные железом.

— Хорошо же, — пробурчал я, — если так, то вас бить можно... Никаких гаагских... никаких женевских...

В теле противенькая дрожь, дрожащие пальцы сняли с пояса молот, я оглянулся на Дилана и Левеля. Оба, покраснев от натуги, держат, как титаны, руки брата Кадфаэля. Дилан подставил под локоть монаха плечо, но я с ужасом увидел, как подошвы рыцарских сапог медленно погружаются в землю, словно мы на болоте.

— Держитесь!

Глава 9

Я швырнул молот, цепко держа взглядом одно из существ с дубиной. Пролопотал воздух, я отчетливо услышал сухой стук. Треск, молот понесся ко мне обратно, а существо с дубиной отлетело в глубину леса. Граф Эбергард оглянулся на меня с надеждой в глазах, но ничего не сказал. Я оскалил зубы в усмешке, надеюсь, подбадривающей, ухватил молот за рукоять и метнул снова.

Треск разламываемого панциря, на этот раз я успел увидеть, как из сплюснутого тела брызнуло темным, тут же его унесло во тьму. Молот вернулся, я ощутил прилив надежды. Молот бьет во все, что я держу взглядом. Конечно, в пределах досягаемости, а как я вижу, каким зрением, ему неважно.

Я уничтожил почти десяток этих в костяных панцирях, и лишь тогда раздался вой, сперва унылый и разочарованный. А затем и полный страха.

Шагнув вперед, я бросил снова, поймал и бросил снова, уже сам подходя к ожидающим фигурам. Плечо занемело, рука отваливается, а кисть наверняка уже распухла, но я подошел почти вплотную к этим чудовищам и шархнул одного с двух шагов.

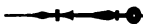
Его унесло вглубь, там раздался жуткий вой, и вдруг по всему лесу раздались топот, шелест, панические крики.

Я еще не поверил ушам, как сзади раздался ликующий вопль сэра Смита:

— Они бегут!... Догоним и порубим в капусту!

— Стоять! — прогремел жесткий голос графа. — Впрочем, вы, сэр Смит, можете мчаться вдогонку. Мне совсем не жаль глупых юнцов, что не умеют подчиняться командирам. Хотя бы своей гибелью послужат уроком. И тем самым принесут пользу.

Сэр Смит повернул коня, я уж думал, что он с ого-

ленным мечом бросится на графа, однако услышал смущенный голос:

— Прощу простить меня, граф... Я воевал в трех компаниях, так что знаю необходимость дисциплины. Сам не понимаю, что на меня нашло.

— Извинения приняты, — сухо вато, но по-деловому ответил граф. — Всем занять оборону по периметру! Дилан, что у вас?... Ваша светлость... тьфу, сэр Ричард, может быть, уже можно...

— Да-да, — сказал я поспешно, — дайте брату Кадфаэлю отдохнуть.

Рыцари с великим облегчением выползли из-под рук монаха, что сейчас весят, как горы. Брат Кадфаэль со стоном опустился на колени, затем лег и свернулся калачиком.

Граф Эбергард скомандовал:

— Держать строй!.. Отступаем!.. Они могут повторить попытку, мы должны найти место получше!

Кто-то простонал измученно:

— Повторить?... Да я уже сейчас с коня рухну...

Сэр Смит сказал мне бодро:

— Монсеньор, ваш молот ломал им панцири, словно устрицам!.. А по слухам, их нельзя пробить даже топорами. Врут, поди?

— Не знаю, — ответил я честно, — не хотел бы против такого монстра выйти с одним мечом.

— А с двумя?

— И с двумя не хочу, — буркнул я. — А ты как хошь. Юнцов, как сказал мудрый граф, не жалко.

В нашу сторону напал туман, плотный, неопрятный, весь ключьями, я оглянулся пару раз, прет прямо, нас не просто зацепит, а придется, будто катком...

— В сторону! — заорал я. — Не попасть под этот студень!

Все послушно начали сдвигаться, туман похож на опустившееся под своей тяжестью грозное облачко:

четко очерченные края, словно большой клок ваты скользит по стеклу, в то время как обычный туман надвигается сплошным фронтом, и конца-края ему не видать.

Всадники вскакивали на коней, сэр Смит с руганью побежал пешком, не успевая, а брат Кадфаэль приотстал, он держал в руке повод коня Смита.

— Благодарю, — хрипло крикнул Смит. Уже с седла спросил: — А может, все же пойдешь ко мне оруженосцем?

Кадфаэль ответил кротко:

— После того, как послужите у меня послушником.

Смит звучно захохотал, конь с грохотом пронесся мимо нас, я прикрывал отступление перед странным образованием из тумана. Облако как будто даже пыталось притормозить, а то и сдвинуться в нашу сторону, но ветерок давит ощутимо, туман сдвигается нехотя, но сдвигается.

Эбергард кричал и размахивал мечом, забрало опущено, я не видел его лица, но угадывал сильнейший страх. Рыцари за его спиной заставляли коней пятиться, взгляды не отрывались от ползущего мимо плотного тумана, похожего на огромного неопрятного слизня.

Небо посветлело, а самый край стал алым, я успел увидеть, как в тумане появились и начали быстро увеличиваться, приближаясь, неясные очертания чего-то крупного, в сердце кольнуло страхом. Мои пальцы торопливо сдернули молот, я швырнул даже раньше, чем из тумана вылетел на огромном белом коне закованный в снежно-белые доспехи рыцарь.

Молот ударил его в шлем, раздался треск, шлем и голова разлетелись множеством сверкающих осколков. Я едва успел выставить ладонь, молот шлепнул рукоя-

тью, я метнул снова и поспешно закрылся щитом от копья третьего всадника.

За спиной раздался дикий вопль Смита, еще я слышал командный голос Эбергарда, но щит мой содрогался под тяжелыми ударами рыцаря в белом, рука занемела по плечо, никак не выбрать момент, чтобы хоть раз взмахнуть мечом, а тут еще один рыцарь бросился на меня сбоку.

Я сцепил зубы, от таких гигантов отбиться просто невозможно, однако второго противника ударил в бок всей массой налетевший Смит. Другого он бы опрокинул с легкостью, но белый рыцарь даже не качнулся, разве что острие копья прорезало воздух в ладони от моего лица, всадник пронесся мимо, а там снова лязг, крики, грохот, ржание коней, снова тяжелые металлические удары железа по железу.

Я наконец приловчился к тяжелым ударам противника, сумел ударить сам, белый рыцарь успешно закрылся щитом, но тут уже бой пошел на равных, я рубил, колол, выделял чудеса с мечом. Наконец просто чудом сумел пробить его защиту, острие с лязгом вошло в сочленение доспехов. Рыцарь пошатнулся, меч выпал из булатной рукавицы. Обеими руками ухватился за рану, но ни капли крови не выступило, хотя лезвие погрузилось на две ладони.

Я взглянул на меч в моей руке, на острие ни следа крови, однако рыцарь пошатнулся и тяжело рухнул с коня. Земля вздрогнула, доспехи зловеще лязгнули.

За спиной замолкал грохот, на земле расprostерты пять снежно-белых рыцарей, огромных, как баскетболисты, все выше меня на голову и явно шире в плечах. Двоих я молотом, одного вот сейчас мечом, а еще двоих мои спутники безжалостно рубили и рубили уже на земле.

Я услышал сдавленный голос Эбергарда:

— Дилан, что за нерешительность?..

— Но они же повержены...

— Это не люди, — крикнул Эбергард. — Это уже давно не люди! К ним неприменимы законы рыцарства...

Он подошел ко мне, я тяжело дышал и не мог ему ничего сказать. Подбежал Смит, рывком поднял забрало у сраженного мною, охнул сдавленно и отскочил, зачем-то дую на кончики пальцев.

Я стиснул челюсти до ломоты в висках, чтобы не вскрикнуть. От рыцаря не зря веяло холодом: лицо покрыто изморозью, глаза застыли кусочками голубого льда, губы белые.

Сэр Смит произнес, весь дрожа:

— Ледяные рыцари!

— Вижу, — согласился я. — А что это?

Он воззрился с ужасом.

— Сэр Ричард, вы и этого не знаете? Господи, что у вас за дикие, отсталые земли?.. Нельзя ли туда как-нибудь добраться и зажить в полном неведении, собирая грибы и накручивая волам хвосты?..

Белые веки приподнялись, на меня в упор взглянули страшные мертвые глаза.

— Кто ты, сумевший сразить меня?

— Ричард Длинные Руки, — сообщил я. — Так и скажи там в аду. Только там могут оценить мой вклад в общий котел.

Жизнь, или то, что ему заменяло жизнь, быстро испарялась, я видел, как гаснут глаза, он в последнем усилии прохрипел:

— А мне предсказывали смерть от коня...

— Волхвы все брешут, — утешил я. — Как поповы собаки.

— Мне предсказала... великая вещунья...

— Женщина? — переспросил я с презрением. — Самому не смешно?

Он вздохнул, соглашаясь, что дурак, дернулся и застыл. Эбергард хмуро смотрел, зябко передернул плечами.

— Их было всего пятеро... Если бы мы не набросились все разом...

— Вы сделали все верно, — сказал я. — Благодарю вас, граф Эбергард. Если бы мы соблюдали правила, нас бы перебили поодиночке.

Дилан виновато опустил голову. Доспехи на нем погнуты сильнее, чем на остальных, отважно лез под удары. Ледяные рыцари почти на каждом оставили метки то в расколоте панцире, то в погнутых наплечниках, а двое наших вовсе не могут снять заклинившие и погнутые шлемы.

Граф Эбергард проводил недобрым взглядом уплывающее серое облако.

— С ледяными рыцарями нам не совладать. Это великаны! К тому же оружием владеют лучше, убить их почти невозможно.

Смит указал в мою сторону.

— Сэр Ричард поцеловал и отпустил?

Граф Эбергард кивнул, ответил кисло:

— Сэру Ричарду удалось двух расколоть, как льдины, а третьего пронзил почти насквозь. Вдобавок что-то ледяному рыцарю не дало восстановиться. А убить их, я сказал, «почти невозможно». Нужно либо сразу смахнуть голову, либо расплющить гигантским молотом, либо привязать к ногам большой камень и сбросить в кипящую лаву...

Сэр Смит поинтересовался:

— Как насчет серебра?

— А никак, — ответил Эбергард хладнокровно. — Могли бы заметить, что наш монах начал святые молитвы еще до того, как они из тумана... Будь они нечистью, было бы проще. Как вы могли заметить, самые опасные противники — люди. Не понимаю противника, что с

упорством, достойным лучшего применения, посылает против нас орды нежити и нечисти... Впрочем, если легко вызвать и не жаль терять, то почему бы и нет?

Звезды смотрят холодно и обрекающе, луна с момента нашего выезда из города прошла почти по всему небосводу, однако ночь, похоже, и не думает заканчиваться. По выгнутому звездному куполу иногда ползут редкие, как кисея, облака, даже звезды просвечивают. Иногда там разверзаются странные светящиеся бездны, всякий раз страх охватывал меня, я отводил взгляд.

Рыцари расседлывали коней, остаток ночи будет трудным. Нас в конце концов настигли главные силы. Или же выдвинулись навстречу — неважно. Важно, что главные.

Брат Кадфаэль процарапал в земле широкий круг шагов в двадцать в диаметре, а сэр Смит в самом центре разжег костер, не гнушаясь черной работой, в то время как рыцари графа Эбергарда посматривали друг на друга и явно в который раз жалели, что не было дозволено взять с собой слуг. Брат Кадфаэль долго читал молитву, затем взмахнул руками, вокруг нас вспыхнуло голубоватое кольцо, словно в канавке загорелся подожженный спирт.

— Это что? — спросил граф Эбергард с подозрением.

— Защита, — объяснил за монаха гордый сэр Смит. — Я такое уже видел! Никакая нечисть не проберется. Брат Кадфаэль в этих делах мастер, сэр Ричард рассказывал...

— Зато нас увидят враги.

Брат Кадфаэль взмахнул руками, свет погас.

— Это я проверял, — пояснил он смущенно, — Господь вложил мне в душу постоянные сомнения! Я всегда страшусь, что у меня получается не так, как надо. А священная молитва и без огня никого не пропустит.

Граф Мемель посмотрел на монаха задумчиво, отошел от нас. Я видел, как прошелся по периметру, приглядываясь, дважды даже опускался на корточки и что-то шупал пальцем. Вернулся молчаливый, сидел у костра, поглядывая в огонь. Встретившись со мной взглядом, сообщил неожиданно:

— В самом ли деле эта защита идет от святости?

Я насторожился.

— А что не так?

Он подумал, двинул плечами.

— Муравей тащил гусеницу, уперся в невидимую стену и не смог на ту сторону. А ведь муравей — божья тварь!

— Божья, — согласился я. — Муравьи и пчелы — Божьи дети... хотя муравьи порой грабят пчел без жалости. Впрочем, люди тоже вроде бы Божьи дети... по большей части. Конечно, нет добра без зла, щепка бьет по безвинным грибам, но... с другой стороны, муравей всегда может подрываться под эту магическую стену. Что ему стоит сделать небольшой туннель?

Глаза Мемеля расширились, он посмотрел изумленно, покачал головой.

— А в самом деле! Как я не подумал!

Его удивление показалось чрезмерным, как и радость от разрешения такой жизненно важной для нас загадки, как муравью доставить гусеницу за пределы защитного круга. В конце концов, даже если и бросит добычу, муравейник никак не умрет с голоду, там таких кормильцев тысячи.

Луна, опускаясь к краю земли, разбухла, как гигантская пиявка, из бледной стала зловеще красной и огромной, как Юпитер, видимый с Ганимеда. Даже пятна на ней кажутся залитыми дымящейся кровью, а когда она плыла через тучи, я отчетливо видел, как встречным

ветром срывает с нее мельчайшие красные капельки, что вытянулись хвостом, как у начинающей разогреваться кометы.

Плотный туман прижимался к земле, как из засыпанной снегом равнины, торчали не только верхушки деревьев, но даже высокие кусты. Мне постоянно чудилось, что снова в нашу сторону приближаются ледяные всадники, на этот раз погруженные в молочный кисель, в такой же мутный и сбивающийся в комя. Под кровавым лунным светом он обрел нехороший оттенок, тревожно сжимается сердце и начинают шевелиться волосы на загривке.

Сырой холод начал пробираться под одежду, я запахнулся поплотнее, съежился. Высокое пламя костра медленно опускалось, между крупными пурпурными углями, сохраняющими очертания толстых поленьев, остались оранжевые огоньки, готовые взметнуться гудящим пламенем, едва кто-то бросит кучу хвороста.

Кадфаэль сидел у самого костра, с книгой на коленях. Я видел, как глаза бегают по строчкам, но хоть губами не шевелит, что значит читает быстро, а здесь и старые священники разбирают печатные буквы по складам, а рукописные вообще не понимают.

В темноте, окружающей лагерь, время от времени слышатся глухие удары, писк, птичий клекот, невнятные звуки, которые я назвал бы зачатками речи.

Швырнул в огонь пару веток, хворост надо экономить, видел, как у защитного круга толпятся тени. Странные звери бросаются на незримый барьер, пытаются грызть и вонзать зубы, раз уж не удастся прорваться с разгону...

Кони довольно мирно жуют овес из сумок, так устали, что уже ничего не страшатся. Мой Зайчик лег невдалеке, я всякий раз, когда оглядываюсь, вижу устремленный на меня взгляд больших коричневых глаз.

Пес сперва попробовал заснуть у Зайчика под мордой, но потом передумал и пришел ко мне, бухнулся рядом, прижался горячим боком, я похлопал по лобастой башке, и он заснул, ошастливленный.

Даже обыкновенные летучие мыши, ударяясь о преграду, не пытаются проникнуть дальше, их отбрасывает, отшвыривает, и скоро уже ни одна не пытается пролететь над затухающим костром. Впрочем, ночные жуки тоже не летают внутри круга, защитная черта брата Кадфаэля отшвыривает и их.

Он поймал мой взгляд, сказал виновато:

— Это на случай, если придут волки... Говорят, здесь бывают и медведи...

— А что, твоя черта удержит и волка?

Он кивнул, глаза скромно потупил, как бы стесняясь своей мощи, мол, он может, а остальные нет, потому, как истый христианин или интеллигент вроде Чехова, чувствует перед нами вину, как перед калеками.

Эбергард обошел спящих рыцарей, подсел к нам. На усталом лице пролегли глубокие морщины, глаза слабо мерцали.

— А удержит ли барьер Песчаного Червя?

Кадфаэль вздрогнул.

— Удержит... но откуда Червь?

Эбергард сказал мертвым голосом:

— Мне кажется, кто-то из темных монахов сумел подчинить себе это чудовище. Я знаю, они давно пытаются... Есть признаки, что кому-то удалось...

Дилан проговорил тревожным голосом:

— Но они ведь живут в глубоких норах! И не поднимаются на поверхность!

— Расхитители древних могил, — сказал я, — обнаружили скелет мамонта на глубине тридцати метров. Это еще раз доказывает, что мамонты жили в норах.

Эбергард поморщился.

— Я понимаю вас, сэр Ричард. Представьте себе, понимаю. Однако же Червь в самом деле неуязвим. По крайней мере нет данных, что кому-то удалось убить Червя. Никто не видел мертвого Червя, не видели даже костей...

— Если Червь в самом деле червь, — заметил я, — то у него не может быть скелета. Я думаю, нам ничего другого не остается, как ждать и положиться на волю Господа.

В глазах Эбергарда появился насмешливый огонек.

— Вы в самом деле такой... верующий? В самом ли деле Господь всемогущ?

— Всемогущ, — подтвердил я серьезно. — Но черти расторопнее.

— Гм, — сказал он в затруднении. — Сейчас вы кажетесь таким твердолобым верующим, но я что-то не видел, чтобы вы вообще молились! Даже крестились.

— Я всегда держу слово, — объяснил я снисходительно, — когда имею дело с людьми, и не всегда — если с Богом. Бог способен прощать.

Он покачал головой, но ответить не успел, ахнул, глаза уставились поверх моей головы. Ладонь звучно шлепала по земле, отыскивая меч. Я оглянулся, оцепенел. В половину неба над нами висит исполинское лицо, звезды просвечивают насквозь, но как-то тускло, едва-едва, и только две горят нещадным блеском, вроде бы даже ярче обычного: в глазах этого мага. Что маг, я ни секунды не сомневался: лицо дьявольски умное, злое, циничное, всматривается в нас с интересом исследователя, которому попались любопытные насекомые.

Брат Кадфаэль торопливо начал во весь голос новую молитву, я ощутил, как с каждым словом тяжесть с груди спадает, но само лицо не исчезло, напротив, как бы овеществилось еще и еще, звезды уже не просвечивают, хотя седая борода истончается в ночи, кончики седых

усов тоже размыты, но лицо почти настоящее, и если маг просто дунет в нашу сторону...

Озноб пробежал между лопаток, Эбергард наконец обнажил меч и встал, дрожа и явно чувствуя себя глупо и страшно беспомощным. Рядом поднялся с обнаженным мечом Смит, усы воинственно встопорщились.

Я собрался с силами, сказал громко:

— Это не совсем вежливо вот так подсматривать. Нарушение прав личности!.. Если хочешь, приходи в своем облике. У нас найдется, о чем поговорить.

Сэр Смит нервно оглянулся.

— Сэр Ричард, о чем вы говорите? Это же злой колдун!

— Пока вина не доказана, — возразил я, — надо считаться с презумпцией. Я тоже считаю, что Ламброзо прав, но надо считаться и с гуманитарным мнением сексуальных женских меньшинств...

Брат Кадфаэль на миг поднял взгляд от книги и укоризненно покачал головой. Я сказал твердо:

— Я здесь это самое... его светлость! И если приглашаю к костру, то гарантирую неприкосновенность личности и безопасность в пределах гаагских... или же-невских?.. да какая на хрен разница, кому нужны эти точности, в общем — не тронем.

Колдун не ответил, даже не моргнул, но я чувствовал, что услышал и все понял. На высоком темном лбу морщины как горизонтальные, так и крутые заломы бровей, что придают лицу мефистофельское выражение, длинный нависающий над губами нос, носы ведь растут всю жизнь, потому у стариков носы всегда длиннее, чем были в молодости, глаза в темных пещерах, запавшие, однако яркие, наполненные умом и силой.

Я сказал снова с величавой надменностью лорда:

— Словом, приглашение остается в силе.

Сквозь лицо медленно проступили тусклые звезды, а лицо начало терять вещественность, исчезли резкие

морщины, расплылись контуры. Дольше всех продержались глаза, они сверкали, как звезды, и, даже когда брат Кадфаэль закончил читать на звонкой ноте и сказал твердое «аминь», мне чудилось, что колдун все еще наблюдает за нами.

Кадфаэль все понял, покачал головой.

— Там только звезды, — сказал он мягко. — Нечестивец застал врасплох, применив новое заклятие, но с Божьей помощью и верой в сердцах мы одолели и развеяли наваждение.

Сэр Смит спросил настороженно:

— А что он увидел?.. Когда мы были в Аланском походе, на какие только уловки ни пускались, чтобы узнать, где противник, сколько его, где заставы и часовые, как расположен лагерь...

Кадфаэль кивнул.

— Да, этот нечестивец явно передаст тем, кто идет по нашему следу, все, что увидел.

— А что он видел? — спросил сэр Смит. — Сколько нас, сколько коней, одного монаха... Ах да, наверняка запомнил, что наша стоянка ограждена святым заклятием... Думаешь, эту черту в самом деле никто не переступит?

Брат Кадфаэль ответил с едва заметным оттенком гордыни:

— Нечисть — никогда!

— А люди? — спросил сэр Смит коварно.

Брат Кадфаэль вздохнул.

— Все люди — дети Господа Бога. Потому им везде доступ. К сожалению, среди людей нельзя провести четкую линию, кто хорош, а кто плох.

— Почему?

— Потому что черта эта постоянно сдвигается, — ответил брат Кадфаэль с некоторым горестным недоумением. — То в одну сторону, то в другую. Иногда поднимается и опускается... Иногда вообще какая-то раз-

мытая! А вот с нежитью просто: всякая — зло. Ее надлежит уничтожать любую.

Я сказал с нетерпением:

— Значит, будем ждать пока что нечисти. Вряд ли преследователи могут двигаться так же быстро, как и мы. А вот нежить...

Смит подумал, ушел в своему коню. Мы видели, как долго возился с переметными сумами, а когда вернулся, прижимая что-то в мешке к груди, лицо было донельзя смущенное.

— Вот, — произнес он с неловкостью, — собирался только на Юге... Но, похоже, для последнего боя... придется.

Он запустил руки в мешок, мы увидели сперва хлынувший чистый оранжевый свет, затем настоящее чудо в руках сэра Смита: золотой шлем императорской гвардии.

Все собрались в круг, Смит бережно поставил свое сокровище на валун, что, оказывается, совсем не серый — заиграл мелкими вкраплениями зеленых, синих и коричневых стеклышек, из-за чего стал просматриваться в глубину, а сам шлем лучится, как горящая свеча.

Эбергард первым нарушил благоговейное молчание:

— Вы обращаетесь с ним, как с яйцом перепелки. Но, по слухам, такой шлем простыми мечами даже не поцарапать. Да и вообще... ничем не поцарапать, не пробить.

У Дилана вырвалось:

— Я бы не стал пробовать! Такая красота!

Эбергард буркнул:

— А не важнее сохранить жизнь и выполнить задание государя? Сэр Смит, вы позволите?

Было видно, как Смиуту хочется не позволить, но лишь вздохнул и кивнул.

— Да, граф. Конечно, граф. К вашим услугам, граф. Все, что угодно, граф...

Эбергард вытащил меч, все затаили дыхание, острие коснулось блестящей выпуклости шлема. Мы ожидали легкого стука или хотя бы скрипа, но все тихо. Эбергард легонько ударил по наверху, осмотрел шлем и острие меча, ударил сильнее, а затем размахнулся и нанес тяжелый рубящий удар обеими руками.

Все ахнули, так раскалывают даже стальные панцири. Однако шлем лишь шатнулся и остался невредим. Смит, что дотоле задерживал дыхание, облегченно вздохнул.

Левель сказал азартно:

— А дайте-ка мне!

Он вернулся с огромным топором, клинообразное острие приспособлено именно для пробивания самых толстых панцирей. Смит снова изменился в лице и задержал дыхание.

Удар, звон, топор едва не вылетел из рук Левеля. Шлем покачнулся, но удар нанесен правильно, шлем на камне. Послышался повторяющийся стук костяных шаров, как при азартной игре в бильярд: это все разом бросились смотреть и трескались головами.

Эбергард сказал с прежней бесстрастностью, под поверхностью которой угадывалось море чувств:

— Сэр Смит, в ваших руках настоящее сокровище. Любой шлем разлетелся бы вдрезг... Разве что меч сэра Ричарда нанесет ему ущерб, но все равно сомневаюсь.

Смит посмотрел на меня, я пожал плечами и обнажил меч. Все расступились и задержали дыхание. Первый удар я нанес едва-едва, проверяя на царапины, затем рубанул в треть силы, в полную силу, наконец ударил так, как если бы старался сразить злейшего врага.

Эбергард осмотрел шлем, передал Смиту.

— В ваших руках — сокровище! Смотрите, ни царапины.

Усы Смита встопорщились, как две могучие пики. Сейчас на них могли бы сесть не только синички, но и

вороны. Он оглядел всех победным взором, я тоже улыбался и поздравлял, но намотал себе на ус, что даже мой меч может столкнуться с подобной защитой...

Все-таки провалился в короткий беспокойный сон, тут же пригрезилась темная стена, перегородившая мир. Сперва почудилось, что надвигается ливень, именно таким выглядит издали, когда из низких туч серая стена упирается в землю и вот так ползет, набирая скорость, пока не налетает с грохотом и шумом. Затем я с трепетом в груди ощутил, что стена не серая, а черная, как смола, но только без смоляного блеска, просто надвигающаяся стена темноты. К тому же нет никаких туч, чернота уходит в бесконечность, точно так же она уходит в глубь земли, пронзая ее насквозь.

Возможно, какая-то атомная буря, что зародилась во вселенной, и ее луч, шириной во много парсеков, задел этот край Галактики, но, скорее всего, что-то перемудрили местные земные маги, и вот теперь перед нами все цветет, за нами все горит... А потом горит уже и перед нами...

Черная стена надвинулась со скоростью экспресса. Я ощутил всесжигающий удар, что превратил меня не только в пепел, но и пепел сжег и развеял плазмой. Из груди вырвался вопль, я проснулся с бешено бьющимся сердцем и долго тупо смотрел в звездное небо, где с пронзительными криками носятся огромные твари, в бешеной злобе бросаются вниз, но силовой купол огораживающей молитвы отшвыривает, и они в бессилии сползают во тьму.

Эбергард сидит у костра, обнаженный меч на коленях, со стороны барьера из святой молитвы время от времени рычание, визг, рев, пыхтение.

Я осмотрелся, спросил Эбергарда:

— А где граф Мемель?

Глава 10

Он огляделся, пожал плечами.

— Наверное, отлучился по нужде. Зря, безрассудно выходить за черту.

Я прислушался, сказал негромко:

— А теперь слушайте меня очень внимательно. Все медленно отходим от костра. Тихо, как улитки, и медленно, как... ладно, другие улитки. Без шума вон к тому камню.

Граф Эбергард сказал напряженно:

— Сэр Ричард, мы выйдем за пределы защитного круга!

— Да, — ответил я. — Нам нужно за его пределы.

Он нахмурился.

— Я против. Я не поведу людей на гибель. К тому же Мемель...

— Мемеля ждать не будем, — отрубил я мрачно.

Он впился в меня злыми глазами.

— Почему? Что не договариваете?

— Мемеля ждать не будем, — повторил я как можно бесстрастнее, но твердо. — Если не хотите командовать своими людьми, поведу я. Кажется, догадываюсь, что они там удумали. Вы меня слышали? Все в полной тишине отходим!

Сэр Смит поднялся беспрекословно, обнаженный меч в руке, брат Кадфаэль вообще вскочил, пес проснулся и встал со мной рядом. Мы двинулись к мегалиту, Дилан и рыцари торопливо увели коней, а мы втроем засели за тем широким камнем. Вскоре послышался шорох, рыцари один за одним подходили, садились на землю. Я шепотом велел всем лечь, чтобы их силуэты нельзя было увидеть на звездном фоне, даже пригнувшись к самой земле.

Последним явился граф Эбергард, в лунном свете его лицо выглядело постаревшим, измученным, а склад-

ки на щеках превратились в ущелья. Не глядя в мою сторону, бросил свистящим, как змея, шепотом:

— Не знаю, что вы задумали, сэр Ричард...

В его голосе звучала неприкрытая угроза, я поежился, а вдруг просчитал действия противника неверно, а вдруг переоценил его коварство...

— Если ничем не рискуешь, — проговорил я, вслушиваясь в свои слова, — то рискуешь вдвойне.

Он прорычал:

— Что с Мемелем?

— Давайте предположим, — ответил я, — только предположим!.. что Мемель только что отправился к нашим преследователям. Он скажет, что мы сидим у костра, оградившись святым кругом. И что ни одно из их чудовищ не сумеет прорваться... Но я ему проговорился, глядя на муравья, что можно подрываться...

Эбергард, бледный как полотно, повернул голову в сторону костра, что догорает в полусотне шагов. Спасительная черта, за которую мы вышли, от нас в тридцати шагах. Вокруг все странно умолкло...

Земля вздрогнула, багровые угли внезапно взметнулись. На месте костра с ужасающим ревом поднялось нечто невероятное: исполинский безглазый червь толщиной в ствол столетнего дуба, на конце багровая дыра, в которой легко исчезло бы тело человека. Двигаясь с ужасающей скоростью, червь проглотил остатки костра вместе с нагретой землей, оставив яму, повертел отростком с зияющей пастью, а затем с той же ужасающей стремительностью метнулся в нашу сторону.

Рыцари ахнули, Червь ударился о незримую стену, сотворенную молитвой Кадфаэля. Бескостное тело расплюснулось на миг, он заметался, пытаясь найти выход из ловушки, я наконец сорвал дрожащими руками молот, замахнулся.

— Умри, тварь!

Молот улетел почти неслышно, без привычного шума, или же все заглушают молитвы рыцарей. Червь снова метнулся в нашу сторону, молот ударил его с такой силой, что Червя отбросило к дальней стенке ловушки. Я выставил ладонь, шлепок, новый бросок. Молот снова с легкостью преодолел границу круга, мы слышали треск рвущейся плоти, Червь лишь бешено замотал головой, я поймал молот и швырнул снова.

Рыцари круглыми, как у сов, глазами смотрели, как я ловлю и швыряю молот. Червь в раздражении метался внутри круга, не в силах вырваться, я швырял и швырял, из червя начала сочиться светлая жидкость, если бы у него были кости, давно бы все переломал, но и так уже повредил какие-то нервные сегменты, Червь обезумел, бросается вслепую, но силовой барьер святой молитвы держит, держит...

Я уже начинал думать, что в конце концов забью Червя, как вдруг он начал укорачиваться, через пару мгновений отросток с распахнутой круглой пастью исчез в норе, и только тогда я со страхом понял, что так и не видел Песчаного Червя целиком: из норы он высывался только кончиком!

Настала страшная тишина, никто не решался даже дышать, не то чтобы шевелиться. Я застыл с молотом в одной руке, обнаженный меч в другой. Наконец граф Эбергард вспомнил, что сеньор — он, спросил требовательно:

— Что теперь, сэр Ричард?

Я ответил в затруднении:

— Ждать... только ждать.

Среди рыцарей начались шевеления, вздохи. Тихо звенело оружие и позвякивало железо доспехов. Граф Эбергард проговорил с натугой:

— Приношу свои извинения, сэр Ричард. Я был не прав, не поняв ваш стратегический замысел.

Я отмахнулся.

— Да какой там стратегический... Просто подумал, что если Червь пророемся вот так на тепло костра, то мы и пикнуть не успеем. Вот и решил рискнуть.

Сэр Смит сказал с восторгом:

— Но как вы... Или в вашем королевстве это обычное дело?

— В моем таких Червей нет, — признался я, — но головы на что?.. Однажды в одно мелкое-мелкое королевство под названием Фолкленды вторглось дикое племя аргентинцев, и тогда могучая империя бритов послала против них крылатые... гм... птицы, очень крылатые и очень крупные. Крупнее, чем вот тот обломок скалы! Послали ночью, чтобы захватить врасплох. Те птицы видели костры и с небес бросались туда, чтобы тяжестью задавить сидящих вокруг, а остальных разорвать крепкими клювами... Но варвары, у которых не было такого оружия, оказались хитрее. Они разжигали костры в пустынных местах, да еще и втыкали железные колья. Обманутые птицы били со всей дури в пустые костры, накалывались и погибали зазря...

— Здорово! — воскликнул сэр Смит, блестя глазами. — Но то птицы, а здесь Червь!

Я сказал скромно:

— Принцип тот же. Червь ориентировался по тепловому излучению. Знаете что? Мой седалищный нерв подсказывает, что на сегодня все закончено. Если и намеревались прийти после Червя и посмотреть, осталось ли что после его ужина, то сейчас они... не появятся. Так что давайте ляжем спать...

Сэр Смит воскликнул в ужасе:

— Да я теперь всю жизнь не засну!

— Как хотите, — ответил я. — А мы с Псом ляжем. Правда, Бобик?

Пес преданно повилял хвостом. Я лег и положил го-

лову на его горячий бок. Как ни странно, сон в самом деле пришел, хотя я собирался всего лишь уйти от расспросов.

Восток все светлел, в небе вспыхнули облака, заискрился край земли, выдвинулся огненный горб, по темной земле побежали огненные языки.

Эбергард вздохнул с облегчением.

— Ну, будет чуть легче. Дилан!..

Дилан вскочил первым, глаза горят, на лице отвага.

— Да, монсеньор!

— Возьми людей, — велел Эбергард, — съездите и взгляните... издали. Если там то, что думаем... что ждет сэр Ричард, дайте знать.

Сразу после их отъезда сэр Смит предложил позавтракать, но кусок не лез в горло, все с тревогой ждали вестей. Наконец примчались сияющие Дилан и Мейгард, мы отправились за ними. Брат Кадфаэль первым все понял и забормотал молитву. Яма там вдвое шире, словно разъяренный Червь выметнулся вместе с пластами земли, везде комья желтой слизи, брошенное оружие, смятая палатка с полосой липкой грязи.

Сэр Смит с торжеством притащил смятый и залитый слизью плащ черного монаха, а Левель отыскал чудом уцелевший сапог с частью ноги другого монаха и магический жезл с намертво вцепившейся обугленной рукой. Похоже, жезл раскалился, и Червь не проглотил целиком, а только разорвал монаха и съел. Остальных сожрал вместе с доспехами, мы только по оставленным мечам подсчитали, что преследовали нас сорок человек. Впрочем, многих он проглотил с мечами в руках, так что за нами гналось намного больше, чем сорок.

Последнюю страшную находку бросил на землю Дилан: роскошный плащ Мемеля и обрывок его нагрудной цепи. Потрясенные рыцари поздравляли друг друга,

избавились от такого чудовища, о котором даже в древних книгах почти ни слова, погоня уничтожена вчистую, не уцелели ни темные монахи, ни лучшие из наемников, ни тролли, ни даже хитроумный предатель граф Мемель.

Я вздрогнул, услышав громкий крик. Сэр Смит выхватил меч, все схватились за оружие, однако это граф Эбергард ликующе вскинул руки к небу. Я видел, всегда хладнокровный и сдержанный граф едва удерживается, чтобы не обнять вытянувшегося перед ним Дилана, он хлопнул отечески по плечу Левеля, повернулся и быстрой четкой походкой профессионального военного подошел ко мне.

Лицо графа сияет, глаза блестят, как слюда в рудниках, а замерзшие губы стремятся совсем по-человечески раздвинуться к ушам. Он поднял кулак, на пальцах перстни, один вспыхивает, как пожарная лампочка.

— Сэр Ричард!

— Да, — ответил я настороженно. — Что вас укусило, граф?

— Сэр Ричард, — повторил он незнакомым голосом, — я должен сказать вам... я должен сообщить, что наследник престола, Его светлость сэр Легольс, только что прибыл в столицу, в свой дворец и сейчас уже на престоле, окруженный своими сторонниками!

— Ага, — сказал я тупенько, — это вам колечко сообщило?

— Да, — сказал он все тем же ликующим голосом, — если повелитель на троне, камень в нем светится. Все эти дни кольцо молчало, а сейчас...

Я взглянул на пульсирующий камешек, в самой глубине разгорается и затухает багровая искорка, а умелая огранка усиливает блеск во сто крат.

— Поздравляю, граф.

Он выдохнул с чувством неимоверного облегчения.

— Наша миссия выполнена, сэр Ричард! Хотя, если

честно, я в это не верил. Слишком уж большие силы были брошены, но мы их перемололи... под вашим началом, признаю. Сэр Ричард, позвольте первым поздравить вас с титулом барона... а мы поспешим в свое Пуатть доложить сюзерену о наших деяниях.

Рыцари один за другим обнимались с сэром Смитом и даже с братом Кадфаэлем, салютовали мне, разбирали коней и вскакивали в седла.

— Еще увидимся, — сказал я дежурную фразу, сам понимая, что не в таком огромном мире. — Еще увидимся!

Граф Эбергард взглянул на меня, на пульсирующий огонек в перстне и ответил очень серьезно:

— А ведь в самом деле увидимся, барон.

Сэр Смит приложил руку козырьком к глазам, глядя, как удаляются эти отважные люди, с которыми почти сроднился, вздохнул:

— Жаль...

Он не договорил, почва под ногами едва слышно дрогнула, качнулась взад-вперед, в глубине прокатился гул, затем так же нечто сухо и протяжно щелкнуло. В сотне шагов от нас по земле пробежала черная извилистая трещина. Разлом напомнил лопнувший арбуз, такая же краснота в глубине, но из глубины с шипением выстрелило сизым дымом. Целая стена горячего дыма поднялась к небу, следом взметнулось пламя.

Кадфаэль закричал, как попавший в силки заяц, сэр Смит ругался и тащил застрявший в ножнах меч, глаза его не отрывались от жуткого разлома.

Семь гигантских фигур начали вырастать оттуда, не двигаясь абсолютно, словно их поднимает на невидимой доске, трое в черных плащах до полу и с капюшонами, надвинутыми на лица, четверо... я с превратившимся в льдину сердцем понял, остальные четверо — огры.

Монахи все выше меня ростом, шире, а огры на две головы возвышаются над монахами. К тому же огры на-

столько широки, что на груди каждого можно уложить быка, а руки напоминают стволы столетних дубов.

Монахи посредине, огры по бокам, так они сделали первый шаг из разлома, а следом полезли жуткие красные фигуры, уродливые и чудовищные, некоторые походили на изуродованных намеренно людей, другие же выглядели химерами, слепленными из самых жутких зверей и насекомых.

Один из огров рыкнул, трава полегла, с деревьев облетела листва, ветки затрещали и согнулись, а птицы замертво попадали на землю. Я ухватился за рукоять молота, впервые он показался мне маленьким, почти игрушечным.

Они приближались к нам неспешно; монахи по-прежнему словно плывут над землей, вернее — скользят, будто по льду, а огры тяжело переступают толстыми ногами, обутыми в чудовищно огромные сапоги на толстой подошве.

Я чувствовал на себе устремленные взгляды. В середине надвигающейся семерки исполинская темная фигура в балахоне и с опущенным на глаза капюшоном. Мы все трое вздрогнули от исполненного нечеловеческой силы и властности голоса:

— Все, чужак... больше тебе не прятаться...

Я спросил туповато:

— Чужак?... Я — Легольс, наследник герцогства...

Великан в монашеском балахоне издевательски засмеялся.

— Ты дурачил этих простых людей. Но не нас.

Я сказал быстро:

— Тогда спеши за настоящим, что тебе во мне?

— Ты куда опаснее, — произнес он.

— А чем я опаснее? — спросил я. — Ты ведь самый могучий и наверняка самый знающий!

Лесть должна быть простой и напористой, для тон-

кой еще рано, и черный монах сказал громовым голосом:

— Ты сорвал нам большее... чем ты можешь себе представить!

— Ага, — сказал я. — Но теперь-то к чему все? Сделанное не вернешь. Признай поражение, попробуешь в другой раз.

Толпы демонов обогнули их, как волны опережают могучие корабли, мы чувствовали жар и ярость, я приготовился швырнуть молот, Кадфаэль вскинул руки и выкрикнул чистым, ясным голосом по-латыни. Волна ослепляющего света смела красные фигуры, демоны кричали жестяными голосами, некоторые рассыпались на месте, другие попятились, только темные монахи опустили капюшоны ниже и пошли вперед, да еще огры, остановившись на мгновение, посмотрели на монахов и тоже пошли вперед.

Один из монахов поднял посох и направил прямо в грудь Кадфаэля. Я поспешно швырнул молот, треск, грохот, багровый огонь вырвался из посоха, как рычащий змей, я невольно пригнулся, хотя огонь и так идет поверх наших голов, зато молот смял монаха, как мешок с половой. Его отшвырнуло, однако он каким-то образом удержался на ногах, я успел поймать молот в тот момент, когда монах снова двинулся на меня — уже быстрее.

Оставшиеся двое монахов и все четыре огра упорно ломились сквозь барьер из слепящего света. Кадфаэль кричал, я видел его искаженное от боли и усилий лицо, Смит тоже кричал ему что-то в ухо и поддерживал руки молодого монаха.

Я снова бросил молот, уже во второго монаха. Тот сделал презрительный жест, молот отшвырнуло, он полетел обратно, кувыряясь как-то нелепо, неправильно. Я исхитрился ухватить на лету за ручку, заорал и поспешно разжал пальцы, зашипело горящее мясо.

Раскаленный молот рухнул на землю. Я по-прежнему не видел лица под капюшоном, только ощутил, что он холодно улыбается.

— Вот и конец явившемуся в наш мир...

Они были в трех шагах, огры начали поднимать чудовищные палицы. Я видел злобные ухмылки на безобразных приплюснутых рожах. Страшная ярость захлестнула с такой силой, что в глазах стало красно, я заорал дико, в исступлении:

— Во имя Господа!.. Во имя Господа!.. да повергнет вас, не признавших Его мощь!..

В чистом небе сверкнула широкая в полнеба молния, гром не прокатился, а сухо треснул над головами, но с такой мощью, что я едва не присел, чувствуя себя крохотным и ничтожным перед такими исполинскими силами.

Монахи и огры остановились несколько растерянно, я бросился вперед с яростью человека, которому нечего терять. Острый меч рассек ближайшему монаху грудь, второму я ухитрился отсечь руку, третий начал отступать, я упал. Дубина огра ударила рядом так яростно, что земля застонала, а я откатился и достал третьего монаха острием меча под колени.

Они кричали, я видел, как с их рук срываются зеленые молнии. Брат Кадфаэль тоже кричал и выбрасывал в их направлении растопыренные ладони. Сэр Смит вьюном вертелся между ограми, старался достать их мечом хотя бы по коленям, дубина грохалась о землю, та подпрыгивала, и мы все подпрыгивали.

Я крикнул Кадфаэлю:

— Держи монахов!..

Он вряд ли услышал, зато Смит прокричал, кувыркаясь в пыли:

— А вы... этих... засранцев...

Лишь один из монахов удерживался на ногах, он зажимал широкую рану на боку и пытался обмениваться

молниями с Кадфаэлем. Два других уже скрючились на земле, под ними расплываются красные лужи.

— Спасибо, Тертуллиан, — выкрикнул я, — за твое благословение!

Кровь заливала глаза, я все-таки пропустил чей-то удар, из четырех огров на ногах еще двое. Смит уже рухнул, потеряв меч, шлем с него сбили, великолепный панцирь словно пропущен через камнедробильную машину. Кадфаэль прикрыл его своим телом и громко читал молитву, третий монах со стоном опустил на колени и завалился на бок.

Меня шатало, меч стал тяжелым, как бревно, а оба огра без единой царапины начинают за мной охоту, как за мышью, то и дело грохая по земле дубинами.

Сквозь кровь в глазах я увидел, как вдали в пыльном облачке заблестали искры. Через вечность оттуда вынырнули железные рыцари на огромных грохочущих конях, со скоростью урагана обрушились на огров, как ледяные глыбы, что падали в Каньон Огня.

Эбергард на полном скаку направил копьё в грудь самого крупного, однако тот с быстротой молнии взмахнул лапой, раздался треск, взметнулись щепки. Эбергард успел припасть к конской гриве, когти великана скрежетнули по железу шлема.

Эбергард сразу же развернул коня, великолепная гордая фигура в помятых доспехах, меч блеснул в поднятой руке.

— Ты... опоздал!.. — прокричал он торжествующе. — Наследник престола уже на троне в Пуатье...

Огр проревел:

— Кому нужна мошкарá... Наш враг — Ричард Озерный Меч!

Я наконец подхватил молот, пальцы обожгло так, что болью стегнуло до пят, однако обрушился на череп огра со страшной силой, словно валун на мелкую черепашку. Сухо хрустнуло, огр завалился на спину, раскину-

тые по земле руки заскребли землю. Сэр Смит, откуда и силы взялись, подхватил с земли меч, одним прыжком очутился на груди великана, оружие держит обеими руками острием вниз, словно готовился вбить кол. Острие вошло в шею, как сверкающая сосулька. Фонтан темной крови ударил с силой взрыва.

Смит вскрикнул, меч вытолкнуло мощной струей, Смит с проклятиями скатился, весь забрызганный кровью. Огр взревел, пальцы заскребли по земле, ноги задергались, но вскоре затих, темная струя превратилась в бурунчик, а тот иссяк, оставив темную дыру на месте яремной вены.

— Озерный Меч? — переспросил Дилан, он с мечом в красиво вскинутой руке осматривался, кого бы еще рубить, крушить, повергать.

— Сам слышу впервые, — признался я.

Эбергард смотрел ошалело. Дилан подошел к гигантскому монаху, тоже не человек вовсе, ткнул сапогом в бок.

— Эй ты!.. Кого искали?

Монстр прохрипел:

— Ричарда Травяной Щит...

Он умолк, лапы два раза дернулись, застыл, запавшие глаза неподвижно смотрели в небо. Дилан оглянулся на третьего зверя, я сказал быстро:

— Дилан, успокойся. А то еще как-нибудь меня обзовет...

Эбергард смотрел ошалело.

— Кто вы, — спросил он сдавленным голосом, — кто вы, сэр Ричард?

— Еще не знаю, — ответил я честно. — Когда увидимся в другой раз... может быть, отвечу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

Глава 1	5
Глава 2.	14
Глава 3.	28
Глава 4.	42
Глава 5.	53
Глава 6.	69
Глава 7.	81
Глава 8.	93
Глава 9.	108
Глава 10.	122
Глава 11.	135
Глава 12.	147
Глава 13.	159
Глава 14.	173
Глава 15.	185

ЧАСТЬ 2

Глава 1	201
Глава 2.	212
Глава 3.	223
Глава 4.	235
Глава 5.	251
Глава 6.	261
Глава 7.	272
Глава 8.	283
Глава 9.	297
Глава 10.	311
Глава 11.	323
Глава 12.	333
Глава 13.	345
Глава 14.	353
Глава 15.	366

ЧАСТЬ 3

Глава 1	371
Глава 2.	383
Глава 3.	392
Глава 4.	400
Глава 5.	410
Глава 6.	416
Глава 7.	426
Глава 8.	437
Глава 9.	447
Глава 10.	463

Орловский Гай Юлий
РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — БАРОН

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *А. Стариков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Л. Перовская*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 27.04.2005.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 20,8.
Тираж 35 000 экз. Заказ № 0506320.

Отпечатано
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

СТРАНА
ИГР

Вы первыми узнаете,
во что все будут играть завтра

Журнал «Страна Игр»

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

См

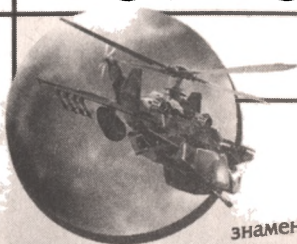

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов –
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре –
«фантастический боевик»!

Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

Издательство «Эксмо» представляет

Клиффорд

САЙМАК

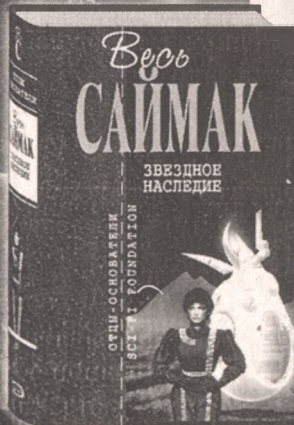
ВС

В СЕРИИ
«ОТЦЫ –
ОСНОВАТЕЛИ»

Клиффорд Саймак –

патриарх научно-фантастического жанра,
один из крупнейших американских фантастов,
автор свыше тридцати романов,
лауреат многочисленных литературных премий,
в том числе и самой престижной
в американской фантастике
премии «Хьюго».

www.eksmo.ru

В серии «Отцы-основатели»
выйдет полное собрание сочинений К.Саймака!

ISBN 5-699-11198-0

9 785699 111985 >

Ричард

Длинные Руки —

барон

